

Гай Юлий
Орловский

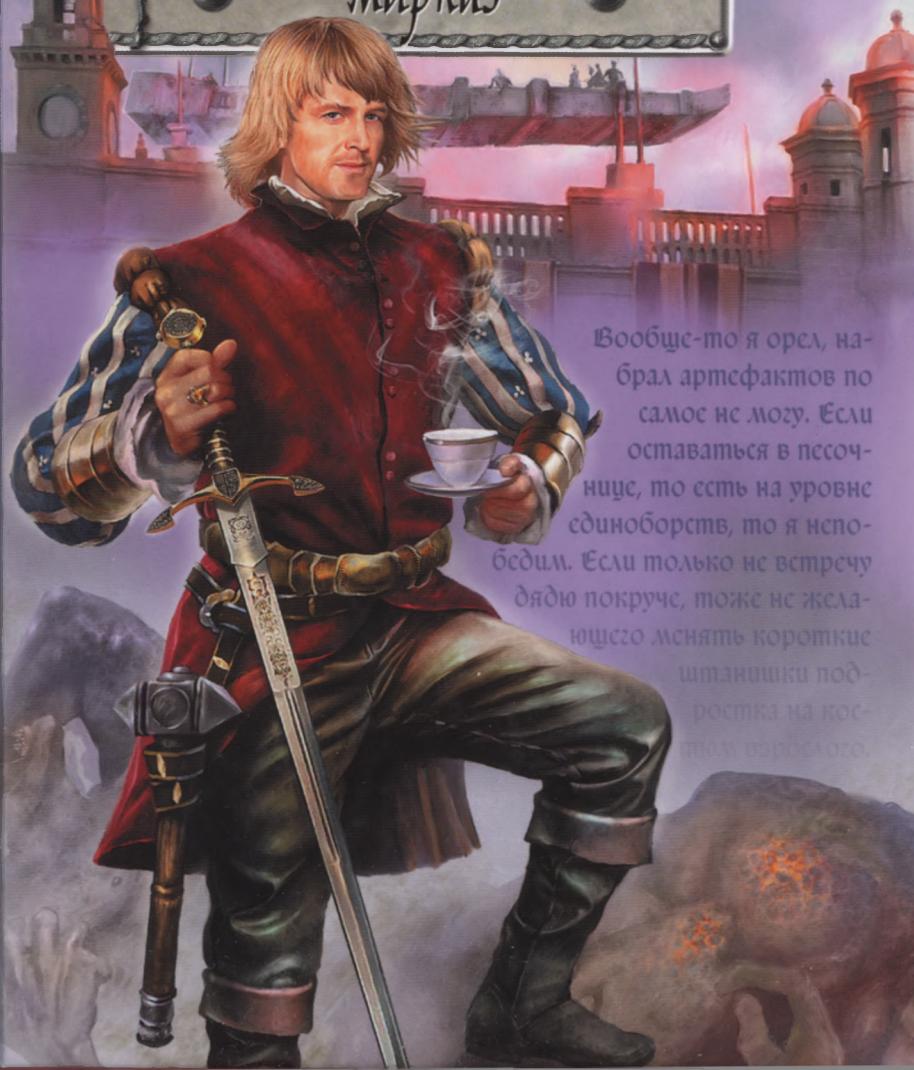
Длинные Руки —
маркиз

Гай Юлий Орловский

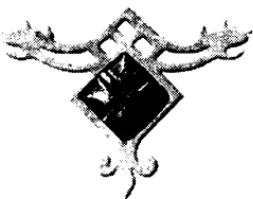
ФицАль

Длинные Руки —
маркиз

Вообще-то я орел, набрал артефактов по самое не могу. Если оставаться в песочнице, то есть на уровне единоборств, то я непобедим. Если только не встречу дядю покруче, тоже не желающего менять короткие штаныши подростка на kostюм взрослого.

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ричард Длинные Руки

Ричард Длинные Руки — боец Господа

Ричард Длинные Руки — паладин Господа

Ричард Длинные Руки — сеньор

Ричард де Амальфи

Ричард Длинные Руки —

властелин трех замков

Ричард Длинные Руки — виконт

Ричард Длинные Руки — барон

Ричард Длинные Руки — ярл

Ричард Длинные Руки — граф

Ричард Длинные Руки — бургграф

Ричард Длинные Руки — ландорд

Ричард Длинные Руки — пфальцграф

Ричард Длинные Руки — оверлорд

Ричард Длинные Руки — коннетабль

Ричард Длинные Руки —
маркиз

Баллады
о Ричарде **Длинные Руки**

Гай Юлий Орловский

Фиц@ль
Длинные Руки —
маркиз

ЭКСМО
Москва, 2008

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *A. Старикова*

Серия основана в 2004 году

О-66 **Орловский Г. Ю.**
 Ричард Длинные Руки — маркиз: Фантастический роман / Г. Ю. Орловский. — М.: Эксмо, 2008. — 416 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 978-5-699-26406-3

Вообще-то я орел, набрал артефактов по самое не могу. Если оставаться в песочнице, то есть на уровне единоборств, то я непобедим или почти непобедим. Если только не встречу дядю покруче, тоже не желающего менять короткие штанишки подростка на костюм взрослого.

Но сейчас я, Ричард Длинные Руки, гроссграф и вообще красавец, на пороге неприятного взросления и всех связанных с этим проблем.

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-26406-3

© Орловский Г. Ю., 2008
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2008

Часть 1

Глава 1

С апоги погружаются в накаленный песок по щиколотку. Жар проникает сквозь толстую кожу и даже двойную подошву с такой мощью, будто иду по горячим углям. Крупная ящерица с жутко разинутой красной пастью метнулась в мою сторону, стремительная, словно оранжевая молния. Нога, обутая в сапог, встретила ее на полдороге. Челюсти рептилии сухо щелкнули, она отлетела в сторону и пристыженно зарылась в подножье бархана.

Рефлексы срабатывают молниеносно, все-таки вижу такую первый раз, но кто ежедневно перебегал дорогу перед транспортом в часы пик, отточил движения и реакции, сам того не замечая. Я подвигал плечами, удобнее устраивая там меч и лук, раздраженно ускорил шаг.

Я понимаю, когда не удается что-то у других, так вообще-то и должно, они ж дураки, но когда не удается мне, это какая-то нелепица, ни в одни ворота не лезет, и понять такое невозможно. Вообще-то несправедливость какая-то.

Я мечтал попасть на Юг, а попал в его тюрьму. И народ здесь мне очень-очень не понравился. Все подлые, все глотки рвут один другому... К счастью, через час-другой перешагну порог двери герцога Луганера и окажусь на свежем морозном воздухе. Здесь день, значит, там выйду ночью, прoberусь неслышно в спальню, а утром изумленная служанка обнаружит меня в постели.

Нет, первым, еще на лестнице, почует Бобик, только бы на радостях не перебудил замок, дурашка.

Очередной оранжевый бархан уплыл в сторону, сердце мое екнуло и сбилось с такта. Загребая сапогами желтый песок, навстречу бредет, сильно хромая, мужчина в странно знакомом костюме. В правой руке длинный меч, непривычно узкий, почти шпага, левой держится за лямку заплечного мешка. Белая рубашка из дорогого полотна запятнана засохшей кровью, а нога, на которую припадает, перехвачена жгутом из веревки.

Сердце стучало все громче и взволнованнее. Красивый, с холеным нежным лицом, богатая мимика: вижу, как кривится, когда наступает на больную ногу — явно не из местных. Более того, попал в Забарье недавно...

Из песка за его спиной выползли два ящера, отряхивались, как куры после дождя. Я снял лук и на всякий случай наложил стрелу. Человек бредет, раскачиваясь из стороны в сторону, ничего не видит, кроме песка перед собой.

— Берегитесь! — крикнул я.

Он начал оглядываться, но ящеры уже заметили добычу и бросились вдогонку. Я рывком натянул тетиву, щелчок, за первой стрелой сорвалась вторая. Ящеры были почти на неизвестном, когда длинные стрелы пробили обоим головы. Второй ящер успел сбить человека с ног, но тот, падая, ухитрился извернуться и насадить ящера на острие меча.

Они баражались, разбрасывая песок, когда я, убрав лук, поспешил к месту схватки. Человек стоял с себя дергающееся тело, перевернулся на спину. Меч в руке в оборонительной позиции, лицо запорошено песком, но встретил меня угрюмым взглядом несломленного человека.

— Во имя Самаэля! Кто вы?

— Местный, — ответил я благожелательно. — И хочу вам помочь.

Он буркнул:

— Вы появились вовремя, сэр...

— Сэр Ричард, — назвался я. — Пустяки, это безобидные зверушки, если убить их первым.

Он криво улыбнулся, протянул мне руку. Я помог ему

встать, ладонь крепкая, сухая и горячая. Я улыбался как можно дружелюбнее, он медленно расслабил мышцы.

— Маркиз де Куртен. Да, если успеть...

Голос его был хриплым, я уловил в нем сдерживаемую боль.

— Вы ранены, — сказал я, — позвольте, я помогу вам?
Он смотрел с недоверием.

— Вы знакомы с врачеванием?

— Да, — подтвердил я. — Вон там каверна, давайте укроемся от зноя.

Он буркнул:

— Тут не только от зноя надо укрываться.

— Рад, что вы это заметили.

— Рады, что меня змея укусила?

— Нет, — сказал я поспешно, — что вы человек осторожный. Не люблю слишком безрассудных. Да они здесь и не живут долго.

Он угрюмо наблюдал, как я в расщелину вошел первым, подставляя для удара спину, затем я услышал сзади шаги. Он забрел тяжело и сразу со вздохом облегчения сполз по стене на землю.

— Слава Самаэлю, хоть переведу дух...

Второй раз ухо царапнуло это странное обращение, но я смолчал, а он, морщась от боли, стянул через голову рубашку. На груди застучали на тонких цепочках два камешка-амулета, а еще один, самый мелкий, почему-то на широкой шелковой ленточке. Я приготовился увидеть страшные раны, от которых человек может умереть прямо на месте, однако на груди белеют едва заметные шрамики. Впечатление такое, что получил эти удары топором год назад.

— Неплохо, — сказал я ошарашенно. — А что с ногой?

Он принялся развязывать узел над коленом, морщился, лицо побледнело.

— С нею похуже, — прохрипел он. — Заклятие Гальса истратил... А это не просто рана. В ней яд...

Стиснув зубы, он оголил ногу, я присвистнул. Голень распорота, как будто от подколенья и до щиколотки взрезали ржавой крестьянской косой. Едва он отбросил жгут, кровь тут же потекла освобожденно, часто-часто капая на землю.

Но и дальше со жгутом нельзя, нога посинела. Еще чуть-чуть — начнется отмирание тканей.

— А почему не подлечили? — спросил я.

Он сказал хрипло:

— Я же сказал, в ногу потом, когда уже израсходовал заклятие... Они догнали меня всемером... Четверых убил, троих искромсал... Не знаю, насколько сильно. Меня прижали к Барьери, я истекал кровью. За Барьером смерть, но так не хотелось, чтобы эти сволочи ликовали, видя мой труп... Чтоб не глумились...

— И вы прошли Барьер, — сказал я взволнованно. — Очень разумно. Здесь, кстати, совсем не обязательно смерть. Я вот родился здесь, живу. И неплохо.

Он смерил меня настороженным и вместе с тем удивленным взглядом.

— На той стороне считают, что здесь что-то выжженное и ядовитое... но полное сокровищ.

Я наложил руки, сосредоточился. Холод ощущался едва-едва, то ли рана пустяковая, то ли я уже так силен, маркиз удивленно охнул, быстро перевел взгляд на раненую ногу. Рана закрывается на глазах, кровь перестала течь, а пролитая быстро высыхает и осыпается неопрятными коричневыми струпьями.

— Великий Самаэль! — вскрикнул он потрясенно. — Вы не отдали мне свое заклятие?.. Хотя нет, передать нельзя...

— Все хорошо, — успокоил я. — Я могу раз в месяц так вот излечивать. А потом снова коплю силы...

— Вы счастливый человек, — сказал он. — Мне говорили, что здесь столько чудес... а теперь я сам их вижу... Еще бы яд убрать... Гадюка впилась мелкая, но пестрая, такие всегда ядовитые. Говорят, с их ядом даже маги неправляются...

Я сочувствующе кривился, сам тревожно думал, что Сатана, похоже, прав насчет его власти на Юге. Просто я не думал, что все настолько серьезно. Или так далеко зашло. Хотя, возможно, это просто возглас, как мы говорим «О Господи!», но, возможно, это не только возглас...

Без рубашки, он лежал в расслабленной позе, отдыхая. Я старался рассматривать его не слишком уж вупор, но рассматривал. Обнаженный до пояса, он казался даже не грече-

ской скульптурой, с чем обычно любят сравнивать хорошо сложенных мужчин, а бодибилдером, рядом с которым по-тускнеет любая статуя античного силача.

Длинный меч в красивых ножнах с золотыми нашлепками отцепил от пояса и положил рядом, но два ножа остались под рукой. Рукояти длинные, даже моей широкой ладони не покажется тесно. Ножны тоже сделаны с великим тщанием, украшены золотыми нитями, но я больше присматривался к его поясу: похож на мой, однако кольца составлены из крупных чешуек неведомого зверя. Сколько я ни присматривался, удалось только понять, что чешуйки сцеплены не системой хитрых крючков, а простым наложением одна на другую. Сейчас составлены так, что закрывает почти половину предыдущей, а если, к примеру, ему понадобится распустить пояс за праздничным столом, ему нужно всего лишь отодвинуть две-три чешуйки ближе к краям.

Штаны сшиты настолько умело, словно поработал дизайнер, тем более что ткань тоже показалась достаточно необычной. Я сперва заподозрил, что где-то раскопали склад или хотя бы квартиру, сохранившуюся от предыдущей эпохи, но наступил себе на горло и напомнил, что такое слишком маловероятно, зато увидеть выделанную вещь из шкуры дракона, василиска или горгульи — запросто.

Я покрутил головой.

— Маркиз, вы герой... Одним махом семерых побиваю? Круто.

Он поморщился.

— Думаете, вру?.. Нет... Когда понял, что там не жить, всю наличность бросил в амулеты. И все до одного истратил. Последние два — в этой схватке.

Он со вздохом пошарил по груди, пальцы наткнулись на блестящие камешки на цепочках. Я с беспокойством смотрел, как он сорвал один и бросил в огонь, с такой же злостью рванул второй.

— Маркиз, зачем?

— Одноразовые, — прохрипел он. — Иногда мне кажется, проклятые маги нарочито делают все на один раз... Иначе кто бы в них нуждался?.. Багеры и без них возят по всем королевствам, андагрэйлы дают жратву и металл...

Второй амулет выскользнул из пальцев и упал у его ног. Я подобрал и под взглядом маркиза тоже бросил в огонь. Вспыхнуло, огонь несколько минут горел жарче. Губы маркиза искривила насмешливая улыбка. Хоть так получить пользу от разряженного талисмана.

Шелковая ленточка осталась. То ли маркиз совсем обесциел, то ли забыл про последний талисман. Но, похоже, разряжен и этот, иначе маркиз не ковылял бы на раненой ноге.

Он закрыл глаза, то ли отдохная, то ли заснул, я быстро укладывал в черепе полученную информацию. Маги по ту сторону Барьера, значит, умеют создавать и создают различные одноразовые амулеты. Еще могут накладывать заклятия полной регенерации, но тоже одноразовые. Видимо, чтобы снова запастись таким свойством на опасные времена, нужно явиться к магам и заплатить... Зато, если судить по маркизу, даже смертельно раненный, произнеся кодовое слово, исцеляется мгновенно.

У меня регенерация без таких ограничений, но так как о человеке нужно думать хорошо, а думаем все-таки так, как эти сволочи заслуживают, я решил, что маги просто не хотят упускать из рук источник влияния. Или, что для меня более лестно, у меня совсем другой, более высокий принцип действия. Стыдно о таком говорить, это как бы сознаться, что отличник и хожу в наглаженной рубашке, в то время как все стараемся выглядеть лихими, бесшабашными, плюющими на законы и наставления родителей и дебилов-педагогов.

Я сосредоточился, в моих ладонях возникла простая глиняная чашка. Маркиз дернулся носом, красные воспаленные веки поднялись. Некоторое время старался понять, что за странный дразнящий запах коснулся его ноздрей.

Я протянул ему чашку.

— Не хотите попробовать?

— Что это? — спросил он с недоверием.

Я сотворил вторую, он напряженно смотрел, как я жадно отхлебнул густой темный напиток. Глаза расширились в великом удивлении.

— Вы что же... маг?

— Нет-нет, — успокоил я, — как можно! Я гроссграф, если уж откровенно. Для краткости — граф. Я скромный.

— Но... — прошептал он, — вы сотворили это...

— И что? — удивился я. — Прекрасный напиток!

Он нерешительно отхлебнул, прислушался, улыбка пребежала по бледным губам.

— Даже боль затихла... Граф, но я не понимаю... Если вы не маг, то как это делаете? Где ваш талисман?

Я удивился:

— А почему нет? Если хочется? Ничего позорного в такой полезной магии.

Он смотрел пристально, в покрасневших глазах таилось странное выражение.

— Да, здесь другой мир... Вы вот обиделись, что я вас принял за мага... А ведь миром по ту сторону Барьера правят именно маги! Даже короли перед ними — пыль, прах... Всяк хотел бы стать магом.

Он умолк, закрыл глаза и стиснул челюсти, пережиная приступ острой боли.

— Не умирайте, маркиз, — попросил я. — Ну, не умирайте, а?.. Я только-только встретил человека, о котором мечтал так долго, и тут вы копыта решили отбросить! Это несправедливо.

Он хмуро улыбнулся.

— Вся жизнь несправедлива. Зато я уже сегодня узнаю, как выглядит ад.

— Не торопитесь, — попросил я, — без вас не начнут.

Он дерзко ухмыльнулся.

— А я и сам хочу туда, а не в рай. В аду смогу наслаждаться обществом королей и герцогов, тогда как рай населен одними нищими, простолюдинами и убогими.

Он поморщился, я видел по его лицу, что боль потихоньку возвращается. Его пальцы массировали ногу, кожа медленно принимает синюшный оттенок. Перехватил мой сочувствующий взгляд, поморщился сильнее.

— Я слыхал, иногда яд удается пересилить... Даже когда лекарства нет, можно самому... Черт, как больно!

— Маркиз, — попросил я, — расскажите о вашем королевстве! Это вас отвлечет малость.

Он отмахнулся.

— Да ничего особенного. Мало того, что на краю света, так еще и владения моего отца дыра дырой!.. Только леса и горы, да несколько дёревенек. Крестьяне совсем животные, даже молодые девки... Я чувствовал, что занимаюсь с ними скотоложеством. А тут еще капризы моего родителя, придири-ки братьев... Задрался я со старшим, очень уж сволочь редко-стная, слово за слово, схватились за мечи... Может, он лучше управлялся с хозяйством, но с оружием — дурак дураком. Я не думал, что не отобьет простейший удар в бок. Я хотел только наказать дурака, а он сам напоролся... Ну, пока несли в замок, подрыгал ногой и язык высунул. Я не стал ждать, что мне скажут, вскочил на коня и погнал так, что ветер в ушах... Три дня прятался по лесам, потом вышел на дорогу и с того времени вот все иду и иду.

— Благородно, — восхитился я. — Как я вам завидую, маркиз! А я вот прямо из медвежьего угла своих родителей. Всё так много повидали...

Он сказал почти самодовольно:

— Много, не спорю. Хотя на самом деле мир не так разнообразен, как я ожидал. К тому же два королевства пришлось обойти, закрыты сволочными магами... Правда, еще три я видел только с воздуха, багер прошел над ними, не останавливаясь, жаль... К тому же все на такой высоте, что видел только крыши домов и дворцов, а людей не рассмотрел... Зато королевство Эйхсфельда, республику Каринтии и Конклав Железных Герцогов я прошел где пешком, где на коне, а сюда добрался вообще по реке... Дурак, мне слишком везло, почему и решился бежать от погони через Барьер...

— Снова дуэль? — спросил я с сильно бьющимся сердцем.

Он скривился.

— Какая дуэль... Это с благородными еще так-сяк, а когда видишь подлый народ, то просто берешь то, что тебе надо. Если кто недоволен — того в рыло!.. Кто ж знал, что у одного из хамов окажется зачарованный кафтан! Сволочь еще и других прикрыл...

— И как вы избежали? — спросил я, уже догадываясь.

Он поморщился.

— Как?.. Шутите? Они из арбалетов в спину, а когда уви-дели, что мой конь тоже истекает кровью, то вообще... Конь пал в десяти шагах от Барьера. Меня эти сволочи убили бы на месте, разве что сперва содрали шкуру с живого или по частям обрубывали руки и ноги... Мне ничего не оставалось, как подняться — и к Барьери! Как завыли, когда поняли, что добыча ускользает! Пытались перехватить, но я успел... И хоть теперь сдохну, но буду ликовать, что эти сволочи ме-ня не достали... Надеюсь, тоже сдохнут. Я ж говорю, из семе-ых четверых уложил, а троих хорошо так...

Я сказал задумчиво:

— И все-таки вас прижали именно к Барьери...

Он огрызнулся:

— Случайность!

— Да, конечно, — согласился я поспешно. — И вы, ко-нечно же, предпочли уйти через Барьер, только бы не дать врагам попинать ваш труп... Вы боец, маркиз!

Он пробурчал:

— Да, я не даю врагу радоваться.

Ночь опустилась в долину, я создал шарик света и послал к своду пещерки. Маркиз вздрогнул, во взгляде снова появилось опасение, хотя чего страшиться тяжелораненому. Я сде-лал еще кофе, извинился, что из еды ничего, но могу выйти и подстрелить что-нить.

— Нет-нет, — запротестовал он, — ради меня не утруждайтесь. А как вы?

— Да я местный, — ответил я. — Мне проще...

Он не стал выяснять, почему местному голодать проще, стискивал зубы, на лбу выступила испарина.

— Подлецы, — процедил он. — Лучше бы эта гадюка их покусала... Какая несправедливость! Вместо гибели по эту сторону Барьера найти помошь... и все-таки не уберечься!

— Вы сказали, — проговорил я осторожно, — что по ту сторону Барьера правят маги... Но как это можно?

Он скривился.

— У кого сила — тот и правит. Маги — это те, кто раньше других нахапал вешей Древних и научился ими пользоваться.

А еще ввели во всех королевствах смертную казнь за утаивание вещей Древних. Все, что найдено, надлежит сдавать магам. Маги в свою очередь сдают старшему магу, а он либо сам пытается решить загадку старой вещи, либо поручает младшим магам, работающим на него.

Я спросил тихо:

— И что... сдают?

Он кивнул.

— Обычно да. Иногда некоторые смельчаки пытаются тайком научиться пользоваться, чтобы тоже стать магами. Не получается, а маги находят и казнят самыми жуткими способами, чтобы другим неповадно.

Я хмуро подумал, как бы порадовались наши маги, узнав, что на Юге их собратья правят всем континентом, как своим двором! Маркиз де Куртен, иногда умолкая, чтобы переждать боль, рассказывал, что никто не знает, как живут маги. Одни уверены, что все маги — нелюдимы, живут в башнях и никогда не покидают их. Другие уверены, что маги не только воюют один с другим, но объединяются в союзы. Это возможно, двое слабых магов в состоянии, соединив усилия, свергнуть сильного. Правда, на пути объединения стоит извечная подозрительность магов: как это довериться чужаку, который сразу может все забрать, а тебя убить?

Пока он говорил, боль как будто отпускала или хотя бы не так вгрызалась в его тело. А еще мне почудилось, что он слишком горячится, когда говорит о магах, словно в этом есть что-то глубоко личное.

Глава 2

От кофе ему становилось легче, скоро в пещерке все пропиталось крепким душистым ароматом. Я время от времени вкладывал в его ладонь чашку, и маркиз жадно глотал коричневый напиток, уже не спрашивая, как мне удается творить такое без всяких амулетов.

Я тихохонько расспрашивал о Юге, чувствуя себя свиньей, человеку же паршиво, маркиз отвечал все тише, с усилием, умолкал уже надолго.

Когда ночь пошла на вторую половину, он вдруг заговорил быстро и лихорадочно:

— Сэр Ричард, мои силы на исходе. Я не дотяну до рассвета.

— Крепитесь, маркиз, — только и сказал я беспомощно.

Он прошептал хрипло:

— Нет, я больше не могу держаться... У меня просьба к вам, сэр Ричард.

— Слушаю, — ответил я настороженно, очень уж не люблю эти просьбы умирающих, есть опыт, — если в моих силах...

— Надеюсь, — ответил он. — Вот возьмите мой перстень... Черт, не снимается!.. Помогите... Видите, какой красавец! Фамильный. Если случится побывать в королевстве Танкмарии, там есть маркизат Остфалия. Я, увы, младший сын. Знаете, что это значит... но там ждали моего возвращения... Передайте это кольцо леди Герберге. А если она уже замужем, то... моему отцу. Или братьям.

Я проговорил с невовкостью:

— Крепитесь, маркиз...

— Понимаю, — прошептал он, — вы уверены, что отсюда не выбраться... но у вас есть шанс.

Сердце мое учащенно забилось.

— Какой?

— Я должен был проверить один способ, — проговорил он, словно в бреду. — У меня остался один талисман... Особый. Над ним работали очень долго. Он позволит вам подняться в воздух... Нам стало известно, что утром Барьер сверху на некоторое время исчезает...

— Что толку, — возразил я, хотя сердце стучало учащенно, уже поверило, дурное, — стены отвесные... Да и не залезть по ним. Пробовал!

На его лице пропало слабое подобие улыбки.

— Прекрасно... Значит, вы пытались... Эта попытка будет успешнее... Надеюсь. Мы над этим много работали... Вот возьмите...

Его рука пошарила по груди, я торопливо подсунул под ищущие пальцы последний талисман. Рука его застыла, едва прикоснувшись к этому невзрачному камешку.

- Все, — услышал я вздох, — снимите сами...
- Как эта штука работает? — спросил я, глядя в его застывшее лицо.
- Сжать в кулаке... — донесся слабый шепот. — Не забудьте... надеть ленточку... на руку...

Последние слова я скорее додумал, чем услыхал, даже усомнился, что правильно понял, талисманы все-таки носят на шеях, на груди, как вот у него, но маркиз откинул голову, глаза застыли. Я выждал некоторое время, пощупал пульс, провел ладонью по лицу, надвигая верхние веки на глазные яблоки.

В пещеру заглянул первый лучик слабого рассвета, а я сидел неподвижно возле остывающего тела. Может показаться слишком большой случайностью, что вот мне так сразу попался способ выбраться из этой тюрьмы. На самом же деле благоприятные случаи всем попадаются ежедневно и ежечасно, но одни в упор не видим, другие не хотим видеть, третьи чего-то требуют взамен, а нам хочется халявой золоторыбковости или алладдиноджинности.

Это как раз из тех, неуместных. Уже предвкушаю свежесть морозного воздуха, слышу хруст снега под подошвами, там все легко и понятно, вассалы верны, женщины — преданны, а тут на тебе — соблазн!.. Или — возможность?.. Или все-таки соблазн, на который нужно махнуть передней конечностью и твердо идти к намеченной цели? Мне ее не какой-нибудь дурак наметил, а я сам, умнее которого быть не может по определению!

Талисман оказался сгустком смолы на веревочке, твердым, как уголь, с таким же антрацитовым сколом. Я взвесил на ладони, все еще не зная, настолько ли я дурак, что воспользуюсь, или же хватит ума вот прямо щас вернуться в Армландию, где ждут великие, конечно же, дела. И хотя там пока что зима и мир спит под снегом, но дела, бесспорно, все равно великие. Все, что я ни делаю, великое... А что не делаю, так, ерунда, не стоит обращать внимания.

Я вышел из расщелины, оглянулся в запоздалом сомнении: не похоронить ли маркиза по-христиански, но, если че-

стно, ему уже все равно, все эти обряды нужны не мертвым, а живым. И тоже понятно, для чего. Я же крепко стою на ногах, мне костили не требуются.

— Спасибо, маркиз, — сказал я тихо. — Будет возможность, обязательно передам твоему отцу это кольцо. Ты бы одобрил такой жест больше, чем торжественное погребение с литургией, песнопениями и шаманскими плясками.

Пальцы мои медленно сжимались в кулак, все сильнее стискивая амулет. Я все еще колебался, все еще знал, даже твердо знал, что мне надо в Армландию, я и так исчерпал лимит удачи, но пальцы сдавили волшебную смолу, она стала разогреваться, увеличилась в объеме.

Я разжал кулак, смола разбухает, уже с кочан капусты, с арбуз, с автомобильное колесо... Тяжелее не стало, что хорошо, сердце трепещет от недоброго предчувствия, уже угадало принцип действия. Шар закачался на ладони, совсем невесомый, медленно-медленно приподнялся, не касаясь руки, начал потихоньку подниматься, продолжая увеличиваться в размере.

Веревочка на моей кисти тоже увеличивалась, превращаясь в широкую ленту.

— Ага, — сказал я дрожащим голосом, — понял, понял, не дурак...

Пока вверх не потянуло достаточно сильно, я обмотал лентой руку несколько раз, так надежнее. Еще не верил до конца, и что это сработает, и что влез в такую авантюру, я же не талиб, я ценю человеческую жизнь, а человеческая — в первую очередь это моя.

Шар раздувало, лента все сильнее тянула вверх. Я запоздало подумал, что неплохо бы попробовать растянуть и обвязаться вокруг пояса, а то висеть на одной руке стремно... Правда, привязанным, а не уцепившись слабеющими пальцами, как герои боевиков, что могут висеть, ухватившись одной рукой за салазки летящего вертолета, да еще и полчаса драться с висящим рядом противником.

Над головой качается громадный мешок, тянет сильно, я присел, заставляя его снизиться, а когда он нехотя подчинился, я выждал, сколько смог, и, распрямившись, прыгнул вверх. Шар освобожденно рванулся в небо. Через мгновение

за руку дернуло. Мне показалось, что останавливаемся, однако движение возобновилось, сперва черепашье, потом все увереннее и увереннее.

Я со страхом посматривал на небо. Маркиз ошибся с днем, никакой голубизны, а все та же зловещая багровая краснота, что сжигает даже скалы, по которым скользит. Я забарахтался, мелькнула мысль обрезать веревку, но посмотрел вниз, в глазах потемнело.

Если брякнуться с такой высоты, никакая регенерация не соберет мои разлетевшиеся ошметки. Но лучше ли сгореть в этому аду, где камни превращаются в воск и сползают красивыми такими наплывами...

Я брыкался, вертелся, как жук на ниточке, не соображал, что делать, но никто не видит, себе не стыдно показать, что вообще-то я общечеловек и трушу, как самая пугливая свинья при виде бойни. Меня несло в эту пугающую красоту, я сжался и вдруг сообразил, что жуткое стадо багровых туч не мчится, как экспресс... это вообще не облака, а красное зарево восхода!

Небо из ярко-багрового с быстро бегущими бесконечно тучами, что и не тучи вовсе, давно превратилось в безмятежно-синее. Сердце всхлипывает от облегчения, я жадно хватал раскрытой пастью воздух, как Робин Гуд, с горла которого сняли петлю. Барьер медленно опускается, я уже видел верхний край, и едва тот опустился на уровень моих глаз, открылась широкая панорама ужасающее прекрасного мира.

Дрожь пробежала по моему телу. Зеленая равнина, группы деревьев, два небольших озера, видны крохотные домишкы, села вроде бы зажиточные, есть даже кирпичные дома... А почти на горизонте возвышается прекрасный дворец, даже комплекс дворцов, слитый в одно целое, устремленный ввысь, украшенный множеством ажурных башенок, с висячими мостиками, трепещущими на ветру флагами на остриях башен.

Сердце мое захлебывалось от радости. Это не суровый замок, это вообще из мира, когда в замках отпала необходимость, и люди начали строить здания не для того, чтобы в них отсиживаться от натиска врагов, а чтобы жить мирно и счастливо.

Стена Барьера осталась далеко внизу, я трепетал, что маркиз и его люди не все предусмотрели, ветра нет, однако стена внизу постепенно смещается, воздушные потоки медленно сдвигают меня со всем слоем воздуха в сторону. Хуже другое, шар все еще продолжает подниматься...

Я всматривался в землю до рези в глазах, стараясь побыстрее понять, что тут и как. Нет, земля не удаляется, но и не приближается вроде бы. Меня несет на большой высоте, рука уже начала неметь...

Ура, прости, маркиз. Умелцы маги сумели сработать амулет, который превратился в шар Монгольфье, а затем, когда воздух остыл, начал снижаться. За это время ветер как раз вынес меня за пределы Барьерного Кольца. Все просто, как все гениальное, и эта простота сработала тоже гениально.

Не вижу церкви, мелькнула мысль. Ни одной церкви, даже церквушки... Вон деревня, а вон еще богаче и зажиточнее. Обычно самое красивое и самое высокое здание в любом селе и любом городе — церковь...

Снизу донесся крик:

— Вот он!.. Я ж говорил!

Я дернулся, закрутился на веревке. Внизу на бешено вertiaющейся земле лежат трое мужчин. Двое приподнялись на локтях, третий рывком оказался на ногах и подхватил с земли арбалет. Я торопливо выдернул из пояса патрон, но меня крутит и поворачивает, затем услышал над головой треск разрываемой ткани и свист покидаемого шар воздуха.

Снизу донесся довольный вопль. Сердце мое замерло, земля начала приближаться слишком быстро. Я напрягся, выставил ноги чуть согнутыми, чтобы не сломать, но земля ударила с такой силой, что я рухнул, как жаба на асфальт. Острая боль пронзила тело, хрустнули ребра. Я захрипел, ощутил соленое во рту, земля и небо несколько раз поменялись местами.

Я лежал на спине почти бездыханным, в поле зрения появилась фигура толстого мужика с бульдожьей челюстью. В одной руке арбалет, в другой меч, такой же узкий и длинный, как у маркиза де Куртена. Я как завороженный смотрел на этот клинок, а он словно удлинился и потянулся к моему горлу.

— Ну вот и все, маркиз Куртен, — проговорил бульдожистый с удовлетворением. — Больше вам от нас не бегать...

— Погоди, — прохрипел я.

— Просить бесполезно, — ответил он жестко. — Ты убил моих людей. И сам умрешь...

— Хрен тебе, — ответил я.

Патрон в моей ладони слабо щелкнул, стальной болт ушел вверх, я успел увидеть, как в животе будьдожемордого появилась рваная дыра, а из плеча ударил фонтан темно-красной крови. Я поспешил отодвинуться, видя, как разжимаются пальцы, поднялся на ноги.

Второй поспешил ухватить меч. Он едва поднялся на колени, весь перевязанный окровавленными тряпками, будто защитник Аламо, но пальцы мои сжались на патроне. В груди раненого образовалась рваная дыра, я даже успел увидеть, что сквозная, до того, как оттуда плеснула кровь.

Сзади услышал потрясенный вопль. Я крутнулся на месте, успел заметить падающую мне на голову палицу третьего, последнего из выживших после схватки с маркизом. Пальцы мои инстинктивно сжали патрон, и тут череп взорвался и разлетелся на куски. Я полетел в черную бездну.

Сон был тяжелый, я тонул в черной вязкой смоле, воздуха в легких едва-едва, а я почти на дне океана, смертная тоска заполнила душу, я задыхался, рвался вверх изо всех сил, и в смертном страхе понимал обреченно, что не успеваю...

И вынырнул, сразу ощущив, что кошмарный сон кончился, а я лежу... не на жарком песке, а в роскошной постели. Голова на пуховых подушках, укрыт тонким одеялом, кровать с толстыми стойками из красного резного дерева. Балдахина нет, хотя натянуть можно на эти четыре столба, продолжение ножек. Потолок высок, весь в дивных цветных мозаиках сказочной красоты, огромная сверкающая хрусталем люстра, размером с большетеатровскую, празднично освещает богатство и великолепие.

Свет некоторое время резал глаза, я решил, что спросоныя, осторожно повернулся на бок, не отзовется ли болью, и охнул. Ощущение такое, что перенесся в Версаль или Эрми-

таж. Королевская роскошь, на стенах огромные картины, пол паркетный из ценных пород дерева. Вот-вот в зал войдет восторженная группа экскурсантов, а престарелая смотрительница музея завопит, обнаружив в королевской постели такое непотребие...

Я подвигал руками-ногами, все работает, и торопливо поднялся. На мне белая рубашка тонкого полотна, кальсоны той же материи и такого же цвета, ноги босые. Больше всего беспокоит, что обезоружен, и что непонятно где...

В глаза сверкнула искорка, я повернул голову и всхрюкнул от счастья. Молот рукоятью вверх замер в углу, меч и лук Арианта рядом у стены, красиво прислонены к нижнему краю огромной картины в массивной раме темного дерева.

Мелькнула мысль ринуться и дрожащими лапами поскорее застегнуть пояс с моим самым новым оружием... кстати, где он?.. но если принесли в эту комнату, то не враги...

Пояс на столе, огромном, как бильярдный, инкрустированном дорогими породами, ножки резные, там морды зверя, птиц, ящериц и, кажется, насекомых, хотя насчет инсектов не уверен. Может быть, здесь люди такие.

Главное, оба патрона надежно темнеют по обе стороны пряжки. Наверное, я в падении приблизил руку к поясу, а дальше патрон занимает свое место, как намагниченный.

— Как же тебя назвать, — прошептал я, — пневматический молоток двадцать второго века в руках такого дикаря, как я... Болторез?.. Болтер?.. Ладно, болтер. Коротко и убедительно, как удар в зубы.

Окна огромные, никаких решеток, стекла настоящие, а не пластины кварца или бычы пузыри. Затаив дыхание, я на цыпочках подкрался к ближайшему, осторожно выглянул.

Судя по всему, я на третьем-четвертом этаже. Двор огромен, это даже не двор, а не знаю, как и назвать: длинный, вымощенный мрамором плац, по обе стороны по небольшому озеру, берега уbraneы камнем, оба слишком похожи одно на другое.... Скорее пруды, а не озера. Вдалеке строительные рабочие приколачивают доски к сараю, я просмотрел их быстро и тщательно, ничего необычного, перевел взгляд на дальнние врата, в башенке поблескивает металл...

Голова закружилась на миг, изображение резко прыгает в

стороны, но я сфокусировал и уцепился за молодцеватого стражи с красным лицом и лихо закрученными усами. Шлем не рыцарский, проще, как и стальной панцирь, но чувствуется хорошая выделка. Под панцирем мелкоячеистая кольчуга, в руках алебарда. Давно их не видел, кстати.

Еще один стражник появился в проеме открытых ворот. Прежде чем скрылся, я успел рассмотреть панцирь, кирасу, наручни и поножи, а по украшениям вообще решил, что здесь эпоха уже послерыцарская, если даже и была здесь когда-то рыцарская.

На двор упала густая тень, словно низкая туча закрыла солнце. Я невольно вскинул голову, отпрянул, сердце остановилось. По синему небу неспешно плывет, словно по глади озера, огромная громоздкая платформа из металла, размером с гигантский составной плот, когда весной сплавляют по рекам лес. Размеры ее ужасают, что-то с полгектара, не меньше. Низ изъеден ржавчиной, часть конструкций изломана и покорежена, но этот воздушный паром двигается быстрее, чем если бы его несло ветром, да и ветер, насколько понимаю, почти встречный...

Платформа двигается с грацией носорога, могучего и уверенного в своей несокрушимости. Пространство вокруг чудовищной массы, казалось, сминается и завихряется почти видимыми кольцами. Я задержал дыхание, инстинктивно ожидая, что эта гора металла упадет и раздавит, ну не может это вот держаться в воздухе, это как если бы самолет выключил двигатели и остановился в воздухе...

Но исполинская платформа плыла и плыла. Я успел ощутить ее грубую мощь, ничего изысканного, как нет балетной грации в асфальтовом катке или бульдозере. Так и это вот, передвигающееся по воздуху, чем-то напомнило именно асфальтовый каток, экскаватор или прицеп для перевозки танков.

Люди внизу никакого удивления не выказали, хотя кто-то поднял голову и тут же опустил, а молодой парень приложил ладонь козырьком к глазам и смотрел долго, пока платформа не скрылась из глаз, после чего ушел к рабочим у сараев. Я вроде бы успел услышать негромкий шум двигателей, значит, не магия, и то хорошо. Хотя почему хорошо, магию

еще мог бы понять, ее и дурак иногда может понять, из-за чего так популярна, а вот технике нужно учиться и учиться. А я и с мануалом часто не могу разобраться, терпения нет.

Я перевел дыхание, поймав себя, что чуть было не перекрестился по уже обретенной на Севере привычке. Вот он каков, Юг. Передвигающиеся платформы, на которых можно перевозить целые города, никого не удивляют!

За дверью раздались шаги, я метнулся к постели и прыгнул, успев принять прежнюю позу за миг до того, как с мягким музыкальным звуком дверь отворилась. Огни люстры вспыхнули еще ярче, после рассчитанной паузы вошел в огромном напудренном парике со свисающими пушистыми ушами легкий и сухощавый, как кузнец, мужчина в белом костюме с манжетами, жабо и всяческими огромными бантиками, остановился, едва переступив порог, глядя на меня с дружелюбным любопытством.

Я успел увидеть худое немолодое лицо с запавшими щеками, острые скулы, под глазами мешки в три яруса, доброжелательную улыбку, а незнакомец, похожий на пуделя, на миг изогнулся в изысканно-почтительном поклоне, подпрыгнул, сорвал с головы шляпу и красиво замахал ею, смахивая перьями несуществующую пыль с золотых пряжек на туфлях.

Я смотрел обалдело, он не просто раскланялся или расшаркался, а прыгал и пританцовывал, как празднично наряженный королевский пудель, обученный сложному трюку одновременно скакать на задних лапах и размахивать передними.

— Гм, — сказал я, — сожалею, но в моих диких краях... это... гм...

Он выпрямился и, раскинув руки, смотрел на меня с тем же доброжелательным любопытством.

— Маркиз, — произнес он приятным интеллигентным голосом, — у нас это тоже только-только начинает входить в моду. Так что не стесняйтесь. Я лекарь Фландр, личный врач герцога Людвига.

Я поклонился, стараясь, чтобы не слишком перепоклониться, все-таки он простой лекарь, а я маркиз, судя по

кольцу с фамильной монограммой рода де Куртена. С другой стороны, он вдвое старше, к тому же — интеллигент.

— Маркиз... Ричард, — ответил я. — Ричард Длинные Руки.

— Я вижу, маркиз, — произнес он приятным голосом, — вы уже пришли в себя! Это заслуга вашего организма, а не моего умения... как бы мне ни хотелось похвастаться.

От него лучились расположение и доброта, и хотя знаю, что это обычно маска опытных придворных, ощущал к нему тепло и доверие.

— Дорогой сэр... — ответил я учтиво, — догадываюсь, что обязан вам жизнью.

Он взорвал живо:

— Нет-нет, ваше заклятие неуязвимости сработало пре-восходно, маркиз. Просто вас ударили по голове слишком сильно. Ваше сознание спряталось в небытие, перевело дух, и теперь вы в прекрасной, как вижу, форме... Можете подняться, сэр. Только старайтесь пока не делать резких движений.

Я медленно поднялся и сел, делая вид, что голова еще кружится, затем спустил ноги на пол. Фландр предстера-гающе вставил ладони:

— Не спешите, не спешите... Осмотритесь, придите в себя.

Я развел руками.

— К сожалению, форма у меня не совсем прекрасная. Вы очень точно сказали, что сознание на время спряталось... но сейчас возвращается так это... порциями. Как будто слишком усердный повар нарезает для дам пирог чересчур мелкими дольками.

Он засмеялся.

— Все вернется, маркиз Ричард!.. Уж поверьте моему опыту. А сейчас я оставлю вас. Спешу доложить герцогу Людвигу, что вы очнулись. Не удивляйтесь, если он захочет вас тут же навестить. Наш хозяин очень гостеприимный че-ловек, очень радушный.

Я развел руками.

— Боюсь, что эта одежда не совсем...

Он хохотнул.

— Разумеется, маркиз! Я сейчас же распоряжусь, чтобы вам доставили все необходимое.

Он откланялся и ушел, посмеиваясь. Я тут же завертел головой, осматриваясь. Если меня принимают за маркиза, что хоть и рискованно, но снимает ряд щекотливых вопросов, то я должен уметь ориентироваться в этом мире.

Зеркал множество, даже на двух столиках еще по одному, с подставочками, чтобы крутить так и эдак, высматривая, какой прыщ выдавить. Все в настолько сложных завитушках, что просто обидно, куда пропадает труд, это же надо с лупой исследовать все миниатюрные сценки, а когда рожу рассматривать?

Изящный подсвечник из серебра, настоящее произведение искусства, стилизованное дерево, обвитое четырьмя драконами, что, изящно изогнувшись, держат в пастих свечи. Оранжевое пламя ровное, чистое, без малейших признаков копоти. Поддавшись импульсу, я провел ладонью над свечами, жара не ощущалась, осторожно коснулся огонька кончиком пальца.

Магия, мелькнуло в голове ошарашенное. Никакого жара, только свет, идеальная имитация. За дверью еще раз пропотели шаги, но мимо, я торопливо вертеся на месте, всматриваясь в картины, в отделку стен, задрал голову и взгляделся в люстру. Что сразу бросается в глаза: нет крепкой веревки или даже цепи, накрученной толстой бухтой на металлический штырь, торчащий из стены на высоте поднятых ладоней высокого человека. Эта веревка иногда идет прямиком к основанию люстры, иногда через петли сперва по стене поднимается к потолку, а затем уже по нему к люстре...

Словом, отсутствует необходимый элемент: как же здесь опускают люстру, чтобы зажечь все эти свечи? Но люстра выглядит так, словно прикреплена там навечно. Да и свечи горят как-то странно. При открытом окне ни у одной даже язычок не колыхнется.

Глава 3

Вошли трое слуг, в руках кипы одежды, за ними маленький чопорный человечек в белом, тоже с жабо, весь в фижмах и в роскошнейшем парике. Мне он показался еще боль-

ше, чем милейший лекарь, похожим на постриженного и укращенного цветными бантиками пуделя.

— Мое почтение, маркиз, — сказал он и, сорвав с головы огромную шляпу с перьями, цветами и лисьим хвостом, исполнил изумительный по сложности танец, приплясывая, подпрыгивая и смахивая шляпой пыль с туфлей.

Я чувствовал себя неловко, стою, как дурак, и пялюсь на такое сложное представление, человек вон аж губу закусил, чтобы ничего не пропустить и нигде не сбиться.

— Здорово, — сказал я и, удержавшись, чтобы похлопать и бросить ему монету, добавил с ноткой восхищения: — Дивное искусство, сэр! Я еще не видел человека, который мог бы... да...

— Спасибо, сэр...

— Ричард, — снова представился я. — Ричард Длинные Руки.

— Спасибо, сэр Ричард. Я в какой-то мере должен владеть сложным искусством лучше, чем большинство.

— Вы уже владеете! — воскликнул я.

Он польщенно улыбнулся.

— Благодарю вас, маркиз. Я личный портной его высочества герцога Людвиги, мастер Гандлер.

— Раз вас видеть, мастер Гандлер, — сказал я. — Вы просто великолепны!

Еще раз учтиво поклонившись, он оглядел меня весьма критически, потом подобрел, крикливым фальцетом начал отдавать распоряжения слугам тем тоном, что исключает неповиновение.

Двое слуг быстро одели меня в роскошный камзол, третий умело зашнуровал туфли, но не успел я сказать спасибо, как мастер Гандлер завопил негодуше и замахал руками. С меня торопливо все сняли, мастер Гандлер указал, что именно примерить на этот раз, нет, и это не годится, такому рослому и молодому больше идут спокойные цвета, быстро несите штаны мягких тонов...

Я терпел, принужденно улыбался, наконец портной герцога оглядел меня с головы до ног и сообщил с некоторым удовлетворением:

— Вот теперь можно на обед даже к королю!

Я поклонился.

— В восторге от вашего утонченного и, я бы сказал, изысканно артистического вкуса! Я сразу увидел, даже ощутил всеми фибрами великого мастера, едва вы переступили порог.

Он посмотрел на меня польщенно, но и с недоверием.

— Да? Вы это заметили? Как?

— Еще бы, — сказал я с жаром. — Вы не следите моде, а идете впереди, создавая и оформляя неясные желания и мычания большинства в предельно четкие и законченные формы! Вы первым решаетесь опробовать свой уникальный дизайн...

Он покраснел от удовольствия, расцвел, глаза стали масляные, поклонился и, совсем застеснявшись, сказал уже совсем другим голосом:

— Спасибо! Так редко удается отыскать истинного ценителя... К сожалению, оставляю вас, сэр! Побеседуем, когда выпадет случай. До обеда совсем немного.

— Что на обед? — поинтересовался я.

Он улыбнулся, давая понять, что понял шутку, поклонился и вышел. Слуги, как мыши, исчезли следом. Я все же подошел к зеркалу и всмотрелся в себя, я ж маркиз, а раз так, надо маркизить правильно, а то кто знает, как у них поступают с самозванцами.

Вообще-то хорош, хорош. Главное, что ценится в маркизах любого ранга — крупный. Думаю, непросто было подобрать костюмы такого размера. Для простого человека что-самое важное в феодале? Понятно, рост. В президентской гонке в Юсовии всегда побеждали более рослые особи. Простой человек смотрит на своего буша и сравнивает его с другими маркизами. Ага, наш выше! Значит, лучше...

Я повертелся перед своим отражением, как модница, привыкая к незнакомому крою, подвигал руками, вспоминая, как при Петре Первом мушкетеры взмахивали шляпами. Ладно, надо сразу объяснить, что я из медвежьего края, не всему обучен. Нас батюшка учил сразу в рыло давать, это тоже надо сообщить сразу во избежание...

Снаружи донесся рев труб и грохот барабанов, я тут же метнулся к окну. По площади перед дворцом в ногу шагают

по двое знаменоносцы, пять пар, за ними в красно-синих костюмах с широкими белыми воротниками офицеры в красивых шляпах с длинными перьями.

Навстречу двигаются такие же, только цвет знамен другой. Все под тот же победный рев труб сошлись, потопали на месте, глядя друг на друга, разом повернулись к дворцу. Я поспешил отодвинуться, пусть не видят, что за их сложным ритуалом наблюдает еще и чужак, вдруг это некое священное действие.

Из-за дворца выехали на легких рысях конники, роскошно одетые, горделивые, каждый откинут корпусом назад, в руках по знамени. Впереди вообще рослый красавец, весь в красном, конь тоже накрыт пурпурной попоной, он единственный, кто без знамени.

Пешие дружно кричали нечто радостное, передний всадник милостиво вскинул руку. Ему закричали еще громче, а затем заорали и остальные всадники. Я думал, что выметнутся в распахнутые ворота, но всадники сделали полный круг по площади перед дворцом и остановились.

Я слышал, как из окон справа и слева радостно визжат женщины, на балконах тоже ликующие вопли. Наконец из конюшни выехала повозка... да какая повозка, настоящая карета, богато украшенная, два окошка по сторонам и третью, самое большое, над дверью!

Разодетый, как фельдмаршал, слуга поставил скамеечку. Из ворот дворца вышла женщина в платье до пола, хвост за нею несет мальчишка, одетый не менее богато, чем лакей. Двое офицеров, торопливо спешившихся, помогли женщине взойти по ступеньке в карету.

Я видел, как она тут же задернула занавеску, карета тронулась с места, а всадники, выстроившись в две линии, поехали справа и слева. Те, кому места не хватило, держались в авангарде или арьергарде.

Комната моя, похоже, угловая, в другой стене еще два окна, огромных и светлых, доносится птичий щебет, плывет запах роз. Я не рассчитывал ничего интересного увидеть, кроме сада, а из меня еще тот Мичурин, но подошел к окну и раскрыл рот в удивлении.

Изумительный парк, фонтаны, красиво закрученные ал-

леи, предназначенные не для перемещения с места работы к дому и обратно, а для неторопливых прогулок вокруг роскошных клумб, облицованных дорогой плиткой бассейнов, еще там скамьи вдоль аллей, фонтаны и еще раз фонтаны: от величественных до совсем крохотных.

Постройки, что по ту сторону всего этого великолепия, тоже не сараи, а если и сараи, то выполненные с шиком, мастерством и избытком свободного времени, когда можно медленно и любовно работать над каждой деталью. В глаза бросается добротность зданий, даже если в них угадывается чисто прикладное назначение, типа прачечных или пекарен, а затейливые башенки над ними возведены явно не по необходимости, а от нехрена делать.

Сад не менее прекрасен: ухоженные деревья, декоративные кустарники, пышные клумбы, беседки для фривольного уединения, однако по ту сторону сада нечто куда удивительнее: к небу поднимается величественная башня-пирамида с плоской крышей, а снизу ведут наверх ступеньки. Даже отсюда видно, что настоящие: стоптанные, протертые посреди-не, где ступают чаще всего.

За моей спиной двери распахнулись, вошел рослый кра-савец в расшитом золотом красном мундире и громко про-взгласил:

— Герцог Людвиг, владетельный хозяин Бингенгейма, барон Вальдека, ландграф Дармштадта, ландсрат Лифтго-дии и лантег маркизата Черро!

Я почтительно ждал. В коридоре послышались неспешные шаги. На пороге появился очень дородный невысокий человек в большом белом парике с крупными локонами, сутулый от старости, крупное характерное лицо в глубоких рез-ких морщинах, но без мелочной сеточки, даже мешки под глазами гладкой поверхностью больше похожи на наплывы воска или льда. Одет с той небрежностью действительно бо-гатого человека, который предпочитает пышно и ярко наря-жать слуг, а сам ходит в том, что ему удобно.

Герцог тоже похож на пуделя, только старого, толстого, важного, который уже не стрижет бока, напротив — укрыва-ет зябнущие старые кости цветными попонками.

Двигаясь медленно, он сделал два шага, я торопливо поклонился со всей куртуазностью.

— Ваша светлость, — произнес я совершенно искренне, — я обязан вам жизнью!.. Моя признательность не имеет границ...

Он усмехнулся, улыбка преобразила его суровое лицо, сделала моложе и доброжелательнее. Глаза сощурились, от уголков разбежались веером лучики.

— Пустяки, — произнес он. — Нам это ничего не стоило!.. Просто подобрали и перевезли во дворец. А здесь ваш молодой организм показал себя как надо... Садитесь, сэр Ричард.

Из коридора вбежал слуга и моментально придвинул герцогу кресло. Тот опустился на мягкое сиденье, даже не проверив, там ли оно уже. Глаза внимательно изучали меня, я сел напротив и дисциплинированно ждал. Раз уж я маркиз, то нечего с маркизьим рылом лезть с вопросами к самому герцогу.

— Вы прекрасно показали себя, маркиз, — продолжил он, его серые глаза изучали меня очень внимательно и с настороженностью. — У вас были серьезные противники, мои люди осмотрели их вооружение. Вы справились... и если бы не падение с такой высоты... м-да, вы могли бы захватить весь корабль!.. Увы, в багерах предусмотрены механизмы саморазрушения, чтобы не попали в чужие руки... Вы этого не знали...

Я сокрущенно развел руками, настороженно стараясь понять, что мне приписывают еще. Пожевал губами с виноватым видом и снова развел руками. Мол, вы правы во всем, а я — дурак, нет оправданий.

Герцог доброжелательно посмеивался, глаза лучатся добродой, а я, несмотря на всю настороженность, все больше проникался к нему доверием. Возможно, и не последняя сволочь на свете. Похож на тех, кто уже достаточно награбил и наворовал, теперь давно живет респектабельно, дети в престижных вузах Оловянных островов, а сам вжился в роль хлебосольного барина, к тому же меценатствует, филантропствует и даже благотворительствует.

— Ваше воинское искусство выше всех похвал, — произ-

нес он после паузы. — Мои слуги доложили, что все убиты вашим оружием. Неясность была в том, что одни убиты на несколько часов раньше, чем остальные...

Я снова развел руками.

— Что делать, не мог я простить обиды! Решил вернуться, а там... была не была!

Он усмехнулся.

— Чуть-чуть не получилось это... в смысле «не была». Но вы успели в самый последний момент. Эх, молодость, безрассудная молодость! Неужели и я таким был?

Я посмотрел в его лицо, стараясь угадать его мысли и желания, сказал льстиво:

— Ох, сэр, я боюсь и представить, каким вы были! Я же вижу огонь в ваших глазах. И каким бы вы ни прикидывались сейчас благодушным, но я вижу, вижу, как вы куролесили в свое время...

Он довольно засмеялся, погрозил пальцем.

— Только не говорите такое при моих домашних. Все привыкли меня воспринимать старым и толстым. Им трудно представить, что и я когда-то был молодым.

— Молодость прекрасна в любом возрасте, — возразил я. — А вы молоды, сэр!

— Если бы не ошибки молодости, — проговорил он с легкой иронией, — то о чем бы мы вспоминали в старости? И вообще, не будь этих ошибок, нас с вами было бы меньше.

— В каждом возрасте свои прелести, — сказал я, — но в молодости вы попробовали еще и чужие!

Он довольно жмурился, как кот на теплой печке, я чувствовал, как напускная доброжелательность переходит в искреннюю. Все старперы любят, когда намекают на их бурную молодость, этим они отыгрываются за свою третью молодость: когда зубов уже нет, но укусить еще хочется.

— Только с годами понимаёшь, насколько правильными были ошибки молодости, — произнес он загадочно. — Эх, маркиз... Мне бы вашу молодость... Чувствуете ли вы себя готовым к обеду за общим столом?.. Или предпочитаете трапезу здесь?

У меня едва не вырвалось, что сюда, конечно, сюда, нуж-

но прийти в себя, однако задавил в себе трусливенькое и отвётил мужественным голосом:

— Конечно, сэр Людвиг, если вы считете меня достойным... я хотел бы удостоиться чести присутствовать за общим столом!

Он заулыбался шире.

— Прекрасно! Обед у нас через полчаса. Вы услышите гонг.

Я поинтересовался:

— Переодеваться не надо?

Он переспросил:

— Простите?

Я пояснил неуклюже:

— Да у нас начали было заводить моду переодеваться к обеду. Не знаю, приживется ли.

Он наклонил голову к плечу, подумал:

— Лучше бы не прижилась.

— Меня это тоже достает, — признался я.

Он улыбнулся.

— Думаю, это нравится только женщинам. Не проговоритесь о такой дури моей дочери. Она слишком уж старается следовать моде. Как по мне, нет ничего лучше старых добрых обычаев!

Я поддакнул:

— Абсолютно верно, сэр Людвиг! Старых, добрых, а главное — проверенных временем.

Он посмотрел на меня уже с искренним дружелюбием, как на сообщника.

— Отдыхайте, сэр Ричард, набирайтесь сил. Ха-ха, перед обедом!

Он отступил, поклонился, собираясь уходить, но умные и все еще внимательные глаза перехватили взгляд, который я бросил на молот. Победная улыбка скользнула по губам.

— Интересуетесь, как ваше оружие оказалось здесь?

— Ну... — промямлил я. — Вообще-то да, если честно.

Он улыбнулся еще шире.

— Все отцепили еще там, где вас обнаружили без сознания. Но тут же поняли, что это именное, не унести без вас. Пришлось снова молот на прежнее место, перевязи с мечом

и луком через ваши плечи... не совсем удобно было тащить вас при оружии, но не оставлять же!

— Спасибо, — сказал я.

Он отмахнулся.

— Пустое. А тут, понятно, вас сперва занесли в угол и отцепили молот, сняли перевязь с мечом и тулу с луком. А потом уже в постель, и наши лекари занялись вашими ранами.

— Очень точное решение, — сказал я и прикусил язык, вдруг да у них у всех такие штуки, вот и знают, как с ними обращаться. — Спасибо!

Он ушел, победно улыбаясь, на пороге обернулся.

— Сэр Ричард, можете на обед приходить даже без молота, ха-ха.. Хотя я понимаю, путешественники вроде вас привыкают к таким вещам.

Я улыбнулся еще шире, поклонился, разводя руками. Мол, как солдат солдата я понимаю наши мужские шутки, недоступные пониманию светских вертопрахов, женщин, детей и попугайчиков.

До обеда я, обследовав комнату, бегал от окна к окну и старался подслушать обрывки разговоров. Кто не хочет умереть от жажды — должен пить из всех стаканов. Даже конюх или стряпуха могут сказать что-то полезное и важное, а в моем положении все полезное и все важное.

Странное ощущение, когда увидел танцующего в изысканных поклонах портного, а затем и герцога, росло и усиливалось по мере того, как рассматривал сад, обширный двор и гуляющую публику. Очень уж все красиво и нарядно, все ухоженные, воспитанные, веселые и говорливые, а дамы так просто без устали щебечущие, обмахивающиеся роскошными веерами.

Дворец, праздничная толпа, яркие цвета, как будто смотрю из окна на живую клумбу цветов, где все оттенки подобраны в изумительной пропорции. Что-то опереточное в этой праздничной жизни, вот-вот пойдут в удалой пляс, высоко вскидывая ноги...

Наконец раздался могучий бас медного гонга, я почти увидел этот огромный таз, в который бьют колотушкой. Уда-

рили один раз, но звук неспешно течет и течет по коридорам, залам и вываливается из окон. Я оглянулся на меч и лук, как-то не слишком с моей одеждой. Зато пояс смотрится очень даже неплохо. Можно сказать, прибавит деловитости и мужественности, а то слишком уж я какой-то мягкий.

Пряжка щелкнула, я оглядел себя в зеркало, ладно, толкнул дверь, открылся обширный коридор, стены облицованы дорогими породами дерева и украшены широкими накладками из золота. Портреты в тяжелых рамках выстроились вдоль стен в чинную, но строгую шеренгу.

На том конце коридора показался человек в цветах этого дома, издали отвесил поклон.

— Простите, господин, задержался...

— Ничего, — ответил я благосклонно, — я только вышел. Веди к яслям.

Он растянул рот в улыбке, нужно смеяться, когда господа шутят, повернулся и осторожно пошел вниз по лестнице, все время оглядываясь, не слишком ли быстро, не слишком ли медленно, удобно ли мне, а я сохранял на лице благожелательно-рассеянную улыбку, а мозг спешно переваривает присланную глазным нервом информацию.

Лестница поистине королевская: широкая, ступени укрыты красным бархатом с золотой окантовкой, перила массивные и блестящие,держиваются на резных тумбах, покрытых лаком и настолько блестящих, словно их только что протерли влажной тряпкой. Но здесь все блестит так, будто в мире не существует пыли.

Внизу роскошнейший холл, мы прошли два зала, перед дверью последнего застыли двое богато одетых слуг, одежды чистые, нарядные, а сами слуги вымытые, подстриженные, ухоженные. При нашем приближении разом отворили двери, один из них провозгласил:

— Маркиз Ричард!

Я вошел степенно, лицо приподнято, весь из себя величавая важность. Зал длинный, оформлен в приглушенных тонах, продолговатый стол, за одним концом уже приступил к трапезе герцог, все так же сгорбленный, в той же богатой одежде.

На другом конце стола свободное кресло. Я подошел,

почтительно кланяясь, герцог кивнул и взглядом велел занять то место.

Я послушно опустил зад не на самый краешек, я ж не слуга, но и не развалился, как поступил бы перед герцогом грандгерцог или что тут у них есть.

— Я всегда начинаю первым, — буркнул герцог. — Эти лентяи вечно опаздывают... Я говорю о своем внуке Эйсейбио и дочери Элизабет. Один не может на облака насмотреться, другая все наряды меняет... А, вот и Эйсейбио!

В распахнутые двери вошел церемониймейстер и провозгласил громко:

— Сэр Эйсейбио, граф Торино!..

Следом вошел среднего роста мужчина с крупным породистым лицом, как у герцога, несомненное фамильное сходство, выделяются небольшие растопыренные усы и крохотная бородка, даже не бородка, а намек на нее. Подбородок удлиненный, массивный и мужественно раздвоен, и пятнышко шерсти устроилось как раз посередине. Он выглядел бы полководцем на отдыхе, если бы не бледное пресыщенное лицо, пухлые губы капризного ребенка и отсутствующий взгляд.

На миг он вспыхнул любопытством, когда увидел меня.

— А, тот герой, что уничтожил багер вместе с экипажем?

Я поднялся, щелкнул каблуками и коротко поклонился, не сгибая спины.

— Маркиз Ричард, к вашим услугам.

Он вяло улыбнулся, слуга придинул ему кресло, так что Эйсейбио оказался как раз посередине между герцогом и мной. Он сел и сказал мне так же вяло:

— Вам уже объявили, в этом доме очень чтут традиции?..

Герцог нахмурился, взгляд его был полон укоризны.

— Ты брал бы пример с маркиза Ричарда! Он не стихи слагает, а избрал стезю, достойную мужчины.

— Ну да, — отмахнулся Эйсейбио, — а чего он тогда здесь, а не сидит и не слушает нотации своего замшелого отца?

Герцог замялся, бросил на меня взгляд с просьбой о помощи. Я быстро прикинул, на какую сторону забора упасть выгоднее, улыбнулся и развел руками.

— В традициях нашего дома рано покидать гнездо и повсюду искать подвиги! А потом уже вернуться к родителю,

чтобы получить то ли похвалу, то ли порку. Это уже как решит родитель после отчета.

Герцог довольно крякнул, в глазах зажегся довольный огонь.

— Видишь? Сохранились еще места, где чтят традиции! И где родительская мудрость отвергается не всегда, не всегда!..

Эйсейбио вяло поморщился. Двоих празднично одетых слуг на изящно изготовленных носилках, укрытых короткой красной скатертью, внесли нечто невообразимое из птиц, рыб, зелени, гусиных, куриных и перепелиных яиц, паштетов, филе, все уложено в изысканные горки, даже в башенки, все еще несли плавным балетным шагом, чтобы не обрушить великолепие.

Остановились перед герцогом, старший слуга или повар, не знаю, начал снимать с носилок то или иное кушанье и, показав хозяину, перекладывал в его тарелку. Что не поместилось, положил в соседнюю. Все это время слуги с носилками не шевелили даже бровью, словно вырезанные из дерева. Герцог отпустил их небрежным движением руки, а взглядом указал в мою сторону.

Повар посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Желаете перепелку, сэр?

Я изобразил улыбку.

— Я доверяю вашему выбору. Вы сами знаете, что приготовлено в этот раз лучше, а что хуже.

Он запротестовал:

— У нас все готовят очень тщательно!

— Но что-то удается лучше, — уточнил я. — Вот это и положите. Дело в том, что мой желудок все принимает. Но он понимает разницу, когда приготовлено лучше, когда хуже...

Он поклонился, не меняя выражения лица, посмотрел в задумчивости на разноцветье блюд и начал наполнять мою тарелку. Мне показалось, что делает это с большим удовольствием, чем когда перегружал еду в блюдо самому герцогу.

Мы ели в молчании, да это и понятно, разговоры начиняются ближе к десерту. Когда половина блюд нашими стараниями была очищена, церемониймейстер взмахнул рукой, в зал вошли еще двое слуг с носилками, уже наряжены в

красное, а на блюдах громоздятся конструкции из жареных птиц, печеной рыбы, живых устриц и всякого непонятного, но пахнущего очень даже, что не сказать весьма и весьма. Все украшено зеленью, а огромная рыбина, стоя на хвосте в толще паштета из гусиной печени, похожего на вулкан Везувий, держит во рту крупное яйцо с блестящей жемчужиной на кончике.

Снова повторилась процедура опознавания блюд, размышления, чего бы из них покушать, трудного выбора и перекладывания на новые чистые тарелки, такие огромные, что из них можно бы кормить бегемотов.

Герцог одобрительно поглядывал, как его внук с аппетитом очищает уже третью тарелку.

— Ничто не делает обед таким вкусным, — заметил он вполголоса, — как пропущенный завтрак.

Эйсейбио проворчал с набитым ртом:

— А что за мода завтракать так рано? Есть надо вовремя.

— Воспитанный человек никогда не ест, — сказал герцог нравоучительно. — Он только завтракает, обедает и ужинает.

Эйсейбио взглянул на меня, как на сообщника, мы примерно одного возраста.

— В столице вас угощают хорошими обедами, — заметил он заговорщицки, — а у нас — хорошими обеденными манерами.

Я дипломатично промолчал, во время хорошего обеда всякий становится консерватором, а здесь каждое блюдо — произведение кулинарного искусства.

Герцог буркнул:

— После хорошего обеда всякому простишь, даже родному внуку. Маркиз, как вы находите гарбюссе по-гессенский?

— Я его еще не нашел, — ответил я смущенно. — Или ее... Эйсейбио довольно хохотнул, герцог улыбнулся.

— Значит, — заметил он, — вам было чем заняться. Как вам этот паштет?

— Изумительный, — ответил я вполне искренне. — Таet во рту! Вот так воины становятся неженками....

Эйсейбио сказал весело:

— Какие воины? Кому они нужны? А счастье именно в хорошем обеде, хорошем вине и хорошей женщине. Или

дурной, это смотря по тому, сколько счастья можете себе позволить.

Церемониймейстер стоит неподвижно, но я видел, как внимательно следит за движениями наших рук и челюстей. В какой-то лишь ему понятный момент он подал знак, и в зал внесли на носилках огромный торт. В половину человеческого роста, хотя сам по себе торт не широк, так, с ведро, но нас разорвет, если съедим хоть половину. Слуги в голубом замерли неподвижно, а повар с ножом и лопаточкой заискивающе заглядывал в глаза герцога, стараясь угадать, с какого бока и в каком месте хозяин восхочет отведать это чудо.

Торт украшен орешками всех сортов, начиная от простого фундука и гречки и заканчивая совсем диковинными, миндалем, зернышками изюма, а еще чем-то непонятным, но, видимо, съедобным. Шоколад и кремы перемежаются, получилась затейливая башенка из темного шоколада с белыми полосками.

Герцог покосился на меня.

— Между хорошим обедом, — обронил он философски, — и долгой жизнью только та разница, что за обедом сладкое подают в конце.

— Изумительно, — сказал я. — Вот эта штука просто тает во рту, а вкус непередаваемый... Что это?

Герцог нахмурился, а Эйсейбио весело фыркнул:

— Это же вилантэн, маркиз!

— Вилантэн, — повторил я. — Запомню. Из чего он или оно делается?

Герцог нахмурился сильнее, Эйсейбио вскрикнул почти ликующе:

— Маркиз! Где вы жили?.. Никто не знает, как подземные ангелы ада делают вилантэн или даже обыкновенную муку, что поднимают на поверхность!.. Я еще могу понять, как выплавляют железо и подают наверх в стальных слитках, но... про вилантэн и прочие вещи лучше не спрашивать! А то рехнетесь. Нужно просто верить в доброту и покровительство великого Самаэля!

Я не успел ответить какой-нибудь дежурной, но любезной банальностью, чтобы сгладить возникшую неловкость и странное напряжение за столом, торжественная музыка вдруг

оборвалась, тут же сменившись веселым наигрышем, даже игривым, по залу рассыпались трели и рулады. Герцог повернулся голову.

Глава 4

По лестнице медленно и величаво сходит в наш зал юная богиня, так показалось вначале. Двое крохотных пажей несут шлейф ее платья, оба в шляпах и при коротеньких мечах, что придает им комичный вид, но я их видел только краем глаза, не отрывал взгляда от чудесной девушки.

Не просто дивно хороша, сказочно прекрасна в этом нежно-голубом платье с наброшенным на плечи белым платком, сейчас он сполз до тонкой талии и удерживается на локтях. Волосы убраны в сложный головной убор, вроде огромных козлиных рогов, с которых до середины спины свисает нежная вуаль и красиво трепещет при каждом шаге. Уши закрыты серебристыми щитками, так что волосы от бесстыжих взоров спрятаны надежно. И рога, и щитки усыпаны множеством жемчужин.

Некая сила выдернула меня из кресла, я побежал и успел подать ей руку, сводя с двух последних ступенек. Эйсей-био иронически захлопал, а герцог сказал с непонятным выражением:

— Я в затруднении... Маркиз Ричард только что выказал себя знатоком старинных традиций, что несомненно указывает на его достойное воспитание... но если бы он знал, какое это избалованное и капризное существо, он сразу удавил бы или хотя бы выбросил в окно это... гм, это!

Я, не слушая, провел это божественное существо к столу. Слуга появился с креслом, я вырвал его из рук и сам придвинул прекрасной леди. Она сдержанно и гордо улыбалась, исполненная достоинства, но мне казалось, что едва удерживается от соблазна показать язык племяннику и даже отцу.

— Моя дочь, — проворчал герцог. — Да, младше этого балбеса, который внук... Ну, поздний брак...

— Да будь он благословенен, — вырвалось у меня. — Какой прекрасный цветок появился из такого союза!

Я нехотя вернулся к своему месту, некоторое время все четверо молча выбирали из предлагаемых блюд, слуги двигались с носилками медленно и печально, словно на похоронах, а музыканты под сводами теперь играли совсем тихо, будто старались услышать, о чём ведем речи.

Леди Элизабет ела мало и вяло, перешучивалась с Эйсейбио, наконец обратила взгляд прекрасных глаз на меня.

— Маркиз, — спросила она капризно, — что же вы молчите? Развлекайте даму!

— Вы слишком прекрасны, — ответил я почти искренне, — чтобы с вами заговорить.

Ее красивые тонкие дуги бровей в удивлении приподнялись.

— Это почему?

— Слишком красивы, — объяснил я, — чтобы быть человеком.

Довольная улыбка простила на ее припухлых губах, а Эйсейбио сказал мне заговорщики:

— Маркиз, вы слишком... прямолинейны. В нашем королевстве предпочитают более замысловатые комплименты.

Герцог буркнул:

— Бездельники! Лентяи, которым больше нечём заняться.

— Лентяй, — сказал Эйсейбио, — это человек, которому нравится просто жить!.. Маркиз, а можно поинтересоваться, какие у вас планы?

— Можно, — ответил я.

Он не понял, помолчал, ожидая ответа, а герцог довольно хрюкнул. Эйсейбио наконец понял, что я уже ответил на вопрос, поморщился и спросил:

— Что вы намерены делать дальше?

Я посмотрел на него поверх кубка.

— Поблагодарю герцога за истинно королевское гостеприимство и отправлюсь через земли и королевства. Я хочу дойти до северного океана.

— Зачем?

— Никогда не видел большой воды, — объяснил я. — Говорят, волны размером с дом!.. Я жил в лесу, там только крохотное озеро с жабами. Волны, как вы понимаете, не совсем крупные... Зато жабы...

Леди Элизабет посмотрела на меня, как мне почудилось, с неудовольствием.

Эйсейбио кисло усмехнулся.

— Да, вы точно нравитесь моему деду. Он тоже, бывало, бредил какими-нибудь путешествиями...

— Теперь поумнел? — спросил я.

Эйсейбио бросил короткий взгляд на хмурого деда.

— Значительно.

— А вы, — спросил я, — сразу были умным и ни к чему не стремились?

Он довольно кивнул.

— Вы смотрите в самую суть, маркиз! Я быстро понял, что важно путешествовать не по королевствам, а внутри взаимоотношений, разгадывать загадки женской души, находить нужные слова для обозначения оттенков, которые не в состоянии постичь грубые люди... Сейчас мы по традиции обедаем в очень узком кругу, зато за ужином вы увидите маску тонких и чутких людей...

Герцог хитро посмотрел на меня, что-то уловил, лицо слишком уж серьезное.

— Маркиз, — произнес он дружески, — я с великим трудом отстоял право завтракать и обедать в тесном кругу семьи. А вот на ужин, что делать, соберутся все бездельники герцогства... Ничего не поделать, традиция.

Я смолчал насчет того, что традиции надо чтить, эту традицию герцог явно не чтит.

После обеда дворец начал наполняться хорошо одетой, сытой и довольно публикой. И не просто довольно, а самодовольной, уверенной, богато и роскошно одетой. Я старался не попадаться на глаза, наблюдал за всеми либо с балкона, либо во дворе с безопасного расстояния.

Молодые щеголи в напудренных париках сразу же окружили леди Элизабет. Она мгновенно расцвела, осыпанная комплиментами. Они так за нею и ходили, все подчеркнуто нарядные, яркие, исполненные чувства превосходства уже потому, что у них банты на поясе уже по последней моде слева, а у остальных, ну что за кретины, все еще справа.

Хорошо следить за модой, подумал я завистливо. Когда напялишь на себя что-то от Штрауса, сразу с презрением посматриваешь на то быдло, что носит китайское. И всячески подчеркиваешь, что не питаешься в Макдоналдсе, дескать, у меня вкус, а вы всякое говно жрете.

Леди Элизабет продвигалась по залу по широкой дуге, раскланивалась и одаривала всех сияющей улыбкой. Ее кавалеры перед кем-то приподнимали шляпы, кому-то просто кивали, многих вообще не замечали, глядя с холодным равнодушием поверх голов.

Я увидел, что моя норка на их пути, с запозданием выскользнула, но леди Элизабет меня уже заметила, что-то с улыбкой сказала своим кавалерам, те ехидно заулыбались. Я вынужденно остановился, убегать у всех на виду как-то не совсем, а они так и приблизились: леди Элизабет в центре из комплиментов, лести и восторгов, яркие павлины справа и слева, даже сзади.

С нею Эйсейбио, остальные такие же типичные: слева тип с распутной мордой сластолюбца, слашавый и весь истекающий, с ним еще два примерно таких же, но менее ярко выраженных, справа старый молодящийся козел бернардо-шоустого облика, что умеют острить и афоризничать только о бабах и обо всем, связанном с бабами и только с бабами, эдакий мыльный пузырь до самой могилы.

Рядом с ним явно чем-то мается господин с унылым лошадиным лицом, такими я представлял себе ученых, исследователей, докапывателей до истины. Он натужно улыбался, при этом морда кривится так, словно ему больно после челюстной операции.

Я учтиво поклонился, не перебарщивая, я же из провинции, должен держаться несколько старомодно и скованно.

— Леди Элизабет.

Она милостиво кивнула.

— Да, маркиз?

Я окинул ее взглядом с головы до ног.

— А вы ниче...

Вокруг нее дружно захочотали, она чуть улыбнулась.

— Видимо, у вас это комплимент, маркиз?

— Ага, — ответил я и утер нос рукавом. — Ага.

Они хотели и толкали друг друга, а сластолюбец сказал томно:

— Несравненная, вам нужно принять маркиза в наше общество! Он просто необходим, разве не видите? Он добавит свежую струю в наш парфюмный мир...

— Свежую струю навоза, — уточнил один из его дружков, и снова все захохотали.

Леди Элизабет светски улыбнулась.

— Вы абсолютно правы, граф Гаррос. Непосредственность маркиза просто очаровательна. Маркиз, вы просто обязаны присоединиться к нашему обществу!

Я ответить не успел, господин с унылым лицом изрек важно:

— Юноше предстоит усвоить, что есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляются, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один.

Его слушали вежливо, но с несколько натянутыми улыбками. Я подумал, что, наверное, все правильно, хотя я не особенно вникаю, что он там сказал. У меня что-то в мозгу происходит, как только слышу «женщина»: в извилинах короткое замыкание, мозг отключается. Переел, видать.

— Мужчина любит обыкновенно женщин, — продолжил господин, похожий на исследователя, — которых уважает. Женщина обыкновенно уважает только мужчин, которых любит. Потому мужчина часто любит женщин, которых не стоит любить, а женщина часто уважает мужчин, которых не стоит уважать...

— Браво, лорд Водемон, — сказал граф Гаррос и вежливо поапплодировал. — Вы, как всегда, глубокомысленны. Хотя я бы добавил, что мужчина любит женщину чаще всего за то, что она его любит; женщина любит мужчину чаще всего за то, что он ею любуется.

Эйсейбио наклонился к моему уху:

— Лорд Водемон прекрасный человек, он добросовестно волочится за всеми женщинами подряд. Но ему недостает легкости...

— Зануда? — спросил я.

Эйсейбио прошипел:

— Тише!.. Как вы откровенны, с ума сойти... Но подобрали точное слово, он несколько зануден. Когда речь о женщинах, надо вообще избегать умностей. Нужно говорить обо всем и ни о чем. Чирикать и прыгать, как воробы, без всякого смысла. Легкость и изящество ценится выше, чем умные речи. А лорд Водемон, увы, этого не понимает.

Я посмотрел на господина Водемона с сочувствием. Время интереса к истории или палеонтологии не пришло, а что еще исследовать в обществе? Баб-с, конечно. Как будто их можно разложить по полочкам... Хотя, конечно, можно, но... на фиг?

Леди Элизабет подошла ко мне вплотную и проворковала томно:

— Маркиз, расскажите о своем медвежьем крае... Это так интересно!

Гаррос и другие угодливо подхочотнули. Я развел руками.

— А рассказывать нечего... Там нет таких красивых женщин, как леди Элизабет, нет таких умных мужчин, как сэр Водемон, нет таких утонченных острословов, как сэр Гаррос... Собственно, там ничего нет.

— Потому вы и сбежали?

— Ну да, — подтвердил я. — Восхотелось посмотреть, в самом ли деле свет так широк.

— Ну и как?

Я сдвинул плечами.

— Пока не знаю. Я прошел не больше двадцати королевств, а это так мало.

Они почему-то замолчали, затем леди Элизабет с принужденным смехом проворковала:

— Ах, маркиз! Вы не стерли ноги? Двадцать королевств, подумать только...

Ее кавалеры снова хохотнули в унисон. Я ответил примирительно:

— Конь падает не только от излишней скачки, но и от застоя.

— Ого! — воскликнула она, обворожительно сверкая глазами и улыбкой. — Двадцать королевств... И вы еще страшитесь, что падете от застоя?

— У мужчины всегда есть силы, — объяснил я, — если он не слишком тратит их на женщин.

— Фи, — сказала она и мило надула губки, — какой вы грубый... А на что еще тратить? Когда-то и вам придется выбрать одну из женщин, чтобы свить гнездо. Или взять ту, которую навяжут родители.

— Не знаю, — ответил я. — Никогда о таких вешах не задумывался. Но, по-моему, хуже брака без любви может быть только брак, в котором любовь только с одной стороны.

Граф Гаррос посматривал ревниво, слишком уж долго леди Элизабет говорит с тем, кому отведена роль шута.

— Маркиз, вы слишком дремучи!.. — воскликнул он победно. — Как можно жить с такими взглядами? Я вот предпочитаю распущенных женщин.

— Почему? — поинтересовался я.

— Добродетельные женщины верны мужу, — сказал он и хихикнул, — распущенные — любовнику!

Я пожал плечами.

— ...а умные — обоим.

Он посмотрел на меня с вопросом в глазах, а леди Элизабет улыбнулась.

— Ого!.. В медвежьих углах есть, оказывается, еще и такая категория!

Я ответил с поклоном.

— Да, леди Элизабет. У нас есть еще и умные женщины. Должен заметить, именно они и пользуются... наибольшим вниманием.

Она поинтересовалась ядовито:

— А чем они еще отличаются?

— Да многим, — ответил я небрежно. — Добродетельные спят в белье, распущенные — голыми, а умные — по ситуации. Добродетельные любят всех детей, распущенные — только совершеннолетних, умные — своих. Добродетельные верят в чистую любовь, распущенные — в частую, умные — в... хорошую. Добродетельные одеваются аккуратно, распущенные — вызывающе, умные — быстро. Добродетельные становятся заботливыми женами, распущенные — феерическими любовницами, умные — верными друзьями. Добродетельные верят мужчинам, распущенные — не верят мужчинам.

нам, умные — не верят никому... Надеюсь, этого пока достаточно. Простите, я не могу просто удержаться: побегу взглянуть на дивного коня, на котором приехал какой-то господин в красной шляпе!

Когда я поспешил удалялся, граф Гаррос сказал громко:

— Вот каковы они, невежды! Перед ним прекраснейшая из всех женщин, а он на что пошел смотреть?

Я ухмыльнулся, представляя, как лорд Водемон морщит лоб, стараясь запомнить для своей классификации те перлы, что я выдал.

Во дворе знойное солнце тут же окатило лицо щекочущим теплом, дружеским и дающим силы. Слуги наперебой бегут со скамеечками в руках к подъезжающим экипажам, из карет появляются вельможи, матроны с дочками, молодые женщины с сопровождающими, уже с утра скучающими повесами...

По двору прогуливаются трое разодетых щеголей, шляпы прямо мексиканские, да еще с длинными пышными перьями, красно-сине-зеленая одежда в бантах, застежках, фижмах и рюшечках. Этого достаточно, чтобы с чувством полнейшего превосходства громко хохотать над теми, у кого перья короче или рюшечки не такие кокетливые.

Я молча озлился, глядя, как сплевывают под ноги выходящим из карет и оглядывают их, словно животных на пастбище. Перед некоторыми, однако, прогибаются и метут шляпами пол, на других смотрят свысока, как на роющихся в загоне свиней, у третьих вообще стараются встать на пути, чтобы их обходили пугливо и униженно.

Они все разом, словно трое в одном теле, оглядели меня с головы до ног. Поморщились дружно, словно вместо розы нюхнули коровью лепешку.

Один из них гаркнул громко:

— Э-э-э... маркиз!

Оклик бесцеремонный, его друзья тут же оскорбительно захочотали, подчеркивают для тупых, что меня разве что по морде не ударили, вот такие они крутые.

Я обернулся с вежливой улыбкой.

— К вашим услугам.

Он приблизился не спеша. Друзья, посмеиваясь, остались на месте. Этот, заставляя меня ждать, снова с той же оскорбительной медлительностью оглядел уже с ног до головы, будто оценивал, за сколько купить.

— А какие услуги вы оказываете?

— Могу в рыло дать, — предложил я любезно.

Он опешил.

— Что? Это как?

— Вот так, — объяснил я охотно.

От удара в лицо он отлетел на пару шагов, грохнулся на спину и некоторое время лежал, раскинув руки. Из сломанного носа кровь живописно брызнула ярко-красными струями на лицо и подбородок. Щеголь сообразил, что вся кровь на нем — его кровь, подхватился и с диким поросячым визгом ринулся в дом.

Я посмотрел на его приятелей с полнейшим непониманием на моем простом медвежачьем лице.

— Что это с ним?.. Только начали учтивую беседу.

Они смотрели на меня с застывшими бледными улыбками. Один проговорил наконец, мне показалось, что его трясет:

— Маркиз... что вы... делаете...

— А что? — спросил я удивленно.

— Но вы же... из благородного сословия?

— Ну да, — ответил я и утер нос рукавом, — а че?

Он ахнул.

— Однако же для благородных людей существует благородное оружие...

Второй добавил с растущим возмущением в голосе:

— А вы... как какой-то пьяный мужик...

— А, — протянул я, — вот вы о чем! Все верно, но с одной крохотной поправкой. Не как пьяный мужик, а как пьяного мужика. Неужели вы своего конюха тычете шпагой?..

— Но он не пьяный конюх!

— Правда? — спросил я с удивлением. — А мне показалось, что именно пьяный конюх... нарядившийся в костюм своего господина.

Они смотрели на меня гневно, первый начал грозно шевелить усами, а второй проговорил угрожающе:

— Маркиз, мне кажется, вы стараетесь нас оскорбить...
Я развел руками.

— Не будем тянуть, друзья. Вы хотите проверить, что из себя представляет новичок? Вы не первые. Ваш дружок, кстати, уже проверил. По-своему. Вы тоже сейчас узнаете. Хотите?

Они переглянулись. Я блефую, крупно блефую, а блефовать научились задолго до изобретения игры в покер. С другой стороны, важно, как блефуют, и я весь играю звериной силой, смотрю хищно, выказываю всем видом, что вот прямо щас покромсаю их на куски и пройдусь сапогами по их окровавленному мясу, потому что и сам зверь, каких поискать, и весь напичкан защитными амулетами.

Щеголи снова переглянулись, первый перестал шевелить усами, а второй проговорил несколько другим тоном:

— Маркиз, мы не хотим с вами мериться умением обращаться с оружием.

Усач поспешил добавил:

— По крайней мере, по такому пустяку. Но вы же сами понимаете, что с таким поведением навлечете на себя немилость света!

— Поведение адекватное, — заверил я, хотя внутри протестующе квакнуло, мол, дурак, они правы, — а перед светом я постараюсь себя реабилитировать. Мое почтение, господа!

Я коротко поклонился и, повернувшись спиной, пошел в здание.

Глава 5

О том, что я поступил неблагородно, стало известно всему двору герцога уже через пару минут. Все судачили, как я низко пал, а я уединился в своей комнате и раздумывал, что вообще-то это разделение на благородных и неблагородных не такое уж и ненужное, а существует для того, чтобы не дать благородным опускаться до простолюдина. Это постоянно

усложняющийся кодекс поведения того, что человек должен делать и чему должен соответствовать.

Даже это вот бесцельное пребывание дворян при дворе — и то служит благой цели: потеряться среди более знатных, знающих, умеющих — самому стать лучше. Ведь куда проще феодалу просто существовать в своем замке среди крепостных, наслаждаясь полной властью, ничему не обучаясь, ни в какие рамки себя не загоняя. И никто не скажет ему в селе среди простолюдинов, что у него вечно расстегнута ширинка. Хотя бы потому, что у самих так же.

А здесь даже криво завязанный бант на общлаге способен уронить репутацию. Над этой дуростью можно бы погыгать вволю, наслаждаясь своей умнотью и превосходством, если бы я не знал страну, где точно так же криво завязанный галстук способен вызвать насмешки, а плохо начищенные туфли даже умнику не позволят занять при отборе на работу более высокое место.

И не надо ха-ха, все не зря: человек, способный в мелочах регламентировать свою одежду, поведение и слова, сможет и работать так же точно, безошибочно и без неряшливо-сти. Так что эти требования — быть дворянином во всем и не допускать жестов, опускающих до черни, — не так уж и нелепы.

Я оглядел себя в зеркале, оно добросовестно отразило мою маску, а иначе не бывает, все зеркала отражают именно маски, расправил плечи, сделал лицо надменно-доброжелательным и покинул покой.

По главному залу прогуливаются повесы в составе старого козла, не слышал его имени, Эйсейбио, Гарроса, Водемона и прочих, а леди Элизабет водит их, как гусей, улыбаясь и щебечи, щебечи, щебечи. Я пытался проскользнуть незамеченным, но Эйсейбио заорал, махая рукой, я натянул на морду счастливую улыбку и подошел, отвешивая поклоны.

На меня посмотрели настороженно, но я старался выглядеть овечкой, и лорд Водемон, кивнув в ответ на мое приветствие, продолжал:

— ...леди Элизабет, этому вашему портретисту, как и прочим, суждено полное забвение. Они никогда не передают того, что видят. Передают то, что видит публика, а публика

не видит ровным счетом ничего. С тем же успехом могу вас рисовать я, если согласитесь позировать... более откровенно.

— Почему вам?

— Мы же оба принадлежим к благородному обществу! Потому вы со мной можете быть более откровенны... в одеждах.

Она возразила живо:

— А мне отец говорил, что мы наиболее откровенны перед лекарями и портнихами! А они, согласитесь, из самого простого круга...

Старый козел, который похож на Бернарда Шоу, захлопнул в ладоши.

— Браво, леди Элизабет, — сказал он козлиным голосом. — Лорд Водемон повержен.

Водемон поклонился и развел руками.

— Признаю, лорд Шуй, логика леди Элизабет неопровергима. Я даже начинаю побаиваться, а вдруг она... тьфу-тьфу!.. умна?

Леди Элизабет улыбнулась мне, а Водемону ответила с живостью:

— И вообще я устала позировать! Быть естественной очень трудная поза — долго не выдержишь! Я удивляюсь, как герцогиня Ценцелла выдержала, когда рисовали ее портрет!

Лорд Шуй проговорил еще более козлиным голосом:

— Говорят, она все еще любит своего мужа! И он, можете себе представить, все еще... ха-ха, любит ее и даже верен ей!

— Бред, — сказал Гаррос уверенно.

Водемон фыркнул:

— Человека, который всю жизнь любит одну женщину, следует отправить к врачу, а может, и на виселицу.

Лорд Шуй улыбнулся, как мог бы улыбнуться старый козел, что все еще оглядывается вслед молодым козочкам.

— Возможно, — произнес он совсем козлиным голосом, — это сам герцог Гендель и распространяет такие слухи. Я как раз слышал, что он весьма близок с Ксантой, женой герцога Маргуйского. Встречи их крайне тайные, так что вы уж не подвергайте сомнению его верность жене... ха-ха!

Эйсейбио спросил заинтересованно:

— Я слышал, они сейчас в Майенне?

— Вы слышали верно, — проблеял лорд Шуй и по-козли-ному посмотрел на леди Элизабет.

— Значит... — произнес Эйсейбио задумчиво, — она сей-час скучает?.. Прекрасно! Ничто так не украшает женщину, как временное отсутствие мужа. У меня есть пара свежих анек-дотов про любовников, я подкатился бы к ней с этими исто-риями, а потом сразу про ее грудь, она ею явно гордится, раз так выставляет на обозрение...

— Постарайтесь расшевелить ее, — посоветовал лорд Шуй деловито. — Чем угодно. Там, где не подыгрывает лю-бовь или ненависть, женщина играет посредственно, и с нею скоро становится скучно.

На меня посматривали, ожидая, когда же я раскрою рот, я подумал, что и в самом деле надо бы что-то вякнуть, поин-тересовался:

— А какой смысл волочиться за леди Ксантой, если она замужем? Лучше уж за вот теми ледями, видите?.. Одна, судя по прическе, еще не замужем, другая — уже вдова...

Эйсейбио сказал мне наставительно:

— Если женщина принадлежит другому, она в пять раз желаннее, чем та, которую можно заполучить, — старинное правило.

Лорд Шуй скабрезно улыбнулся и сказал вполголоса:

— Знатоки говорят, что леди Ксанта весьма искусна. Ее имитация любви стоит больше, чем неприворная любовь многих женщин. Она очень-очень хороша!.. Все предпочита-ют жить со страстью женщины, чем со скучной. Правда, страстных иногда душат, но редко бросают.

Я выглядел озадаченным, Эйсейбио пояснил мне с ус-мешкой:

— Маркиз, очень многие предпочитают репутацию пре-любодея репутации провинциала. Вы единственный оказа-лись с настолько толстой кожей, что даже не стыдитесь сво-его провинциализма.

— А что стыдиться? — спросил я. — Человек не выбира-ет, где родиться. Родиться провинциалом, как и дураком, не стыдно, стыдно умирать дураком. Да и жить, гм... вообще-то...

Они помолчали, морды озадаченные, вроде бы мысль ум-

ная, но совсем не салонная, а если не салонная, то ерунда. Эйсейбио это понял первым, просветлел лицом и зашептал:

— Берегитесь, сэр Ричард! Сюда идет баронесса Генриэтта. Она в каждом мужчине ищет мужа, потому что в муже не нашла мужчины.

В зал вошла роскошно одетая и вообще роскошная женщина, ослепляя мир огромным полуоткрытым бюстом. Я еще издали прикипел к нему взглядом, хотя, как говорят правила этикета, женщине нужно смотреть в глаза и делать вид, что внимательно слушаешь ее восхитительный лепет.

Ее полушиария буквально разрывают декольте, я сразу же представил, как было бы здорово, если бы это случилось, и она, перехватив мой взгляд, все поняла по моему лицу и победно улыбнулась. Демонстрация высокого бюста, такого налитого и просиящегося в мужские ладони — результат умения портних и самой хозяйки расположить правильно и носить умело, так что мой взгляд — это как проголосовавший в пользу ее хозяйки один из спортивных судей.

Конечно же, женщина, которая носит вот так грудь, сама открыта миру, щедра, добра и распространяет вокруг себя приятную ауру, что поднимает всем мужчинам тонус.

Лорд Водемон прошептал мне на ухо:

— Он прав, баронесса идет в самом деле в нашу сторону...

— Чем она примечательна?

— Самая феерическая любовница, — пояснил Водемон. — После смерти барона ей достались владения в Шатле, Вигноре и Бюльневилле. А так как барон был бездетным, то и все триста тысяч гульденов теперь в ее полном распоряжении. За ее внимание сражаются все мужчины двора!

— Так куда же вы удираете?

Он сказал опасливо:

— У нее больно острый язычок...

Все наше общество поспешило сдвинулось в сторону. Я понял так, что леди Элизабет то ли не желает с нею делиться воздыхателями, то ли спасает их от острого язычка баронессы. А она в самом деле направлялась к нам, стройная, с высокой прической, укрытой прозрачным платком, что вроде бы и закрывает пристойно волосы, но в то же время рассмотреть их не составляет труда, ну, стринги некой неназы-

ваемой эпохи. Глаза ее блестели любопытством, а платье с низким вырезом едва держится на узких оголенных плечах.

— Маркиз! — вскрикнула она звонким щебечущим голосом. — Говорят, вы осадили самого Бульвилля...

Я пробормотал:

— Ах, леди...

— Леди Генриэтта, — прощебетала она и подвигала плечами, чтобы платье опустилось ниже. Мои глаза тут же скосились на выпирающую, как подходящее тесто, грудь. — Маркиз, вы обязательно расскажите, как вы это сделали...

— Гм, — ответил я осторожно, — вряд ли это для таких нежных ухов молодой девушки... Может быть, я вам что-нибудь галантное про поручика Ржевского...

Она отмахнулась.

— Да в жопу эту галантность! Я не целомудренная девушка, а вдова барона Вигнора, молодая и очень даже живая вдова, маркиз, имейте это в виду... Я насидалась взаперти в замужестве, теперь жажду веселья и прочих интересных встреч!

— Я скучный человек, — заверил я и попытался заглянуть в ее вырез глубже, вот уже показались края бледно-розовых кружков. — Ох, какой я ску-у-у-чный... Вот щас прям совсем ничего не соображаю.

— Умному никогда не скучно, — заверила она, а улыбкой дала понять, что поняла, почему я ничего не соображаю, — пока он способен на глупости. И вообще, жизнь без женщин и вина бесполезна и скучна! Вы не согласны?

— Я с вами на все согласен, — заявил я, не понимая, почему платье не соскальзывает дальше. Наконец сообразил, магия! — А на что не согласен, на то поддамся в виде исключения только вам. Но не сразу.

— Это как это?

— А поломаться? — удивился я.

— А-а-а, — протянула она понимающее, — так вы, оказывается, пресытились ролью охотника?.. Хочется побывать в роли дичи?

— Ну да, — сказал я, — только без всяких там кандалов и плеток, я нежный... Но чтобы вы напали на меня и грубо изнасиловали, я совсем не прочь. Еще как не прочь!

Она оглядела меня оценивающее.

— А что, это мысль. Маркиз, вы вносите свежую струю в наши довольно однообразные игры! Я вот как-то не подумала даже про такие возможности... А что, у вас и такое есть?

Я вздохнул.

— Ах, леди... Когда делать нечего, собака яйца лижет, а человек чего не придумает! К счастью, я вырвался в мир, где есть чем заняться...

Она вскинула на меня лучистые глаза, губы тронула улыбка.

— А вы не дикарь, маркиз. Вон как изящно отказались участвовать в наших играх! И нас не лягнули, и себя похвалили.

Я ощущал, что уже невольно погружаюсь в этот словесный поединок любовной игры. В остроумии леди Генриэтте не откажешь, она наконец-то ощущала, что я держу удар и отвечаю в той же манере, заинтересовалась и усилила настиск, я сопротивлялся достаточно успешно и контратакую, у нее заблестели глазки от удовольствия, губы покраснели и распухли, а бледные щеки порозовели.

Я видел, как она расцветает, словно цветок под теплым майским дождиком, мало кто так молниеносно реагирует на ее остроты и успевает не только отразить, но и нанести ответный укол, флирт вообще оттачивает наше умение ориентироваться и успевать реагировать.

— Маркиз, люди делятся на тех, кто стремится вырваться из порочного круга, и на тех, кто стремится туда ворваться! А вы ни туда, ни сюда...

Я развел руками.

— Если бы можно было оказаться в объятиях женщины, не оказавшись в ее руках!

Она томно вздохнула.

— Ах, маркиз, лучше обожать, чем быть предметом обожания. Терпеть чье-то обожание — это скучно и тягостно!

Я предложил самодовольно:

— Да я не против, обожайте вволю! Я такой добрый. Я даже денег с вас не возьму.

Она расхохоталась, широко раскрывая рот, чтобы продемонстрировать возможности, и показывая нежную белую шею. Пышные груди приподнялись еще больше, а у самого края

нечто призывающе заалело. Я попытался взглядом либо отодвинуть края грубой ткани, либо как-то вытащить эти дивные штуки.

— С вами весело, маркиз! — сказала она. — Не люблю серьезных мужчин. Серьезность — последнее прибежище заурядности. Маркиз, скажите какой-нибудь комплимент!

Я подумал, выдавил тяжело, глядя на ее грудь:

— Леди, какие у вас красивые... э-э-э... волосы! Я бы даже сказал... редкие. Очень редкие волосы...

Она вслушалась, улыбнулась, кивнула:

— Великолепно. Снова удивляюсь, почему вы не в обществе. Все пропитано флиртом, любовными флюидами... а вы?

— В любви, — заметил я, — всегда один целует, а другой лишь подставляет щеку. Потому я предпочитаю другие виды... забав.

Она улыбнулась.

— Верно считают, что наивных мужчин больше, чем наивных женщин.

Я сказал ей очень серьезно:

— У женщин просто удивительное чутье. Они замечают все, кроме самого очевидного.

Она посмотрела с вопросом в глазах, что же не заметила, но я загадочно поклонился и указал взглядом на нетерпеливо поджидающих ее поклонников, которые, в отличие от лорда Водемона, готовы терпеть ее колкости.

— Ах, эти, — сказала она со смешком, — вы правы, надо выполнять светские обязанности. Вы хитрый, сумели от них увиливнуть!

И ушла, одарив комплиментом, так что за ней осталось не только последнее слово, но и приятное впечатление. И как о собеседнице, и как о милой женщине, способной слушать тебя, единственного и неповторимого, что значит — сильно-го, красивого, умного. А женщина, которая согласна слушать, уже наполовину согласна, такой закон флирта.

Во флирте главное вот это, что наполовину. Или даже на две трети. Но, упаси Боже, не целиком. Флирт из простого рыцарского обожания и неуклюжего ухаживания развился до такой степени, что сейчас это уже сложное и вычурное искусство. У него еще те правила и законы, свои у каждого

жеста, а у каждого цветка своя атрибутика, но даже один и тот же может передавать самые разные чувства в зависимости от того, сорвали в виде бутона, расцветшим, с листьями или без, и много-много чего еще для меня сложного и непонятного, как тензорная математика. И та женщина или тот мужчина, кто не усваивает тонкости этих премудростей, может только облизываться, когда более продвинутые лопочут на своем языке, мы же эстеты, мол, мать вашу, а вы — простое быдло, несмотря на ваши миллионы и счета в швейцарских банках.

Бесцельно двигаясь по дворцу, я снова выбрался во двор, но на этот раз осматривался уже целенаправленно. Где-то же есть эти жалкие услужливые люди, их богатые держат у себя из милости и любопытства: алхимики, звездочеты, которые попозже придумают компьютеры и звездолеты. Правда, и потом они останутся в тени, а на первом месте, сменив королей и герцогов, появятся шоумены и прочие клоуны...

Я вышел даже на задний двор, там хорошо уложенная ровными плитами площадь, ни травы, ни мишеней для упражнений со стрелками. Хотя что-то я подзабыл. Здесь маги не ютятся в подвалах и пристройках, здесь они в своих загадочных башнях заняты расколдовыванием старинных манускриптов и разгадыванием действия древних артефактов...

Высоко в небе прокатились раскаты грома. Я вскинул голову, небо блещет прозрачной синевой, чище не бывает, ни единого облачка, однако гром прогремел снова, словно незримая туча приближается, неся в чреве молнии, ураганы и разрушения.

Я поспешил обогнать дворец, с той стороны народу больше, люди поднимают головы, кто-то остановился, другие собираются в группки. Одни оживленно спорили, указывая вверх, иные, напротив, поспешили торопились прочь, разбрелись по домам.

Из дворца вышел граф Эйсейбио, уже навеселе, морда красная. Я видел, как он приложил ладонь козырьком к глазам и мрачно смотрел в небо. Я пошел к нему, а он, оторвав от лба ладонь, встретил меня угрюмым взглядом.

— И у вас так? Впрочем, так везде...
 — Это что, — спросил я, — магия?
 — Маг, — ответил он коротко. Оглянулся, я смотрю не-понимающее, сказал раздраженно: — Маг недоволен.

— Ого, — вырвалось у меня невольно, — маг здесь... что-то вроде высшей силы?

— Он маг, — ответил он хмуро.

Небо из безмятежно-синего быстро становилось зловеще-фиолетовым. На землю пала недобрая тень, в небе заблистили огни. Народ начал с криками разбегаться.

Небосвод прочертила стремительно опускающаяся красная линия. Оборвалась за границей города, взвился столб черного дыма. Крики стали громче, люди в панике вбегали в дома, я слышал, как щелкают засовы.

С неба с большой скоростью падали огненные градины. Я слышал, как с треском разбиваются о землю, во все стороны брызгают искры. Гром прогремел с такой мощью, что затряслась земля. Эйсейбио сгорбился, пьяное лицо словно бы протрезвело, кулаки сжаты, в глазах бессильная злость.

— Что делать? — прокричал я.
 — Ничего, — ответил он мертвым голосом.
 — Но этот огонь...
 — Мы ничего не можем сделать, — прервал он зло. — Вы что, не понимаете?

Я поспешил перевести вопрос в другую плоскость:
 — Почему не гасят пожар?
 Он ответил угрюмо:
 — Пожара не будет... думаю. Это только предупреждение. От магического огня пожар может быть, а может и не быть.

— А если будет?
 Он сдвинул плечами.
 — На то воля мага. Он может погасить любой пожар. А может не позволить погасить простой костер.

Я посматривал искоса, вряд ли дворянство ликует, что вся власть у магов, но и дворяне не идиоты: против метеоритной атаки с мечами не выстоять.

— Круто, — сказал я. — Нет, у нас не так. Хотя чем хва-литься? Просто мы слишком малая величина. Не то что

здесь... И что, короли никогда не пытались... отстоять свое право править?

Он проворчал:

— Когда-то, по дошедшем из древности слухам, король одного королевства решил не подчиниться магу. И его лорды оказались слишком горды и поддержали вождя, хотя маг трон упрямца предлагал каждому из них. Они собрали огромное войско и с трех сторон выступили против мага...

— И как? — спросил я, уже догадываясь, что могло произойти.

— Прошли везде, уничтожая помощников мага, и встретились у башни, где жил маг. Оставался один последний штурм. И тут маг показал свою силу... Небо стало кровавым, посыпался град раскаленных камней и сгустки огня. Войско было уничтожено за мгновения, но разгневанному магу показалось мало. Огонь с неба смел дома, дворцы, крепости. Маг в ярости стер с лица земли замок короля и остальные замки, сжег города и села. Из людей спаслась горстка, укрылась в лесах да пещерах...

— Показательно, — сказал я.

Он передернул плечами.

— Да, это был урок всем.

— Подействовал?

— Еще как! С того случая ни в одном королевстве не посыплют ослушаться мага. Ладно, маркиз, не буду нагонять на вас тоску. С другой стороны, власть мага всем во благо. Королевство защищено гораздо лучше, чем если бы мы держали огромную армию, изнуряя народ непомерными налогами.

— Да, — согласился я, — когда воевать не нужно, можно волочиться за юбками.

— И пить, — добавил он с натужной бодростью. — И пить, маркиз!

Однако, судя по кислому выражению лица, свежий воздух ему уже разонравился. Следом за ним я вернулся во дворец. К счастью, маги не на Севере, мелькнула мысль, я снова ощутил импульс перекреститься. Гордые рыцари не смирились бы с властью презренного мага и поперли бы с выставленными копьями на злодея. И полегли бы до единого. А в

землях погибших юные сыновья, узнав о трагедии, вскакивали бы на коней, расхватывали мечи и мчались мстить.

Рыцарей не остановить ни стрельбой из крупнокалиберных пулеметов, ни танковыми орудиями, ни крылатыми ракетами. «Честь дороже!!!» — гремело бы над полем битвы. И все бы предпочли красиво погибнуть, потому что лучше умереть стоя, чем жить на коленях.

Я помотал головой, хреновое чувство, когда знаешь, как все случится, но не хочешь, чтобы уходила из жизни святость, чистота, верность слову, верность друзьям, верность любимой женщине. Нет, надо все-таки на Север, там еще могу что-то успеть. Возможно, нужно всего лишь крутнуть штурвал чуть в сторону, когда перед кораблем выныривают опасные рифы.

Веселая компания, в центре которой леди Элизабет, расположилась в алькове, и я, не заметив, прошел в опасной близости. Они сразу же загаддали, замахали руками.

— Маркиз!

— Маркиз, к нам!

— Маркиз, расскажите, как вы сумели завоевать расположение старого герцога? Может, подскажете, как завоевать сердце леди Элизабет?

Сама леди Элизабет посмотрела на меня с напускным подозрением и заявила обвиняюще:

— Маркиз, от вас пахнет красивой женщиной!.. Сознайтесь!

Говорила она веселым щебечущим голосом, явно предлагаая потрепаться на игривые темы, хотя в голосе вроде бы проскользнули и другие нотки.

— Женщиной? — удивился я. — Упаси меня от таких ловушек!

— Почему? — радостно изумилась она. — Вот леди Делина, как я заметила, обратила на вас внимание...

— Кто, вон та?.. — спросил я. — Вижу... Ухаживать за такой опасно. Это как лотерея, в которой боишься выиграть. Есть такие женщины: пришьет тебе вешалку к пальто, а потом говорит, что отдала молодость. И вообще, леди Элизабет, мне ли с моей медведицостью ухаживать?

— Ничего страшного, — безапелляционно возразила она. — Лучше пусть женщина возмущается, чем скучает.

Ее щечки раскраснелись, глазки блестели. Я вспомнил, что женщина никогда не забывает о своем поле и всегда предпочтет говорить с мужчиной, чем с ангелом.

Я поклонился и развел руками.

— Леди Элизабет, мне в таком блестящем обществе ничего не обломится.

Она сказала покровительственно:

— Маркиз, постарайтесь получить то, что любите! Иначе придется полюбить то, что получите.

Граф Гаррос подхочотнул, я развел руками.

— Эх, если бы я мог получить ту, что хочу.

Она заулыбалась довольно, мол, старайся-старайся, я вот рядом, но нужно очень постараться, чтобы дотянуться. Очень-очень постараться. Лорды Водемон и Шуй тоже заулыбались с задержкой на секунду.

— Вы должны напрячь свои силы, — сказала она наставительно. — Добиваться!

Я пожал плечами.

— Любовь отдает себя в дар, леди Элизабет. Купить ее невозможно. В том числе и галантным добиванием.

— Любовь — это все, — сказал умно лорд Шуй. После рассчитанной паузы добавил: — И это все, что о ней известно.

Гаррос и Эйсейбио зааплодировали, лорд Шуй полуслутливо раскланялся. Глаза его победно блестели, он наслаждался вниманием общества больше, чем вниманием хорошеньких женщин. Впрочем, женщины стараются привлекать в свою свиту таких острословов, это придает им самим блеск и повышает ранг.

Я пробормотал:

— Я много мог бы сказать о том, что такое любовь... но лучше промолчу.

— Почему, маркиз?

— Я слишком... провинциален, — ответил я. — Я в самом деле верю, что она существует.

Они дружно захочотали, словно я отмочил невесть какую шутку,

— Любовь — это заблуждение, — наставительно сказал

lord Водемон, — которым одна женщина отличается от другой. А женщины разделяются всего лишь по принципу: порочные и добродетельные. С порочными не знаешь покоя, а с добродетельными изнываешь от скуки. Вот и вся разница.

Все снова встретили сентенцию возгласами одобрения. Я подумал вяло, что это нам эти глупости приелись, а им, возможно, самый свежачок. Я со своим арсеналом анекдотов легко вытеснил бы не только лорда Шуя, но и вообще стал бы не знаю каким остряком.

— С позволения леди Элизабет, — сказал я, — пойду пройдусь по парку. Никогда не видел еще такой красоты!

Она проводила меня недовольной гримаской, как можно покидать изысканное общество, когда можно бесплатно любоваться ее прекрасными глазами, ее чистой кожей, ее безупречным овалом лица, слушать милый щебет, удостоиться счастья заслужить улыбку и благосклонный взгляд...

Вместо прогулки по парку я поднялся в отведенную мне комнату. Молот на прежнем месте, мне показалось, что посмотрел на меня с укором, меч и лук холодно промолчали.

— В самом деле пора, — сказал я вслух. — Вы правы, ребята.

Глава 6

Вошел скромно, но богато одетый мужчина в пышной одежде и парике с пуделячьями ушами. Несколько отстранившись и почти механически отпуделился с церемонными поклонами, подскоками и помахиваниями.

— Милорд, — произнес он почтительно, — я стучал, но вы сделали неслышимость?

— Мдя... — промямлил я. — Да как-то задумался... вот и... собственно...

Он бросил любопытствующий взгляд на мое отдыхающее от служения хозяину оружие.

— Я управитель Гатум Теркиш. Я хотел только узнать, какие свечи изволите в своей комнате?

— Чтоб горели! — ответил я.

Он тонко улыбнулся.

— Кроме свечей, что только дают свет, у нас есть и настоящие... Мы их так называем... они действительно дают еще и тепло.

— Да ну? — удивился я. — Как оригинально...

Он не повел и бровью, пояснил с тяжеловесной грацией:

— А те в свою очередь бывают такими, пламя которых колеблется... ну, если взмахнете близко рукой. Еще могут трепетать от банальных сквозняков, а есть такие, что ни на что не реагируют. Есть быстро сгорающие, а есть очень медленные...

— С ума сойти, — восхитился я, потому что от меня ожидают именно восторги, — вот это, понимаю, богатство и мощь! Богатство — это когда разнообразие, а не просто много. Конечно, предпочитаю золотую середину. Пусть свеча будет как свеча: с настоящим жарким пламенем, но пламя пусть не трепещет, пугая меня зверскими тенями на стенах, а то я такой робкий...

Он восхитился мной в свою очередь:

— Прекрасный выбор, сэр! Именно взвешенный, без крайностей.

Еще бы не прекрасный, подумал я. Именно так горит лампочка. Он откланялся и тут же мановением дланi заменил все свечи в отведенной мне комнате. Я не уловил, когда это произошло, он бормотал что-то под нос и разводил руками, как мне показалось, недовольно, однако свечи горели уже... иначе.

— С ума сойти, — повторил я уже с опаской, — сколько же у вас амулетов? На все случаи жизни?

Он довольно улыбнулся.

— Благополучие хозяина измеряется количеством артефактов, которые делают его жизнь приятной.

— Ну да, — сказал я, — если не надо думать о пропитании, надо думать об украшении.

— Совершенно верно, сэр, — согласился он, отвешивая элегантный поклон. — К счастью, в известных нам королевствах даже крестьяне не знают, что такое голод. Совсем не те жуткие времена, о которых рассказывают маги.

— С ними можно встретиться?

Он покачал головой, лицо стало настороженным.

— Они не общаются с простыми.

Еще раз поклонившись, управитель ушел, а я подумал, что вот уже и я попал в простые. Впрочем, здесь все простые, даже короли. Но сейчас надо думать не о магах, а о хорошем выносливом и по возможности быстром коне. Несравненно-го Зайчика увижу только весной, а пока нужен конь, просто конь.

Я вышел в коридор, двое встречных стражей посмотрели на меня мутными глазами, как на таракана, что поняехал и объедает их хозяина.

Внизу у входа в зал сытый и пьяненький Эйсейбио держится за косяк, чтобы не упасть, граф Гаррос деликатненько, словно лакей, поддерживает друга двумя пальцами за локоть.

Эйсейбио оглянулся, зачувя мое приближение. Лицо восторженное, в глазах острая зависть, сказал свистящим шепотом:

— Смотрите, маркиз! Вон тот высокий красавец в желтом кафтане — сам граф Карлайн!..

— Ага, — сказал я и поиском взглядел красавца, но, по-моему мнению, тут вообще нет красавцев, кроме меня, понятно, — граф Карлайн... И что?

— Его победам несть числа, — сказал Эйсейбио и завистливо вздохнул. — Он идет от победы к победе.

— Достойный человек, — согласился я. — Он одерживал их на море или на суше? Какими войсками командовал? Или только в турнирных схватках?

Эйсейбио посмотрел на меня с непониманием, зато граф Гаррос врубился раньше и со вкусом расхохотался.

— На море или на суше! — повторил он, захлебываясь смехом. — Ха-ха-ха-ха-ха!... Надо будет это рассказать сегодня обществу. Маркиз, вы становитесь притчей во языцах. Грустно будет, если уедете от нас. Все ощутят потерю!

Я удивился:

— А что не так?

Гаррос продолжал заливаться смехом, а Эйсейбио, тоже заулыбавшись весьма ехидно, пояснил:

— Его победы более значимые, маркиз. Он сумел соблазнить графиню Черфильд, баронессу Клендер и даже жену графа Щециндерса. Леди Жозефина очарована им настолько,

что готова простить ему все измени! Он обольстил баронессу Помреж и завлек саму маркизу Энгеллу, прославился по всему королевству легкомыслием и беспутством, и все невесты королевства горят жаждой заполучить его в семейные сети...

Граф Гаррос, изнывая от нетерпения, как рассказчик еще более свежих анекдотов, перебил и, указывая на мелькающих придворных, пояснял, кто из них кого соблазнил, кто с кем повесничал, кто кого победил...

Слушая его характеристики, я как будто читал аннотации к тысячам одинаковых женских романов, где вот такие козлы обольщают и обольщают, обольщают и обольщают. Правда, в угоду нашим домохозяйкам подстраивается сюжетец, что такой вот влагалищник вдруг всерьез и весьма верно влюбляется. Хрень, конечно, но бабам хочется в это верить. Граф Карлайн, как и прочие карлайны, не персонаж женского романа, ни о какой влюбленности не мыслит, да козлы на нее и не способны, это только в женских грезах происходит, так что советы графа Гарроса по обольщению весьма практичны и основаны на житейских реалиях, что, дескать, все мы — козлы, а все женщины в глубине души — похотливые сучки. А у кого-то эта глубина уже на поверхности.

Пока он рассказывал, а я пытался заговорить о покупке коня, на прием прибыла светская красавица Мадлен де Флорендж. Часть ловеласов сразу ринулась во двор, отталкивая слуг, сами придвигали скамеечку и подавали руки. Я подивился, что же в этой толстушке такого красивого, но, во-первых, тогда каноны были иными, во-вторых, леди Мадлен и меня вскоре очаровала остроумием, меткими репликами, умением держаться.

С нею прибыла ее племянница, действительно красивая леди Изабелла, но я сразу уловил, почему ее так охотно берет с собой более опытная тетушка. Классическое определение флирта: это когда девушка не знает, чего хочет, но всячески добивается этого, так вот Изабелла полностью отдалась этому делу, не потрудившись заучить некоторые приемы. Сейчас радостно всем улыбается, чирикает, смотрит в глаза, даже играет в касание и не понимает, почему мужчины сторонятся ее. Чирикать с мужчинами надо, иначе другие перечирикают, но не так уж навязчиво, а то при виде толпы окружаю-

ших мужчин возникнет ощущение поношенной одежды, а этого мы не любим...

Другое дело сама леди Флорендж, даже леди Генриетта, то ли хорошо заучили уроки обольщения, то ли это у них врожденное, но умеют быть любезной со всеми и в то же время всех держать на расстоянии.

Хренъ какая-то, подумал я тоскливо. Искусство обольщения... термин-то какой!.. здесь достигло полного расцвета и такой утонченности, что бабнику, чтобы соблазнить женщину, нужно больше тонкой дипломатии и хитрости, чем Бисмарку, чтобы одурачить Европу.

Нечем им больше заниматься, в собственном соку варятся. Граф Эйсейбио, иронически щурясь, пьяный уже вдрабадан, подошел ко мне и дружески обнял за плечи.

— Ну как вам этот зверинец?

— Интересно, — ответил я дипломатично. — Но я расчитываю утром отбыть дальше. Не посоветуете, где купить хорошего коня?

Он охнулся.

— Зачем вам конь?

— А что, пешим?

Он покачал головой.

— А багеры на что?

Я мысленно ругнулся, в самом деле не подумал, но сказал с двусмысленной улыбкой:

— Граф... вы вот обычное обольщение растягиваете, как не знаю что, а я растягиваю путешествие! И так интересно бывает заглядывать в такие уголки, куда нельзя на багере!

— А-а-а-а, — сказал он понимающее, — тогда да... Лучшие кони, насколько знаю, у графа Цурского. Он прямо помешан на них. Ему и женщин не надо. К вашему счастью, он тоже где-то здесь.

— Пойду поищу, — сказал я, — кстати, граф... извините, что не за любовь спрашиваю, мне интересно другое...

— Спрашивайте, маркиз.

— А чем вы занимаетесь в свободное от волочения за бабами время?

Он посмотрел на меня с укором.

— Маркиз, маркиз... Вашу бес tactность извиняет только

ваша простота. Это волочение, как вы изящно назвали сей изумительнейший процесс, и есть смысл нашей жизни. И цель существования. И всего бытия. А чем заниматься еще?

— Простите, — повинился я, — что-то в самом деле я не туда. Действительно, что еще делать? Бернард Шоу, старый козел, почти до ста лет доволочился... И ни о чем, кроме баб, не говорил и не писал.

— Не слыхал о таком, — сказал Эйсейбио завистливо. — Но пример достоин восхваления. Так что учитесь, маркиз! Запоминайте первое правило, чем мы отличаемся: мужчина слушает ушами, женщина — глазами. Мы — чтобы понять, что нам говорят, женщина — чтобы понравиться тому, кто с ней говорит.

К нам подошли Водемон и Гаррос, слушали, похочатывали, а когда граф закончил, Гаррос сказал ревниво:

— Маркиз, маркиз! Не слушайте сэра Эйсейбио! Он ничего не смыслит в женщинах. Дамам из общества он предлагает деньги, продажным девкам посвящает стихи...

— И, что самое удивительное, — вставил Водемон язвительно, — всегда имеет успех.

Гаррос скривился.

— Это и удивляет. Хотя я зарекся удивляться. Правда, поэты воспевают достойное удивления, а не доверия...

— А я всегда удивляю сам себя, — заявил Водемон. Он оглянулся на приближающуюся леди Элизабет с ее свитой, договорил с поклоном: — Это единственное, ради чего стоит жить. Если не считать, конечно, внимания леди Элизабет.

Леди Элизабет победно улыбалась, встреченная очередным комплиментом. Ее прекрасные глаза, что вроде бы должны просто таращиться в прекрасную даль, давая всем возможность любоваться и восхищаться ими, тем не менее быстро и цепко оглядели меня с головы до ног.

Я поцеловал ей руку, не попытавшись задержать пальцы чуть дольше положенного или сделать вид, что собираюсь пойти с поцелуями по руке вверх и дальше, дальше, отступил на шаг со скромным видом провинциала. Скромным, но не стеснительным, стеснение — признак тонкой организации.

— У вас нездешнее сложение, маркиз, — заметила она

дразнящим тоном. — Вы в самом деле какой-то медведистый!

Лорд Шуй подобострастно хохотнул.

— Вы мне льстите, — ответил я.

Она вскинула брови.

— Вы это приняли как комплимент?

Лорд Шуй снова хохотнул, а Гаррос растянул губы в ядовитой усмешке.

— Конечно, — ответил я. — Медведь не зря на гербе вавшего дома. Разве павлины были бы лучше?

Она покосилась на разряженных лордов, на Гарроса и Эйсейбио, перевела взгляд на себя. Теперь ее глаза стали сердитыми.

— Боюсь, маркиз, медведей уже не осталось в наших краях. Это все в прошлом.

Я покачал головой.

— Но я здесь.

Она сказала саркастически:

— Вы — прошлое!

— Я хорошее прошлое, — ответил я грустно.

Она победно усмехнулась и прошла мимо, окинув меня взглядом свысока. И хотя я почтительно склонился в поклоне, но почутилось, что ей для такого взгляда пришлось привстать на цыпочки.

Граф Цурский, которого я заметил как приехавшего на самых красивых конях, и здесь не очень-то по бабам: на заднем дворе упражняется с учителем фехтования. Звон шпаг, выкрики, тяжелое дыхание, частый стук подошв по земле, красивые взмахи и прыжки, изящные позы, обязательные героические реплики... нет, время героев ушло, от реплик теперь требуется лишь остроумие, эффектное и яркое, как золота на свиной коже. Хорошо еще, если в них есть подтекст, двойной смысл, это свидетельствует о мощном уме того, кто их произносит... Или хотя бы о хорошей памяти.

Я понаблюдал за обоими, налицо явный прогресс в воинском искусстве, если сравнивать с рыцарскими поединками. Здесь больше на скорости, чем на силе удара. Мое преимущество уменьшается, хотя, конечно, у меня рефлексы все еще развитее, двигаюсь быстрее хотя бы за счет того, что че-

ловечество за века стало не только выше и тяжелее, но и быстрее, смышленее, время реакции сократилось в разы.

Фехтование только зарождается, а я могу сказать, как и куда разовьется, как умрет и когда обретет вторую жизнь уже как спорт. А там голая продуктивность, никаких эффектных поз, прыжков, выкриков, подпрыгиваний... Только вытянутая в сторону противника шпага и концентрация воли на том, чтобы успеть ударить быстрее, чем противник.

Надеюсь, пробормотал я про себя мрачно, у меня будет какое-то преимущество. Я быстрее за счет рефлексов, потому рассчитываю не на удачу, а на успех. И вообще пора сматываться. Хотя на Севере еще зима, и все замерло под снегом, но и здесь мне, похоже, делать нечего... На сердце одно тягостное разочарование, не таким я представлял грозный и таинственный Юг.

Граф увидел, что за ним наблюдают, я перехватил гримасу неудовольствия. Через минуту он остановился, вытирая мокрый лоб и тяжело дыша.

Я осторожно приблизился с вежливейшим поклоном.

— Дорогой лорд, я просто в восторге, насколько истинно по-мужски вы проводите время! Что женщины? Куда они без нас денутся?.. А вот в искусстве владения шпагой можно и опоздать...

Он посмотрел на меня уже без неприязненности.

— Вообще-то редко когда услышишь такие разумные слова, маркиз. Все сразу начинают... А я давно усвоил, что мужчины, которые относятся к женщинам с наибольшим почтением, редко пользуются у них наибольшим успехом.

Я восхитился:

— Как точно сказано! И как образно!

Он продолжал довольно:

— Успех у женщин имеет лишь тот, кто может без них обойтись...

— Великолепно, — прошептал я с благоговением, — вот истинно золотые слова! Вы могли бы вполне стать самым знаменитым острословом в их обществе, но вы предпочитаете блистать своим отсутствием!

— Блистать своим отсутствием, — повторил он задумчиво. — Да, это надо запомнить. Сильно.

— О вас говорят женщины, — продолжал я, — говорят гораздо чаще, чем о тех, кто постоянно вьется в их обществе. Вот что значит быть настоящим мужчиной! А настоящего можно узнать в первую очередь по его отношению к лошадям. Ибо первым делом, первым делом — кони, ну а женщины, а женщины — потом!.. Граф, я видел, на каких чудесных скакунах вы прибыли! Просто дивное зрелище!

Он самодовольно рассмеялся:

— Ах, маркиз, вы мне льстите! Кстати, здесь уже пролетел слушок, что вы оставили общество благосклонных к вам дам ради того, чтобы посмотреть на моих коней. Это правда?

— Правда, — ответил я искренне. — Быстро же здесь слухи расходятся! А так все верно: что женщины? Они все одинаковы. А вот кони...

Он засмеялся громче.

— Вы правы. Я подарю вам одного.

— Лорд, — воскликнул я воспламененно. — Я как раз собрался просить вас продать...

Он отмахнулся.

— Пустяки. Вы такое удовольствие доставили мне, а двор об этом будет говорить еще долго, так что это я вам обязан. Не отказывайтесь, маркиз!

— Я растроган, — сказал я и ощущил, что в самом деле растроган. — Я ваш должник, лорд.

Он отмахнулся.

— Если хотите, пойдемте прямо сейчас выберем. У меня всегда с собой лучшие в королевстве кони. В самом деле, кто-то бахвалится женщинами, кто-то бриллиантами, но разве все это можно сравнить с конями?

Я поклонился.

— Лорд, да я...

Во дворе раздался многоголосый крик. Все указывали в небо, а там в нашу сторону плывет, снижаясь, огромная платформа. С боков свисают длинные красные полотнища, до несись серебристые звуки фанфар. Платформа быстро вырастала в размерах, мне чудилось, что с такой массой инерция пронесет мимо, однако воздушный корабль сбросил скорость, когда до странной башни со ступеньками осталось расстояние в два его корпуса.

Глава 7

Сердце мое стукнуло радостно, платформа подошла вплотную к вершине башни, замерла. Через низкий барьер на ровную площадку странного перрона хлынули ярко одетые люди.

Лорд Цурский открыл в удивлении рот.

— Король! Что за привычка являться неожиданно!..

— Король? — повторил я. — Что-то случилось?

Он отмахнулся.

— В нашем королевстве никогда ничего не случается! Герцог Людвиг — брат Его Величества, с которым у него все еще дружба, как ни удивительно. Сэр Ричард, я бегу переодеваться. Советую и вам... хотя вы, правда, вполне, это я ма-лость вспотел с этими экзерсисами.

Он торопливо удалился. Празднично разукрашенная платформа бесшумно отделилась от башни, что вовсе не гигантский жертвенник для заклания бедных ацтеков, как чудилось все время, а обычный перрон. Я видел, как оставшиеся там люди зачем-то поспешно убирают свисающие красные полотнища.

Уже с блестящими металлом голыми боками воздушный корабль ушел, набирая скорость, а из парадных ворот дворца выбежали пышно одетые в красное и зеленое молодые парни с длинными серебряными трубами в руках, ветерок с азартом, как молодой щенок, треплет прикрепленные к трубам красные полотнища.

Трубачи выстроились по обе стороны лестницы, ведущей на башню-пирамиду, красивые и надменные, осознающие свою исключительность. Чуть позже появился герцог Людвиг. Он ступал тяжело и величественно, лицо спокойное и будничное. По взмаху его руки трубачи поднесли к губам мундштуки труб и вскинули раструбами под углом в девяносто градусов.

Воздух прорезали чистые серебряные звуки, сердце встрепенулось в радостном ожидании.

— Его Величество, — прокричал герольд, выпячивая грудь и привставая на носки, — король Хенриг Первый! С благородной супругой Адельгейдой фон Брауншвейг-Люнебург!

В толпе заорали ликующие, в воздух полетели шапки,

словно народ до этого еще не был уверен в прибытии именно короля. Первыми по лестнице сбежали около сотни бравых стражей в доспехах и с блестящими алебардами в руках, следом достаточно быстро спустилась празднично одетая толпа.

Короля я узнал сразу, хотя если бы не корона и прочие знаки власти, не обратил бы внимания. Рядом высокая женщина с высокой прической, тщательно укрытой золотым платком, лицо строгое и надменное, сразу видно, что королева, в то время как король показался довольно простецким мужиком.

Во дворе шум и суета, все сбиваются с ног, но я заметил, что при всей кажущейся неразберихе рядом со стражами герцога сразу появились и люди короля: рослые, крупные, закованые в лучшие из доспехов. На стенах расположились арбалетчики в цветах короля. На стенах и на башнях заблестели металлическими частями взведенныес к бою арбалеты.

Я огляделся, все правильно, перекрыты все пути, ни один сантиметр не останется в мертвой зоне, куда нельзя всадить два-три болта. И еще везде эти раздражающие меня фигуры в длиннополых темных плащах с надвинутыми на лица капюшонами. Как будто для охраняющих королевскую особу так уж важно оставаться неузнанными.

Кстати, если это маги, то как насчет того, что маги служат только магам постарше?

Все загадки нужно стараться разрешить как можно быстрее, иначе сильно осложнят жизнь: я увидел спешащего Эйсейбию, ухватил за рукав.

— Дорогой граф, это маги?

Он удивился еще до того, как увидел, на кого нацелен мой указующий перст.

— Маги? Откуда здесь маги?.. Ах, это... Нет, это телохранители. Только не мечами, эти люди обучены амулетству.

— Это как?

— Пользоваться.

— А... вы, к примеру?

— Они умеют пользоваться быстро, — ответил он коротко.

Люди в темных плащах, двигаясь бесшумно и стараясь держаться понезаметнее, распределялись как в толпе, так и в ключевых местах, откуда могут появиться новые гости.

Графа Цурского не могу найти, по всему дворцу герцога кипит радостная суматоха и метушня. В честь прибытия короля, конечно же, объявлен большой пир, а затем обещан бал-маскарад. С королем прибыли свои повара, слуги, челядь, устроители быта, вместе с герцожьими ринулись жарить, печь, варить, а также накрывать столы и готовить программу для взвеселения монарших особ.

На балконах внутри зала красочно одетые музыканты, держа наготове трубы и струнные инструменты, поглядывали через перила в сторону устанавливаемого королевского трона, между ними суетился человек из королевской свиты, взъярившись взмахивал руками и хватался за голову.

Эйсейбио отыскал меня, когда я пробирался к выходу.

— Маркиз, вы куда?

— Да я собирался уже в путь, — объяснил я.

— И не останетесь на королевский званный ужин? — изумился он. — Такого я даже представить не могу...

— Что делать, — ответил я. — Ну урод я, урод...

Он все еще держал меня за рукав, в глазах появилось новое выражение, он всматривался в меня со странным интересом.

— Ну нет, не отпушу, — сказал он с веселой настойчивостью. — Впервые вижу человека, который спокойно может уйти с королевского пира! А сколько мечтают на него почасть?

— Я им уступлю свое место, — сказал я.

— Ну нет, — повторил он. — Меня дед сожрет, когда узнает, что мог задержать вас и не задержал. Вы его заинтересовали, дорогой маркиз. Очень заинтересовали.

— Чем? — спросил я без особого интереса. — Кстати, дорогой граф, поделитесь секретом...

— Каким?

— Как вы так быстро трезвеете?

Он вздохнул.

— Ввиду чрезвычайных обстоятельств пришлось использовать амулет, хотя ненавижу быть трезвым!

— А-а-а... везде эти амулеты. Так чем я интересен благодатному герцогу, который навидался людей на своем веку по самое не могу?

— Он уверен, что вы не тот, — объяснил он, глядя мне в лицо, — за кого себя выдаете. Уж извините, маркиз.

— Ого, — сказал я. — Но все равно, раз уезжаю, со мной никаких проблем уже не будет.

— Но все же останьтесь, — посоветовал он настойчиво. — Вы путешественник, вам это должно быть интересно. И моя прекрасная тетя обидится...

Я кивнул на его огромную пуделинную голову.

— У вас парик сдвинулся.

— В самом деле? — спросил Эйсейбио испуганно. — Это ужасно! Это катастрофа... Маркиз, я оставлю вас, мне срочно в туалетную комнату. Пойдемте, вам тоже стоит попудрить нос.

— Не дамся, — сказал я твердо.

Туалетная комната оказалась небольшим роскошным залом, разделенным перегородками на части, везде зеркала во всю стену, роскошные посудины для мытья рук, столы на резных ножках, с десяток кресел с высокими спинками, на столе подсвечники, ларчики, шкатулки и, у меня сердце забилось учащенно — толстенный фолиант, богато украшенный золотом.

Я не сразу понял, что меня так тряхнуло, потом сообразил, это первая книга за все время, что я на Юге вообще. Книга роскошная: обложка из красного дерева, в уголках блестят мелкие рубины, название написано настолько вычурно и витиевато. Я поспешил поднял обложку. На титульной странице надпись уже проще и строже, я торопливо, хоть и с недоумением прочел: «Реестр о мушках. Пособие о способах нанесения мушек, их видах, особенностях и тайных знаках...»

Ни фига не поняв, я перевернул десятка два страниц, там еще осталось около тысячи, прочел на открытом месте:

«...символическое значение имеет место, куда сажают мушку. На языке мушек, если их расположить в середине лба, то дама сообщает о своей неприступности,

в уголке рта — «сегодня я добра»,

под нижней губой — говорит о скромности,

над верхней губой — сообщает о кокетливости,

в складочке улыбки — легкомыслие,

на виске у левого глаза — признание в страстности,
на виске у правого глаза — «я склонна вас немножко потира-
нить»,
на подбородке — «люблю, но его нет здесь»;
на середине щеки — я любезна;
а если чуть выше — «я согласна»;
под носом — «мы должны расстаться»;
в уголке рта, а вторая на щеке — «если не пугают месячные»;
две рядом на подбородке — «и анал»;
две, расположенные вертикально: размер верхней или ниж-
ней мушки указывает на некоторое предпочтение дамы в лю-
бовных утехах.

Запас мушек надлежит иметь каждой даме не только до-
ма, но на приемах, карнавалах, а особенно на балу, где много
кавалеров. Для этого нужно заказать у хорошего мастера ко-
робочку, украсить ее золотом и драгоценностями, дабы не стыд-
но вытащить на людях, и где-нибудь в уголке или в туалетной
комнате быстро снять одну и прилепить другую».

В недоумении, еще не врубившись, я перевернул сразу
страниц сто, впился взглядом в текст и узнал, что мушки де-
лают из черного бархата, муара, тафты, их вырезают не толь-
ко в виде кружочков, сердечек или звездочек, но даже как
фигурки птиц, зверей, цветы и красивых дворцов.

Хренъ какая-то, мелькнула растерянная мысль. Единст-
венная книга, которую увидел за все время, и такое вот...
ценное. Конечно, я тоже знал страну, где журналы по кос-
метике выходят миллионными тиражами на прекрасной бу-
маге и с фотографиями, какими не удостаивались картины
Эрмитажа, и где на искусственные мушки тратят денег по-
больше, чем на программу освоения космоса, но почему-то
казалось, что там дураки, а здесь все умные...

Эйсейбио не только поправил парик, но заново попудрил
лицо, снял родинку со щеки и передвинул ее на лоб, я запо-
здало сообразил, что у внука герцога, оказывается, не на-
стоящая.

Он оглянулся, в глазах вспыхнули веселые огоньки, по-
дошел, в голосе прозвучало хвастовство:

— Дед говорит, это работа самого Деделя...

— Кая Симплиуса, — поправил я автоматически, тут же

извинился, — простите, так написано, хотя, конечно, это могла быть более поздняя копия. Конечно же, у столь родовитого хозяина может быть только настоящий антиквариат!

Он не ответил, мне почудилось неладное, я резко обернулся, продолжая держать улыбку всем довольного человека. Он смотрел на меня с вытянувшимся лицом, в глазах страх боролся с отвращением.

— Маркиз, — пробормотал он, запинаясь, — мне почудилось... пожалуйста, разуверьте меня....

— В чем? — спросил я легко, уже догадываясь и спешно придумывая, как вывернуться.

— Мне почудилось, что вы... гм... простите за выражение... грамотны!

Я хохотнул с неволостью, виновато развел руками.

— Да так уж получилось, сэр Эйсейбио... Я был очень деятельным ребенком, а мои родители баловали меня и недостаточно загружали настоящей работой благородного человека, упражнениями и конными скачками. Вот от избытка сил и, не зная чем себя занять, я и выучился читать и даже писать у... одного из молодых магов, что служили моему отцу.

— Как странно, — пробормотал он, лицо его стало как раскрашенная глиняная маска. С него сдуло все дружелюбие и теплоту. Теперь я видел, что граф не притворялся, когда выказывал мне расположение и дружеское участие. — Как странно... Маг на службе вашего отца?.. А кто ваш отец?

Я снова хохотнул.

— Да обычный вельможа на краю света!.. Заурядный. Можно сказать, анахорет. Не любит показываться в высший свет, старомоден...

Он остро взглянул на меня, опустил взор, подумал, я уж думал, что позовет стражу и велит меня повязать, вид был такой, но он перевел дыхание и проговорил с колебанием в голосе:

— На краю света... Анахорет? Может быть, маг был из тех, кого изгнали за прегрешения?.. А он настолько пал, что принял помочь вашего отца?.. Гм, странные обычай в вашем маркизате...

Я сказал поспешно:

— Вы совершенно правы, сэр Эйсейбио!.. У меня голова

кругом пошла, когда я убежал из этого затхлого медвежьего угла и пошел странствовать по свету!.. Мир настолько великолепен, настолько своеобычен, ярок и дерзок, что я даже не знаю!..

Он тут же подобрел, изсамодовольнился и заговорил жирным, как сорокапроцентная сметана, голосом:

— Маркиз, здесь увидите все великолепие жизни. От рождения и до конца — в довольстве и беспечной праздности! Разве это не мечта всех и каждого?

— Да, — ответил я искренне, — да. И если бы Творец не изгнал человека из рая, так бы и было.

Он чуть посерезнел, словно я снова приблизился к некой опасной грани, за которую переступать нельзя, произнес торжественно:

— К счастью, в последней Великой битве силы восставших ангелов одержали победу. Теперь снабжают человечество всем необходимым... а также сверх того, что необходимо! Слава великому Самаэлю!

— Слава, — пробормотал я.

— Пойдемте, — сказал он отечески. — Впереди пир, а завтра обещан бал, костюмированный праздник. Вы знаете, что такое бал?

— С трудом, — ответил я. — Это тыква, хрустальные туфельки, Сильва, ты меня не любишь, три карты... уж полночь близится, а Германа все нет...

— Ничего подобного, — заверил он. — Никто вас тыкву есть не заставит, вы все перепутали. Пойдемте!

Он открыл дверь, музыка стала громче, я шагнул вслед за Эйсейбио, но музыка почему-то оборвалась на глухой басовитой ноте. Дирижер застыл со вскинутой рукой, танцующие пары замерли, а со скользящей близко к нашей комнате леди Габриэллы слетел платок и повис в воздухе.

Глава 8

Я настороженно осматривался, а из воздуха материализовался элегантно одетый господин в пестром костюме и при бантах, моментально сорвал с головы шляпу с перьями, иро-

нично-учтиво взмахнул ею в преувеличенно-церемонном поклоне.

— Приветствую, сэр Ричард, — сказал он весело. — Как находите Юг?

— Спасибо, сэр Самаэль, — ответил я. — Классная шляпа.

— Вы находите? — спросил он довольно. — Это я, кстати, ввел ее в моду. Люди такие, силой заставить трудно, а вот так показал и скрылся — уже на другой день появились эти штуки с перьями... Удивительный вы народ!

— Мы еще и не так удивим, — пообещал я. — А вообще-то мельчаете, сэр Самаэль. Когда-то с самим Творцом дрались!.. Вселенная содрогалась...

— Мы и сейчас деремся, — сообщил он угрюмо. — Только методы изменились.

— Ну да, — согласился я, — кроме горячей войны, бывают разновидности холодной: информационная, компроматная, ресурсная, демпинговая...

Он внимательно слушал, в черных живых глазах разгорался интерес.

— Кстати, — произнес он приятным голосом, — хочу поздравить с очень изящным и смелым ходом.

— Это о моем маркизстве?

— Да. Мне понравилось. Как находите Юг?

— Я его еще не нашел, — буркнул я. — Выводы делать рано. Одно могу сказать наверняка; я бы не назвал здешнее общество счастливым. Оно беспечно, как бабочки, но... что-то мне нравится не совсем, не совсем...

Он нахмурился, сказал уязвленно:

— Я и не утверждал, что все счастливы. Счастливой жизни вообще не бывает, бывают только счастливые дни. А то и часы. Но одно бесспорно, здесь живут богаче и зажиточнее.

— За счет чего? — спросил я напрямик.

Он поморщился.

— Я потому и зазывал так усиленно на Юг, что здесь сможете как разобраться лучше, чем все местные маги, так и что-то исправить!

Я покачал головой.

— Боюсь, это проблематично.

— Почему?

— На севере работают потому, — сказал я, — что если не трудиться — умрут с голода. В поте лица своего добывают хлеб, как и было сказано... благодаря вашей милости. А здесь, насколько я понял, почти все на халюву? Или хотя бы основное: продукты, металл... Сэр Самаэль, халявщика принудить трудиться сложно. Думаю, вообще невозможно. Одного бы еще так-сяк, но целые народы... Философия халявщиков удобна для человека и смертельна для общества.

Он хитро прищурился.

— Так уж и невозможн?

— Я же сказал, — ответил я, — это пока первые впечатления. Рад бы ошибиться. Но если летающие штуки перевозят народ, то нафиг строить дороги, мосты, вбивать по колено в грязи сваи в болота?.. Если нечто выплавляет металл и подает наверх, то зачем развивать горнорудную промышленность?.. Если увижу, как кто-то копает руду, я удивлюсь... и признаю, что не прав.

— Или скажете, что металла не хватает, — уточнил он.

— Да, или так, вы правы.

— Металла хватает, — заверил он. — Как и основного продовольствия. Народ благоденствует! Правда, сытых и довольных на свершения, вы правы, подвигнуть трудновато...

— Как долго благоденствуют? — спросил я в лоб. — Десять лет или десять столетий?.. Если столетий, то и концентрационные лагеря вряд ли таких горбатых исправят. В одной стране эти лагеря называли трудовыми, в другой — трудовыми исправительными, в третьей так и вообще... но нигде экономику не подняли и народ к труду не приучили. Я не гуманист, могу и целую толпу в лагерь, если для дела, но это ничего не даст... Чтобы обществу и прогрессу развиваться, эта скотина должна быть свободна. Чтобы сама рубаху на себе рвала от желания работать. Вернее, от желания заработать больше, чем сосед.

Его черные как смоль брови сдвинулись у переносицы. Глаза потемнели еще больше, в них заблистал космос.

— В поте лица добывать хлеб, — повторил он задумчиво, — это же кара за то, что люди послушались меня. Разве свободные от тяжелого труда люди менее счастливы?

— Может быть, более, — согласился я, — но мне еще и

прогресса хочется! Пусть даже через несправедливость. А вам? Люди такие хитрые твари, что на Севере и кару небесную поставили себе на пользу! Работают так, что жилы рвутся, тянут колесницу прогресса... А здесь? Вы не ответили, но не сильно ошибусь, если скажу, что и тысячу лет было все так же... Разве не так?

— Это ни о чем не говорит, — возразил он. — Путь к прогрессу может быть быстрым, а может — длинным. Когда слишком быстро, то можно, как вы заметили верно, и жилы надорвать. А медленно и неспешно... Но мы не о том. Я все жду, когда согласитесь принять мою помощь. Здесь, надеюсь, ваше упрямство поколеблено?

— Упорство, — поправил я.

— Упорство, — согласился он с великой охотой и улыбкой как бы поблагодарил за более точное слово, хотя, конечно, это была не оговорка, Сатана следит за своими словами и умеет выбирать выражения. — Вы увидели Юг, его мощь, его возможности. И что?

— А ничего, — ответил я хладнокровно. — Я все еще не увидел, что может заставить этих людей двигать прогресс. Его пихает только необходимость! Вы помните, стимул — это заостренная палочка, которой кололи в задницу упрямого осла. Человеку всегда нужен стимул! В том числе необходимость каждый день жрать. А еще и семью кормить. Праздность — опытное поле, на котором ваша милость испытывает семена новых грехов и выращивает укоренившиеся пороки!

Он хитро улыбнулся.

— Стоит помнить, что у Сатаны есть свои чудеса.

— А вот чудеса противопоказаны, — огрызнулся я. — Поэтому Творец их никогда не являет, какие бы слухи про них ни распускали! Покажи человеку чудо хоть раз в жизни — тут же работать перестанет, будет надеяться.

Он смотрел серьезно, живое подвижное лицо напряглось, на лбу простили глубокие морщины.

— Вы преувеличиваете, — сказал он наконец.

— Намного?

— Это неважно. Вы уже созрели, чтобы принять мою помощь?

Я помотал головой.

— Пока осматриваюсь, — ответил я уклончиво, даже Сатану не стоит раздражать без необходимости. — Когда осмотрюсь... будет видно.

Он снова улыбнулся, я увидел в его глазах уверенность и торжество, что в следующий раз я уж точно скажу то, к чему он меня подталкивает.

— Оставляю вас развлекаться, — произнес он с поклоном. — Конечно, это фигура речи... Я понимаю, что ваши развлечения весьма отличаются от общепринятых!

Он исчез, мгновением позже возобновилась прерванная музыка. Люди задвигались в танце, а я закрыл дверь, Эйсей-би оглянулся.

— Действуйте, маркиз! Вы весьма фактурны, а мужчине красота дает выигрыш в две недели.

Он хохотнул и пошел среди танцующих на ту сторону зала, а я прислушался к разговору шныряющих вдоль стен не-приметных слуг, что в большом зале столы уже накрыты, сейчас церемониймейстер Его Величества призовет всех занимать места для королевского пира.

Я под стеночкой пробрался через главный зал к лестнице, можно бы улизнуть в свою комнату и переждать пир, когда графа Цурского можно будет увести к коням. Или попытаться высмотреть его прямо на пиру...

Столы покрыты белой скатертью и поставлены в виде огромной квадратной скобки. Я с лестницы видел, как герцог распоряжается умело и властно, по мановению его руки тут же добавили по два стола с каждой стороны, гостей ожидается много.

Ярко одетые люди в красном, синем и зеленом занимали места за столом неспешно, с достоинством, но со смешками и шуточками. Одеты, на мой взгляд, чересчур тепло, все-таки лето, хоть только что прошел дождь, а у каждого по две-три одежки разных цветов, да еще сверху всякого рода цветные накидки.

От огромного камина идет сухой жар и, ударившись в столы, остается в их загоне. Посуда на столах из серебра и золота, даже огромные кувшины и чаши с ручками и носиками, что уже не чаши, а что-то другое, вроде соусниц, только

излишне громадных, но не громоздких из-за дивной работы умельцев, украшений и рисунка.

На обеденном столе светильникам места не нашлось, все занято роскошными блюдами. Из них только целиком зажаренных оленей внесли пять штук, гости отобрали двух, мясо порезано большими ломтями, печеная рыба, на диво много фруктов...

Герцог, уже зная от Эйсейбио, что я пытался улизнуть, усадил меня рядом, что вообще-то большая честь для никому не известного маркиза из дальнего медвежьего угла.

— Я польщен, — пробормотал я. — Весьма, весьма... Любите вас Его Величество! В гости изволил...

— Короли всегда одиноки, — ответил он спокойно. — Я у него единственный брат, которому он верит.

— Старший брат?

— Да. Но я уступил ему корону. Он очень уж хотел стать королем. Очень. У него сперва были такие планы...

Я по-новому посмотрел на герцога.

— А вы?

— Я, наверное, всегда был стар, — объяснил он. — А страсть — это когда уже не ждешь от жизни ничего хорошего, а она от тебя — ничего плохого... Потому мы с королем всегда дружим, как бы нас ни пытались поссорить.

— А ваш венценосный брат, — сказал я осторожно, — выглядит так, словно это он старший по возрасту... Вообще по его виду счел бы вашим батюшкой.

Герцог усмехнулся одной стороной рта.

— Корона старит.

Я поежился.

— Да уж... Это пугает.

Он посмотрел на меня остро. Губы шелохнулись, но в последний момент удержался, смолчал, и я с облегчением перевел дух.

— Нас трое братьев, — сообщил он суховато. — Самый младший вообще хотел стать магом. До сих пор, говорят, пытается... А мы с Хенрихом общаемся часто.

Он поднялся и, постучав по столу, поднял золотой кубок и провозгласил здравицу в честь короля. Все поднялись и с дружным ревом одобрения выпили стоя, а затем поспешино

всаживали задницы в кресла и торопливо хватали жареное мясо, тушки птиц, отрезали куски от запеченного целиком вепря.

Меж столами прыгали и кувыркались акробаты, вскачивали друг другу на плечи, а там еще и ухитрялись жонглировать облегченными булавами.

Дикарское веселье начало овладевать и мною, я глупо улыбался всем, подставлял слугам кубок, темно-красное вино лилось тонкой тягучей струей, именно такое вино люблю, все хорошо, жонглеры просто великолепны... Я всмотрелся в кувыркающихся парней, что-то не так, затем увидел, как все старательно обходят пятак посередине их группы.

Я сосредоточился, фигуры жонглеров стали менее реальными и потеряли цвет, зато в их группе пропал восьмой, ранее незримый, в темном плаще с красным подбоем и с капюшоном на лице. Наверное, особый трюк готовят, мелькнула мысль. Что-то совсем уж удивительное, чтоб все ахнули и пасти раскрыли. Опасности не чую, а я ее теперь седалищным мозгом за километр...

Каким мозгом, мелькнула мысль, это же себя чувствую! А здесь, похоже, никого не интересую, что, конечно, обидно, но с другой стороны...

Мысль текла вяло, уже пьянеющая, Я тряхнул головой, сосредоточился. В кругу жонглирующих актеров стоит человек в плаще, если это человек, выше всех на голову, руки его, высовываясь из широких рукавов, беспрестанно вяжут в воздухе незримые узлы. Я начал чувствовать исходящую от него мощь, она пока собирается в нем, накапливается. Я со страхом представил, в какое магическое копье превратится эта страшная сила, когда ее высвободят...

Я наклонился к герцогу, он с улыбкой слушает разглагольствующего соседа.

— Сэр Людвиг... что делать? Среди жонглеров человек, которого остальные не видят...

Он ответил с мягкой улыбкой:

— Крепкое вино у нас, маркиз?

— Да не вино, — запротестовал я. — Он скрыт, но я его рассмотрел...

Он рассмеялся, но ответил тихо, чтобы не привлекать внимания:

— Короля окружают телохранители с самыми надежными и мощными амулетами. Они в состоянии увидеть за милю все скрытое. Не беспокойтесь, маркиз!

— Телохранители-маги?

Он покачал головой.

— Не маги. Особые телохранители. Ну, как вам объяснить... Кроме обычных, обученных искусству владеть всеми видами оружия, короля сопровождают и те, кто научился очень быстро понимать, за какой амулет хвататься первым.

— Ага... и в каком случае?

— Вот-вот, вы сообразительны, маркиз.

— Стараюсь...

— Непростая задача охранять короля, — закончил он. — Защитных амулетов сотни, потому эти все в плащах. Вы поняли, вижу по вашему очень уж непридворному лицу.

Я кивнул, значит, все эти плащеносцы увешаны амулетами, как елочными игрушками. Не только на груди, пузе и руках, но, наверное, даже на голове, не зря же капюшоны раздулись, как воротники гремучих змей.

Одни артисты встали, укрепив ноги, другие запрыгнули им на плечи. Образовалась пирамида, на самой вершине полуодетая девушка подбрасывала в воздух две разноцветные булавы. За столами притихли, смотрят заинтересованно: упадет — не упадет, а невидимый человек в темном с алым медленно двинулся к центральному столу.

— Идет к королю! — зашептал я. — Что делать?

Герцог широко усмехнулся.

— Что делать, что делать... Да просто убейте его!.. Ха-ха-ха...

Я прошептал, не отрывая взгляда от человека, что уже приблизился к столу и остановился за спиной одного из королевских вельмож, что сидит напротив короля:

— Боюсь, что придется...

— Ха-ха! — сказал герцог. — Только бы не остался невидимым, как думаете?.. Кстати, его убить можно и вот этим кубком! Только опорожните разом. И даже видимые исчезнут, ха-ха!

Человек поднял руку и, держа ее над головой сидящего

гостя, вперил указательный палец в короля. Я отщелкнул от пояса патрон пневмомолотка и направил его на невидимку.

Все смотрели, задрав головы, на девушки на вершине пирамиды. Мои пальцы сжались на патроне, раздался слабый щелчок, а в груди лазутчика появилась рваная дыра. Я успел вернуть патрон на пояс в момент, как все повернулись на грохот, крики и треск стола. Я находился не на прямой линии с незримником и королем, лазутчика ударило о стол, стол разломило в щепы. Одни телохранители кричали и размахивали амулетами, другие закрыли короля щитами.

Пирамида артистов рассыпалась, добавляя неразберихи. Двое королевских людей ловко перепрыгнули через обломки стола, я видел, как склонились над чем-то невидимым. Тело незримника бессильно распласталось на полу среди разбитой посуды и остатков еды.

Герцог вскричал в отчаянии:

— Маркиз! Что вы наделали!

— Слуги короля уже поняли, — ответил я и, перепрыгнув стол, бросился к распластанному незримнику.

Один из плащеносцев крикнул мне яростно:

— Где он?

Я вытащил меч из ножен и упер в неподвижное тело.

— Вот.

Плащеносец тут же начал вязать в воздухе магические сети. Двое все еще ползали и всматривались в расписные плиты. Теперь все рассмотрели медленно проступающую зловещую зеленую лужу. Актеров стражи вытеснила из зала, за дверьми слышались их отчаянные крики. Гости уже выскочили из-за столов и стояли под стенами, бледные и дрожащие.

Тело незримника начало проступать как будто вылепленная из тумана фигура.

Один из королевских плащеносцев вскрикнул:

— Это же Бесшумный Людофинг!.. Ваше Величество, теперь мы узнаем, чем он пользовался!

Телохранители отступили по знаку короля, он перевел дыхание и сказал саркастически:

— Я тоже бываю вот таким же умным. Потом!

Плащеносец сказал умоляюще:

— Ваше Величество!.. Это что-то совершенно новое! Такого заклятия не существовало.

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, вложил меч в ножны, а то арбалетчики взяли меня на прицел, слишком близко я к королю.

Герцог подбежал и обхватил короля обеими руками.

— Ох, как я перетрясся!

Король взглянул на меня из-под насупленных бровей.

— Это твой молодчик?

— Мой гость, — уточнил герцог. — Я велел ему убить эту сволочь, но я не думал... гм... что это реально!

Король снова посмотрел на меня, затем хлопнул брата по плечу.

— Второй раз спасаешь меня. И оба раза вроде бы нечаянно. Наверное, что-то в тебе есть эдакое.

Они обнялись, король остро взглянул на меня.

— Маркиз, говориши?.. Сейчас мы заняты, но вечером загляни ко мне.

Глава 9

Двор гудел, на транспортнике прибыла еще сотня отборных воинов и целая толпа плащеносцев. Правление перешло в руки старшего королевского специалиста по амулетам. Как я понял, искали следы убитого, стараясь выяснить, кто послал и что велел еще. Тело убитого заперли в отдельной комнате и поставили у двери королевскую стражу. Допускали внутрь только плащеносцев короля, но, как я понял, удалось понять только то, что я его убил мгновенно: перебив хребет и размозжив все внутренности.

Плащеносцы хмурились, неодобрительно качали головами, но в то же время признавали, что запоздай я хоть на мгновение, король был бы убит. Герцог то сам подходил ко мне и бросался обнимать со слезами благодарности, то вызывал к себе и настойчиво спрашивал, чем может отблагодарить за спасение брата.

Красавица Элизабет покусывала губы, стараясь, чтобы они стали еще краснее и пухлее, улыбалась вельможам коро-

левской свиты, и вскоре они все уже ходили за ней, как гуси на водопой.

Я потащился в свою комнату, медленно и с отстраненно-задумчивым видом. Придворные провожали почтительно-боязливыми взглядами. Я криво улыбался, но старался смотреть прямо перед собой, чтобы не отвечать на поклоны. Вдруг кланяется какая-то сволочь, а я отвечу нечаянно и тем самым ее как бы легализую и что-то да нарушу в сложившейся здесь иерархии отношений.

Здесь все в равновесии между кланами, фракциями и группами, а в моем лице вломился неожиданный и не предсказанный местными аналитиками фактор.

А может, не дожидаться вызова от короля, а отыскать лорда Цурского и напомнить насчет его коней? Сейчас, когда мой рейтинг неожиданно поднялся, думаю, еще охотнее уступит мне приличного скакуна.

— Может быть, даже платить не придется, это неприлично — брать деньги со спасителя его сюзерена...

Из соседнего зала выдвинулась пестрая группа молодых дворян, во главе леди Элизабет. Она сразу же замахала мне рукой.

— Маркиз!.. Маркиз, подите сюда!

И хотя вроде бы герой, но перед капризами красивых женщин покорно склоняются даже короли, я вздохнул, но радостно заулыбался и пошел к этим цветам жизни, а что не все цветы дают плод, а большинство остается пустоцветами...

Она посмотрела на меня большими блестящими глазами. Я поклонился и заговорил деревянным голосом, загибая пальцы:

— Леди Элизабет... Ах, леди Элизабет! Какая вы сегодня особенно замечательная!.. Какое на вас чудесное голубое платье, что так идет к вашим глазам!.. Какая у вас бесподобная талия, а как очаровательна улыбка! Аромат вашей кожи сводит всех нас с ума, ваши нежные руки просто восхитительны и божественны... Они подобны лепесткам роз, они так же гибки, чувственны. Вы самая безукоризненная девушка на свете, леди Элизабет!

Она прощебетала восторженно:

— Ох, маркиз, вы, оказывается, еще и комплименты говорить умеете!

— Ну да, — сказал я, — чего я только не умею. Вот только ехать бить не научился.

Она сказала с ликованием:

— Я так вам благодарна, так благодарна за спасение моего любимого дяди!

Я отмахнулся.

— Да фигня все. Мне самому было интересно влупить гада в спину. Представляете, всегда лицом к лицу, а тут... в спину! Это не я виноват, подействовала перемена климата и прочей географии. Такое гаденькое удовольствие, будто насрал у кого-то под дверью и смотрю, как то один, то другой вступает надушенными туфлями!

Она смотрела озадаченно, у меня простое и бесхитростное выражение, я сама искренность, в глазах святая наивность, и если брякаю что, то понятно же, что не с целью, а именно по своей медвежистой чистоте и лесной непорочности.

— Ах, маркиз, у вас такое образное мышление...

— Я такой, — согласился я. — Образный! А главное — мыслитель. Такое иногда намыслию...

Ее свита смотрела на меня с неуверенностью. Только что определили меня в неотесанную деревенщину, которая ни в чем не соперник, а тут вдруг я резко меняю статус.

Граф Гаррос прокашлялся и сказал излишне оживленно:

— Маркиз, а вы в своих путешествиях не проходили через королевство Янгмания? Говорят, там живет ужасающее примитивное племя! Поклоняются девушкам, находя в их невинности некий шарм... а вот мы, передовой народ, лишь замужним женщинам посвящаем стихи и оды! Только они интересны, ибо являются куда более запретным плодом, по дороге к которому нужно преодолеть больше препятствий, в том числе и обмануть ревнивого мужа...

Эйсейбио с готовностью хохотнул, переходя на привычную стезю:

— Ну, не только замужним, не только... Большинство придворных дам еще не замужем, но уже побывали любов-

ницами того или другого! Или, как леди Мианы, у которой три любовника...

Гаррос скребезно улыбнулся.

— Я ее имел в виду, сэр Эйсейбио. Просто нарочито не-точно выразился, чтобы посмотреть на реакцию маркиза.

Лорды Водемон и Шуй, будучи поумнее, посматривали на меня с настороженностью и опаской, не спеша погрузиться в привычный треп о бабах и средствах их обольщения. Я не салонный человек, видели и раньше, но тогда можно было с этим не считаться.

Гаррос же, соскользнув на привычность, где он как рыба в воде, заявил громко и победно:

— Я люблю мужчин с будущим, а женщин — с прошлым! Девственницы пресны и скучны. Они интересны разве что где-нибудь в медвежьем краю.

Я посмотрел на них ничего не выражающим взглядом и, сделав вид, что меня это не касается, подошел к окну. Огромный сад внизу не просто заполнен, а чуть ли не забит до отказа. Народу как муравьев — помимо прибывшей с королем толпы еще и свои понабежали со всех сторон, потеряться о короля и его придворных, узнать последние важные новости: кто с кем спит, чья жена с кем изменила, чья готова изменить, а чью склоняют к измене, кто склоняет, как склоняет...

Сколько мозгов пропадает, подумал я угрюмо. Могли бы учиться, развивать науку, искусство, так нет же: занятие для неблагородных! Разве дворянин унизится до того, чтобы познавать тайны природы, рисовать или смотреть в телескоп на небо?

Да что там науки... Дворянин даже грамоте не учится, это дело для простого люда. Впрочем, в этом мире свои особенности: здесь даже простолюдин не имеет права учиться читать и писать, оставаясь тем, кем был. Хочешь учиться грамоте — ступай в маги. Там с тебя сперва возьмут подписку о неразглашении, а потом уже давай овладевай знаниями. Вернее, учись читать, что написано в уцелевших книгах, инструкциях, косметических рецептах и прочем спаме...

За спиной послышался щебечущий голос:

— Маркиз, вы слишком долго делаете вид, что вам с нами неинтересно! Мы могли бы уйти за это время.

Я чуть повернул голову. Леди Элизабет смотрит победно, в глазах ирония, мол, поймала, на красиво очерченных губах играет улыбка.

— Но вы же не ушли?

Она нахмурилась.

— Полагаете, вы этим выиграли? Ошибаетесь!

Она резко повернулась, я слышал, как застучали, удаляясь, ее каблучки. Голоса ее свиты тоже затихли синхронно, а я, получив таким не совсем учтивым образом освобождение от уз светскости, отправился в свою комнату.

Стражи в коридоре встретили меня улыбками, один даже поприветствовал, стукнув тупым концом копья в пол. Я прикрыл за собой дверь, повалился на ложе и закинул руки за голову.

Юг разочаровал, это бесспорно. Не знаю, что я ждал, но это должно было быть нечто ужасающее мрачное, грозное, всеобъемлющее. Я должен был сжаться в диком страхе, как москита под ступней слона, а не разваливаться, словно лакей на кровати уехавшего на охоту барина...

Раздался стук в дверь, я сказал громко:

— Открыто!

В дверях появился высокий и роскошнейший бюст, а следом за ним вошла леди Габриэлла. Приподнятость и подпертость корсетом не дает бюсту колыхаться и даже подрагивать, что так привлекает внимание, потому от бюста леди Габриэллы ни один мужчина не способен оторвать взгляда.

Я поспешил встать, мои глаза, как намагниченные, повернуты в сторону этого поднятого почти под подбородок чуда сексапильности. Леди Габриэлла покровительственно улыбнулась, женщины — чуткий народ, наверняка ощущает мой взгляд, как ощупывающие руки, вон глазки заблестели и щечки зарумянились еще больше.

— Маркиз, — проговорила она сочным голосом и придвигнулась, почти касаясь меня грудью, — простите, что подняла вас с ложа, вы так красиво отдыхали после ваших трудов...

— Может, приляжем вместе, — предложил я.

Она довольно улыбнулась.

— Ах, маркиз, я тоже не люблю долгих прелюдий, но все-таки мы не в ритуале Спасения. Я зашла вас поздравить.

— Спасибо.

— Вы победили! Вы победили!

— Да, — ответил я скромно, — вообще-то получилось не-плохо. Этот гад даже не копыхнулся.

Она заулыбалась хитро.

— Маркиз, я о другой победе, более важной!..

— Это о какой же? — спросил я опасливо.

— Теперь-то леди Элизабет обратит на вас внимание!..

О вас заговорили, начали спрашивать, кто этот молодой человек. Особенно женщины. Мужчины, естественно, заинтересовались тоже. Им всех соперников надлежит знать не только в лицо, но и все их слабости.

Я отмахнулся.

— Я весь из слабостей. Нет, я верен старому принципу: чем меньше женщину мы любим, тем больше денег в копильщике.

— Чем меньше женщину мы любим, — возразила она наставительно, — тем крепче вырастут рога!

— Это мне, к счастью, не грозит, — ответил я. — Я человек простой, медвежий, медвежиный. Все эти «чем меньше женщину мы больше, тем больше меньше она нас...» для меня слишком сложно.

Она посмотрела на меня намекающе.

— Маркиз, здесь все предпочитают тонкую и сложную игру.

Я взглянул ей прямо в глаза.

— И вы?

Она хитренько улыбнулась.

— Для некоторых могу сделать исключение. В некоторых случаях.

— Вы просто выдающаяся женщина, — воскликнул я. — Всегда надо дифференцировать подход к разным osobям. Даже одного и того же самцовского пола. Я ж говорю, можете начинать насиловать меня прямо щас! Уверяю, ну совсем почти не стану отбиваться.

Она оглянулась по сторонам и ответила почти серьезно:

— Сейчас не могу, увы.

— Жаль, — вздохнул я. — Ну ладно, я пошел.

— К леди Элизабет?

— Ну а как же, — ответил я. — Надо это... ковать, пока горячо.

Она сказала мне наставительно:

— Настоящий мужчина узнается по женщине. Тот, кто завоюет леди Элизабет, прославится на все королевство... Вот это будет и слава, и признание!

Я принял потрясенный вид, показывая, что мне как раз не хватает обвешаться бабами, как охотник утками. Прям жажду обольщать и завоевывать баб-с, ну прям смысл жизни в этом. Словно я так и остался в своем тинейджерстве.

Мне милостиво дали поцеловать руку, я приложился, уловив особый аромат, словно бы леди Габриэлла только что со вкусом чесала промежность, при сахарном диабете там чешется постоянно.

Она пошла к двери, я смотрел вслед, так принято, а леди Габриэлла, почуяв мой взгляд, оглянулась и, чарующе улыбнувшись, еще сильнее раскачала пухлую задницу. Идиотки, тут же подумал я, не такие уж идиотки, какими кажутся. Идиоты вроде Водемона и Шуя — совсем другое дело...

Я хотел было снова лечь, но взял себя за горло и напомнил, что я на Юге, долгожданном Юге, куда так стремился, дурак. Разочаровал он или нет, но здесь в самом деле сохранились древние технологии. Некоторые все еще работают в автоматическом режиме. А я тот орел, что и неработающие может запустить, если повезет и окажется в нужное время в нужном месте.

Надев на морду улыбку, я вышел в общество, надо слушать разговоры, общаться, вылавливать крупицы информации, чтобы понять этот мир.

Во дворце стараниями распорядителей и устроителей пир продолжился как ни в чем не бывало, а затем начались танцы. Я мало что узнал от этих элоев, прям птички небесные, крылышками бяк-бяк-бяк, а хуже того, так и не отыскал графа Цурского.

Расстроенный, потащился в свою комнату и завалился на

ложе, не раздеваясь. Ближе к вечеру в дверь постучали. Я сказал «войдите», через порог переступил пышно одетый человек в коротком парике и почти без свисающих пуделиных ушей, весь в шелках и бархате, низко поклонился и помахал над сапогами шляпой.

Лицо его оставалось неподвижным, но острые глаза быстро оглядели меня с головы до ног, взвесили, оценили, привесили бирочку, и только тогда он сказал очень любезно:

— Барон фон Эльрих. Служу Его Величеству. Предваряя вопрос кем, сообщаю — просто на побегушках.

— Ну и как? — поинтересовался я.

— Теперь у меня толстые ляжки, — сообщил он самодовольно.

— Это важно, — согласился я. — И далеко вас посылают? Он коротко усмехнулся.

— Далеко. Вы даже не представляете, как далеко может послать Его Величество, особенно ежели в монаршем гневе. Но сейчас мне повезло... Мне приказано всего лишь пригласить вас к Его Величеству на аудиенцию.

— Это повезло?

— Вы не слышали предыдущие повеления Его Величества!

— Настоящий король, — пробормотал я. — Впрочем, народу нравится сильная власть. Бьет — значит любит.

— Вам нужно переодеться?

Это прозвучало как вопрос, а не пожелание, потому я ответил с исключительной любезностью:

— Во что бы я ни переоделся, для Его Величества, всецело поглощенного заботами о благе его подданных, это несущественно... как я полагаю. Потому не буду морочить голову всякой хренью насчет бантов, эта одежка меня вполне устраивает.

Он усмехнулся одними уголками глаз, понял, отвесил поклон.

— Тогда прямо сейчас?

— Да, — ответил я. — На всякий случай добавлю, что я польщен и даже местами беспредельно счастлив! Хоть я и не подданный Его Величества, но буду счастлив и вообще... ну, вы поняли.

Он улыбнулся.

— Все прекрасно понял, сэр...

— Сэр Ричард.

— Сэр Ричард, прошу вас любезно следовать за мной.

Он еще раз поклонился и, отойдя от двери в сторонку, ждал. Типичный царедворец, но лицо умное, глаза веселые и с некоторой хитринкой. Когда я вышел в коридор, он повел меня через комнаты, на ходу поинтересовался, как это я сумел сделать то, что не смогли обученные плащеносцы, я скромно ответил, что я вообще-то везучий, уже и на Кубику-се заметили.

Он не стал выяснять, где это королевство, шел прямой и несколько настороженный, хотя теперь в этом крыле здания стражи только в одеждах королевских цветов. Охраны здесь не меньше, чем бесцельно слоняющихся придворных, я чувствовал пристальное и далеко не всегда дружелюбное внимание.

Глава 10

Перед покоями, которые занял король, стражи отступили от двери еще до того, как Эльрих сделал повелительный жест дланью. Он сам распахнул передо мной створки. Король, уже в толстом халате, расположился в глубоком кресле, перед ним низкий столик с тонкостенными фужерами, ваза с виноградными кистями и сладостями.

Я поклонился еще от двери, он помахал мне рукой.

— Садитесь, сэр... сэр...

— Маркиз Ричард, — подсказал барон фон Эльрих.

— Маркиз Ричард, — повторил король. — Вы спасли мою старую шкуру, а она мне по разным причинам все еще нужна. Так что моя благодарность не имеет границ... ну, почти, почти.

Я сел, король рассматривал меня с любопытством, я рассматривал его вежливо, но без подобострастия, мол, я не его подданный.

Король смотрел на меня испытующе, ничуть не скрывая, что рассматривает, как нечто диковинное. Я держался спокойно и смотрел на него в свою очередь с добродушным лю-

бопытством, как человек из глубинки смотрит на своего племенного вождя, где король — всего лишь старший из нас, отец народа и племени, хоть бывает строг, но справедлив всегда.

— Угощайтесь, — предложил король. — Вина?

— Спасибо, Ваше Величество.

— «Спасибо» — это да или нет?

— С вашего любезного позволения, — ответил я витиевато, — нет, ибо я уже опьянен присутствием великого монарха, это шибает в голову, как крепчайшее вино!

— Ого, — сказал он иронически, — вы впервые увидели меня и уже поняли, что я великий монарх?

— Ну да, — ответил я уверенно и нагло посмотрел ему в глаза. — А как же?

— По каким признакам? — полюбопытствовал он.

— А покушение? — напомнил я. — Будь вы ничтожеством, на хрен вас убивать, вы и так навредите королевству больше, чем вражеская армия. А пытаются убить — значит уважают.

Он слегка опешил, потом подумал, быстро зыркая на меня из-под мясистых толстых век с красными прожилками. Покосился на барона Эльриха, тот сидит в сторонке, изображая статую.

— Ну как тебе этот молодчик?

— Интересный экземпляр, — ответил барон негромко.

— Что посоветуешь?

— Вы мудрый король, — ответил барон уклончиво, — лучше нас всех знаете...

Король хмыкнул.

— Увильнул... Значит, тоже сбит с толку. Ладно, оставим. Сэр Ричард, как вам удалось увидеть то, что не смогли мои слуги?

В его старческих глазах вновь появились подозрительность и недоверие. Я сказал осторожно:

— Люди разные, Ваше Величество. Слепые, к примеру, слышат куда лучше зрячих. Возможно, в чем-то я совершен-но слеп. Я уже заметил, что в вашем королевстве совсем не так, как в том, из которого я вышел...

Он отмахнулся.

— Да, в каждом что-то иначе. А то и много. Вот в Ямгерде вообще никто ничего не делает, маги создают все готовое. Но мало таких орлов, что смогли пробраться так далеко, как вы.

Барон вставил почтительно:

— Не пользуюсь багерами!

— Да-да, — согласился король. — На багере его бы давно сняли. И где-нибудь оставили. Кстати, что вас побудило так бездумно спасать мою шкуру? Кроме моей понятной благодарности, вы навлекаете на себя чье-то неудовольствие... вы это поняли?

Я ответил с поклоном:

— Вы гость герцога Людвига, который очень хорошо отнесся ко мне. А также его родственник... А к неудовольствиям и неудобствам я уже привык. Завтра я уйду дальше.

Он буркнул:

— Положим, это он мой родственник, а не я его, но... неважно. Но все-таки, как сволочи отыскали способ сделать незримым человека даже для моих людей? Даже мои телохранители, на что уж обучены всему, но и они... Может быть, у вас какой-то особый дар?

Я пожал плечами.

— Да просто как-то случайно. Видимо, он меня не увидел, когда укрывался от всех. И не наложил заклятия.

Он пожевал губами, взгляд исподлобья, явно не верит, поморщился и сказал уже другом тоном:

— Не хотите войти в число моих телохранителей?

Я развел руками.

— Простите, Ваше Величество, я дворянин...

Он вскинул брови.

— Ну и что? Они почти все дворяне! Есть сынки очень знатных лордов. Это честь — охранять короля. Впрочем, мой брат уже рассказал о вашей тяге к странствиям и приключениям. Как видите, это едва не закончилось для вас плачевно... Ладно-ладно, я все понимаю насчет славной гибели в красивой схватке или под окном дамы! Не понимаете, что жить хорошо даже в мои восемьдесят... Ладно, маркиз, чем я могу вас отблагодарить?

— Вы меня оскорбляете, — ответил я с достоинством. — Как можно благодарить за то, что я и так должен был сде-

лать? Это же естественно — прийти на помощь, если в ней нуждаются!

Он вскинул брови и долго всматривался в меня, стараясь рассмотреть, как это я так искусно брешу. Наконец покачал головой.

— Странно, не врете... Но где, где сохранился такой медвежий угол, где остались такие замшелые понятия? Не могу себе вообразить... Откуда вы, говорите?

Я постарался изобразить максимальную неловкость.

— Ваше Величество, я в самом деле из дикого края. Земли моего отца совсем крохотные, лес со всех сторон, нас никто никогда не тревожил. Возможно, мир вообще не знает о нас! Меня это тяготило, сердце жаждет подвигов, однажды я... словом, воспользовался случаем вырваться в большой мир. И я прошел достаточно много земель и даже королевств, прежде чем сообразил, что даже не знаю, отыщу ли дорогу обратно.

— Сколько вашему отцу лет? — спросил он внезапно.

Я сделал вид, что смущился.

— Ваше Величество, этого никто не знает...

— Я так и думал, — буркнул он. — Иначе как объяснить такое устарелое мышление... Мне тоже готовят эликсиры, но все не то... Говорят, есть такие, что можно жить вечно. В смысле, от старости не помрешь. Возможно, потому ваш отец и ушел в леса, чтобы избегать драк?.. В драках убьют и бессмертного. Ладно, давайте о более веселом. Я не могу отпустить вас, не наградив. Нельзя, чтобы обо мне пошла молва как о неблагодарном правителе.

Я ответил твердо:

— Ваше Величество, я не приму награды! Иначе что обо мне могут подумать?

Он взорвался на меня с изумлением.

— Вас это тревожит?

— А как же!

— Ладно, а что могут подумать?

— Что я действовал из-за корысти!

— Ну да, — сказал он, — а как иначе... Или у вас были другие мотивы?

Я сказал с досадой:

— Ваше Величество, я же предупредил, что я из медвежьего угла. Да, у меня были другие мотивы... Они вам кажутся невероятными? Что делать, вот такой я дикарь. Увидел, что некто пытается убить весьма почтенного... по крайней мере с виду, человека, вот и поспешил воспрепятствовать.

Эльрих хмыкнул, а король пробурчал:

— Да, неплохо воспрепятствовали. В лепешку. Эх, молодость... Ладно, тогда примите вот это кольцо.

Он снял с пальца кольцо, оно блеснуло большим рубином. Эльрих посмотрел на меня и кивнул за спиной короля.

Я покачал головой.

— Ваше Величество...

— Берите, — велел король строго. — Дело не в его цене! Это пропуск на все багеры, воздушные и наземные. Большие и малые. А также во все учреждения. Кроме того, если вам понадобится помочь, покажите это кольцо начальнику любого гарнизона или просто страже.

Он опустил кольцо мне на ладонь, я поклонился все еще с нерешительностью, но Эльрих делал за спиной короля энергичные знаки, чтобы я не спорил.

— Благодарю за щедрый дар, — сказал я. — Вы действительно щедры, Ваше Величество.

Он поморщился.

— Ну, думаю, моя старая шкура стоит дороже этого перстня... Кстати, там на внутренней стороне имя демона. Совершенно бесполезный, правда, но бывает забавен.

Я насторожился:

— Демона?

— Безобидного, — повторил он. — Но забавного. Да вы сами увидите... Главное, это откроет вам доступ на все багеры.

— А также гросбагеры и грандбагеры, — добавил барон фон Эльрих. — Это немало, маркиз. Остальные всякий раз заново испрашивают разрешение!

Король нахмурился, уже думая о другом, поджал губы и нервно побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Жаль, что вы ту сволочь так, — пробормотал он, — любопытно бы узнать, кто его подослал... Да знаю-знаю, что вы и так оттягивали до последнего момента... Это не в укор, просто жаль, что допросить не удалось.

Барон Эльрих пошевелился, посмотрел на меня, на короля.

— Вы думаете, — спросил он негромко, — конечно же, на Гамелина Солского?.. Это настолько похоже на его методы, что мы должны бы обязательно искать в другом направлении. Значит, это все-таки Гамелин. А вы как думаете, маркиз?

Я развел руками.

— Понятия не имею, кто такой Гамелин. Но знаю, что бедные бунтовали очень редко и только против плохой власти, а вот богатые — всегда и против любой. Этот Гамелин богат?

Эльрих захохотал.

— Богаче его только Его Величество... наверное. Гамелин из Солска — самый могущественный лорд королевства Гессен, он издавна тяготеет к Гюнтеру Бекштайну — королю Вандома, нашему соседу. Как видите, Ваше Величество, в медвежьих углах нет лоска, но есть звериная интуиция.

Король недовольно хрюкнул, но не то чтобы не согласился, а скорее потому, что барон назвал слишком уж сильного или неудобного противника.

— Ладно, — проворчал он, — будем думать. Маркиз, еще раз благодарю вас. Не часто встретишь человека, который вот так бездумно бросается не помочь, еще не зная, что ему за это будет. Приготовьтесь, что вас будут считать либо дураком, либо хитрецом, который просчитал все на много ходов.

Я подхватился, отвесил поклон.

— Желаю покойной ночи, Ваше Величество!..

Эльрих закрыл за мной дверь, королевские стражи проводили меня пристальными взглядами, запоминая. Может быть, даже рассмотрели на моем пальце массивный перстень с королевским гербом.

Я спустился по лестнице и почти сразу наткнулся на в께서ящихся леди Элизабет и ее великовозрастного племянника Эйсейбио.

Их, вернее леди Элизабет, сопровождали граф Гаррос и лорд Шуй, умело оттирая остальных придворных хлыщей, что тоже тащились следом, бросали на нее восторженные взгляды, громко говорили витиеватые комплименты.

Я ощущил на себе ее внимательный взгляд, остановился и отвесил почтительный поклон. Она сказала весело:

— Маркиз, вы герой!.. Я вижу, придворные дамы наперебой спешат выказать вам свое расположение.

— Да? — спросил я с удивлением. — Укажите пальцем, а то я туповат несколько...

Эйсейбио и лорд Шуй довольно заржали, Гаррос повторил с удовольствием:

— Туповат?.. Ну и что, если вы туповаты, маркиз?.. Мой конь тоже туповат, но он хорош, хороши...

Все с удовольствием заржали. Я посмотрел на Элизабет и развел руками.

— Вот видите, леди? Я даже такого юмора не понимаю.

Она беспечно улыбнулась.

— Ну и что? Присоединяйтесь к нам, маркиз! С нами весело.

Я покачал головой.

— Простите, леди, умоляю позволить мне идти своей дорогой.

Она сказала безапелляционно:

— Нет! Вы пойдете с нами. И будете развлекать меня. Нам вот только что лорд Шуй рассказал очень любопытную вещь! Представляете, в диких странах Севера существует варварский обычай тетравленда. Ужас, правда? А вот у нас на Юге только моногамия. Это когда мужчина имеет одну жену и только одну любовницу.

— Прогресс, — согласился я. — Но, полагаю, в тетравленде тоже что-то привлекательное, не так ли?

Граф Гаррос гаденько хихикнул, но покачал головой, а лорд Шуй развел руками.

— Только, — сказал он со смешком, но серьезно, — если бы дело касалось не жен, а любовниц. Десять любовниц — прекрасно, а десять жен... Бр-р-р-р!

— Понимаю вас, — согласился я. — Сам не люблю обязанностей. Жен надо хотя бы содержать, это самое малое, что надо делать, а любовниц и содержать необязательно. Да, я вас понимаю...

Элизабет как-то странно посмотрела на меня.

— Маркиз, что вам не нравится?

— Все, — заверил я. — Как раз мне такая легкость и нра-

вится. Ее безответственностью всякие зануды обзывают, но нам на них плевать. Зато мы продвинутее.

— Да? А то мне показалось...

— Это показалось, — заверил я. — Я нормальный, леди Элизабет! И все-таки я с вашего позволения пойду, пойду, пойду...

Еще раз поклонившись, я пошел мимо и дальше. Стражи открыли передо мной двери, я еще успел услышать за спиной возмущенный окрик леди Элизабет. Ее поспешно успокаивали придворные, уверяя, что незачем в их блестящем обществе такая деревенщина.

Они удалились, а я подумал вслед угрюмо, что хрен я нормальный. На Севере зима и толстый снег укрыл дороги, но едва все растает, и дороги начнут подсыхать, я заставлю эту ленивую и безответственную скотину, гордо именуемую благородным рыцарем Ричардом, вернуться и заняться ужа-сающе скучным, но необходимым развитием сельского и прочего рогатого хозяйства.

В отведенных мне покоях все так же горят, не сгорая, толстые свечи, в камине полыхает жаркое пламя, но воздух в комнате чистый, свежий и прохладный, а на столе на блюдах разложены засахаренные фрукты и кубики чего-то непонятного, но, видимо, лакомого.

Я сел в кресло лицом к двери, в коридоре тихо, снял с пальца королевский подарок. На внутренней стороне полу-стертая надпись, я с трудом прочитал, шевеля губами, как малограмотный:

— Серфээр... а-сто семидесятый-цэ-семь-альфа-четы-реста... двадцать третий...

Над ухом послышался тоненький голосок, почти комари-ный:

— Слушаюсь, повелитель.

Глава 11

Я отшатнулся, обалдело посмотрел по сторонам. Мелькнуло нечто пурпурное, но тут же исчезло. Я собрался с духом и проговорил твердым голосом человека с железной волей:

— Не мельтеши, а явись передо мной!

Я смотрел в пространство над столом, ожидая, что демон появится по ту сторону, там места хватит и для слона, но после моего грозного поведения крохотное красное тельце, размером с божью коровку с распущенными крыльями, повисло над столом на расстоянии протянутой руки.

Из-за своей крохотности демон взмахивает крылышками с той же скоростью, как и положено при таких размерах, так что на месте крылышек я видел только дрожание розовой муты. Чувствуя огромное разочарование, я всмотрелся в совсем нестрашное тельце и еще менее страшную мордочку.

Да, он выглядит безобидным вовсе не из-за малого роста. Весь кажется тихим и беспомощным, а на меня смотрит большими выпуклыми, как у крошечного лемура, глазами с опаской и даже страхом. Вообще-то я в самом деле могу, вдыхая воздух, нечаянно проглотить его.

— Демон, — протянул я разочарованно, — это ты демон?

— Да, мой господин, — пискнул он покорно. — Что велишь?

— Какой же ты демон, — сказал я с недоверием. — Скорее амурчик... А где твои рожки? И копыта?

— Нету, — ответил он печально. — У меня даже хвоста нету...

— А у всех есть?

— Нет, — ответил он. — Почти ни у кого нет.

— Так чего ты печалишься? — удивился я.

— Так у меня ж ничего нет! Так хотя бы хвост был...

— Ну-ну, — сказал я, — ладно, демон так демон. У меня тоже есть один, только не знаю, как им командовать. Может, ты подскажешь? Вот смотри...

Огромный пурпурный демон возник по щелчку, по всей комнате полыхнул зловещий свет пролитой крови. Демон слегка покачивался на полусогнутых ногах, прикрытые надбровными щитами глаза устремлены в одну точку. Я обнаружил, что мой крохотный слуга исчез, затем над ухом пропищал дрожащий голосок:

— Это не демон!

— А что?

— Не знаю, — пискнул демон. — Но это не демон!

— Все дальше от разгадки, — вздохнул я. — А на что похоже?

— Не знаю! Это что-то очень древнее и очень страшное! Огромный демон исчез, а крохотулька вернулся на середину стола. Я внимательно рассматривал его, наконец спросил:

— А что ты умеешь?

— Ничего, — ответил он уныло.

Я удивился:

— Как это ничего?..

— Ничего, — ответил он печально. — Не знаю даже цель моего создания. Я настолько маленький и слабый демон, что просто ничего не умею...

Я подумал, спросил:

— Ну, а как почтовый голубь можешь?.. Ну, там, письмо отнести на другой конец королевства? Или лучше — на другой материк?

Он помотал головой.

— Я не могу поднимать тяжести. Никакие.

— Ну, — сказал я, оживая, — это не проблема. Не на глиняных плитках же... Будешь передавать устные приказы.

Он горестно развел крохотными лапками.

— Если в пределах этой комнаты. Да и то вот в тот дальний угол не смогу... далеко слишком. Разве что вы сами изволите подойти ближе. Я очень слабый демон!

Я вздохнул.

— Теперь вижу... А для чего ты вообще?

Он сказал печально:

— Не знаю. Наверное, кто-то из юных хозяев пробовал силы. Я ничего не умею, ничего не знаю...

Я прервал:

— Ну, про свой-то мир знаешь? Давай рассказывай! Где вы живете, есть ли у вас демократия, что насчет рыночной экономики, как развлекаетесь...

Он рассказывал, я пытался понять мир демонов, но в моем представлении получалось некое море плазмы, в котором купаются эти существа. Не купаются, конечно, а просто существуют, находясь в нем бездумно и счастливо. На земле сменялись люди, гремели войны, а они все так же и все те

же, забытые, оторванные, потерявшие связь... Вернее, люди потеряли с ними связь, но демоны... кстати, вряд ли они тогда звались демонами, продолжали свою псевдожизнь.

Правда, по словам крохотульки, его сородичи очень не любят, когда с ними снова устанавливают связь и, выдернув в этот жуткий ледяной мир пустыни, заставляют выполнять разные работы. Для них это мука и худшее из наказаний, однако они не могут противиться словам того, кто отыскивает их имена и произносит вслух.

— Ничего себе, — пробормотал я, пораженный. — Значит, тебе холодно даже здесь, в стенах этого зала?

Он ответил потерянно:

— Да, господин. Это тебя огораживают стены, а для нас их не существует. Мы их и видим с трудом... А многие и во все не видят.

Для них и атмосферы не существует, мелькнула мысль. И тогда, выходит, напрямую чувствуют на себе абсолютный нуль межзвездного пространства?

Я зябко передернул плечами.

— Тогда беги вон в камин, — сказал я. — Не сгоришь?

Он прошептал:

— Спасибо! Но если зажечь вот эту свечу, достаточно будет пламени.

Я сделал волевое усилие, свеча вспыхнула, крошечный демон моментально впрыгнул в пламя и весь поместился в огненной купели, как в ванной.

— Лучше? — спросил я с интересом.

— Да, господин, — пропищал он счастливо. — Спасибо!

— Да не за что...

— Нет, спасибо! Никто так не делал.

— Да пустяки это. Расскажи лучше, что знаешь про магов...

— Про магов?

— Да.

— Они повелевают нами. Если узнают наши имена.

— Это я тоже знаю, — сказал я. — А что еще о них знаешь?

— Немного, — пискнул он. — Маги — это господа. Они вызывают нас, мы подчиняемся. Они приказывают, мы выполняем. Вот и все.

- Гм... А что маги приказывают?
- Что не могут сделать сами.
- Ага, почти все ясно. Разные работы... Демоны обладают магией?

Он пропищал с удивлением:

- Нет, конечно! Просто демоны сильнее. И еще демоны умеют делать то, что не могут люди. Но магии у нас нет...

Он иногда совсем исчезал в огне, я размыто видел только часто-часто трепещущие крылышки, словно у муhi, а голосьок совсем истончался, и я напрягал слух, чтобы слышать, и воображение, стараясь представить мир демонов.

По словам малютки-демона, его сородичей не всегда вызывали для свершений. Великий чародей Тирракус, к примеру, обожал устраивать поединки демонов. Они на потеху ему дрались друг с другом, калечили и убивали, а потом победителя долго и мучительно убивал сам Тирракус. Демоны бессмертны, они за сутки снова восстанавливаются, и Тирракус заставлял их драться уже другим оружием или придумывал еще что-то отвратительное, но обязательно заканчивающееся смертью демонов и затем медленным воскресением. Он наслаждался властью над более могучими существами.

Голова наконец пошла кругом, я спросил:

— Ладно, уже поздно, тебе тоже пора спать. Чтобы тебя вызывать, надо тереть кольцо или достаточно позвать по имени? Или то и другое?

— Достаточно по имени, — ответил он.

— Имя у тебя, — пробормотал я с неудовольствием, — для такой крохотульки слишком длинноватое и... вообще, как ты с ним летаешь? Такая тяжесть.

— Такую тяжесть я поднимаю, — заверил крохотный демон.

— Зато я с трудом, — ответил я. — Я могу его сменить?

— Конечно, мой господин!

— Ну и хорошо, — сказал я с облегчением. — Люблю имена менять. Вроде пустяк, а все видят, что человек поработал, результат виден...

— Как скажешь, мой господин!

— Тогда... Серфээкр а-сто семидесятый-цэ-семь-альфа-четыреста двадцать третий, я нарекаю тебя новым именем...

Серфик!.. Запомнил? Теперь старое забудь, а являйся по новому.

— Как велите, господин!

Мне показалось, что в голосе малютки прозвучала печаль, словно длинное имя — это что-то вроде родословной, а короткое — как прозвище простолюдина.

— А теперь иди отдыхай, — разрешил я.

Демон исчез, я повертел кольцо в ладони, но снова надел на палец. Хоть теперь и не надо каждый раз снимать, чтобы прочесть имя, но кольцо, если король не пошутил, а то знаем мы королевский юмор, еще и пропуск на транспортники, а это куда важнее бесполезного демона.

На другой день в честь прибытия короля и его благополучного избавления от руки нанятого убийцы устроили поистине королевский бал-карнавал. По тому, с какой скоростью это было проделано, я понял, что с этим налажено и карнавалами здесь забавляются постоянно.

В главном зале ярко блещут огнями все люстры, умело создавая во всякого рода закутках полумрак и даже полный мрак, гремит музыка, а внизу, где танцующие пары, если смотреть вот отсюда с балкона третьего этажа, кажется, варится смачный украинский борщ, и его энергично размешивают невидимой поварешкой.

Бал начался, как и положено, в главном зале дворца, но очень скоро выплеснулся в парк перед дворцом, музыканты заняли места на специальных площадках, пары танцуют чинно и, на мой взгляд, очень скованно, но для своего времени и это считается вольностью, а вообще-то эти танцы и веселье осуждают как церковь, так и вообще любое старшее поколение.

Я внимательно рассматривал народ, неужели все здесь вертопрахи, как говорит герцог, на чем же государство держится, за спиной простучали каблучки, пахнуло дорогими духами.

Меня подхватила под руку молодая, начавшая полнеть женщина, но очень свеженькая, игривая, с блестящими в прорези маски глазами.

— Ах, маркиз!.. Ну что вы такой застенчивый?..

— Это я застенчивый? — спросил я обиженно.
 — Ах, не отказывайтесь, я люблю застенчивых! Это так возбуждает...

— А-а-а, ну тогда я застенчивый.

— Нет-нет, не здесь. Пойдемте, там очень весело!

Сама она сделала взгляд соблазняющим, как и улыбку, то есть глаза задержала на долю секунды дольше так называемого критического времени, передавая намек, что я интересен, а улыбку послала одними уголками рта, плюс с «долей приглашения», это когда глазки вниз, поворот головы в сторону и тут же взгляд обратно. Мол, давай-давай, начинай, а я поддержу твои инициативы... может быть, может быть.

Я рассматривал ее с удовольствием. Платье, как у всех, от талии идет колоколом до пола, не угадать, есть ли там вообще ноги, зато мужские глаза получают компенсацию в виде глубоких вырезов как спереди, где сиськи вот-вот выпрыгнут, поджимаемые снизу корсетом, так и сзади, где спина оголена до самой задницы, но, увы, ее не увидать, там начинается, как у капусты, вакханалия налезающих одна на другую юбок.

Она откровенно использовала на мне как стреляющие взгляды, так и «полуприкрытый», а по тому, как это было проделано, я понял, что это уже почти рефлекс: заигрывать со всеми мужчинами, собирать их возле себя, чтобы смотрели на нее, восхищались, старались понравиться и пытались затащить в постель.

— У вас устраивают такие костюмированные балы? — прошебетала она.

— Такие — нет...

— А какие?

— Никакие не устраивают, — ответил я с неловкостью.

— Почему?

— Нам не до того...

— А чем же тогда занимаетесь? — спросила она почти обиженно.

— Работы много, — объяснил я. — Еще враги кругом, часто приходилось драться... Я и спал в поле возле коня. Какие уж тут балы!

— Бедненький, — вздохнула она. — Ничего, теперь все наверстаете... Да, маркиз?

— Если только с вашей помощью, — ответил я.

Она отстранилась, лукаво погрозила пальчиком.

— Вы слишком напрямик идете к цели, маркиз! А как же изысканное искусство обольщения?.. Я люблю эту игру, в ней такой шарм, такое искусство соблазна, такое предчувствие чего-то необыкновенного...

— Да, — согласился я. — Предчувствие бывает лучше самого чувства. Потому и не хочется так быстро разрушать иллюзию, да?

Ее улыбка чуть померкла, а голос прозвучал укоризненно:

— Маркиз, не надо быть таким занудным! Вы правы, к сожалению... Тем и хорош флирт, что он не разочаровывает. Эх, ну зачем вы все испортили и осерьезили?

— Ничего, — сказал я виновато, — вы попорхайте ма- лость, пощебечите там поближе к музыкантам — любую серьезу сдует, как ветром!

Она послала мне воздушный поцелуй.

— Прекрасный совет!

И тут же исчезла в пестром людском водовороте. Один из главных признаков успешного флирта: чувство юмора, потому я везде слышал довольное гыгыканье мужчин, заливи- стый смех женщин, довольное покряхтывание старых коз- лов, что все еще продолжают волочиться за юбками.

Все во дворце и в парке проникнуто ощущением, которое можно назвать словами «может быть». Это гораздо эротич-нее, как мудро заметила леди в маске, чем наконец-то доб- раться до цели. «Может быть» дразнит воображение, обещает даже больше, чем откровенное «да», и, может быть, именно потому многие инстинктивно задерживаются в этой изы- сканной игре, потому что завершение вполне может и раз- очаровать.

В то же время, понятно, это «может быть» не только раз- жигает воображение и рисует всякие эротичные картинки, но и заставляет действовать более напористо, плести сети более умело.

Я вышел в парк и, прислонившись к стене дворца, с ин- тересом рассматривал танцующие и просто прогуливающие-

ся пары. Некоторые довольно быстро ускользали в тень и там уединялись, другие давали себя увлечь танцам, время от времени менялись партнерами. Я слышал приглушенные смешки, довольный хохот: когда морда в маске, то каждый ведет себе более раскованно, скажем так.

Большинство женщин без преамбул переходили к тяжелой форме флирта, то есть дразнящему. Без масок на такую форму так уж сразу решаются немногие, но сейчас над парком царит дух раскованности. Дразнящий, это когда откровенность вот-вот выплеснется, нужно играть на этой грани, это намек на самые близкие отношения, которые вполне возможны, нужно только приложить еще чуть-чуть усилий.

Я поймал себя на том, что как и все, хотя в первую очередь таращусь на женские сиськи, однако подсознательно реагирую прежде всего на изгиб женской спины. Где-то у нас сидит это самое подспудное понимание, что сиськи — это просто сиськи, за них можно и по морде получить, а вот такая спина бывает у женщины, когда она уже распалена и уже истекает желанием...

Как много женщины получат, когда избавятся от этих ужасных юбок и смогут во всей красе показывать ноги! Все мы знаем, что скрещенные женские ноги — эротично, и чем ближе к верхней части бедра женщина скрещивает ноги, тем больше заводит наблюдающих за нею мужчин. К тому же это и спину изгибает эротично, и сами ноги кажутся намного длиннее, стройнее и сексуальнее.

Ого, многие женщины играют даже в «прикосновение», тот вид флирта, на который не решаются даже отъявленные кокетки на Севере. Там даже танцующие пары обязательно разведены на такое расстояние, чтобы касались друг друга только кончиками пальцев, а в разговоре так и вовсе должны сидеть или стоять друг от друга чуть ли не на разных сторонах зала.

М-да, здесь каждая третья легко входит в личное, вернее, личностное пространство мужчины. Это где-то от полуметра до метра, на Севере такое поведение для женщины недопустимо. На такой дистанции вообще можно вроде бы случайно коснуться мужчины бедром или грудью, и хотя бедром в таких платьях проблематично, но рукой или грудью вполне...

Глава 12

Взгляд мой наконец отыскал леди Элизабет, она окружена наибольшим числом поклонников, ее почти не видно, но она сама заметила меня и помахала рукой. Я сделал вид, что не заметил, тогда она, возмущенная таким невниманием, послала за мной одного из кавалеров.

Граф Гаррос, как я уже знал, сын одного из влиятельных лордов, не самый могущественный в королевстве, зато старший, что дает известные преимущества как на само лордство, так и на места в королевском совете. Он приблизился ко мне с бледной улыбкой на холеном лице.

— Маркиз, не скучайте в одиночестве!

— Я не скучаю, — ответил я.

Он удивился.

— Не скучаете? В одиночестве?

— Какое же это одиночество, — удивился я. — Для меня и так полно народу. Везде шум и гам, все мельтешит перед глазами...

— А-а-а, — протянул он, — вы же привыкли, не в обиду будь сказано, к сельской тиши...

— Да какая обида, — отмахнулся я, — если это правда? Вы не можете меня обозвать провинциалом, так как я и есть провинциал.

Он поинтересовался:

— Значит, вы отказываетесь присоединиться к нашему кругу?

Я кивнул, его игра, которую он считает ловкой, видна насквозь, как наивная брехня ребенка.

— Не отказываюсь, а просто не могу. Поблагодарите за приглашение леди Элизабет и скажите что-нить про состояние моего хрупкого здоровья...

Он окинул взглядом мою очень даже хрупкую фигуру, но пообещал:

— Да-да, конечно! Располагайте мною, маркиз!

Улыбка, взгляд, легкое прикосновение — это все осознанно, этому мамы учат дочерей задолго до того, как выведут своих наташростовых на первый бал, но леди Элизабет, как

мне показалось, флиртует абсолютно естественно, непринужденно, у нее это на подсознательном уровне.

Ее лицо разумянилось, глазки блестят задором, то и дело слышится звонкий смех, но опять же я не уловил ни нотки фальши. Она ржет весело и задорно, как молодой жеребенок, который просто счастлив на зеленом лугу под ласковым солнышком, где много удивительных цветов, где прыгают удивительные кузнечики и порхают еще более удивительные стрекозы.

Женская рука ухватила меня за локоть.

— Маркиз, — произнес игривый голос, — нам вас недостает...

Мне лукаво улыбалась молодая женщина с полумаской на лице. Вообще-то хрень эти маски, никого не обманут, а все эти анекдоты про мужа и жену, что флиртовали друг с другом, не подозревая, что они муж и жена — полнейший бред. Когда маска скрывает только глаза, а нос, губы и подбородок видны, то я не знаю, каким идиотом надо быть, чтобы не узнать жену. Или даже знакомую. Это только в моем случае маска может сработать, я всех вижу впервые, а завтра без маски в самом деле не признаю... может быть.

Я ответил с затруднением:

— Нам... это кому?

Она засмеялась.

— Все вам так и скажи! Ну, например, мне.

Я развел руками.

— Можете начинать насиловать.

Она расхохоталась, погрозила пальчиком.

— Маркиз, маркиз... Какой вы быстрый! Откуда тогда слух, что вы из провинции?.. Пойдемте в зал. Сейчас мы вам достанем масочку...

По ее приказу слуги быстро принесли маски, женщина выбрала одну, я покорно ждал, пока привязывала веревочку, играво касаясь кончиками пальцев ушей, там еще те эрогенные зоны, так же послушно я дал увлечь себя вниз. На лестнице женщина кокетливо поглядывала на меня, можно бы и потискаться, от нее так и веет желанием порезвиться, однако я напустил на себя вид деревенского дурака, что тонких на-

меков не понимает, только жадно поглядывал в ее низкое декольте, это такой у нас комплимент, и мы спустились в зал.

В зале идут сложные церемонные танцы, что-то вроде хороводов, но медленное, все двигаются, как фарфоровые куклы, застывая в определенных позах, неспешно поворачивая головы то в одну, то в другую сторону. Да это и понятно, в таких платьях не больно оторвешься.

Моя дама взглянула на меня с вопросом в прорези маски.

— Маркиз, вы танцуете?

Я удивился:

— Леди, вы что, не видите, я стою!

Она весело расхохоталась:

— Ах, маркиз... Вы просто чудо. Такая непосредственная простота... Вы вообще что-нибудь знаете о манерах?

— Гм, — пробормотал я. — Ну, я слыхал, что не следует голой женщине ночью гулять по городу...

Она расхохоталась так, что задохнулась, и я постучал ей по спине. Она обернулась и посмотрела с удивлением.

— Маркиз, что за странные ласки... И при всех... Помни-те, женщины все прощают, кроме одного — неприятного обращения с собою.

— Было неприятно? — спросил я виновато.

— Необычно, — ответила она. — Но, главное, не вульгарно. Вульгарность — это худшее, что не люблю в людях. Хотя, если честно, вульгарность — это просто-напросто поведение других людей. Другие — вообще кошмарная публика. Единственное хорошее общество — это ты сам. Маркиз, если не танцуете, то скажите что-нибудь приятное! Развеселите даму.

Я насторожился: дама, которая согласна вас слушать, есть в перспективе дама, которая согласна. Это значит, что пора срочно смыться.

— Э-э-э, леди... Я, конечно, могу рассказать анекдот... Но не уверен, что он для ваших нежных розовых ушей...

Она отмахнулась.

— Маркиз, супружество, как и увечье, следует переносить терпеливо. Я замужняя дама, а это значит — наслушалась всего. Но если стесняетесь говорить здесь, зайдем вот сюда...

Я покорно дал себя увлечь в уединенное место. Оглядел-

вшись, увидел уютную кушетку, а на крохотном столике рядом с окном толстенную книгу.

— Садитесь, маркиз, — предложила дама низким грудным голосом, у меня от него зашевелилось нечто древнее, пещерное, даже динозавровое, — развлекайте даму...

Она придвинулась ко мне ближе, упершись пышной грудью в мое плечо. Глаза из-под маски похотливо блестели.

— Ах, леди, — ответил я, — как могу развлечь, когда не знаю, как развязываются эти штуки?

— Маркиз, — воскликнула она укоризненно, — мы же не в постели! Чем вам помешал корсет?

— Вообще-то ничем, — признался я честно.

Потом она, отышавшись, поправляла прическу и подкрашивала губы.

— Удивляюсь, маркиз, — сказала она, вытягивая губы трубочкой и тщательно обводя по контуру. — Вы так хорошо прикидываетесь деревенщиной... но зачем вам это?

— Прикидываюсь?

Она улыбнулась, перехватив в зеркале мой взгляд..

— Я замужняя дама. И зневала не только супруга. Если собирались прикидываться и дальше, вам стоило бы вести себя... соответственно. Теперь я вижу, все эти ловеласы вам в подметки не годятся.

Я пробормотал, злой, что прокололся на самом элементарном:

— Леди, одно другому не мешает.

Она поцеловала меня в щеку.

— Еще увидимся!

И упорхнула, оставив странное ощущение, что я побывал в совсем в другом времени, где секс на первом свидании — норма, никаких обязательств, все упрощенно, лишь бы весело...

Я воровато оглянулся на толстую книгу, чего она тут разлежалась, это же редкость, судя по всему. Бриллианты сверкают на каждом, а книгу за все время пребывания на Юге вижу всего во второй раз.

Свечи отбрасывают на нее желтый свет, заливая радостным золотым огнем. Я схватил том в руки жадно, удивляясь

и радуясь приятной тяжести. Название из десяти слов, как обычно писали раньше, я разобрал только первые два: «Тайное откровение...», торопливо открыл, там что-то вроде вступления, а потом взгляд зацепился за ясные строки:

«Чтобы сказать кавалеру «да», веер следует приложить левой рукой к правой щеке.

Чтобы сказать «нет» — открытый веер приложите правой рукой к левой щеке.

Чтобы сказать «У меня к вам нет приязни» — откройте и закройте веер, держа его перед ртом.

Чтобы сказать «Я вас не люблю» — закрытым веером слегка проведите перед лицом в сторону.

Чтобы сказать «Я думаю только о вас» — открыть веер до половины и несколько раз легко коснитесь им лба.

Чтобы сказать «Я вас люблю» — закрытым веером укажите на сердце правой рукой.

Чтобы сказать «Не приходите сегодня» — закрытым веером нужно провести по наружной стороне руки.

Чтобы сказать «Приходите» — открытый веер держите в правой руке, затем медленно сложите его в ладонь левой руки.

Чтобы сказать «Будьте осторожны, за нами следят» — открытым веером дотроньтесь до левого уха.

Чтобы сказать «Вы меня огорчили» — быстро закройте веер и держите его между сложенными руками.

Чтобы сказать «Я не приду» — держите левую сторону открытого веера перед тем, с кем идет разговор.

Чтобы сказать «Я хочу с вами танцевать» — как бы зазывая, открытым веером махните несколько раз к себе.

Чтобы сказать «Я приду» — держите веер левой стороной перед тем, с кем идет речь, затем прижмите веер к груди и быстро махните в сторону собеседника.

Чтобы сказать «Пошел ты в жопу» — сложите веер и, глядя собеседнику в глаза, пропустите веер в колечко между большим и указательным пальцем.

Чтобы сказать «Я уже внизу мокрая» — закиньте голову и часто-часто обмахивайте веером грудь.

Чтобы сказать «Можем успеть» — сложите веер и пропустите его вперед-назад в кулаке другой руки.

Чтобы сказать «Мой рогоносец уже тут» — сложите веер и легонько стукните по лбу в тех местах, где растут рога.

Чтобы сказать «Могу вам так» — сложив веер, прикасайтесь верхним концом к губам, слегка раздвигая их.

Чтобы сказать «Сегодня только анал» — сложив веер, медленно пропускаете его в кулаке сверху вниз, одновременно закидывая голову.

Если хотите сообщить, чтобы собеседник молчал, так как вас подслушивают, дотроньтесь закрытым веером до губ, но не облизывайте из опасения неверного истолкования.

Если ваш собеседник просит у вас веер, то подаете его в зависимости, как относитесь к тому человеку. Кому симпатизируете, то верхним концом, неприятному человеку — нижним. Для всякой благородной дамы необходим большой набор вееров на разные случаи, так как белый означает невинность, черный — печаль, зеленый — надежду, желтый — отказ, красный — радость, голубой — постоянство, коричневый — недолгое счастье, розовый с голубым — любовь и верность, вышитый золотом — богатство, шитым серебром — скромность, убранный блестками — твердость и доверие...»

Хлопнула дверь, Эйсейбио вошел веселый и беспечный, крикнул с упреком:

— Маркиз! Я уже вас заискажался. И там смотрел, и там, а вы тут... Что с вами?

Я бросил книгу обратно на стол.

— Да вот тоже думаю, что со мной? Дурак, наверное.

— Почему такая не совсем уж бредовая мысль?

— Потому что все еще надеялся.

— Без надежды нет человека, — ответил он серьезно. — Все равно надейтесь, маркиз! Даже если сегодня отказалася на века. Завтра может... отказать уже не навеки, ха-ха! А это значит на их языке, что плод созрел, можно задирать подол.

Я пробормотал:

— Нет, я так не могу. У нас надо, чтоб любов. Желательно при луне. И стихи.

Он весело заржал.

— Маркиз, во всех пустяковых делах важен стиль, а не искренность. Во всех серьезных делах — тоже.

— А это волочение за юбками, — спросил я, — пустяковое или важное?

Он сказал серьезно:

— Это единственное, маркиз. Единственное!

Голос его показался мне чересчур бодрым, а грудь выпячивает, как на параде.

— Маловат выбор, — проговорил я.

— Искусство быть мудрым, — сказал он наставительно, — состоит в умении знать, на что не следует обращать внимание. Живите легче, маркиз! Все прекрасно, жизнь хороша, бывает ключом, наслаждения на каждом углу...

— Это да, — согласился я.

Он хохотнул.

— Вот видите, я вас уже переубедил! Человеку свойственно ошибаться. Не ошибается лишь тот, кто восхищается нами. Ха-ха-ха... Мне показалось, что вы даже намеренно избегаете окружения моей прекрасной тети. Учтите, самая заметная и самая желанная невеста во всем королевстве — леди Элизабет!

У меня вертелось на языке насчет размеров королевства, но смолчал, мне вообще надо молчать и сопеть в тряпочку, пока не разберусь, как здесь и что почем..

— Пойдемте, — сказал он, дружески обняв меня за плечи, для чего пришлось привстать на цыпочки, — все тлен и суета, кроме красивых женщин... Я сейчас вас с такими познакомлю, пальчики оближете!

— Граф, — поинтересовался я, — а что лежит за пределами королевства Гессен? Вы наверняка излетали весь континент вдоль и поперек!

Он фыркнул, то ли презрительно, то ли негодующе.

— Маркиз, скажу вам по-дружески, не поощряется бродяжничество, которые вы называете страстью к путешествиям. Это считается неблагородным делом. В старину, говорят, массы простого народа перемещались из региона в регион, где больше корма, но это было давно. Сейчас даже простой люд не переступает пределов своих деревень или городов.

Я пробормотал, немножко сбитый с толку:

— Но как же... багеры?

— А что багеры?

— На них же летают?

— И далеко, — согласился Эйсейбио. — Особенно на бигбагерах или грандбагерах. Но летают по нужде, по приказу, по высочайшему повелению. Люди, которые на службе. Да и то...

Он поморщился, я спросил живо:

— Что?

— Не везде они ходят, — сообщил он нехотя. — Есть предположение, что вообще летают только над малой частью континента. Никто не знает, какие земли дальше, есть ли там королевства, что там вообще за люди и... люди там или что-то иное.

Я удивился.

— Неужели за все годы не посыпали экспедиции?

Он поморщился.

— Посыпали... Но больше шли одиночки.

— И как?

— Никто не вернулся, — ответил он серьезно. — Знаю только, что вообще-то никто и не посыпал в темные земли большое войско, у всех своих дел хватает. Да и вообще... Жизнь, благодаря магам, у людей благополучная, зачем им бросать все нажитое и срывааться в полные опасностей странствия?.. И пусть в мире много непонятного, но это дело магов — разгадывать тайны и наращивать свою мощь. Вот, к примеру, в небе летают огромные, небывало огромные птицы! Никогда не опускаются на землю, но если опустятся, то, как говорят знающие люди, наступит конец света. Ну и что? Да пусть себе летают. Никто на небо и не смотрит.

— О Госп... господин Самаэль, — сказал я. — Еще скажите, что под землей ходят огромные звери!

Он посмотрел на меня с удивлением.

— А что про них говорить? Про них все знают. Говорят, иногда и на поверхность выходят. В безлунные ночи. А вот когда выйдут все, да еще днем, тогда да — конец света точно!.. Так что, маркиз, наслаждайтесь жизнью. Ничего в жизни нет выше, чем наслаждение. Честно говоря, вообще больше ничего нет. Вас представить кому-нибудь из дам?

— Не надо, — ответил я. — Нравы здесь, как я заметил, вольные. Знакомятся и без всяких формальностей.

Он захотел.

- Разе это не преимущество?
- Еще какое, — заверил я.
- Так пользуйтесь же!
- Спасибо, граф.
- Не за что, маркиз...

Он удалился, хохоча и напевая под нос игривую песенку. Я проводил его долгим взглядом. Церковь вообще-то права, что ужесточает нравы. Если не дать вот такому свободу разгула с бабами, то, может быть, займется, скажем, наукой, политикой или искусством.

Или, гм, пойдет воевать...

Глава 13

Мир яркий, цветной и дурашливо веселый. Везде группы музыкантов, танцуют девушки, мне сразу же повесили на шею венок, я некоторое время шел с ним, как корова, но в толпе гуляющих сумел незаметно освободиться. Правда, через пару шагов мне навесили еще ярче сразу два, а расцеловали настоящие красотки.

В зале громадные фонтаны вздымают сверкающие струи, тонкая водяная пыль освежает лица, из фонтанов улыбаются обнаженные статуи языческих богов и героев, наверное, их самых, а когда вода сбегает в бассейнчик вокруг фонтана, вода в нем уже пурпурно-красная.

Я для пробы зачерпнул ладонью, в самом деле вино, причем — очень даже неплохое. То ли по-настоящему воду превратили в вино, то ли иллюзия, но приятная иллюзия. Пьешь вроде бы крепкое вино, но не упиваешься, а на другой день проснешься без головной боли.

В стенах громадные окна овальной формы, но все на такой высоте, что видишь только небо. В других стенах огромные двери. Они, как понимаю, ведут в еще более изысканные залы и помещения.

Второй зал с голубыми стенами, отделанными золотыми полосками и ромбами в половину человеческого роста. За спиной послышался веселый смех, как у молодого беззабот-

ногого жеребенка. Я узнал леди Элизабет, оглядываться не стал, но и удратить не успел, она обошла меня и встала напротив, рассматривая в упор прекрасными глазами, их не спрятать ни под какой маской.

— Сэр Ричард, вы неплохо смотритесь, — заметила она.

Я пробормотал:

— Но ведь вы должны по условиям игры не узнавать меня? Мы еще дурака поваляли бы насчет флирта...

— Вы слишком заметны, — объяснила она. — Чтобы вас не узнавать, надо прикидываться уж очень сильно. Попробуйте надеть полную маску! И одежду нужно сменить полностью.

— Это уж слишком, — ответил я вежливо, — я не настолько... э-э... значим.

— Но я же ношу полную маску?

— А зря, — ответил я почтительно. — Леди Элизабет, вы настолько... хороши, что облагораживаете любое общество. Думаю, что если бы прошлись по крестьянскому дворику, полному свиней, они тут же превратились в людей и начали наперебой говорить вам комплименты. Как ваши Водемон, Шуй, Гаррос и прочие.

Она засмеялась.

— Как оригинально! Но эти благородные господа в самом деле благородные господа.

— А как вы определяете благородность?

— У них и родословные есть.

— А-а-а, уже важно. Да, это главное.

— Маркиз, — сказала она весело, — пойдемте с нами!

— А куда вы направляетесь?

— Лорд Шуй обещает интересный петушиный бой.

Я поморщился.

— Нет-нет, я не выношу крови.

Она засмеялась снова.

— Но вы же убили лазутчика!

— Так то был человек, — объяснил я. — Человека не жалко. Человек знает, что делает. И вообще, человек всегда виноват, а вот петухи — невиновны. Невинны, как младенцы! Нет-нет, леди Элизабет, я не настолько кровожаден. К вам вообще тут не протолкнуться.

Она посмотрела с укором.

— Бывать в обществе, маркиз, вы правы — скучно. Но быть вне общества — уже трагедия. Даже для мужчин. Так что не упускайте возможности быть на людях.

Подошел граф Гаррос с приятелями, тоже мне маски, всех я сразу узнал. Гаррос посмотрел на меня свысока и промолвил раздельно:

— Ваш маркиз не упустил ни одной возможности упустить возможность. Не так ли?

Все заулыбались, оценив остроту, а Шуй добавил едко:

— Хорошо завязанный бант на шляпе — это первый важный шаг в жизни. Но маркиз пока не приобрел даже шляпы.

Снова захочотали, я развел руками.

— Вы правы, милорд. У меня есть голова, этого достаточно.

Леди Элизабет улыбалась весело и в то же время томно и загадочно. Наверное, ей уже сказали, что красота порядочной женщины кажется не вполне законченной, ей не хватает загадочного обаяния порочности, и вот старается выглядеть эдакой... Ну, это мы проходили.

Я открыл рот, чтобы сказать пустяковый комплимент и уйти, в это время на той стороне зала замерцало едва заметное облачко. Прозрачное, почти прозрачное, но я инстинктивно сосредоточился, в пузыре из крохотных искорок пропустило человеческое тело: синее, изломанное, как будто я наблюдаю тень от свечи, прыгающую со стены на стену.

Лорд Водемон произнес жирно:

— Голова? А ваше происхождение, сэр... сэр...

— Сэр Ричард, — подсказал ему лорд Шуй.

— Сэр Ричард, — повторил за ним лорд Водемон, причем повторил так, словно выговаривать это нелепое имя противно и позорно, — ваше происхождение достаточно ли высоко, чтобы общаться с людьми нашего круга?

Я ответил отстраненно:

— Да-да, вы правы, сэр, как вас там... сэр Водемон.

Призрачный человек медленно шел по залу, останавливался, пропуская встречных, отпрыгивал с пути спешащих слуг, старался держаться у стен, где нет вероятности, что толкнут в спину.

— Прав в чем? — спросил лорд Водемон с подозрением.

— Что я для вас недостаточно благороден, — ответил я, продолжая следить за призрачным человеком краем глаза, а сам делал вид, что смотрю в другую сторону.

Лорд Водемон заявил победно жирным голосом:

— Ну вот видите? Я же вам говорил! Пойдемте, дорогие друзья.

Леди Элизабет бросила на меня презрительный взгляд, но я смотрел мимо, делая вид, что изучаю барельеф на колонне. Это давало возможность медленно обходить ее по кругу, поглядывая на прозрачника. Его никто так и не заметил, хотя двое натолкнулись, но лишь удивленно посмотрели по сторонам, а он заинтересованно поглядывал на меня, приближаясь по суживающейся спирали.

Когда он был по прямой шагах в пяти, я сделал вид, что нечто почуял, забеспокоился, начиная поглядывать по сторонам, морщу лоб и таращу глаза во все стороны. Он тут же отошел, определив линию моей чувствительности, уже шагов с десяти оценивающе разглядывал меня.

Я сделал вид, что постепенно успокаиваюсь, напустил на себя вид, мол, почудилось, даже начал всматриваться, куда это пошла самая красивая женщина этого королевства. Лазутчик прошелся вдоль стены, теперь присматривался к стражам у двери, открывают и закрывают двери перед гостями, прятиснуться непросто...

Леди Элизабет мелькнула в дальнем зале, я просиял и бросился в ее направлении. Она тоже увидела, что я устремился к ней, как пчелка к сладкому цветку, капризно наморщила губки и отвернулась. Я ухмыльнулся и, скрывшись за аркой входа от лазутчика, сразу же свернул и помчался к королевским покоям.

Телохранители короля перед дверью в покой Хенрига Первого заступили дорогу и скрестили передо мной копья. Я сказал быстро:

— По делу неотложной важности!

Они смотрели на меня невозмутимо. Я поднял кулаки, показал им королевское кольцо.

— Это знак, что я имею право входить даже в королевские покой!

Голос мой звучал уверенно, сильно, сам я смотрю надменно и как смотрел бы, скажем, коннетабль. Или хотя бы фальцграф.

Они переглянулись, один проговорил с неохотой:

— Сейчас узнаю.

Он постучал в дверь, дождался отклика, прокричал:

— Маркиз просит аудиенции, Ваше Величество!

С минуту ничего не происходило, затем страж распахнул двери и показал мне взглядом, что теперь можно. Я переступил порог, король в том же глубоком кресле, только на этот раз укрыт до пояса толстым пледом. За его спиной барон Эльрих и двое телохранителей.

Я сказал негромко:

— Очень хорошо, что они здесь... Но этого недостаточно. Ваше Величество, мне надо сказать вам нечто на ухо.

Король нахмурился.

— Вот уж не думал, — буркнул он, — что вы наушничать любите.

— Извините, Ваше Величество, — ответил я с достоинством, — что побеспокоил. Я удалюсь с вашего позволения. В конце концов, речь не о моей шкуре...

— Да я пошутил, — пробурчал он. — Что у вас за секреты?

Телохранители изготовились схватить меня при любом подозрительном движении, я это понимал и наклонился к уху короля со всей осторожностью.

— Ваше Величество, — шепнул я тихонько, — может быть, вам это и неинтересно вовсе, но здесь еще один лазутчик... Тоже прозрачный, только по-другому. Его никто не видит. Он не приближается пока к вашим покоям, что-то вынюхивает, прислушивается к разговорам. Наверное, пусть?

Король дернулся, глаза стали дикими.

— Что у вас за шуточки?

— Да вы как-то не заинтересовались, — сказал я нерешительно.

— Что за человек? — прервал он. — Или там нечеловек?

— Да хто их разберет, — ответил я обиженно. — Теперь такие люди пошли...

— Где он?

— Не дергайтесь, — попросил я. — Вообще не показывайте виду, что я вам сообщил что-то важное. Лучше улыбайтесь, улыбайтесь милостиво... А то удерет. Пусть отыщут у герцога хорошую сеть. Хоть на крупную рыбу, хоть на зверя. Главное, побольше...

Он сразу понял, подобрался.

— Прекрасная мысль!.. Эльрих, немедленно к герцогу и скажи...

— Нет, — прервал я. Король грозно сдвинул брови, я сказал поспешно: — Прошу меня простить, Ваше Величество, но враг может пойти за ним следом и подслушать. И тогда уже никогда не поймаем. Пойду я.

Он прорычал:

— Хорошо. Но на будущее... не прерывайте королей!

— Винюсь, Ваше Величество, — сказал я тихо, — лишь желание спасти вашу жизнь побудило меня нарушить этикет, которого я и так не знаю ввиду дремучести. Но если вам важнее соблюдение этикета, то пусть идет сэр Эльрих.

Он скривился.

— Идите и делайте, что предложили. Ума не приложу, каким чудом сохранились медвежьи углы, где выжило понятие гордости?

Герцог встревожился, когда я сказал ему, что нужно и для чего, хотел сам всем руководить, я запротестовал и вообще велел держать язык за зубами — враг подслушивает!

Шестеро с сетью, пряча ее в мешке, пробрались тихо-хонько на балкон, где обычно музыканты услаждают слух пирующих. Король, как обычно, явился на вечерний пир в окружении телохранителей, но я видел тревогу в его глазах и усталость на лице. Бал-маскарад продолжался в саду, а в большом зале уже начался пир, пошли веселые тосты, вино лилось рекой, снова кувыркались акробаты.

Прозрачный человек появился со стороны кухни в короткий промежуток между второй и третьей сменой блюд. Он крался за слугами, что несут на плечах носилки с цели-

ком зажаренным оленем. На этот раз я увидел, как он неторопливо достал из складок своего плаща длинный узкий нож.

— Приготовьтесь, — шепнул я. — Сволочь, слишком близко к слугам... Ладно, бросайте так, чтобы серединой накрыло цветы.

— Какие цветы? — непонимающе спросил один из телохранителей.

— Вот эти, — сказал я и, сорвав пышный букет с его шляпы, бросил вниз.

Букет едва не попал прозрачному шпиону прямо в темечко. Я видел, как он посмотрел под ноги на рассыпавшиеся цветы, но голову не поднял, а зря, мог бы увидеть летящую сеть. Снабженная свинцовыми грузилами по краям, она выгнулась в падении пузырем. Свинец ударился о пол, сеть накрыла обоих слуг, прозрачного человека и еще часть зала.

Король взмахом руки отправил туда телохранителей, что держались у него по бокам, те жестокими ударами погрузили слуг в беспамятство, а потом в ужасе и оцепенении смотрели, как сеть сама по себе вздувается быстро двигающимся горбом. Пузырь перемещался из стороны в сторону, я послал прикомандированных ко мне телохранителей, они сильными ударами по сети загоняли лазутчика в середину.

Подбежали еще двое с приготовленными веревками. В сеть перестало трепыхаться, неизвестный упал и не шевелился, а сеть осталась висящей как бы в воздухе. Королевские плащеноцы шептали заклятия, бросали шепотками усыпляющий порошок. Вскоре под сетью начало появляться пока что полупрозрачное тело человека.

Разочарованный вздох пронесся по залу. Королевский лекарь ощупал лазутчика, поднял голову.

— Ваше Величество, этот сам убил себя.

— Точно сам? — переспросил король. — Или мы?

— Сам, — ответил лекарь печально. — Хуже того, его не сможем допросить даже после смерти...

— Что, воспользовался амулетом Мексера?

— Увы, успел...

Тело стало видимым, я увидел невысокого худощавого человека, тут же начало сплющиваться, осело, растеклось

сперва как жидкое тесто, а затем превратилось в струйки грязной жидкости, что потекли по полу.

Поднялся крик, все отпрыгивали с пути колдовских ручейков. Один из плащеносцев закричал:

— Огонь! Огонь в очаге!.. Не пустите...

Набежали слуги с тряпками, начали собирать мерзко пахнущую жидкость. Одна из последних струек добежала до очага, там полыхнуло. Ревущее пламя ударило в каменный свод и выплеснулось с такой силой и яростью, что все отшатнулись от ослепляющего жара. Слуги убежали с тряпками и ведрами, набежали другие и умело загасили огонь одеялами и песком.

Через час я уже находился в покоях, которые занял король. Барон Эльрих собственноручно расставлял на столе бокалы и разливал вино. Руки у него все еще трясутся, лицо бледное. Король выглядит не лучше, забился в глубь кресла и смотрит оттуда, как большой ядовитый паук.

Я почтительно сидел, не двигаясь, в том кресле, на которое указал король. Морда уважительно-внимательная, я же в присутствии монаршей особы, привыкшей к безусловному повиновению и оттого очень обидчивой.

Король пару раз зыркнул на меня с неприязнью, словно это я подбирался к нему с ножом, и я его прекрасно понимал. Неприятно быть кому-то должным. Для короля это просто невыносимо, потому что непривычно.

— Вот сволочь! — проговорил он с яростью. — Как же он успел...

— Преданный, гад, — сказал я.

Король воззрился на меня с недоумением.

— Это что за слово?.. При чем тут какая-то... и слово-то непонятное! Дремучее. Посылая на задание, его укрыли не только от наших глаз, но и... гм... от наших рук. Такие заклятия, хоть и дорого стоят, но и мои люди могут. А вот то, что невидим даже для них — серьезно. Где-то что-то откопали новое. Или сумели прочесть в старых книгах...

Эльрих сказал нервно:

— Если только это не дело рук мага.

Король зябко повел плечами.

— Ну, не думаю...

— Почему?

— Для мага мы слишком мелкие мишени. Кроме того, маг бы не сплоховал.

Эльрих возразил:

— Можно сделать так, чтобы думали, будто это не маг, а соседний король...

— А зачем? — спросил король.

Эльрих подумал, пожал плечами.

— Не знаю. Это так, мысли вслух.

— Глупые мысли, — отрезал король решительно. — Нет, это либо Ганелин, либо Гюнтер Вандомский.

Эльрих сказал размышляющее:

— Я бы все-таки предположил, что это из клана лорда Занесса пытаются нанести удар... Недаром же их сторонники так суетятся в последнее время. А сам Занесс, его сыновья и дяди уже в столице. Чуть что, они готовы вспрыгнуть на трон!

— Это слишком просто, — ответил король. Он на несколько мгновений от усталости опустил веки, но когда открыл глаза, они были чистые и ясные. — А вот клан лорда Аспаруха не имеет себе равных в интригах. Они могли выставить на первый план Занесса, чтобы при неудаче удар был нанесен по ним...

— А в случае удачи?

— В случае удачи их можно обвинить в убийстве короля... а затем провести аресты, судить и даже казнить. Таким образом трон они получат, как справедливые мстители.

Я кашлянул, король покосился на меня.

— Простите, маркиз, я не думал, что вам это так уж неинтересно. Но вам в самом деле неинтересно, вижу по вашему лицу. Итак, мои люди всю ночь что-то там исследовали в остатках одежды и прочего, что осталось от последнего лазутчика, и заявили, что теперь поняли, как сделать их видимыми!.. Так что моя шкура снова в безопасности. Чем я могу вас отблагодарить, маркиз, еще?

Я встал, поклонился и снова сел.

— Вы уже показали себя очень щедрым королем, Ваше

Величество. Везде, где отныне пройду, буду говорить о вашем благородстве и щедрости. Теперь я хотел бы попутешествовать на багерах. Для меня, человека из медвежьего угла, это очень большой соблазн.

Король посмотрел на Эльриха.

— Видишь? А говоришь, что все юбочники!.. В этом дворце самая красивая девушка королевства... моя племянница, кстати, а он вместо волочения за нею жаждет прокатиться на багере!.. Вот это настоящий мужчина!

Эльрих развел руками.

— Я бы это назвал иначе, Ваше Величество...

— Как?

— Стены покраснеют, Ваше Величество. Таких лучше сразу топить в корытце, чтобы родители с ними не мучились. А то когда вырастают — мучаемся с ними мы. Герои нужны в военное время, а в мирное время они опасны. Велите послать с ним сопровождающего? Или пусть он один... Авось сгинет.

Король подумал, зыркнул пару раз хмуро.

— Ты и поедешь с ним.

— Ваше Величество!

— Не спорь. Я заинтересован, чтобы маркиз получал ту информацию, которую я считаю королевски правильной. И еще я изволю, чтобы ты удовлетворил его любопытство, желательно — только с воздуха, и привез обратно!

Я возразил с поклоном:

— Ваше Величество, я вообще-то намерен добраться до океана. А там сойти с багера.

— Зачем?

— Остаться, Ваше Величество.

Король поморщился.

— Не понимаю, зачем? Ладно, Эльрих, доставиши его в маркизат Черро, хотя и я не понимаю, что он там надеется увидеть.

Эльрих в ответ цинично ухмыльнулся.

— Главное, мы его больше не увидим. Как вы понимаете, он обязательно ввязется в драку с пиратами, и его сразу... Так что я, с вашего высокого позволения, просто прослежу за тем, как маркиз сойдет с борта багера, а сам благоразумно

тут же в обратный путь. Сойти с ним вместе было бы слишком глупо для королевского советника.

Король вздохнул, усталое лицо помрачнело.

— Да уж, тогда возвращайся. Маркиз просто не ориентируется в наших сложностях, а советов слушать не желает. Все, идите!

Глава 14

Эльрих выпроводил меня в коридор и сам вышел следом. По моему лицу заметно, что у меня куча вопросов, он морщился и всем видом показывал, что я не о том буду спрашивать, что единственно правильные победы — победы над женщинами, лучше бы я занялся этим сложным и увлекательным делом, потягался с великими мастерами, прямо гроссмейстерами в этой сложнейшей области: графом Кинстом, лордом Гавелаксом или хотя бы виконтом Югарде, который хоть и уступает пока даже лорду Гавелаксу, но очень быстро наращивает успехи. О нем уже идет молва как о заядлом и опытном сердцееде, так что я мог бы попробовать потягаться с ним...

Я все это прочел на его лице, потому что и он об этом уже говорил, и леди Генриэтта, и почти все, с кем я общался, рано или поздно переходили на животрепещущие вопросы: кто с кем и кто кого. Но если в моем срединном королевстве Утопии, кто с кем — значит, кто с кем в коалиции идет в правительство, а кто кого — это доллар или евро, то здесь куда важнее: кто у кого сумел задрать подол и с какой попытки. Если граф Кинст обольстил леди Инертину на восьмой день, а граф Цеденбал на седьмой, то ура графу Цеденбалу, он купается в лучах славы, вздымает победно длани, словно поднял рекордный вес или выиграл президентские выборы, расхланивается и обещает коренные реформы... тьфу, обещает следующую дуру трахнуть всего за шесть дней уламывания.

Я покосился на стражей, спросил тихонько:

— А почему в этот... как его, маркизат... Черти.

Эльрих морщился, явно раздосадованный королевским поручением. На ходу отмахнулся, поправил холодным тоном:

— Черро. Просто это самая крайняя точка, до которой долетают багеры. Его Величество изволит вам показать самый дальний маршрут.

— Это далеко?

— Как вы и пожелали, маркиз. На краю континента. Только самые крупные грандбагеры достигают океана, остальные возвращаются гораздо раньше. Там на самом краю есть клочок земли, что относится к нашему королевству. Точнее, входит в его состав со времен короля Вильяма Ближайшего, когда его сын женился на дочери маркиза Форенто, а та, как единственная наследница, принесла с собой маркизат в виде приданого. К сожалению, маркизат расположен узкой полоской на океанском берегу...

Я спросил настороженно:

— А что в этом плохого?

Он вздохнул.

— Прекрасный обширный край, но полностью распиаренный. На самом деле, если начистоту, то Черро принадлежит Его Величеству уже чисто... номинально. Его могли бы в любой момент захватить хоть король Джон де Варенн, хоть Эдуард Длинноногий, это соседи справа и слева, но тогда савроматам пришлось бы бороться с пиратами, а тех победить невозможно.

— А что король Джон и король Эдуард? — поинтересовался я. — Разве их не грабят?

— Их земли очень неудобны для причаливания, — ответил он. — Где рифы, где отвесные берега, а в маркизате Черро берег хорош, а в ряде бухт, как будто специально созданных для порта, пираты обосновались крепко... Там у них даже свои города.

Я подумал, предположил:

— А если король загрузит багер... даже грандбагер, отборными войсками?

Он пожал плечами.

— И что? Пираты сядут на корабли и уйдут в море. Там с ними не тягаться. А потом высадятся в другом месте и разграбят куда сильнее в отместку.

Мы остановились наверху у лестницы, я понял, что нужно откланяться, но уточнил:

— Дорогой граф, а как же маги?

Он снова пожал плечами.

— Тот маркизат чуть ли не единственное место, которое ни одного мага ни заинтересовало. Во всяком случае, маркизат вне их власти. Возможно, кто-то из магов позже и захочет взять себе те земли, но пока таких нет. И, насколько я знаю, никогда не было. Там полная дикость и разорение... Хотя, простите, я слышал, что совсем недавно там все-таки появился свой маг. Очень странный, начал помогать пиратам вместо того, чтобы стереть их с лица земли.

— Действительно, странный, — пробормотал я. — Последний вопрос: когда мы... на багер?

— Скоро, маркиз, — сообщил он. — В самом деле скоро. Грандбагер туда ходит только раз в месяц, но вам повезло, если вы уж так хотите отсюда убраться. Завтра он приchalит к нашей башне. Успевайте закончить здесь все дела.

Я развел руками.

— Сэр Эльрих... Какие у меня дела?

— Не знаю, не знаю, — произнес он задумчиво.

— Точно нет, — заверил я. — Вольное перекати-поле.

Я уже готов. Прямо щас.

Он облокотился на перила, задумчиво глядя вниз. Я ощущал, что вот так покинуть его вроде бы неудобно, хотя вроде бы рас прощались, уже хотел откланяться, как он вдруг спросил, не глядя на меня:

— Кстати, маркиз... а что вы делаете здесь на самом деле?

Я подкрутил несуществующий ус.

— Путешествую, развлекаюсь... Ищу новых забав, приключений.

Он повернул голову, взгляд его был острым и неотрывным. Я ощущал себя, как амеба под микроскопом, что вдруг увидела микроскоп, и огромный глаз в окуляре.

— Не прикидывайтесь, сэр Ричард, — произнес он.

Я ощущал себя тревожно, но удержал застучавшее было сердце, не надо пока гнать адреналин, близкой дракой не пахнет, поинтересовался вежливо:

— Что вы имеете в виду, достопочтенный сэр Эльрих?

— Вы не гуляка, — произнес он спокойно. — Я хорошо знаю эту породу. У меня сын гуляка, и его друзья... Насмотрелся.

Я сказал обиженно:

— Обижаете, сэр Эльрих, отказывая мне в таких понятных удовольствиях.

Он коротко усмехнулся.

— Я не отказываю. Не уводите в сторону, сэр Ричард. Вы можете при случае гульнуть, но вы не гуляка. И здесь не потому, что ищете новых ощущений.

— А почему?

— Да вот любопытно, — ответил он, взгляд его стал острее. — Я бы предположил, что выполняете чье-то задание. Шпионите в пользу какого-нибудь короля или мага. Или достаточно амбициозного властителя рангом помельче, но желающего улучшить свое положение.

Я поморщился, его улыбка стала напряженнее.

— Ну что вы, Эльрих...

— Не угадал, — констатировал он неохотно, — да-да, я вижу, не угадал.

— Вы читаете мысли? — поинтересовался я.

Он покачал головой, не отрывая от меня пронизывающего взгляда.

— У вас достаточно выразительное лицо, сэр Ричард. Вы еще не научились притворяться. Ощущение такое, что в самом деле жили в чистом мире, где мало лжи. Или находились на такой высоте, что лгать нет необходимости. Но я не могу себе представить таких вершин, даже императоры постоянно лгут. Очень многие здесь, не только я, смогут ощутить, когда вы врете, а когда говорите правду.

— Многие?

Он чуть-чуть улыбнулся.

— Из умеющих смотреть и видеть. Для этого требуется особая подготовка, сэр Ричард. Но при всех королях такие люди есть. Без них королям нельзя.

— А при магах?

Он удивился.

— А им зачем?

— Ну, чтобы сообщали о возможных предателях...

Он покачал головой.

— Сэр Ричард, маги за милю видят таких людей!

— Ага, — сказал я, — значит, вы у Его Величества заведуете безопасностью? Думаю, у вас много работы. Его Величество весьма беспечен...

Он вздохнул.

— К великому сожалению. Магам нет дела до распрай между королями. Великие тайны постигают, а вот короли постоянно стремятся оттяпать друг у друга земли. Начинают с пограничных, а там и вообще стараются... по возможности. А чтобы такое проходило легче, могут попытаться через своих людей устроить что-то недобroе при дворе противника.

— Как это покушение?

— Да. Пока здесь торопливо решали бы, кто унаследует трон, можно ввести войска в намеченную провинцию и объявить своей. Все лорды будут во дворце, шансы стать королем есть у многих, а другие постараются поддержать своего сюзерена. Словом, защищать границы будет некому.

— Знакомо, — сказал я. — Такую родину при всем желании не продашь... Но сейчас все устаканилось?

— Более или менее, — согласился он, я понял по его лицу, что осмысливает новое значение слова «стакан». — Поэтому я и подумал, кто вы, человек, спасший жизнь короля, а теперь отбывающий дальше? Простое совпадение, что вы оказались здесь в такой момент, или же вы что-то знали?

Я развел руками.

— Знаете, сэр Эльрих, я уже думал над такими вопросами. Хотелось бы намыслить себе какую-нибудь лестную хрень насчет избранности. Это же звучит — Избранный! Мол, тебе предназначено перевернуть мир, установить справедливость и все такое... Куда бы ты ни совался, а трон императора тебя все равно ждет... Но это мечты совсем уж придуров. Избранности не бывает, а бывают шансы. У всех! Ведь на пиру присутствовало несколько сотен человек, верно?

Он кивнул, глаза хитро поблескивали.

— Верно. Но только вы смогли увидеть врага.

— Вы правы, — согласился я. — Но там, где эта возможность давалась, тоже были сотни, а то и тысячи... Шансы были у всех. Но одни сидят сиднями, надеясь на свою избранность, другие — барахтаются. Я — барахтался. Какие-то шансы упустил, правда, но только те, которые не заметил. А так я старался хватать их все. Представим себе, что незримника увидели бы и другие...

Я замолчал, он понял, что это сигнал высказать ему свое

мнение, подумал, лицо скривилось в пренебрежительной усмешке.

— Вы правы, большинство сделали бы вид, что ничего не заметили. Вмешаться — рискнуть. Не только шкурой, но и будущим. Враг, который послал незримника, может затаить злобу и постараться отомстить тому, кто ему помешал. Хотя шанс мал, но есть. А вы рискнули. Я понял, что вы хотели сказать. Вот так рискуя, вы получали то, что не получат люди, предпочитающие не рисковать? Ваше чудесное оружие, ваша способность видеть незримников за тремя слоями мощной магии... И, смею предположить, это не все, что у вас есть.

Я улыбнулся как можно беспечнее, я же играю бесшабашного, сказал лихо:

— Кто не рискует, тот не пьет вино из королевских подвалов, и того не хоронят под королевскими знаменами!

Он кивнул.

— Хорошо сказано. Красиво. Чувствуется, что заготовили заранее. Потому меня и тревожит вопрос, кто вы, сэр Ричард?

Я тоже улыбнулся, уже грустно, сказал, понизив голос:

— Сэр Эльрих, ответ на поверхности, но я затаптываю его поглубже, потому что самому, честно говоря, стыдно... Мужчина готов признаться в любом преступлении, но очень неохотно признается в своей слабости. Но я могу признаться, потому что завтра утром меня здесь уже не будет, так что... признаюсь в самом стыдном. Я здесь потому, что бегу.

Он насторожился, спросил, понизив голос:

— Противники очень опасные?

— Очень?

— Тогда это... маги?

— Хуже, — ответил я.

Он посмотрел настороженно.

— Кто может быть сильнее мага?

Я ответил тихо:

— Душа, сэр Эльрих. Я бегу от... ответственности.

Он смотрел очень внимательно, я чувствовал, как анализирует мой тембр голоса, движение лицевых мускулов, выражение глаз.

— От ответственности, — повторил он медленно, словно

пробуя слово на вкус, — да, нам бы права, а ответственность мы все не любим. Перед кем вас так тяготит ответственность? Перед женой?.. Детей у вас, судя по вашему юному облику, еще нет, или слишком малы... Перед родителями? Родней? Соседями?

Я покачал головой, вздохнул еще тяжелее.

— Хуже, сэр Эльрих. Гораздо хуже.

— Гм, — произнес он в затруднении, — тогда просветите меня? Если это, конечно, не затронет очень глубоких ваших чувств...

— Затронет, — ответил я невесело. — Но я же сказал, завтра вы меня уже не увидите, так что стыдиться особо некого. Сэр Эльрих, я все еще пытаюсь избегнуть ответственности за большое... очень большое хозяйство. Не буду называть, это и не важно, но я впервые оказываюсь ответственным за огромную область, населенную множеством людей. До этого я красовался на белом... пусть он черного цвета, но все равно — белом коне, красивый и побеждающий всякую мелкую хрень вроде драконов, огров или троллей. И срывал аплодисменты восхищенного народа и обещающие все на свете улыбки женщин!

Он слушал внимательно, глаза серьезные. Взгляд остался сканирующим даже движение глубоких лицевых мышц, но я уже видел, что проверку прошел. Я говорю искренне, говорю правду, и он видит, что говорю именно правду.

— Сочувствую, — проговорил он медленно. — А нельзя это оставить в руках родителей или кого-то из советников?

Я вздохнул.

— Конечно, можно. Как вы понимаете, все с охотой ухватятся за возможность владеть большой провинцией. Но дело в том, что... так уж сложилось, к несчастью, что я оказался там наиболее компетентным!.. Да-да, я — любитель приключений в одиночку, я же и тот, кто может править... по крайней мере, лучше, чем другие! Не потому, что я так уж хороший, я себя не переоцениваю, но остальные намного хуже!..

Он переспросил:

— Как я понял, вас тревожит не то, что не справитесь. Вас тревожит...

Он сделал паузу, я договорил:

— ...что работать придется именно мне! Вернее, что

именно мне придется работать. Вся беда жизни в моем родном королевстве, что там маги обеспечили всем очень уж привольную жизнь. Еще привольнее, чем здесь. Мужчины проживают всю жизнь и старятся, так и не совершив ни одного мужского поступка. Нам все достается легко, еще легче, чем здесь. У нас дошло до того, что женщины, более консервативные, начали брать в свои руки бразды, а мужчины, какой стыд, охотно передают им поводья! И нередко женщина создает то уютное гнездо, куда берет мужчину... обычно на много моложе, и обеспечивает ему райскую жизнь. Стыдно сказать, но мужчин такое редко... стыдит. Во всяком случае не настолько, чтобы встремились и сами начали добывать средства существования. К сожалению, я тоже таков...

Он спросил тихонько, стараясь не спугнуть мою откровенность:

— Вы тоже были... на содержании женщины?

Я помотал головой.

— Мог бы, но я вовремя убежал, потому что на месте не смог бы бороться со своей слабостью. Я не приучен сытой и беспечной жизнью не то чтобы трудиться, а вообще напрягаться! У нас при всеобщей лени и бездеятельности мужчины еще и стараются расслабиться. Слово-то какое гадкое... Словно обосраться. Я тоже, увы, таков. Я понимаю, что мне нужно вернуться и взяться за трудную работу правления. Но я бегу от нее, потому что привык жить в развлечениях. И ни за что не отвечать. Это очень важно! Ну разве что за свои поступки... Но совсем не то, что отвечать за целую провинцию. Я чувствую, что как только вступлю в правление, сразу как бы постарею лет на двадцать.

Он чуть улыбнулся.

— Сэр Ричард, не говорите про двадцать лет с таким ужасом. Для вас постареть лет на двадцать — все равно остаться молодым. Но я вас начинаю понимать... Страшитесь, что праздники кончатся, начнутся сплошные серые будни. Понимаю, это у вас оттого, что на ваши плечи это свалилось... рановато. Вы еще не перебесились, не обожрались приключений, драк, гуляющих девок, часто встречающихся и среди благородных дам, кутежей, лазаний тайком в окно к замужним...

Я сказал с жаром:

— Да! И не стыжусь!.. Это я все умею, это все у меня получается ну просто замечательно. А управление провинцией? Это все, жизнь кончилась.

Он улыбался, я понял по его виду, что уже не прощупывает меня, мой портрет во всех отношениях составлен.

— Не кончится, — произнес он тепло.

Я сказал уныло:

— Я все время нахожу повод забраться подальше от своего края. Потому что, когда вернусь, править начну. Все-таки не смогу передать тому, кто еще хуже. Но сейчас стремлюсь отянуть этот погребальный день. Мне стыдно, сам все понимаю, но не хочу расставаться с мечемахательским детством!

Он сказал сочувствующе:

— Раз вы это понимаете, маркиз Ричард, то в самом деле готовы управлять провинцией.

Я огрызнулся:

— Сам знаю! Дело в том, что не хочу. Боюсь. Это как будто солнце померкнет, краски исчезнут, а мир станет серым.

— Не станет, — утешил он, голос был сочувствующий. — Увидите сперва оттенки в самом сером цвете, а потом станете различать и другие цвета. В конце концов ощутите, что у правителя красок больше, чем у отважного дуэлянта!

Я подумал, вздохнул.

— Никто не будет против, если я покину дворец и прогуляюсь по городу?

Он улыбнулся.

— Разве что какая-нибудь из дам, которая вознамерилась затащить вас в свою постель. Гуляйте, но не проспите завтрашний багер. Следующий придется ждать месяц.

— Не просплю, — пообещал я. — Я вообще там спать не собираюсь.

Он проводил меня понимающей улыбкой. Как он понял, не знаю, сам чую, что понять можно по-разному.

Глава 15

Я старался пробираться через веселящуюся карнавальную толпу к своим покоям, не встречаясь ни с кем даже взглядом, а то задергают предложениями обольстить ту или

иную красавицу, а также постараться добиться от какой-то дамы любезности... интересно, что это, неужто что-то особенное, а в мозгу идет жаркая работа по переплавке хаотичной информации во что-то удобоваримое, как из подслушанных разговоров, так и узконаправленных.

За спиной послышался голос, робко называющий мое имя. Я обернулся, меня догоняет человек в комбинезоне ярко-желтого цвета с рисунком в крупную шахматную доску, только без фигур, на голове колпак с бубенцами.

— Сэр Ричард, — выпалил он, — сэр Ричард!..

— Ну-ну, — сказал я, — что хочешь?

— Хотел увидеть умное лицо, — ответил он мажорно, — да зеркала не оказалось. Дай, думаю, посмотрю на маркиза!

— Ну-ну, — повторил я уже с угрозой, — и как? Посмотрел?.. Или в глаз дать, чтобы лучше видел?

— С маркизьего плеча и в глаз приятно! — сообщил он. — Посмотрел и понял, что умнеть бесполезно — это любой дурак подтвердит. К тому же одурачить можно умного, но дурака — никогда. Дураки не только украшают жизнь, но и делают ее легче: рядом с нами многие считают себя... умными.

Я поморщился.

— Стоп-стоп, не вываливай на меня эти шуточки, я и сам могу навалить такую кучу, что вечно вонять будешь. Говори, что хотел?

Он посмотрел на меня опасливо.

— Ваша милость, но как же без шуток? Шутки продлевают жизнь! И делают ее интереснее. Именно их и хочу предложить вашей добрости.

Я отмахнулся.

— Не делай из меня идиота, я сам справлюсь! Говори яснее.

Он вздохнул.

— Сэр Ричард, вы путешествуете в одиночестве, как я вижу? Даже без слуг, что удивительно! Тогда вам нужен в спутники хотя бы шут.

Я удивился:

— Шут?

— Ну да, — объяснил он серьезно, — у всех знатных есть шуты. А у правителей — просто обязательно!

Я отмахнулся.

— Да на фига мне? Я сам еще тот шут... Аж противно.

Он покачал головой и сказал очень серьезно:

— Шут необходим, сэр Ричард. Особенно такому, как вы.

— Почему? Только без шуточек!

— Вы горды, — объяснил он еще серьезнее, — и если вам укажут на вашу ошибку, только вспылите и будете делать по-своему. Уж назло себе и другим. А если вам на ошибку укажет такое смеющее и презренное существо, как я, вы не ощутите себя ущемленным в своей гордости... И, возможно, подумав, перемените решения. Маркиз, шутам удавалось предотвратить многие опрометчивые решения государей!

Я рассматривал его внимательно, шут переступает с ноги на ногу, видно, с каким трудом удерживается от привычного скольжения в юмор и охомление, но приказ есть приказ, а ему почему-то очень хочется мне понравиться.

— Спасибо за откровенность, — ответил я после паузы. — Польщен, что ты счел меня достойным узнать истинную причину существования этой профессии. Печально, конечно, что оппозиции приходится начинать с этой роли... Да, ты прав, куда легче услышать критику в виде шуточки. Да еще не от равного, кто может метить на твое место, а от заведомо неконкурентного...

Он спросил с надеждой:

— Так возьмете меня?

Я ответил с колебанием:

— Признаться, оппозицию никто не любит. Даже шутов за слишком дерзкие высказывания гоняют и бьют.

— Но вы же признаете ее полезной?

Я вздохнул.

— Признаю. Но только я сейчас недостаточно знатен... чтобы быть защитой даже себе. Я путано, да? Но ты понял...

Он смотрел очень серьезно.

— Я понял, что стараешься уехать как можно дальше. Если пересечь границу королевства Гессен, вас не должны достать противники. Особенно если вы ухитрились навлечь недовольство мага.

— Говорят, маг такой мелочью не занимается.

Он кивнул.

— Да. Но, думаю, что вы с вашим характером привлечете и внимание мага.

— Слюнь, — велел я строго. — Я ни с кем не хочу ссориться! Я весь компромиссный и консенсусный. Меня не тронь — никому не дам в лоб. Даже молотом. И вообще... Я по характеру — герой-одиночка!

Он удивился:

— Почему? Быть во главе... неважно чего — легче.

— Это только кажется, — ответил я невесело, — только кажется. Быть во главе — это принимать решения и за других. А я и за себя иной раз... гм... Только и смотрю, на кого бы свалить. Когда женится какой-нибудь герой вроде меня, орла сизокрылого, и то, бывает, не справляется, хотя решать нужно всего за двоих! Конфликты, проблемы, разводы. И все потому, что не справился с возросшими трудностями. А когда на плечи наваливается хозяйство побольше, чем жена и ребенок, то вообще караул и гаси свет...

Он смотрел с непониманием, мол, какие трудности: сиди за накрытым столом и пируй, а управляющий все сделает сам.

— Но когда-то, — спросил он уже другим голосом, — придется?

Я развел руками.

— Не когда-то. Я даже знаю, когда.

— Можно и мне узнать?

— Чтобы приколоться? Пожалуйста, уже весной я должен начинать строить.

— Что?

— Царство Божье на земле, — огрызнулся я. — До этого я только ломал! Можно сказать, что я уже был во главе, но только во главе ломателей и захватывателей. Но я это за свершение не считаю. Для ломания ума не надо... Хотя, конечно, чтобы собрать и держать в повиновении жадную до захватов и добычи толпу, тоже надо что-то иметь в голове, но все равно не тот уровень, не тот... Словом, мы с тобой решим вот так: я еду сейчас, а ты попозже. Оппозиция не слишком нужна на стадии захвата власти, а вот для правления совсем не помешает.

Он встрепенулся, смотрел блестящими от любопытства глазами.

— А что, будет захват?

— Рискну, — ответил я угрюмо. — Кто не рискует...

Он сказал деловито:

— Я слышал, вы отправляетесь в маркизат Черро. Но там не риск — самоубийство. Вы что-то придумали? Есть особые амулеты? Приготовленные заклятия?

Я пожал плечами.

— Никакие амулеты не помогут справиться со страной. Просто в роли захватчика у меня уже есть опыт. Это потом не знаю, что делать с захваченным...

— Почему?

— Дурак потому что, — ответил я с досадой.

Он смотрел с недоумением, потом ухмыльнулся и сказал почти весело:

— Источник нашей мудрости — наш опыт. Источник нашего опыта — наша глупость. А если маркиз считает себя дураком... гм... даже большим дураком...

Он сделал многозначительную паузу. Я кивнул.

— Все верно, у меня великое будущее.

В своей комнате я привычно подцепил к поясу молот, меч и лук оставил у изголовья, не на войну же собрался, и когда вышел к лестнице, с другой стороны крыла навстречу красиво плыли на скользящих по полу платьях леди Элизабет и леди Габриэлла. Обе щебетали, повизгивали, глазки блестят азартом.

Увидев меня, леди Габриэлла что-то шепнула подруге и, проскользнув мимо меня, хитро подмигнула, а сама быстро-быстро простучала каблуками по лестнице, хотя леди ее ранга должна сходить медленно и величаво. Леди Элизабет замедлила шаг, я понял, что обязан как-то отреагировать, поклонился и заговорил бубнящим голосом, старательно загибая пальцы:

— Ах, леди Элизабет! Какая вы сегодня особенно замечательная!.. Какое на вас чудесное голубое платье, что так идет к вашим глазам!.. Ага, какая у вас бесподобная талия, а как очаровательна эта... ага, улыбка! Аромат вашей кожи сводит всех нас с ума, ваши нежные руки просто восхитительны и божественны... Они подобны лепесткам... лепесткам роз, они так же гибки, чувственны. Вы самая безукоризненная девушка на свете, леди Элизабет!

Она морщилась все сильнее.

— Маркиз, — сказала она холодно, — я вижу, вы очень хорошо заучили текст. Слово в слово, как говорили как-то. Но в голубом платье я была утром, а сейчас на мне зеленое. Зеленое!

Она посмотрела на меня убийственно, глазки источают холод межзвездного пространства, щас вот и провалюсь сквозь пол.

Я нагло ответил ей прямым взглядом.

— Ну и какая разница?

Она охнула:

— Как это какая? Это говорит о вашей... вашей...

Она не находила слов, я подсказал:

— Это говорит о моей любезности. Вы хороши, вот я и наговорил всякой хрени, ее вам всегда говорят. А что какие-то слова перепутал, какая разница? Главное, с каким чуйством возбрякнул! Вы — прекрасны, вот что главное!

Она посмотрела исподлобья и настороженно:

— Ну и с каким чувством? Только если готовитесь снова возбрякнуть, как вы изволите выражаться, лучше помолчите!

— А ручку поцеловать можно? — спросил я.

Она поколебалась, у меня чересчур смиренный вид, и она ответила гордо:

— Сперва заслужите.

— Ага, — ответил я и, повернувшись, пошел к лестнице.

Она топнула ножкой.

— Маркиз! Я вас еще не отпускала! Это куда вы направились?

— На задний двор, — объяснил я. — Заслуживать. Набью кому-нить морду. В вашу честь.

Она вскрикнула возмущенно:

— Вы с ума сошли? Дворяне так не поступают!

— А как?

Она беспомощно смотрела на меня.

— Ну что с вами делать? Вы совершенно не умеете себя вести в обществе!

— Ага, — согласился я. — Какое-то оно тупое это общество... Никак не приучу к своим элегантным, я бы даже сказал, манерам, простите за выражение. Пойду приучать!

Я улыбнулся и помахал ей, уже удаляясь, как будто это она меня послала кому-то бить морду, приучая к элегантности.

Леди Габриэлла ждала леди Элизабет внизу у лестницы. Завидев, что спускаюсь первым я, она всмотрелась в мое лицо, с укором покачала головой.

— Маркиз... мне кажется, ваш метод ухаживания за леди Элизабет слишком...

— Что? — спросил я с интересом. — Старомоден?

— Хуже.

— Что может быть хуже в мире моды? — поинтересовался я. — Старомодность, провинциализм...

— Грубоватость, — пояснила она. — А грубость здесь синоним неотесанности.

— А-а-а-а, — протянул я, — так я ж и не скрываю, что неотесан. Зато какой дуб, а? Прямо хоть щас на гроб-мачту.

— На мачты вообще-то берут сосны, — уточнила она.

— Ух ты, — поразился я. — А вы откуда такую мудрость знаете? Леди Габриэлла, я вас начинаю уважать. С таким-то роскошным бюстом и вдруг... нет, я просто ошарашен!

Она чуточку улыбнулась, польщенная (комplименты нравятся даже самые грубые), пояснила без рисовки:

— Я когда-то жила на побережье. И не всегда была баронессой. Так и вы должны стремиться побыстрее отесаться. Над вами уже хихикают. Хуже того — улыбаются!

Я возразил:

— Больше будут хихикать, если стану подражать всем этим павлинам.

Она кивнула, возразила живо:

— Но все же вас поймут.

— А я предпочитаю быть непонятным, — сообщил я. — Загадочным.

Она поморщилась.

— В вас загадочности меньше, чем в моих туфлях.

— Нужно правда?

— Уж поверьте.

— Поверить женщине? Да еще такой красивой?

Она примирительно улыбнулась.

— Ладно, как хотите. Я вам дала хороший совет, а уж как воспользуетесь...

— Ах, леди Габриэлла, — вздохнул я, — а я-то мечтаю, когда ж вы наброситесь на меня и грубо изнасилуете? А ведь

обещали! Мне ваш божественный бюст уже снится. Без всяких корсетов.

Ее полные губы тронула хитрая улыбка.

— Я почему-то люблю Элизабет. Она при всей ее красоте и остроумии очень беззащитна и уязвима. Вокруг нее вьются лучшие женихи королевства, но мне кажется, что ни с одним из них не будет счастлива. Ее редкая красота заслуживает чего-то большего, чем высокое происхождение жениха! У нее самой куда уж выше... Ее знатности хватило бы и на двоих, маркиз.

— Намек понял, — ответил я. — Баронесса, вам бы я отдался и даром!

Она заулыбалась, польщенная помимо воли. Сверху доносилось неспешное постукивание каблуков, леди Элизабет спускается, как и положено знатной леди: медленно и величаво. Я поклонился леди Габриэлле и торопливо пошел от лестницы через просторный холл к выходу из дворца.

Придворные провожали меня заинтересованными взглядами, я слишком уж отличаюсь, да и взгляд мой устремлен на дверь, а не на роскошных женщин, оголивших плечи и верхнюю половину бюста.

Входная дверь с грохотом распахнулась. Ворвался яркий солнечный свет, следом в проеме возникла крупная фигура человека в доспехах. Лицо я не рассмотрел, солнце светит в глаза, обрисовывая незнакомца зловеще-черным силуэтом. По залу пронесся испуганный вздох.

Человек шагнул в холл, за ним еще двое, такие же крупные, железоблещущие. Пахнуло настолько ощутимой угроющей, что мурашки пробежали у меня по спине. На первом, кто переступил порог, блещущая золотом и алмазами корона, я быстро определил ее как королевскую. На двоих, что вошли следом, корон нет, но держатся как минимум герцогами.

Часть 2

Глава 1

Среди придворных я увидел барона Эльриха, он переменился в лице, в глазах страх и затравленное выражение. Я услышал, как он сказал кому-то в звенящей тишине:

— Великий Самаэль, это же сам Бекштайн!.. Что ему надо?

Что ответил сосед, я не услышал, в следующее мгновение барон исчез, я успел увидеть его уже на лестнице, по которой он пронесся, как борзая, преследующая зайца. Вернее, как заяц от борзых.

Гюнтер Бекштайн, вспомнил я, король Вандома, это где-то рядом. Соседнее королевство, справа или слева, не знаю. Что-то стряслось экстраординарное, если король вот так неожиданно и дерзко...

Король Бекштайн, крупный и широкий мужчина с суровым лицом завоевателя, мускулистый и распираемый силой, с ним двое рыцарей повыше ростом и массивнее, настоящие танкователи, что во главе рыцарского клина проламывают оборону, а остальные только расширяют прорыв.

Нарочито громко топая и всячески выказывая, что хозяева здесь они, а здешний король так, погулять пришел, они пошли через холл по направлению к главному залу.

Масса придворных, помедлив, потянулась следом. Я поколебался, я же в город, но решил посмотреть и вместе с толпой вдвинулся через широкий проход, где и остановился у двери.

Король Бекштайн с сопровождающими по-хозяйски прошли через весь зал. Король Хенрих сидит в кресле герцога, приспособив под трон, сам герцог Людвиг рядом, довольный и благодушный.

Я смотрел поверх голов и, благодаря росту, увидел, как изменилось лицо короля Хенриха. На нем отразились как изумление, так и страх. Телохранители сдвинулись плотнее, на приближающихся троих смотрят, как цепные псы на дичь.

Те остановились на рассчитанном расстоянии, чтобы не представлять слишком явной угрозы. С другой стороны, будут вынуждены говорить громко, услышит не только король, но и все окружение. Я смотрел на их злые лица и понимал, что так и рассчитано, чтобы услышал весь двор.

Король Бекштайн выгнул грудь колесом и крикнул гневно:

— Хенрих, ты заперся в своем гнезде и уверен, что ничего не происходит?

Хенрих спросил угрюмо:

— А что происходит?

— Я посылаю к тебе гонца за гонцом! — заявил Бекштайн гневно. — Я передаю тебе сообщения через послов!.. Я пытаюсь получить от тебя ответ через смотрителей багеров, наконец!

Хенрих с самым невозмутимым видом пожал плечами.

— Никаких сообщений я не получал.

— Врешь, — заявил Бекштайн жестко. — И все знают, что врешь. Но ладно, теперь ты не отвертишься, а затыкать уши при всех не станешь.

Хенрих бросил короткий взгляд в сторону, я понял по его лицу, как ему хотелось бы заткнуть уши, но Бекштайн прав, увиливнуть не удается, он сказал утомленно:

— Ну говори.

— Спасибо, — ответил Бекштайн саркастически. — Но если бы ты не разрешил, думаешь, я бы не сказал?.. Итак, заявляю здесь то, что ты так боялся услышать, из-за чего не принимал моих посланников: город Роган и вся область вокруг него должны принадлежать королевству Вандем!.. И только я, король Бекштайн, могу издавать там законы!

В зале начался сдержанный ропот, но грозный Бекштайн

только повел в ту сторону очами, и сразу наступила испуганная тишина.

— Почему? — спросил король Хенрих, однако голос его прозвучал обреченно.

— Ты знаешь, почему! — прорычал Бекштайн. — Потому что его жители тянутся к Вандему. Потому что бегут от тебя! Потому что торговые и все прочие законы одинаковы, что в моем королевстве, что в Рогане. Потому что жители Рогана предпочитают мою власть!

Король Хенрих возразил глухо:

— Сегодня у них одни желания, завтра — другие. И что же, мы, короли, должны потворствовать желаниям черни? К тому же неизвестно, почему так возжелали вдруг...

Бекштайн набрал в грудь воздуха, выгнул ее, как петух, и прокричал, багровея:

— Хочешь сказать, что мы подкупили горожан?

— Я так не сказал, — возразил Хенрих, — я сказал только, что мнение горожан в таких делаах не учитывалось...

— А теперь будем учитывать! — прокричал король Бекштайн еще громче.

Вот же сволочь, мелькнуло во мне обозленное. Все говорит правильно, прямо вылитый демократ, но так и хочется его размазать по стенам, слишком уж показная эта правильность. Слова «популизм» еще не родилось, а скажи — другое подумают, но вот она, популистская сволочь в королевском венце...

Король Хенрих, ощущив ловушку, молчал в затруднении, а каждое мгновение добавляет песчинку на чашу весов Бекштайна. Я видел, что Хенрих это понимает, как и его советник барон Эльрих, но ответить пока нечего, противник подловил умело.

Выждав короткую паузу, Бекштайн прокричал зычно:

— Тогда поступим иначе! Твой лучший воин сразится с моим лучшим. И пусть город достанется той стороне, чей воин победит!

Король Хенрих покачал головой, лицо стало усталым, в глазах я увидел страх и ожидание неминуемого поражения.

— Ты выставишь графа Анжера, не так ли?.. — проговорил он севшим голосом, — а мы знаем, что он отыскал еще

один талисман Силы. Вернее, ему принесли... А он и без них был сильнее всех в королевстве.

Король Бекштайн надменно улыбался.

— Но ты же не откажешься от старинного обычая решать такие вопросы поединком?

— А если откажусь?

— Город перейдет ко мне, — заявил Бекштайн безапелляционно. — Ты сам это знаешь, зачем спрашиваешь?

По лицу короля Хенриха я видел, как страстно ему хочется отказаться от такого решения вопроса, однако обвел взглядом как своих придворных, так и чужих, вздохнул и ответил:

— Хорошо.

Король Бекштайн просиял; а его помощник у правой руки прогрохотал могучим голосом, от которого дрогнули даже стены:

— Кого я встречу в поединке?

— Пока мы не решили, — ответил Хенрих глухо. — Такие важные дела так просто не решаются. Соберем совет, обсудим кандидатуры... Проверим их в деле. А когда все будет готово, сообщим, чтобы выработать соглашение о приемлемом месте поединка...

Рыцари за спиной короля Бекштайна громко захохотали. Бекштайн побагровел, громыхнул с таким неистовством, что под сводами вскрикнуло испуганное эхо:

— Что?.. Совет?.. Какой совет?

— По выдвижению кандидатуры, — произнес Хенрих утомленным голосом. — А как же иначе...

— А покажу, как иначе! — прокричал Бекштайн в бешенстве. — Ты выдвинешь его здесь и сейчас!.. Тыфу, назовешь!

— Но...

— Никаких «но»! Кто встретится в поединке с моим человеком?

Король Хенрих оглядел своих лордов, все опускали головы, отводили взгляды, хмуро молчали. Я медленно закипал, будто я в самом деле паладин, а не то, кем прикидываюсь. Не мое это дело, пусть два средневековых дикаря делят территорию, на самом деле ничего для народа не изменится, власть

везде одинакова, однако сердце стучит, нагнетая злость, будто это меня унижают на глазах всего двора.

Король Бекштайн выждал, повернулся вправо-влево, под его насмешливым взглядом лорды Хенриха тоже опускают головы, заговорил с насмешливым превосходством:

— Если тебя и такой исход не устраивает, то я забираю город по праву силы!

Король открыл рот и начал что-то говорить, но я ощутил, как мои ноги вынесли меня вперед.

Я вскинул руку и крикнул:

— Ваше Величество!.. Позвольте мне!

Король Хенрих запнулся, нахмурился, уже знаю, не любит, когда перебивают, оглядел меня с сомнением на лице.

— Что ты хочешь сказать?

— Ваши лорды слишком вежливы, — ответил я. — А я из медвежьего угла. Могу и по рылу без всяких комплиментов.

Он покачал головой.

— Ты хочешь сказать...

— Именно, — ответил я. — Вы угадали, Ваше Величество.

Он договорил, еще не веря:

— Ты готов сразиться с графом Анжером?

— Да мне все равно с кем, — ответил я, — хотя, на мой взгляд, он на графа не тянет. Так, свинья свиньей...

По всему залу пронеслось тихое «ах». Огромный рыцарь вперил в меня обрекающий взгляд, а король Бекштайн, не теряя инициативы, сказал насмешливо:

— Граф Анжер признанный воин. Он сражался в сорока поединках. Тридцать девять его противников пали на поле боя.

— А сороковой? — невольно спросил я.

Бекштайн усмехнулся.

— Граф Анжер пощадил его, то был брат его невесты. Он только обрубил обе руки, чтобы тот никогда больше не брал в руки меч.

Холодная темная злость продолжала медленно подниматься во мне, как вода в половодье.

— Что ж, — ответил я, — пришла пора умереть и ему.

Бекштайн хохотнул.

— Только не от твоей руки!

— Посмотрим, — ответил я и повернулся к королю Хенриху. — Ваше Величество, теперь мне самому хочется преподать этому наглецу урок. Позвольте, я попробую защитить честь Гессена.

Король Бекштайн спросил с удивлением:

— Я совсем не против, чтобы против моего бывалого бойца выступил безусый юнец. Хотя и несколько роняет мою честь... Но для спора это хорошо! Только скажи, юноша, почему ты так хочешь умереть?

— Прекрасно умереть, — ответил я, — во имя Отечества, как Леонид, во имя разума, как Сократ, или во имя братства людей, как сделал Христос. Если умру, то за что-то хорошее, не так ли?.. Вон даже вы это поняли! Но я не думаю, что умру. Умрет ваш дурак. И ваши амбиции тоже умрут.

Шут возле короля сказал громко:

— Вполне естественно умереть за Отечество, в котором жить невозможно.

Король Бекштайн громко захохотал, король Хенрих нахмурился. Мне показалось, что даже на меня посмотрел с неудовольствием. Граф Эльрих наклонялся к его уху и усиленно шептал, всеми частями тела показывая на меня.

Король устало кивнул.

— Хорошо. Доверяю маркизу Ричарду защищать честь королевства Гессен.

Король Бекштайн сказал громогласно:

— Я предлагаю не тянуть со сроками, а назначить... На какой день назначить?

Он посмотрел на короля Хенриха, но я снова вмешался:

— Его Величество милостиво изволит изречь, что после недолгого раздумья... ибо мудрые короли ничего не делают с бухты-барахты, решило не откладывать. Если вы не против, поединок по воле всемилостивейшего и мудрейшего короля Гессена состоится сегодня. Даже, говоря галантно, сейчас. Прямо перед дворцом хорошее просторное место.

Король Хенрих нахмурился и смотрел раздраженно, король Бекштайн чуть не подпрыгнул от ликования:

— Прекрасно!

Я сказал громко:

— Схожу за доспехами. Поединок состоится немедленно, как вернусь. Пусть ваш боец помолится Самаэлю.

На моем пути народ разбегался и прижимался к стенам, что уязвило, героя и защитника Отечества вроде бы приветствуют иначе. На лестнице меня догнал запыхавшийся барон Эльрих. Я поднимался быстро, но без поспешности, и он пошел со мной рядом, бледный и с глазами, полными отчаяния.

— Сэр Ричард...

— Да, сэр Эльрих?

— Сэр Ричард, у вас есть какие-то трюки?

Я удивился:

— С какой стати?

— Вы хоть поняли, с кем будете драться?

— А мне все равно, — ответил я нагло. — Драться — это хорошо.

Он вздохнул.

— Без трюков, как их ни назови, вам не выстоять.

Я предложил:

— Посмотрите на меня. Да нет, не так. Что я красавец, знаю. А вот похож ли на человека, у которого в рукаве трюки? Вы забыли, из какого я простодушного края?

Он вздохнул еще тяжелее.

— Тогда все зря. Откажитесь. Я, как вы понимаете, совсем не против, чтоб вы погибли с пользой, но так город все равно уйдет к королю Бекштайну, а мы еще и нахлебаемся насмешек.

— Спасибо за откровенность, — поблагодарил я, — но этот скот в самом деле разозлил. Ненавижу таких! Когда могу, стараюсь проходить мимо, понимаю — всех не перебьешь... да еще и сам иногда бываю таким, но сейчас что-то уж очень разозлило...

Мы подошли к дверям моих покоев, барон спросил устало:

— Что вас в нем так задело?

— Не знаю, — ответил я честно. — Может быть, то, что сам иногда бываю таким.

Он вошел вслед за мной, сейчас не до церемоний, просто забылся или сделал вид, что забылся, напряженно смотрел, как я снял с крюка перевязь с мечом, она красиво и привычно легла через плечо, а меч так же привычно устроился за спиной.

Молот на поясе, лук я оставил пока скучать в изголовье ложа. Доспехи всегда на мне, сокращены до браслетов, не по

враждебной территории передвигаюсь, оглядел себя в зеркало. Страшное слово, что звучит, как приговор: старомодность!

Да, здесь я старомоден. И меч старого образца, здесь такие только у древних дедуганов на стенах, и лук, ныне все перешли на арбалеты, а молот так и вообще выглядит чем-то ритуальным, а не грозным боевым оружием.

Избегая пестрых одежд, я выгляжу почти как простолюдин. Только осанкой да общей статью отличаюсь, этого достаточно, чтобы посматривали уважительно и в ссоры не лезли. Но понятно, почему король Бекштайн и граф Анжер так обрадовались, что противником будет такой цыпленок.

Глаза барона Эльриха расширились, когда я браслеты превратил в доспехи. Я видел, что хочет упрекнуть меня, мол, как это без трюков, но посмотрел на мое спокойное лицо и явно решил, что такая ерунда для меня не трюки.

— Все, — сказал я, — пойдемте, барон. А то вдруг этот герой сбежит...

Он вздохнул.

— Я расскажу, что вы держались мужественно и шутили до последней минуты!

— Вы добрый человек, — сказал я. — Только бедствия дают повод к мужеству.

Он сказал тихо:

— Я не должен этого говорить, но... вам было очень не-благоразумно вступать в не ваш спор!

— Мужество без благородства, — согласился я, — только особый вид трусости.

Он посмотрел с вопросом в глазах, но я уже открыл дверь. В коридоре солдаты отсалютовали мне, как самому королю. Я мужественно улыбнулся, спросил у них, не сбежал ли еще граф, и пошел быстрым шагом. За спиной слышались неуверенные смешки и восторженный шепот.

Глава 2

Граф Анжер, огромный, как железная башня, прохаживался по выстеленному цветными плитами двору. Толпа собралась вдоль стен безмолвная и вообще застывшая в благо-

говении, а граф время от времени вскидывал обе длані к небу и орал нечто воинственное.

Для королей и самых знатных из дворца вынесли десятка два кресел, расположив один ряд от другого на расстоянии шагов сорока. Король Хенрих и его люди уже сидят в своем ряду, а на стороне короля Бекштайна, к моему удивлению, тоже все кресла заняты. Справа и слева вельможи выстроились в несколько шеренг, но не переступают незримую черту, так что получился ровный квадрат, в котором, как я понял, нам и предстоит сразиться.

Граф Анжер еще разом прошелся, красуясь и потрясая мускулами, по кругу. На него смотрели с молчаливым и боязливым уважением. Мне показалось, что на меня он взглянул без всякой злости, а как мясник, что привык забивать всякий крупно- и мелкорогатый.

Барон Эльрих торопливо пробежал к королю Хенриху, тот выслушал с мрачным видом и молча кивнул. Возможно, барона отправлял проследить, чтобы я не сбежал по дороге, довершая позор королевства Гессен и нанося урон королевской чести.

Граф Анжер вышел на середину квадрата и, вскинув руки, громко и страстно выкрикнул. В ответ сухо треснуло, словно и не гром, а переломилось сухое дерево, толщиной с трубу метрополитена. Устрашенный, я поспешил вскинуть голову. В чистом синем небе неприятно быстро возникла плотная черная тучка. Из нее ударила длинная ветвистая молния, перечеркнула мир и коснулась головы и рук графа.

Он закричал, как мне показалось, от дикой боли и одновременно — наслаждения. Молния продолжала трепетать между небом и ним, утолщилась, потеряв мелкие светящиеся корешки и веточки, теперь это был толстый огненный столб чистой магии, что из тучи переливался в графа.

Его тряслось, он орал, но не сгорал, а как будто раздувался от прилива нечеловеческой мощи. Я вскинул было глаза к небу, там же Всевышний и ангелы на облаках, однако злая угольно-черная туча стала еще шире и захватывает почти всю середину неба. Молния перестала трясти графа, как тряпичную куклу, а в туче образовалась пугающе глубокая дыра,

багровая, уходящая конусом в неведомые дали, словно бы вообще за пределы стратосферы.

Ритмичный шум стал громче, ко мне подошел барон Эльрих, в глазах беспокойство.

— Маркиз, вы готовы?

— Минутку, — сказал я. — Я тоже переговорю со своим сюзереном.

Он отступил, а я мысленно обратился к Богу, потому что на небо смотрим по дурости, с чего бы он там сидел, Бог в каждом из нас, всегда говорит с нами, да мы не слушаем, бравируем независимостью, баухалимся, что нам родители не указ, что сами с усами...

Господи, шепнули мои губы беззвучно, кто из нас вспоминает о тебе, когда хорошо?.. Но даруй победу, потому что, хоть я и свинья, но сейчас я вроде бы на верной стороне. Не в том смысле, что на стороне короля Хенриха, да хрен с ним, королем, но я... да ты сам все понимаешь, что это я зря шлепаю губами! Ничего тебе не обещаю в случае победы, да ты и сам знаешь, я слаб и податлив, хвастлив и самоуверен, но время от времени стыжусь своих слабостей.... когда замечаю, а замечаю, если честно, редко. Но во мне есть твоя искра, и я стараюсь не дать ее погасить... другим свиньям, хотя сам, увы, могу... Словом, даруй мне победу. Она не только мне сейчас нужна, но для других... да фиг с ними, другими, эта победа нужна тому, что во мне от Тебя...

— Маркиз, — повторил Эльрих с нетерпением, — вы готовы?

— Готов, — пробормотал я, — на все готов, даже жениться... А еще плюнуть в рыло тому, кто скажет, что я нёкультурный. Противник еще не ушел?

— Дожидается, — ответил Эльрих с недоумением.

Я вздохнул.

— Какой терпеливый... Почему ему так не терпится умереть?

В толпе шушукались, передавая мои слова. Граф повернулся и смотрел на меня свысока, как на ползающего у ног пыльного жука. Король Бекштайн вскинул руку, граф Анжер ответил таким же жестом уверенного в себе воина. На поле

выбежала женщина и надела поверх шлема этого черного рыцаря венок с цветами.

В толпе вяло прокричали ему здравицу, но большинство смотрели на меня. Я сказал громко:

— Люди недостойные легко меняют честь на почести.

Среди собравшихся послышались одобрительные выкрики. Я вспомнил, что в этом обществе очень ценятся всякие остроумные замечания, и сказал еще громче:

— Стыд и честь — как платье: чем больше потрапаны, тем беспечнее к ним относишься.

К моему удивлению и облегчению, поединок оказался «под старину», то есть на покрытых броней и цветными попонами конях, в рыцарских доспехах, с обязательными копьями, а остальное оружие — на усмотрение сражающихся.

Коня мне выделили могучего, толстого, способного, как я понял, пойти в быстрый галоп и продержаться в нем с четверть часа. Герольд по очереди спросил нас, кто мы такие и чего явились. Мы добросовестно ответили на эти ритуальные, а точнее, милицейско-протокольные вопросы, герольд уточнил, как будем драться, я не успел ответить, как Анжер прорычал надменно:

— До смерти противника.

Герольд повернулся ко мне, я развел руками.

— Вы ж видите, он сам сказал, что жаждет умереть...

Затем мы, уже сидя на конях, кланялись и склоняли копья перед королями, красиво расходились в стороны и снова сходились, выполняя сложные ритуальные движения. Я, как попугай, повторял все, что делает Анжер, моля Бога только, чтобы граф не додумался нарочито выкинуть какую-нибудь глупость, но у него, к счастью, юмора оказалось не больше, чем у седла, в которое я плотно всадил задницу.

Нам надели шлемы, подвязали ремнями, чтобы слюни не вытекали. Мы разъехались на разные стороны поля. Герольд повернулся к королю Хенриху, тот кивнул, повернулся к Бекштайну, тот в нетерпении махнул рукой.

Звонко и торжественно пропели трубы. Конь подо мной пошел бодро, но не Зайчик, я покрепче стиснул древко копья, постарался нацелиться в закованную в железо харю. Очень рискованный удар, слишком велик шанс промахнуться.

ся. Надежнее бить в щит, но я в прежних поединках поверил, что я быстр и точен... в сравнении с большинством рыцарей, и сейчас ударил, куда и нацелился. Меня тряхнуло, копье с треском разлетелось в щепки.

Я пронесся к концу поля, ухватил новое копье и развернулся для новой схватки, втайне надеясь, что ее не понадобится: мой удар был подобен удару кувалды в лицо.

Граф Анжер на той стороне уже с новым копьем в руках разворачивался в мою сторону. На его шлеме ни царапины, но мне показалось, что смотрит на меня заинтересованно. Конечно, если других выбивал из седла копьем с первого же удара, то его понять можно, но я выдерживал удар копья в щит и от парней покруче.

Снова пропели трубы, давая сигнал к схватке, мы понеслись навстречу один другому. Дробный нарастающий стук копыт, конский храп, летящая навстречу закованная в лучшую сталь масса... удар, треск, я зашатался, но из седла не вылетел.

Увы, не вылетел и граф.

Семь раз мы ломали копья, а когда я хотел взять восьмое, служители начали в отчаянии рвать на себе волосы, не смея поднять глаза от стыда. Еще не было воинов, чтобы изломали столько копий и никто не выбил другого из седла: больше копий запаси не догадались. Герольд заспешил к королям, а вельможи, как простонародье, шумели, визжали, ревели и топали копытами. Напряжение достигло такого мига, что вот-вот все взорвется, все наблюдали, как герольд бегает от одного монарха к другому, наконец он выбежал на поле и объявили громким голосом:

— Поединок продолжится личным оружием!

Я полагал, что сойдемся на середине поля и начнем рубку на мечах, однако Анжер внезапно выдернул из-за спины топор и с неожиданной ловкостью метнул в меня. Я растерялся, но в последний миг успел увернуться...

...как я думал. Топор саданул в плечо с мощью налетевшего экспресса. Я оказался на земле, меня перевернуло несколько раз так, что земля и небо поменялись местами. Боль пронизала все тело. Я взвыл, инстинктивно захватил горстью

ушибленное место. Доспех цел, даже царапины не чувствуешь, но что под железом?..

Анжер на той стороне поля выставил вверх растопыренную пятёрню, в ней появилось древко топора, и только тогда я сообразил, что топорик у сволочи моему молоту родня. От второго броска я не стал уворачиваться, бесполезно, закрылся щитом. Удар, металлический скрежет, лезвие с противным скрипом соскользнуло с металла, топор кувыркнулся и понесся к хозяину.

Я метнул пальцы к рукояти молота, но Анжер бросил топор в третий раз. Я снова принял удар на щит, тряхнуло, словно ударило бревном, а когда топор понесся обратно, я торопливо схватил молот и с силой метнул в черного рыцаря.

— Убей! — крикнул я. — Убей эту сволочь...

Молот с оглушительным лязгом ударил в подставленный щит. Я ожидал, что сокрушит, сомнет, расплещет ошметки окровавленного мяса, однако молот странно срикошетил, высоко в воздухе бешено завертелся и ринулся ко мне.

Я подставил ему ладонь, одновременно стараясь уловить щитом летящий в меня топор.

Второй раз я метнул молот уже изо всех сил, в бросок вложил и дикую жажду убить эту сволочь. Молот понесся, лопоча по воздуху рукоятью, как догоняющий утку сокол крыльями. Анжер, как и я, отпрыгивать не стал, хотя время было, ученый, подставил щит.

На этот раз я видел, как чуть наклонился вперед в момент удара, вдруг пролети молот мимо — упал бы, собрался весь в тугой ком... Оглушающий звон, лязг, его отшвырнуло на два шага, даже не отшвырнуло, а отодвинуло в той же позе. За ногами я устрашенно увидел две глубокие борозды, прочерченные в твердой земле его сапогами.

Народ неистовствовал, ни в одном Колизее так не орали и не ликовали, наблюдая за схваткой гладиаторов или христиан со львами. Анжер опустил щит и смотрел на меня, как мне показалось, уже с уважением и новым интересом.

Я ухватил молот и тут же швырнул снова. Уже не с такой мощью, надо что-то другое, но мыслится мне лучше в теплой кровати, а не посреди схватки насмерть. Анжер умело под-

ставил щит, сам в следующее мгновение метнул топор. Я точно так же поймал его на щит, поймал молот и метнул.

Мы обменялись еще десятком бросков, оба тупо соображая, что же делать, если наши коронные приемы обнулились, а делать что-то надо. На трибунах гул начал стихать, но я чувствовал, каким страшным напряжением веет со всех сторон. Даже догадываюсь, что сочувствуют именно мне, слабому всегда сочувствуют, это благородно, но ставят на сильного — это жизнь, народ здесь очень практичный.

Наконец Анжер поймал топор и, глядя на меня, сунул его в заплечный чехол. Я ждал, тяжело дыша, молот еще в руке, но, понимаю, пора сойтись на мечах...

Анжер вытащил из-за пояса кинжал. Я приготовился отражать его щитом, но Анжер поднял его над головой острием вверх, сказал ясным голосом несколько слов. Грязнул гром, молния ударила в лезвие, мгновенно раскалила добела. Анжер тут же метнул кинжал в мою сторону, он понесся, как метеорит, оставляя огненный след.

Страшась, я все же подставил щит, уверенный, что волшебный кинжал пробьет щит с легкостью и поразит меня сквозь все доспехи, спасет ли регенерация... Щит чуть вздрогнул, кинжал со звоном отскочил, вспыхнул жарким огнем и упал на землю каплями расплавленного металла.

Анжер стоял некоторое время, раскрыв рот. На примолкших трибунах взорвались ликующими воплями, народ вскочил и прыгал, вздымая кулаки к небу.

Я ощутил громадное облегчение, адреналин встряхнул с головы до ног, и крикнул громко и победно:

— Что, ворона оципанная, облом-с?

Взревев в ярости, он потащил из ножен меч, огромный и широкий. Наконец-то, мелькнуло у меня, без всяких магических штучек, равная схватка, равные возможности...

Он ринулся, как огромный бык, обвешанный наковальнями доспехов, меч холодно и зло засверкал в длинных руках. Я удары принимал на щит, рука уже ныла и постепенно немела. Мне приходилось то и дело отступать, но я видел в прорези его шлема растущее удивление в багровых глазах.

На трибунах неистовство достигло предела, как все там не оглохли? Я время от времени замахивался, но ударить все

не удается, Анжер забыл, что у него в руках тяжелый меч, рубит как саблей, у меня рука начинает неметь уже от плеча.

Озлившись на себя, я перестал пятиться, принял еще пару ударов на щит и ударил сам. Но из-за широкого замаха пропустил коварно быстрый удар, плечо отзывалось резкой болью. Лезвие моего меча, опускаясь по дуге, грозило поразить Анжера в шлем, но он успел отпрыгнуть.

Кончик лезвия со скрежетом вспорол грудной панцирь, края криво разошлись, как консервная банка, вскрытая неумелой домохозяйкой. Анжер застыл в ужасе и недоумении, я видел, с какой паникой он опустил взгляд на свою грудь. Вряд ли я нанес глубокую рану, Анжер испугался явно не раны.

— Ну что, — прохрипел я, — умрешь не от скромности?

Его глаза тут же вспыхнули в ярости.

— Я убью тебя!

— Скажи что-нибудь поумнее, — предложил я.

— Я убью тебя!!!

— Эх, — вздохнул я, — ладно, что хохлу хорошо — то такой свинье смерть!

Он закрылся щитом, я не стал хитрить, а нанес рубящий удар сверху. Металл не звякнул, а закричал, как смертельно раненное животное. Острое лезвие рассекло край щита на ладонь. Анжер отпрыгнул, глаза вылезают из орбит, зыркал то на щит, то на меня, я нехорошо улыбнулся и сказал зловеще:

— Ну что, сорок поединков побед и одно поражение? Зато какое...

Он зарычал, нагнетая в себе ярость, но я слышал страх в мощном реве. Вторым ударом я отрубил от его щита почти треть, щит закричал так страшно, что на трибунах умолкли в ужасе. Из чисто срезанного края повалил желтый дым, устремился вверх, там принял облик ужасного существа с множеством шипов, когтей и клыков, оно ринулось на меня, но в последний миг завизжало и рассеялось, оставив неприятный запах.

Я быстрее пришел в себя, чем Анжер. Он едва успел вскинуть меч, они с моим столкнулись в воздухе со страшным лязгом. Брызнули багровые и снежно-белые искры, все услышали, как жутко закричал черный меч. Я не понял, в

чем дело, усилил натиск, Анжер поспешил отступать, но теперь я шел следом и теснил его по всему полю.

От каждого удара в щите появлялись глубокие зарубины, откалывались куски. Когда удавалось достать самого Анжера, доспехи страшно вскрикивали, как кричала бы от боли мясорубка или стиральная машина. В месте каждого удара из металла брызгали струйки дыма, там торопливо плавился металл, стараясь зарастить прорубленное место.

Анжер, бледный и с вытаращенными глазами, парировал мои удары щитом и мечом, губы его все время двигались, я слышал слова заклятий, усиливал натиск, надо успеть до новой чертовщины. Иногда он успевал зыркнуть в сторону королевской ложи, то ли стыдился отступления, то ли молил о помощи.

Я стиснул челюсти, от усталости едва волочу ноги, но наступал, наносил удары. Анжер уже не успевал подставлять щит под мои удары, его доспехи покрылись крохотными щельями, из которых брызгает оранжевым и красным.

— Ну поговори... — прохрипел я злобно, — расскажи, какой ты герой... И как тебя все боятся.

— Я тебя... — прорычал он устало.

— Что?

— Убью, — сказал он и отступил еще на пару шагов.

Глава 3

В небе недовольно прорычало. Коротко и страшно блеснула синеватая вспышка. Анжер быстро взглянул вверх и тут же ринулся в атаку. Я от неожиданности пропустил ряд тяжелых ударов, рыцарский меч — тот же колун, функция у него простая — раскалывать панцири, а если даже не расколет, то пропущенный удар по шлему может отправить в нокаут.

Я голову берег, но руки, плечи, бока кричали от боли. Так бронежилет спасает от пули, но не от кровоподтеков, я ощущал, как немеют руки, поспешил отпрыгнуть и задействовал регенерацию. Холодок пробежал по телу, но через мгновение я почувствовал себя почти свежим.

Анжер дышит тяжело, с хрипами, грудной панцирь в без-

образных шрамах, словно трещины заваривал неумелый электросварщик, на плечах вздулись безобразные горбы, туда я попадал чаще всего, на руках нарости, доспехи уже потеряли нарядный блеск, теперь больше похожи на слиток застывшего металла, что остается в литейном цехе на дне ковша.

— Сегодня ты в ударе, — прорычал я, а после паузы, а то вдруг не поймет, добавил: — И даже не в одном.

Его шатало, он вряд ли понял, но в толпе восторженно закричали. Я перевел дыхание, надо идти на риск, в толпе ахнули, когда я отшвырнул щит и ухватил меч обеими руками.

Мои удары стали сокрушающими, щит Анжера превратился в огрызок после трех-четырех ударов. Он стряхнул его с руки, тоже ухватил меч двумя руками. Я рубил и рубил, не давая перехватить инициативу, а когда увидел, как он от усталости поднимает руки все тяжелее, собрался с силами, пусть их хватит ненадолго, и торопливо нанес быстрый удар в голову.

Лезвие со звоном соскользнуло со шлема, Анжер вздрогнул, острая сталь прорубила доспехи на плече и углубилась почти на ладонь. Я видел, как смертная судорога пробежала по лицу, но через мгновение оно порозовело, и граф сам пошел в яростную атаку.

Заклятие исцеления, мелькнуло у меня. Вот сволочь... нет, это я дурак, забыл, что если все им пользуются, то этот железный чурбан не выйдет на бой без него...

- Это не поможет, — прохрипел я.
- Умр-р-реши, — прорычал он.
- Мечтай, — ответил я. — Намечтай себе победу.
- Я тебя убью...
- Ага, щас...

Я изловчился и снова ударил в то же место. Лезвие прорубило доспех и погрузилось уже на две ладони. Анжер охнулся, глаза его вперили в меня неверящий взгляд. Рукоять меча в стиснутых ладонях начала поворачиваться, пальцы медленно разжимались.

Он качнулся, сделал шаг, пытаясь удержаться. Изо рта хлынула широким потоком кровь, а из расколотого панциря на плече брызнул алый фонтанчик. Меч выпал из рук, краси-

во вонзился в каменную плиту и застыл, а сам черный рыцарь медленно повалился вниз лицом.

Я торопливо подобрал щит, оглядел себя. Доспехи целы, даже не поцарапаны. Похоже, неизвестная здесь святость защищила меня от магии, чего как не понял Анжер, так и не понимают в толпе.

Со стороны короля Бекштайна на поле выбежали двое оруженосцев в одеждах с гербами графа Анжера. Они остановились, глядя на меня со страхом и почтением.

Я махнул им рукой.

— Можете забрать... это. Ну, это животное.

Они подбежали к распростертому герою, старательно огибая меня по широкой дуге.

Один сказал льстиво:

— Спасибо за великодушие, ваша милость!

Я сказал утешающее:

— Могло быть хуже! Могло кончиться свадьбой.

Второй прошептал непонимающе:

— Но... как? Неужели он в самом деле убит?

— Как опытный проктолог, — ответил я, — скажу, что смерть наступила в результате прекращения жизни.

С той стороны поля к нам спешил герольд. Лицо раскраснелось, еще долго будут говорить о таком поединке, а он был арбитром, прокричал еще издали:

— Он... что... в самом деле умер?

Я сдвинул плечами.

— Это смотря как смотреть. Смерть — еще не доказательство, что он жил.

Они таращили глаза то на меня, то на остывающий труп, а я медленно побрел через поле к королевским трибуналам. Король Бекштайн сидит в кресле, окаменев, как силурийский моллюск, которому двести миллионов лет. Глаза вылезают из орбит, на лице не удивление, а шок, словно небо рухнуло. Сзади него застыл второй его человек, бледный и растерянный.

Я сказал громко:

— Итак, Ваше Величество... вы что-то хотели сказать?

Насчет города Рогана?

Он смотрел на меня все теми же ошалевшими глазами,

не веря и не понимая, как такое могло случиться с его лучшим воином, с ним, и вообще. К его уху наклонился второй из прибывших с ним рыцарей и что-то шептал, указывая на меня взглядом. Король вздрогнул, прорычал сломленным голосом:

— Город?.. Да, молодой человек, ты сумел победить сильнейшего воина, какого я только знал...

Я подошел ближе и уже с угрозой посмотрел в его широкое лицо, теперь похожее на круг сыра.

— Ваше Величество, это все?

Он ощущил, что все смотрят на него со всех сторон, напрягся, лицо наконец начало багроветь. Я ждал, что заорет, затопает ногами и пошлет меня, однако взгляды тысяч человек заставили его выпрямиться гордо и буркнуть:

— Город Роган отныне принадлежит королевству Гессен.

— И на все времена, — уточнил я.

Он выдавил зло:

— И на все времена.

Народ закричал ликующие, я видел везде взлетающие в воздух чепчики, воины стучали в землю древками копий, а мечники били рукоятями мечей в щиты.

Я поморщился от гвалта, вскинул руки. Крик начал стихать, я сказал громко и укоризненно:

— Так-так, вы всего лишь отказались от того, что и так вам не принадлежало! Но, как проигравшей стороне, вам надлежит выплатить репарации.

Все затихли и следили за мной выпученными глазами. Король Бекштайн проговорил обалдело:

— Что? Что-что?..

— Репарации, — повторил я жестко и с удовольствием. — Как проигравшая сторона, вы должны заплатить рестрибуцию в размере... ну, словом, в нехилом размере. А также отказаться от прав на город... какой там еще есть приличный город на границе? А то вы хотите слишком просто отдельаться, Ваше Величество!.. При таких потерях снова найдете повод для вмешательства в суверенные права королевства Гессен. Зато если при подобных судебных издержках будете терять по городу...

Король Бекштайн побагровел.

— Что? Да вы с ума сошли?

— Возможно, — согласился я. — Но если в качестве штрафа один из ваших городов... повторяю, крупных городов, не перейдет под управление короля Хенриха и не войдет в состав королевства Гессен, я сам лично являюсь в ваше королевство... как называется ваш скотный двор?.. и своим мечом, которым отправил в ад вашего лучшего... это говно у вас, правда, лучшее?.. заставлю отдать десяток городов... если столько наберется. Уже как штраф, что пришлось явиться лично.

Его рыцарь нашептывал ему то в одно ухо, то в другое, толпа начинала орать, умолкала, топала, а король Хенрих в окружении свиты выглядит совсем растерянным.

Король Бекштайн крикнул:

— Что ты мнишь о себе, мальчишка? Мое королевство под защитой Великого Мага Аманье!

Я ответил беспечно:

— Мы лишим вас, Ваше Величество, этого иммунитета. Так каков ваш ответ?

Его спутник все шептал ему в оба уха, на меня поглядывал злобно и трусливо. Наконец король Бекштайн словно бы сдулся, ответил надтреснутым голосом:

— Хорошо, мы отдаем королевству Гессен приграничный город Блэйн. Но обо всем доложим Великому Магу. Вряд ли он одобрит потерю этого города. И, если так, берегитесь, надменный воин!

Король Хенрих ликовал, вскидывал к небу кулаки, едва не подпрыгивал, но когда барон Эльрих подошел к нему и что-то шепнул на ухо, сперва нетерпеливо отмахнулся, но помрачнел, плечи опустились. Я с беспокойством наблюдал, как на лбу углубились морщины, а между бровей пролегла глубокая трещина.

Барон тут же поспешил ко мне.

— Маркиз, — шепнул он, — немедленно в королевские покой!

Я спросил в недоумении:

— Но король здесь...

— Сейчас он придет, — ответил он нетерпеливо. — Не медлите.

— Хорошо, — сказал я. — Лишь бы оттуда не погнали в шею.

— Не погонят, — сказал он мрачно. — Для простых воинов вы теперь герой из героев.

— Да-да, — согласился я, — это не престижно. Герои нужны только в военное время, а в мирное — опасны. В мирное время надо завоевывать популярность у баб-с.

Но он уже повернулся спиной и заспешил к королю. Я медленно побрел через двор. На меня смотрят с недоумением, больше с испугом, чем как на героя, защитившего пределы их Отечества. И хотя меч в ножнах и за спиной, но все равно я выгляжу как металлическая статуя среди мягких плюшевых игрушек, милых и разноцветных.

Передо мной толпа расступается еще издали, а смыкается за спиной, как стоячая вода. Слуги торопливо забежали вперед и распахнули двери в холл. Я дошел до середины, пусто, все во дворе обсуждают подробности, а на верху лестницы раздался торопливый перестук каблуков.

По ступенькам сбегала, придерживая рукой длинный хвост платья, леди Элизабет. Я не забыл отвесить поклон, а когда она приблизилась, поклонился еще раз и помахал руками над выставленным вперед сапогом.

Леди Элизабет всплеснула руками.

— Маркиз... это было ужасно!

— Ну почему же, — пробормотал я. — Мы с графом Анжером обменялись комплиментами... по-своему. Или я нечаянно выбил из списка одного из претендентов на вашу руку?

— Нет-нет, — горячо заверила она. — Я его вообще и не знала!

— Ну тогда не жалко, — рассудил я. — А вы что, наблюдали?

— Да, из окна. Леди Габриэлла в восторге, но мне все показалось ужасным.

— Значит, болели за графа, — уличил я. — А леди Габриэлла, надеюсь, желала победы мне?

Она охнула.

— Маркиз, все вы не так понимаете!

— А как надо?

Она запнулась, посмотрела мне прямо в глаза. Я ответил таким же прямым взглядом. Ее длинные ресницы отбрасывают на бледные щеки длинные густые тени, делая лицо печальным, словно у поэтессы. Взгляд стал лучистым, глаза засияли, как звезды, а лицо радостно осветилось.

Я вежливо улыбался, на меня этот трюк не действует, мы уже со школьной скамьи старые бойцы на этом поле, знаем, как взгляд сделать лучистым, да и вообще всякие штучки нам знакомы.

— Неужели вы не знаете? — спросила она. — Из какого медвежьего угла...

Этот медвежий угол начинает доставать, мелькнула мысль. Какие-то все одинаковые. Потому что все пляшут в рамках правил, ибо даже у флирта они достаточно негибкие.

— Леди Элизабет...

— Да, маркиз?

Я демонстративно оглянулся, есть ли место для отступления, увы, нет, посмотрел по сторонам, вдруг да снова мелькнет барон Эльрих, но, как назло, пусто, и я, вздохнув, проговорил тягучим голосом:

— Ах, леди Элизабет! У вас бесподобная талия, а как очаровательна улыбка! Аромат вашей кожи сводит всех нас с ума, ваши нежные руки просто восхитительны и божественны... Они подобны лепесткам роз, они так же гибки, чувственны, вы самая безукоризненная девушка на свете, леди Элизабет!

Она слегка поморщилась, но я видел, что старается не переборщить.

— Долго заучивали? В вашем исполнении, маркиз, это звучит как издевательство. Но я вас прощаю, медвежий край чему может научить?.. Здесь на вас обрушилось слишком много! Но вы нашли свое место удивительно быстро! И сразу стали заметной фигурой.

Я ответил с поклоном:

— Ах, леди Элизабет! Чтобы найти свое место, нужна гибкость. А я, как и всякий дурак, приспосабливаться не умею. Мы, дураки, всегда приспосабливаем мир под себя. Потому и правим этим самым миром.

Она раскрыла прелестный ротик в удивлении.

— Как это?

Я напомнил:

— Вы же сами говорили, что первым уступает тот, кто умнее. На этом держится наше мировое господство дурости.

Она несколько нервно засмеялась.

— Вы все шутите... несколько своеобычно. Вы вообще своеобычный человек, маркиз... О вас начали говорить сразу, как только появились, а теперь еще и эта невероятная победа... К тому же, как смотрю, у вас доспехи целы, щит даже не поцарапан... Это невероятно!

Она сделала паузу, но я не спросил, кто же это мной интересуется, смотрю с любопытством, как она приступает к такому непривычному для себя делу, как заставить мужчину очень даже заинтересоваться ею. Этому учат всех молодых девушек, но леди Элизабет с ее внешностью и положением применять такие уроки не приходилось, и сейчас судорожно вспоминает: ага, первая фаза — это сказать несколько слов о том, какой он восхитительный и загадочный, вторая — заставить рассказать о себе, замечательном, о своих особенностях, чтобы быстренько определить, на чем играть. Мужчины любят разглагольствовать перед женщинами, какие они крутые, на этого живца их и ловят...

— Спасибо, — ответил я, подумал было поцеловать ее ручку, слишком уж она близко помахивает ею возле моей морды, но передумал, сочтет за свою первую победу, а это рановато. — Но как они могут интересоваться мною, когда надо интересоваться вами, вашей бесподобной талией, вашей очаровательной улыбкой, ароматом вашей кожи... ага, еще вашими нежными ручками, что восхитительны и божественны... подобны лепесткам... лепесткам... ага, роз! Они так же гибки...

Она прервала сердито:

— Маркиз, я уже вижу, память у вас хорошая. И я знаю, какие у меня руки. Меня больше интересуете вы, такой загадочный и таинственный!.. И всех наших дам интересуете.

— Правда? — изумился я.

— Правда, правда.

— А кого именно? — спросил я деловито и, взглянув на

ее окаменевшее лицо, тут же извинился: — Ох, простите, леди Элизабет!.. Все эти дамы подождут, когда вы тут на очереди!

Она поджала губки, в глазах блеснули злые искорки и тут же спрятались за улыбкой.

— Как вы откровенны, маркиз! «На очереди»... Вы говорите, что думаете, другие трусливо прячут такие мыслишки. В вас чувствуется сила, настоящая грубая мужская сила. Не-отесанная, потому и манящая нас, женщин, потому что нам нужно опереться о кого-то сильного и надежного...

Ага, переходит к третьей фазе, демонстрации женской слабости и беззащитности. Щас я начну сопереживать, тут же предложу помочь и защиту, а тем самым влезу в расставленные ловушки. Впрочем, она поспешила с третьей фазой, переоценила свои чары, надо мужчиной все же повосхищаться подольше, чтобы размяк и начал смотреть на эту женщину, как на единственную, кто его понимает, а то все такие дуры вокруг...

Я зевнул и тут же сконфузился, попытался прикрыть ладонью широкую распахнутую пасть, из-за чего звучный зевок превратился в придушенный недовольный рык.

— Простите, леди...

— Элизабет, — подсказала она ядовито.

— Да помню, помню, — ответил я виновато, — просто задумался в этом месте.

— Вы?

— Ну да. А че?

— Вы такой мужественный, — проговорила она с подъемом, — крупный, сильный, воинственный!.. Зачем вам задумываться, маркиз?

Ах ты зараза, мелькнула мысль. Не удержалась, начала язвить. Правда, со смиренным видом, уверена, что не врubbлюсь. Как же, деревенщина сиволапая. И еще из этого, медвежьего.

Я хмыкнул, утер нос рукавом и сказал довольно:

— Ага, я такой. Шо тут раздумывать? За жо... в смысле, за гузно и на сеновал! Все просто. А эти все пританцовывания, как селезень перед утками, не по-мужски. У нас все просто...

Я посмотрел на нее внимательно, она покраснела, поспешно начала обмахиваться веером.

— Ах, маркиз, вы такой мужественный, что я просто и не знаю, как себя вести рядом с таким человеком. Я сразу чувствую себя такой слабенькой, такой беззащитной...

Я про себя поморщился, слишком грубо и напористо, хотя чего придираюсь, это же закладываются основы, а отточенности достигнут намного позже. Намного.

— Ничо, — сказал я и улыбнулся нагло, — здесь столько героев! Ходят стадами, не протолкнуться. Вы не видели сэра Эльриха?

— Королевского советника?

— Да.

Она поморщилась.

— Зачем он вам? Такой противный. Слова доброго от него не дождешься.

— Мы утром отываем, — сообщил я. — В маркизат Черро.

Она в удивлении раскрыла прелестный ротик с дивно пухлыми губами.

— Зачем?

— Любопытно, — пояснил я. — Я ведь из медвежьего угла, вы правы! Мне все любопытно. Это вы все видели, все знаете, все умеете. А я, в отличие от вас, можно сказать, нецелованная девственница.

Она запнулась, щеки начали розоветь, а я поклонился учтивее некуда и пошел, нарочито позывая железом доспехов и погромыхивая щитом за спиной.

Глава 4

В коридоре прохаживаются стражи короля вперемешку с людьми герцога. Мне почтительно отсалютовали, я мимоходом кивнул, лицо небрежно-благосклонное, поднялся по лестнице. Графа Эльриха не видно, я бы не удивился, если бы, оставив его позади, обнаружил дефилирующим впереди по коридору.

Я спросил у одного из королевских стражей, где он сейчас, тот впервые не стал осматривать меня, как шпиона, торопливо ответил, что такие сведения не разглашаются, но если мне нужно, ему сейчас передадут.

Эльрих появился буквально сразу, едва я избавился в своей комнате от оружия, а доспехи уменьшил до браслетов, в который раз подивившись, что и весят теперь, как браслеты. Королевский советник сиял, как утреннее солнце, с порога заявил восторженно:

— Сэр Ричард, вы просто ошеломили всех!.. Где этот ваш благословенный медвежий край, что рожает таких благородных людей?

— Далеко, — ответил я.

— Сэр Ричард, — повторил он, — это... это неслыханно! Кем вы были в своем маркизате? Нет-нет, не рассказывайте!

— А че? Я поговорил бы...

— Его Величество уже в своих покоях. Там и расскажете.

— Да нечего рассказывать, — пробормотал я. — Думаю, медвежьи углы все одинаковы.

Стражи в коридоре с рвением отсалютовали, на мордах восторг, я им кажусь чем-то вроде них, таких же непрезентабельных, одетых куда уж проще.

— Не скажите, маркиз!

Король встретил нас все в том же кресле, только что не успел переодеться в роскошный халат. Я поклонился с прежней учтивостью, для меня ничего не изменилось, всем видом показываю, что я таких противников пачками бью каждый день.

Мы с Эльрихом сели по мановению королевской длань, король повернулся ко мне.

— Сэр Ричард! Так кем вы были в своем маркизате?

— Никем, — заверил я. — Младший сын! Впереди меня — пятеро. Это значит, что маркизом мне никогда не стать, пока живы старшие братья.

— Младший сын, — повторил Эльрих и посмотрел на короля. — Я говорил Его Величеству, что вы, скорее всего, именно младший. Это многое объясняет. И задиристость, и готовность к риску.

Король смотрел на меня пытливо.

— Всего лишь сын маркиза? — переспросил он. — Но как вы разговаривали с королем! Даже герцог Чегемр, это его советник, при всей его тугуухости ощущил в вас силу.

— И король Бекштайн тоже ощутил, — заверил Эльрих. — Потому и уступил так неожиданно.

— Спасибо, — пробурчал я, — но это для меня слишком лестно.

Король взглянул остро на советника.

— Видишь? Любой другой на его месте ликовал бы, что его принимают за более сильного, чем он есть! А этот понимает, чем такое чревато.

— Понимает, — согласился Эльрих. — Потому я так настойчиво советую вам отдать под его управление этот город.

Король взглянул на меня. Глаза дико блеснули.

— Сэр Ричард! Мы решили передать вам во владение город Блэйн, который вы сумели отнять у короля Бекштайна. Вы оказали нам великую услугу, не дав втоптать в грязь наше имя. Потому даже не благодарите, это мы должны вас благодарить!

У меня уже есть не один город на той стороне океана, мелькнула мысль. Сейчас те жители кажутся образцами добродетели, если сравнивать с этими. Там на ходу подошвы рвут, жизнь бьет ключом, всяк работает на износ, стремясь нахапать, нахапать, обойти соседа... а что эти? Как можно управлять людьми, что все получают на халяву? Вернее, как можно их заставить что-то делать, если экономические стимулы отсутствуют совершенно или ослаблены донельзя?

Я сказал задумчиво:

— Не могу выразить, как я потрясен и взволнован такой неслыханной щедростью, Ваше Величество! Вы демонстрируете истинно королевское величие и щедрость, награждая таким ценным подарком. Я просто потрясен до глубин фибрсов и всех остальных основ. Прямо вот предательская слеза навертывается, кто б поверил... Однако, сознавая свою никчемность в управлении и отдавая должное окружающим вас волокитам, скажу без прикрас...

Они с удивлением слушали не столько вычурную речь, в которой я сам запутался, здесь все говорят вычурно, чтобы казаться изысканными и галантными, но уловили, что на самом деле я не совсем так уж и ликую от счастья.

— Этот богатый город, — закончил я, — будет весьма счастлив оказаться под управлением ваших знающих людей, а

не одного из благородных лордов, что только и умеют, что драться... Ну, это я о себе так скромно хвастаюсь. Делайте скидку на медвежистость воспитания в королевстве, где в мужчинах ценится удар в морду, а не заглядывание под юбки.

Эльрих поморщился, а король сказал ему с укором:

— Видишь? Он уже знает, что город тот богат. И сам оценивает себя критически. Вот таких людей и подбирай, по-нашему?

Эльрих развел руками.

— Где их взять?..

— Иши, — сказал король наставительно.

— Ищу, — огрызнулся Эльрих, но на всякий случай тут же поклонился, — ищу со всем старанием, Ваше Величество! Но он прав, Ваше Величество. Любому городу более понятен лорд, который заглядывает под юбки, а не бьет в морды. Сэр Ричард, у вас есть какие-то другие идеи? Если вы еще не поняли, то поясняю: Его Величество изволит вас наградить в любом случае. Это нужно.

— Понимаю, — ответил я и тоже поклонился, короли это любят. — На энтузиазме мало кто работает.

Оба смотрели на меня с ожиданием. Эрлих поинтересовался:

— А чем не нравится город?

Я ответил в раздумье:

— Да мне что город, что целая страна... Конечно, если имеется подходящий народ, почему не сделаться его вождем? Но только что-то не хочется делаться вождем народа халавщиков. Это же вечное «панэм эт цирцензэс!» Нет, я такие сложные задачи не решую.

Оба переглянулись, я видел, что ничего не поняли, что-то не то несу, но это простительно увальню из медвежьего края, побольше бы таких дурней.

— А какие решаете? — спросил Эрлих любезно.

— Попроще, — ответил я.

— Например?

— Богатым городом управлять непросто, — сказал я. — Но у меня есть предложение получше. Для вас лучше, уточняю.

Король насторожился, на то и монарх, чтобы отовсюду ждать подвоха, а Эльрих сказал торопливо:

— Слушаем вас, маркиз!

Я повернулся к королю.

— Ваше Величество... Да не покажется это наглостью, но я хочу предложить вариант, который устроит вас больше.

— Ну-ну?

— Я хотел бы с вашего милостивейшего разрешения поменять этот богатый и благополучный город на разоренный маркизат Черро.

Король так удивился, что его даже отшатнуло, словно я сказал непристойность.

— Маркиз...

— Ваше Величество, — сказал я настойчиво, — по своей медведистости я всегда мечтал о море. Тем более океане... Для меня это такое неслыханное счастье, как... ну как для барона Эльриха подержаться за жо... за ягодицы самой знатной дамы.

Эльрих нахмурился и сказал предостерегающе:

— Но-но, маркиз, не заговаривайтесь. Самая знатная дама королевства — жена Его Величества. Вы это имели в виду?

— Я имел в виду самую недоступную, — поспешил исправил себя я.

Он сказал с нажимом:

— Вы хотите сказать, что жена Его Величества слишком доступна?

Король поморщился, хлопнул по столу.

— Довольно! Эльрих, вы достаточно искушены, чтобы переспорить маркиза и поставить его в неловкое положение, я знаю. Но вернемся к награде. Что вы хотите, сэр Ричард? Говорите без стеснения, я у вас в долгу.

— Я с великой благодарностью принял бы Черроё, — повторил я. — Маркизат Черро. Он, как говорят, вообще на краю материка. Возможно, я не управлюсь... Ну что ж, зато стану настоящим маркизом!

Эльрих посмотрел на меня пристально, в глазах появилось понимание. Он оглянулся на короля, тот вообще заулыбался и кивнул.

— Ну что ж, маркиз Ричард... — сказал он державным го-

лосом. — По крайней мере, ваши мотивы понятны. С этого дня вы настоящий маркиз, а не сын маркиза! Барон, подготовьте все распоряжения насчет передачи прав на маркизат сеньору Ричарду. Пусть бумаги составят немедленно, а вы лично принесете мне на подпись.

Граф поклонился.

— Все будет сделано, Ваше Величество!

— Спасибо, Ваше Величество, — сказал и я. Не оскудеет рука дающего. Еще я знаю, что дающему воздастся сторицей.

— Да ладно, — проворчал король. — Мне все равно неудобно, что дарю вам такое...

— А титул? — напомнил я.

— Разве что титул, — согласился он. — Еще хочу напомнить, сэр Ричард...

— Да, Ваше Величество?

— Маркиз, — сказал он, — вы теперь и сами в опасности.

Я бы не советовал вам вообще выходить со двора.

Я удивился.

— Неужели Бекштайн так силен?

— Я не о Бекштайне, — ответил он серьезно.

Лицо его стало злым и жестким. По моему телу пробежали мурашки.

— Вы о покушениях?

— Да, — отрубил он. — Вы сорвали чьи-то планы. Здесь, во дворце, вас не достанут, в Черро за вами не последуют, но на улицах города вы уязвимы, маркиз. Так уязвимы, что любой оборванец может сунуть вам нож между ребер, пикнуть не успеете!

Я поежился.

— И долго мне сидеть взаперти?

Он буркнул:

— Пока не выясню, кто стоит за этими покушениями.

— Знакомые слова, — пробормотал я. — Сколько раз я их слышал... Но, Ваше Величество, я пойду всего лишь пройтись по городу. Ни во что ввязываться не буду.

— Так ли?

— Принесу вам какую-нибудь редкую вещицу, — пообещал я. И чтобы закончить разговор на оптимистической ноте, сказал с подъемом: — Вот видите, Ваше Величество, как

выгодно не состоять на королевской службе! Своего подданного вы бы в лучшем случае милостию похлопали бы по плечу, а то и без этого жеста обошлись бы, подданные и так обязаны спасать своего короля, а я вот, как не состоящий на службе, получил от вас в награду такое обалденное кольцо и еще маркизат!

Он устало отмахнулся.

— Этот маркизат — всего лишь пустой титул. Ладно, я понимаю, это для вас сейчас важнее богатого города в кармане. Идите, гуляйте, раз уж без этого не можете... Эх, молодость, молодость...

В дворце некуда деться от немого обожания воинов, будь это королевские или герцожьи, а еще от обещающих и даже многообещающих взглядов дам. Я шепотом сказал Эльриху, что использую вечер, чтобы прогуляться по городу, раз уж завтра утром нас унесет багер.

Он кивнул, посоветовал взять стражу. Я отмахнулся, выпятил грудь и напомнил, что я только что победил лучшего бойца королевства Вандом, а также, судя по обилию готовых драться с ним героев, еще и Гессена. Конечно, я понимаю, барон Эльрих уделал бы его одной левой, но просто не захотел связываться.

Эльрих набычился и посмотрел с угрозой.

— Вы, кажется, собираетесь со мной состязаться?

— Упаси меня, — ответил я поспешно, — но как-нибудь тоже подойду к вам внезапно и поставлю вас врасплох.

Он махнул рукой.

— Ладно, только в городе не задерживайтесь. А то упьетесь так, что и на багер не успеете. А он не ждет и королей.

— А магов?

Он огляделся по сторонам и ответил, понизив голос:

— Никого не ждет. Но только об этом не нужно громко.

А лучше не говорить и шепотом.

— А что случилось?

Он поморщился.

— Предполагается, что маги всесильны. Так оно по сути

и есть, за исключением багеров. Они уже ходили по этой земле до появления магов.

— Вы забыли о подземных кладовых, — напомнил я. — Откуда вам все на тарелочке.

Он вообще скривился.

— Маркиз, вы просто склад с неудобными вопросами. Просто не забивайте себе голову вопросами. Попросту выкиньте из головы! Веселитесь, живите счастливо! Маги заботятся о нас. Не подвергайте сомнению их мощь, она в самом деле беспредельна.

Я напоролся на его потвердевший взгляд и не стал напоминать, что даже простейшие багеры про мощь магов даже не слыхали.

Глава 5

В покой я вернулся за луком, без него чувствую себя, как граф Гаррос без банта спереди и банта сзади. И хотя на поясе у меня теперь, можно сказать, суперпистолеты ближнего боя, но штуки как следует не проверенные, а с луком уже набочился, знаю точно, как много с ним могу. Да и стрельбу из лука можно объяснить моей необыкновенной ловкостью, что льстит, а вот эти штуки... сразу видно — чертовщина.

Пока я облачался, в дверь деликатно постучали.

— Войдите, — сказал я.

В покой вошел мастер Гандлер, с порога пропулил подскоки и подпрыги, разводя руками и то сметая с сапог пыль, то вскидывая их как в украинском гопаке, наконец остановился, маленькое сухонькое лицо слегка раскраснелось.

— Ах, сэр Ричард! — воскликнул он. — Вы так много сделали для Его Величества... И все это ценят. Даже леди Элизабет ценит, хотя может показаться...

Я отмахнулся.

— Да ерунда все.

Он горестно всплеснул руками.

— Сэр Ричард, только я один понимаю, почему леди Элизабет так придирается к вам!

— Почему? — спросил я с интересом. Хоть и сам догады-

ваюсь, но все мы любим послушать, когда говорят о нас, любимых. — Какая муха ее укусила?

— Сэр Ричард, вы совершенно не умеете себя вести при дворе короля Хенриха! Вы стали посмешищем, о вас слагают анекдоты, острословы состязаются, придумывая вам разные промахи этикета...

Я развел руками.

— Возможно, я их допускаю.

Он помотал головой.

— Не верю! Я знаю, где можете промахнуться по незнанию, а где никогда не сделаете ошибку, потому что... потому что...

Он замялся, я возразил доброжелательно:

— Да что вы, я очень грубый и неотесанный человек.

Он отчаянно помотал головой.

— Не верю! Человек, который неосознанно соблюдает порой тончайшие нюансы этикета, может допустить грубый промах... у меня вообще иногда появляется ужасная мысль, что вы это нарочно, хотя не пойму, зачем это вам? Однако даже грубые промахи не делают такого человека неотесанным, как ликующе старающиеся представить вас наши острословы!.. И леди Элизабет это чувствует, женщины вообще намного чувствительнее мужчин. Потому она и злится. Она одна чувствует ваше странное превосходство даже в вопросах придворного этикета, однако, в отличие от меня, не может понять, откуда у нее это чувство, потому злится и на себя, и на вас...

— Ну, это чисто по-женски.

Он посмотрел на меня умоляюще.

— Сэр Ричард, а вы не могли бы... как-то поменять свое поведение? Не знаю почему, но я за вас переживаю!

Я виновато развел руками.

— Боюсь, это уже прилипло. Чтоб изменить, надо что-то уж совсем какое-то... и не знаю даже! Давайте лучше я расскажу, как и обещал, кое-что из тенденций моды в моем медвежьем...

Он ахал и ужасался, но слушал с превеликим вниманием. Я нарисовал на листах, как мог, те наряды, что мог вспомнить, от времен Пушкина до нынешних. От коротких юбок и

джинсов он пришел в ужас, хотя и признал, что нечто в этом есть, нарядами тургеневских девушек восторгался, жадно расспрашивал, из чего и как, на что я резонно ответил, что мужчины не слишком заморачивают себе этим головы, для нас куда важнее, чтобы даже длинную юбку было легко задрать...

Он понимающие, хоть и кисло улыбнулся, эстет, переспросил, что делает у женщин такие вот приподнятые задницы, это очень, очень даже...

— Эротично, — подсказал я.

Он покраснел от жутко грубого и даже похабного слова, оглянулся по сторонам и прошептал:

— Да-да, за неимением другого, более изысканного слова, примем пока это... Это придает даже самым одухотворенным и возвышенным девушкам неповторимый шарм...

— Ага, — согласился я. — Смотришь в ее чистое лицо, слушаешь возвышенные речи о поэзии, а краем глаза видишь оттопыренную жопу... Это здорово! В моде очень важны контрасты. Я слышал, что туда вставляют китовый ус. Я имею в виду платье. Не знаю, что это за ус такой, и есть ли он на самом деле, но слышал пару раз.

Он быстро и напряженно думал, перебирал что-то в памяти, наконец кивнул.

— Да, я знаю, что это. И теперь даже понимаю, как можно использовать его легкость и упругость. Благодарю вас, маркиз!

— Да ерунда, — ответил я великолепно.

— Ну что вы, это очень важно! Общество должно развиваться!

— Ага, — согласился я. — Ну да, ага...

— Правда, — сказал он со вздохом, — пока даже не представляю, как преодолеть косность и сопротивление общества...

— Начните с монарших особ, — посоветовал я. — У нас король Людовик, пока был молод, носил обтягивающие штаны по самые... вот досюда. А летом вообще щеголял еще и в коротких. До колена. Все видели его полные ляжки и красиво вылепленную голень. И вся страна носила такие же. Когда же постарел, а ноги окривели и опадагрились, стал носить вот здесь толстые такие буфы, чтобы скрыть ляжки, а штаны

стали не только широкими, но со всякими вот тут и вот тут, видите? И вся страна тоже стала носить такое же.

Он сказал таинственно:

— Советник Его Величества барон Эльрих все уши прожужжал сюзерену, что вы не из заброшенной дыры. Мол, в провинции народ драчливый, но намного проще... Значит, я прав, вы вращались в кругу очень высокопоставленных лиц. Возможно, при дворе самого императора?

Я помотал головой.

— Что вы, сэр Гандлер! Я много бродяжничал и потому много видел. Это не добавило мне ума, но добавило знаний. Даже не знаний, а... информации.

— А что это?

— Тоже знания, — объяснил я неуклюже, — но не те, которые человек добывает, а какие сами лезут, виснут, цепляются, и вот уже крупица умного погребена под толщей анекдотов, смешных случаев, впечатлений от драк, выпивок, совращенных женщин и просто любовниц... Словом, мусорные знания. Как у любого. Если и есть там жемчужины, то сам не отыщу в той куче...

Он кивал понимающе, на миг взглянул с некоторым беспокойством, я решил, что слишком разумничался, и сказал уже другим тоном:

— С другой стороны, разве не главная радость для мужчины — пить с друзьями, сражаться с врагами и стараться обольстить как можно больше женщин? Ха-ха-ха!..

Он улыбнулся.

— Да-да, маркиз. Вы живете полной жизнью.

Город показался слишком уж картинно вычищенным и просто вылизанным. Даже простолюдины в добротной одежде, хотя, конечно, здесь, как и везде, простолюдины — это простолюдины, сытые и красномордые, но только люди благородных сословий могут носить пурпурные и голубые цвета, оружие, шляпы с перьями, сапоги со шпорами, кованые пояса и прочее, что закреплено только за дворянством.

Однако и с этими ограничениями простой люд выглядит упитанным, зажиточным и весьма даже довольным жизнью.

И тоже занимается на своем уровне ритуальными плясками перед самками, не столь изощренными, как в высшем свете, но все же сложными и утомительными.

Я часто видел парочки и группы молодежи, многие стараются уединиться, из таких мест доносится игривое хихиканье девушек, которых тайком щиплют за дойки, и довольный хохоток распаленных парней.

На меня поглядывали с интересом, но без опаски, девушки строили глазки и приспускали с голых плеч лямки сарафанов, торговцы зазывали к прилавкам с товаром, а хозяин гостиницы прокричал с порога, что есть свободные комнаты для благородных, хорошая еда и очень исполнительная и гостовая ко всем причудам прислуга.

Трижды мне попались на перекрестках бродячие музыканты: хорошенъкие женщины задорно и умело отплясывают, мужчины играют, а в толпе хлопают в ладоши и притопывают.

Бродячие актеры в передвижном театре дают представление, я остановился, засмотревшись на красивую женщину на диво в коротком платье, что, понятно, говорит о ее профессии. Она танцевала, стараясь закрутиться так, чтобы подол взлетал выше бедер, а двое актеров на разные голоса разыгрывали мистерию, а еще трое прыгали с горящими факелами, изображая, наверное, мировую катастрофу.

Когда отгремела Великая Битва Магов, услышал я, земля горела и плавилась, горы рушились в пропасти, а на месте провалов поднялись огнедышащие вулканы. Моря вскипали и падали горячим дождем, и немногие уцелевшие люди прятались в глубоких пещерах, где их ждала гибель от голода.

Все молили небо о милости, просили спасти их, но небо осталось глухо. Однако смилиостивился Самаэль, отворил врата ада и велел железным демонам доставить умирающим муку. Ее сперва так и ели, пока снова не научились пекь хлеб. И еще Самаэль велел выйти из недр ада могучим багерам, что до сих пор бороздят королевства во всех направлениях, перевозя людей, их вещи и даже скот.

С тех пор во всех землях высятся храмы великому и бла-

городному Самаэлю, который изначально дрался с Творцом за сотворенного им человека, защищая его, но жестокосердый Творец изгнал человека из рая.

Здорово, подумал я ошарашенно, искусство и пропаганда — сиамские близнецы... Хорошо здесь поставлено. Впрочем, на самом деле изменилось не так уж и много. Вообще могли бы составить мифологию, в которой мир сотворил всемогущий и мудрый Самаэль, а мелкий пакостливый Бог ему только мешал и мелко подгаживал.

Да и вообще церковь крепко пустила корни в сознании людей, потому что сколько бы ни было этих групп, все их можно назвать скорее ерсями, чем возвратом к язычеству. Даже всеобщее поклонение Самаэлю как Спасителю идет от обломков перевернутого христианства, а не от культа Зевса, Анубиса или каких-нибудь Пернатых Змеев.

Хотя, конечно, Сатана прав, здесь победу над Творцом одержал, одержал...

Одна улица понравилась и насторожила: непривычно широкая, удивительно прямая, а вместо утоптанной земли под ногами — сплошной камень. Ну, не сплошной, но и не вымощено бульжником, а именно массивные каменные глыбы гранита вбиты в грунт вплотную одна к другой, а щели между ними засыпаны обломками поменьше.

Я шел посреди этой странной улицы, притопывал, осматривался, не понимая, что меня тревожит. Почему-то на соседних улочках, узких и кривых, народ устраивает праздники, карнавалы и пляски, а здесь никого...

Далеко за городом нечто прогрохотало. На меня редкие прохожие начали посматривать с любопытством, я ловил полускрытые усмешки.

Грохот начал нарастать, приблизился. Я оглянулся и ахнул. В дальнем конце улицы показался чудовищно огромный драккар! Самый настоящий: с гордо задранной деревянной шеей дракона, на которой жуткая голова с оскаленной пастью, по бокам блестят щиты викингов...

Драккар с грохотом несется по улице в мою сторону, почти задевая щитами стены. Я бросился бежать, это чудовище настигнет и проедет по мне, превратив в смазку под днищем.

Грохот нарастал, я несся изо всех сил, улица впереди кажется бесконечной, щас меня...

Чья-то рука ухватила за рукав и вдернула в узкую щель между домами. Мимо с грохотом пронеслось исполинское чудовище.

Я тяжело дышал, а мужчина, что все еще придерживал меня за рукав, сказал строго:

— Сынок, тебе нельзя пить! Ишь, как налакался, совсем не соображаешь!

— Спасибо, отец, — ответил я хрипло, воздух сипел и хрипел в моей раскаленной глотке, — я приезжий... Эта штука...

— Эта штука, — сказал он еще строже, — разрушитель!

Я хватал воздух и смотрел на него выпущенными глазами, а он фыркнул и ушел в дом. Я торопливо выскочил на подгигающихся ногах на улицу.

Драккар замедлял ход, остановился, как я уже догадался запоздало, возле приподнятой площадки из хорошего добродотного дерева. Несколько человек, что слонялись там на верху, беседуя, неторопливо подошли к драккару.

В борту открыли расписанные золотыми львами ворота. Люди с платформы приблизились, там невысокий темный барьер, через него перелезают с кряхтением и смешками.

Я несся изо всех сил, драккар все еще стоит, последние уже перебрались через бортик и скрылись во внутренностях корабля. В распахнутых воротах рослый офицер в блестящей кирасе и металлическом шлеме с пышными перьями на гребне, он протянул блещущую хорошей сталью руку к позолоченной рукояти двери, я заорал:

— Подождите, не отправляйте!

Он посмотрел, как на идиота, я пристыженно вспомнил, что транспортники ходят сами по себе и никому не подчиняются.

Борт начал отодвигаться, когда я взбежал на площадку и с разбега прыгнул через расширяющуюся щель. Офицер держал для меня ворота открытыми.

Я ударился животом о металлический борт, он шириной

с двутавровую балку, перевалился на ту сторону и поспешно поднялся.

— Спа... си... бо, — проговорил я, жадно хватая ртом воздух. — Уф... уф...

На мёня сурово и с напряжением в лице смотрел немолодой офицер в форме королевских войск, лицо жесткое, загорелое, прокаленное солнцем до цвета меди.

— Маркиз, — сказал он напряженно, — я позволил вам запрыгнуть, потому что уже слышал про ваш поединок с сэром Анжером и потому глубоко чту вас. Но если нет допуска на багер... простите, но у меня приказ сбрасывать таких людей прямо на ходу... На любой скорости.

— У меня есть, — ответил я, радуясь, что кольцо короля Хенриха на пальце. — Вот!.. Допуск на все виды летательных устройств, бегательных и всяких разных.

Он кивнул, лицо прояснилось.

— Ого, перстень короля Хенриха Первого!

— Он самый.

— Да, сэр Ричард, я счастлив видеть вас на борту. Простите, оставлю вас, нужно заняться пассажирами. Потом я к вашим услугам.

Он козырнул и ушел, я приводил в порядок дыхание. Понятно, никакой не драккар, а такая же цельнометаллическая платформа из металла, какую я видел в небе. С виду у нее предназначение перевозить по десятку тяжелых танков, все грубое, выполненное моши, без всяких украшений. А деревянная шея и голова драккара, облицованного дорогим деревом с головы до кормы, декоративные щиты викингов, красивые домики на тех местах, где, должно быть, танки или какую еще сверхтяжелую технику перевозили, — все это надстроили осмелевшие люди, чтобы стало красивше. Облагораживали, так сказать. Или тем самым выказывали почтение чуду. Нет, скорее выказывали свою власть, это человечку свойственно более.

Дома перестали мелькать по обе стороны, простор распахнулся резко и неожиданно. Я бросил короткий взгляд по сторонам, все обычно, а вот платформа...

Под ногами паркетный пол, составленный из очень широких планок, борта красиво отделаны ценностями породами

дерева, кое-где обиты золотистой материей с гербами и деви-
зами. И не подумаешь, что глубже сплошная плита в полмет-
ра-метр толщиной.

В длину разрушитель метров в пятнадцать-двадцать...
кстати, почему разрушитель? Хотя что тут непонятного, мож-
но только представить, как однажды вздыбилась земля, он
поднялся на поверхность, еще красный и дышащий жаром,
двинулся по заданному маршруту, снося все на пути: дома,
строения, даже холмы...

Хвала героям, что первыми смекнули, что разрушитель
на них не реагирует, и что его даже можно использовать, как
ветер, к примеру, или дождь.

Глава 6

Я прислушался, снизу стук, лязг, скрежет, но на палубе
драккара толпа веселится, кто-то пустился в пляс, а я пошел
вдоль борта, постукивая по нему пальцами.

Насколько помню, когда офицер открыл двери в борту
драккара, там все-таки металлический борт, довольно тол-
стый, я его перепрыгнул бездумно, а сейчас понимаю, что
без этих деревянных надстроек платформа представляет из
себя сплошную металлическую плиту с толстыми бортами
мне до пояса. Или даже чуть ниже. Очень странная платфор-
ма... Слишком тяжелая, грубая и неуклюжая.

Офицер, оставив возбужденно галдящий народ, прошел
ко мне, козырнул.

— Сэр, будут какие-то пожелания?

— Да все хорошо, — ответил я, — благодарю вас... сэр...

— Сэр Рефершельд, — сказал он. — К вашим услугам. Вы
оказали Его Величеству очень важные услуги, потому прика-
зывайте, я сделаю все, чтобы вы чувствовали себя здесь уютно.

— Спасибо, сэр Рефершельд, — поблагодарил я. — Я про-
сто осматриваюсь. В нашем медвежьем краю такого нет, ин-
тересно...

— Если будут вопросы, — сказал он, — спрашивайте.
Все, что не является государственной тайной, к вашим услу-
гам.

— Спасибо, — сказал я снова.

Он козырнул и отошел, а я настороженно осматривался, в то же время делая вид, что щелкаю хлебалом по сторонам. Платформа все набирает скорость, встречный ветер ощущимее, город остался позади, по сторонам мелькают возделанные поля, домики, стада коров, ветряные мельницы. Идем без рывков, плавно, словно на воздушной подушке, но нет раздуваемого во все стороны песка, так что ближе к антигравитации. И все-таки почему эти скрежет и лязг под днищем...

Я жестом подозревал офицера.

— Сэр Рефершельд, сколько этих разрушителей проходит через королевство?

Он помялся.

— Это не относится к государственной тайне, но говорить о таком не рекомендуется. Сейчас их сорок три.

— Понятно, — ответил я. — Раньше было больше?

— Да, сэр.

— Этот тоже скоро выйдет из строя, — заметил я.

Он кивнул, лицо стало невеселым.

— Некоторые уже догадываются. Кто бы подумал, что железный зверь тоже может болеть, стареть и умирать.

— Если не лечить, — сказал я.

Он вздохнул.

— Наши маги не знают даже, как к нему подступиться!

— А маги других королевств?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Вы как будто забыли, что все хранят свои тайны и стараются выведать чужие! Нет такого королевства, которое не воюет... Правда, я знаю только ближайшие, но слухи пересекают границы легче, чем перелетные птицы...

Я ухмыльнулся лихо и беспечно, подкрутил несуществующий ус.

— Я несся через все земли, работая шпагой чаще, чем ложкой. Намного чаще... За мной почти все время гнались то одни, то другие. Куда уж запоминать всякие тайны...

Он смотрел с почтением, а я подумал, что когда мир был в одночасье уничтожен, такое вот чудовище выползло из автоматизированного подземного завода, маршрут в крохотной памяти, а то, что город в руинах, что никто не кладет грузы в

начале пути и ничто не снимает в конце — на такой дикий случай в памяти транспортника команд нет.

И ползли эти чудовища, раздвигая обломки зданий, про-кладывая себе дорогу заново, но не отклоняясь от нее ни на миллиметр. Одичавшие люди сперва смотрели с ужасом и убегали, потом осмелели, пока кто-то из вконец сумасшедших не решился прокатиться на спине волшебного зверя...

Я помотал головой. Нет, все не так красиво. Кто-то же уцелел, а те уцелевшие сразу знали, что это такое. Только малой группе не совладать с этим комплексом. Тем более что уцелевают обычно какие-нибудь шахтеры на большой глубине, а они не знатоки, как возрождать цивилизацию.

А потом, когда сменились поколения, когда создавалась новая мифология, кому-то пришло в голову украсить эти чудовища, надстроить голову дракона, облицевать деревом, украсить тканью и рисунками...

Разрушитель самую малость наклонился, далеко справа поднялась стена из камня, потемнело. Слева тоже стена, опускаемся в широкий каменный разлом.

— Понятно, — пробормотал я.

Рефершельд тут же подошел с вопросом в глазах.

— Сэр?

— Понятно, — сказал я, — почему багер ходит сюда.

— Почему, сэр?

— Каменоломня, — ответил я коротко.

— Сэр?

— Когда-то здесь добывали мрамор, — сказал я. — Видите, какие стены? А на разрушителях возили.

На его честном лице отразилось замешательство.

— На разрушителях? Как можно...

Я понял, сказал успокаивающе:

— Это нам нельзя. Но Древние все были магами, так ведь?

Он с облегчением перевел дыхание.

— Да-да, сэр. Древним все можно.

Но лицо побледнело, я с сочувствием подумал, как ему трудно представить, что на таком прекрасном средстве передвижения можно перевозить грубые глыбы камня.

В карьере багер простоял минут десять, не дольше. Судя по краткости остановки, его загружали уже упакованными глыбами, а то и вовсё одним-двумя блоками.

Я почему-то ожидал, что обратно двинется кормой вперед, как поезда метро, но разрушитель развернулся на месте, словно на поворотном круге. Пассажиры уже сошли, я видел, как поднимаются по вырубленным в камне ступенькам, а транспортник двинулся в обратный путь.

— Прекрасно, — сказал я. — Какой удобный этот... разрушитель!

Офицер сказал торжественно:

— Слава Самаэлю!.. Он продолжает заботиться о всех нас. И потому мы ежедневно обращаем к нему слова любви и благодарности!

— А какой конечный маршрут, — спросил я, — в ту сторону?

Рефершельд развел руками.

— Это не государственная тайна, однако... никто не знает.

— Почему?

— Разрушители остановить невозможно, — ответил он, — но людей — легко. Два соседних королевства разрешают посещать их земли, да и то без оружия, но дальше вообще странные правители... Да и вообще, туда лучше не соваться.

Я помолчал, стараясь представить странные человеческие общества, что могут возникнуть на месте участков с остатками работающих высоких технологий. Ведь могут быть как нанотрансформаторы, так и био, а когда не знаешь, с чем имеешь дело, можно выпустить на волю любой кошмар.

Рефершельд задумчиво смотрел вперед, сейчас в самом деле похож на вожака отряда викингов.

— Гюнтер Бекштайн, — произнес он медленно, — король соседнего с нами королевства Вандом любит воевать. Он задирается со всеми. Но еще задиристее король Клаутгейма Эммануэль Великий, его земли сразу за королевством Бекштайна. У него людей всегда в избытке, потому воюет чаще всех... Однажды его армия вторглась в земли Бекштайна, тогда им правил еще дед нынешнего короля, сумела сжечь несколько сел и разграбить два города... Наконец маг обратил на них свое высокое внимание. Сперва произошло кровавое

сражение, в котором войска Эммануэля разгромили короля Бекштайна наголову. Однако не успели помародерничать, как небо стало красным, поднялся огненный ветер. Он сжигал все на своем пути! От армии Эммануэля остались оплавленные капли металла, бывшие доспехами...

— А как узнали?

— Весть принесли разведчики, которых Эммануэль разослал далеко от войска в поисках фуража. Они все видели и сразу погнали коней во всю мочь обратно. Думаю, маг мог их уничтожить тоже, но пощадил. Для забавы.

— Да-а, — протянул я озадаченно, — здесь еще те войны... Поневоле опацифишились. Велико королевство Бекштайна?..

— Чуть больше нашего, — ответил он. — Но не намного. Миль так это пятьсот в длину и триста пятьдесят в самом узком месте.

— Ого, — вырвалось у меня. — Целая империя по размерам! А у Эммануэля?

— Точно не могу сказать, в южную часть разрушители не заходят, но примерно так же... Сэр Ричард, в империю императора Германа Третьего входит шесть королевств, в том числе и наше. Законы везде одни, никаких войн не было с того дня, как император Азаульф Первый простер свою власть на эти земли, а это уже восемьдесят лет.

— Жуть, — заметил я. — Как же вы живете без войн? Ах да, волочитесь за бабами...

Он пожал плечами.

— Дуэли никто не запрещает.

Он мрачно смотрел на приближающийся город. Север и Юг, размышлял я, Север и Юг... Важно не то, что там христианство, а здесь его анти, анти — тоже христианство, потому что, как это ни парадоксально, но Сатана не может быть безбожником.

Важнее то, что Север — весь из крохотных враждующих земель, в каждом королевстве феодалы враждуют и воюют друг с другом, а король там не больше чем один из феодалов, его договорились считать главным при условии, что будет главным не больше чем позволят.

Юг же больше походит на восточные империи, могучие и

бескрайние, где слово властелина приравнивается к слову бога. Никто и нигде не смеет противиться: ни крестьянин, ни феодал, ни отдельный царь.

Казалось бы, такой вариант правления лучше, но я помню, во что превратились эти могучие восточные империи. Зато вечно дерущиеся карликовые королевства Запада создали ту цивилизацию, что рулит миром и свысока покровительствует обломкам восточных империй.

Юг вроде бы не совсем то, что называем Востоком, однако нечто общее есть. Место султанов, падишахов и прочих чингисханов заняли маги. Даже короли с высоты башен магов выглядят такими же мелкими существами, как и крестьяне. И отношение к ним такое же, пренебрежительное.

Я поинтересовался:

— Но при заклятиях быстрой регенерации дуэли становятся лишь веселым времяпрепровождением?

Он зябко повел плечами.

— Не скажите. Когда вонзается холодная сталь, больно и страшно. Да и заклятие не спасает, если договариваются драться до конца. Заклятие закладывается в особой лаборатории тремя обученными магами. На один раз. Как только израсходовал — все, простой смертный, нужно возвращаться и повторять процедуру. Виконт Церкер, путешественник и задира, прибегал к нему уже восемнадцать раз! Но и он погиб, когда после последней выигранной дуэли возвращался к магам, а по дороге с ним затеяли ссору...

Драккар, быстро замедляя скорость, подкатил к причалу. Рефершельд распахнул декоративные дверцы, я перепрыгнул через металлический портик и помахал ему рукой.

— Счастливой дороги!

— Спасибо, сэр Ричард, — ответил он серьезно. — Вы не поверите, но там дальше в дороге в самом деле бывает всяческое... Правда, на следующей остановке я тоже сойду — граница королевства близко.

Под драккаром затрещало, он сдвинулся с места и пошел по идеально ровной улице между домами, которые построили уже через столетия, точно отметив его маршрут. Возможно, кто-то промахивался с расчетами, и драккар легко и без задержек сносил слишком выдвинувшиеся постройки. Тогда

он еще был не драккар, а пугающе голая стальная платформа, что раз в две недели непонятно по каким причинам проходит строго по одному и тому же месту и останавливается в одних и тех же местах всегда на одно и то же время.

Я спустился по широким ступенькам, впереди роскошный карнавал из песен, танцев, зазывно распахнутых дверей гостиниц и постоянных дворов, жонглеров на перекрестках улиц и выглядывающих из открытых окон веселых женщин. Некоторые сразу же игриво подмигивали мне, двигая плечами, чтобы низкий вырез платья стал еще ниже, еще...

В веселый празднично-безалаберный шум и гам остро врезался женский плач. Троє красномордых откомленных солдат отпихивали плачущую женщину, она вся в слезах протягивала руки к мальчику и девочке лет семи. Двое таких же красномордых и сытых, довольных, гогочущих, уводили их по направлению к большой крытой повозке.

Я бы прошел мимо, но отчаявшаяся женщина внезапно метнулась ко мне, протягивая руки:

— Милорд, защитите!.. Моих единственных детей забирают на поругание!

Я с неудовольствием остановился.

— А что случилось?

— Просто забирают! — прокричала она в слезах. — Просто господину Юлиану восхотелось поглумиться над детьми!

Один из солдат крикнул раздраженно:

— Засунь язык в задницу, шлюха!.. А ты, благородный, шагай, куда шагал!

Мгновенно закипев гневом, я повернулся к нему. Рука моя метнулась к мечу, я заставил себя отпустить рукоять, но пальцы стиснули в кулак.

— Мразь, — произнес я отчетливо, — ты с кем разговариваешь?

Он не ожидал пощечины, а я влепил ее так, что голова дернулась, едва не слетев с плеч. Изо рта и носа плеснула обильно кровь. Он взвыл и прижал руки к лицу. Остальные двое ухватились за копья и двинулись ко мне с угрожающим

видом. Даже те, что уводили детей, остановились возле повозки и смотрели в нашу сторону со злым интересом.

Двое, выставив копья, подступили ко мне.

— Благородный, — сказал один с издевкой, — ты хоть знаешь, кто мы?

— Мразь, — ответил я громко.

Он попытался ткнуть в меня копьем, не столько для смертельного удара, а чтобы пугнуть, мой меч с жутким лязгом покинул ножны.

— Оставьте детей, — велел я, — и убирайтесь! Пока я добрый.

Он оскалил щербатый рот, ничуть не испугавшись, второй сказал удивленно:

— Что это с ним? Вроде и не пьяный...

— Да какая разница, — ответил его напарник. — Хозяин одобрят...

Они набросились разом. Я отступил, все получается как-то глупо, одним взмахом исхитрился срубить наконечники копий. Один уставился обалдело на обрубок своего копья, словно не мог поверить в такое святотатство, а второй, разъярившись, выхватил кинжал и бросился на меня с воплем.

Я шагнул в сторону, блеснуло лезвие меча. Легкий хруст, срубленная по локоть рука упала на землю, пальцы еще сжимают нож. Оба заорали, первый от испуга, второй от болевого шока. Я протянул к ним меч, с лезвия часто срываются красные капли, оставляя на земле пурпурную дорожку.

— Убирайтесь, — процедил я, меня начало трясти от бешенства. — Я пока еще добрый... Но моя доброта испаряется быстрее, чем снег в аду...

Они завизжали, как придавленные зайцы, ринулись к повозке. Там двое все еще держали детей, глядя на меня выпученными глазами. Я пошел к ним с нехорошой усмешкой на лице. Они правильно прочли в моих глазах, что с ними будет, а я в самом деле готов был разрубить их пополам, поспешно отпустили детей и попрыгали в повозку.

Кучер дернул поводья, кони рванули, один из догоняющих успел вскочить, а раненый побежал следом, вопя и орошая дорогу кровью. Мать вышла из оцепенения и бросилась

к детям, те понеслись навстречу, она присела и обхватила обоих руками, заливая счастливыми слезами.

Остальные крестьяне почему-то смотрели на меня испуганно и пятались. Я бросил меч в ножны, вытирая лезвие необходимости нет, повернулся на каблуках и пошел прочь, крикнув:

— Если вы не овцы, сами не давайте себя в обиду!

Глава 7

Ощущение препакостное: вроде бы все должны кричать мне хвалу и бросать в воздух чепчики, срывая их с женщин, но многие поглядывают с осуждением, кто-то вообще с враждой на лице, вокруг меня образовалось пустое пространство.

Мне даже почудилось, что за мной следят. Прошел по улице, задействовав весь известный мне спектр проверки: наклонялся поправить вроде бы шнурки, это на сапогах-то, останавливался возле уличных продавцов, дважды пользовался проходными дворами, ничего не обнаружил и сказал себе с облегчением, что вообще-то у меня мания величия. Никто ради меня не станет изобретать секретную службу слежки.

Что-то я слишком, слишком. Этот мир еще не додумался до изощренной слежки. Даже простой пренебрегают. Пока что здесь все по-честному: послали — убили. Или же отыскали и арестовали. А вот чтоб следить, это другой уровень. Это уже попахивает гражданскими свободами, когда нельзя вот так просто схватить, бросить в подвал, а там с каленым железом просто выпытывать все, что требуется.

Конечно, и в более гуманном обществе хватают, бросают в подвалы, а там допрос третьей степени, подленький эвфемизм для жестоких пыток, которых наивное Средневековье не знало и не могло даже представить, но вообще-то если надо, то надо, я вовсе не против пыток, когда надо получить сведения от террориста, но вот если грозит мне...

Все еще настороженный, как заяц ночью в огороде, я шел по улице, каждого встречного прощупывая на предмет, не сунет ли в бок длинное лезвие, а группы хохочущей моло-

дажи вообще обходил стороной. Я ж человек мирный, гуманист. По крайней мере, гуманитарий.

Еще одна гостиница, на первом этаже просторный трактир. Гомон, смех и грубые возгласы я услышал еще на крыльце, а когда распахнул дверь, передернуло от дикого рева, смеха, гогота и пронзительных криков. В ноздри ввинтился острый запах жареного мяса с луком, разлитой браги и дешевого вина. Только привычного чада от светильников с дешевым жиром нет: свет в трактире ровный, чистый, а идет как будто с потолка и стен.

Я осторожно перешагнул порог, лицо стараюсь держать неподвижным, словно все это вижу ежечасно, привык. Отыскав место, я осторожно сел на темную лавку, стараясь понять, блестит грязь или же такое странное дерево. Или даже имитация дерева.

Хозяин, заметив нового клиента, приблизился достаточно скоро. Плотный, мускулистый, хоть и с брюшком, выполняет, похоже, и обязанности вышибалы.

— Что пить изволите?

— Сперва бы я хотел поесть, — сообщил я. — А уж потом пить.

Он кивнул.

— Разумно. А то все сразу пить... Что предпочитаете?

— Того здесь не найти, — сказал я. Раз уж я похож на разочарованного жизнью аристократа, по дурости пересекшего роковую черту, то надо держать хвост трубой. — Так что... знаешь, на свой вкус. Держи.

Я положил на стол серебряную монету. Хозяин взял, привычно потер пальцами, убеждаясь, что не обман, кивнул и удалился. Я осторожно осматривался, народ в тавернах несколько отличается от тех, что встречаешь на улице, здесь всегда квинтэссенция мира, соль земли и краткая аннотация. В основном кладоискатели, их отличаешь по пыльным и потертым кожаным штанам и таким же кожаным курткам, одетым на голое тело, два-три перекупщика, эти одеты чище и наряднее, а также те несчастные, что вечно странствуют с места на место, в надежде сразу отыскать ценный артефакт, что к их приходу поднимется из глубин земли, как уже бывало, судя по рассказам.

Не сразу я уловил, что ко мне тоже присматривался человек в плотной коже, голова и лицо голые — без бровей и ресниц, из-за чего взгляд кажется недобрым, цвет кожи серый настолько, что в сумерках он, наверное, становится невидимкой. Даже губы серые...

Я неспешно тянул вино, удивляясь тонкому вкусу и аромату, как вдруг дверь распахнулась так, что с треском впечаталась в стену. Через порог перешагнули двое рослых стражей, в хорошо подогнанных доспехах, в руках алебарды, а следом за ними вошел человек в темном плаще и с надвинутым на глаза капюшоном.

В таверне разом смолк гул голосов, я видел, как опускаются головы, большинство пугливо смотрят в чаши и тарелки, только самые отважные осмеливаются поглядывать искося. Я сидел спокойно, эта закапюшоненная таинственность пугала только в самом начале, а потом привык. Напротив, это преступники стараются не показывать лица...

Чересчур громко топая, думаю — нарочито, стражи прошли к моему столу. Я насторожился, готовый метнуться в сторону, одновременно выхватывая меч. Стражи остановились, из-за их спин вышел человек с капюшоном на лице. Они расступились, он встал посредине, маленький и тщедушный рядом с ними.

— Маркиз, — произнес он неприятным скрипучим голосом.

— Это я, — согласился я. — И что?

Он произнес тем же голосом:

— Вам приказано явиться с нами.

— Ого, — ответил я. — Даже приказано... а я ну ни у кого не служу. И к кому явиться?

— К младшему магу Юлиану, — ответил человек с капюшоном на лице. — С нами.

— Я и сам не пропь повидаться со здешними магами, — заверил я миролюбиво, — и если меня приглашают вежливо...

Он отчеканил резко:

— Вам велят!..

Я вздохнул.

— Вынужден отклонить такое не слишком вежливое приглашение. Что делать, я обременен хорошим воспитанием.

Он отступил на шаг.

— Если предпочтаете, чтобы вас привели силой...

— Я предпочитаю договариваться по-доброму, — ответил я громко, чтобы слышали все в таверне. — По-хорошему, как говорят еще.

— Последний раз велю, — сказал он резко, — поднимайтесь! И следуйте с нами.

— Пошел вон, — произнес я отчетливо.

— Что-о-о?

— Что слышал, дурак.

Он вскрикнул гневно и взмахнул широким рукавом, где, наверное, пряталась хилая рука. Стражи выставили копья и двинулись на меня, сверля злыми глазами из-под надвинутых на брови шлемов. Я вздохнул, рука вытащила меч. Когда острия копий приблизились чересчур близко, коротко сверкнула бледная молния острой стали.

Стражи удержали в руках копья, но сухое дерево поддалось металлу, как будто я перерубил два стебля травы. В мертвой тишине наконечники ударились о пол с таким звоном, что все в таверне вздрогнули и снова застыли, глядя на меня выпученными глазами.

— Брысь, — сказал я громко. — Брысь со своими деревяшками.

Они застыли на месте, растерянные и обиженные, как дети, у которых отняли игрушки и не позволяют играть. Тщедушный человек за их спинами произнес нечто коротко и внушительно. Стражи поспешили расступиться, даже отпрыгнули в стороны, будто их ударили.

— Ты... посмел? — донесся голос из-под опущенного на лицо капюшона.

— Забирай дураков и уходи, — посоветовал я.

Он начал медленно, как я понимаю, нарочито медленно поднимать голову. Край капюшона открыл сперва тонкий нос, который принято называть хищным, но просто худой и даже интеллигентный нос, запавшие щеки и острые скулы, блеснули внимательные глаза.

Такое лицо я назвал бы аскетичным, что само по себе мне симпатично, однако такие хороши для человечества и очень нехороши для отдельных людей.

— Ты пойдешь с нами, — велел он холодным безразличным голосом. — И, может быть, господин Юлиан еще и простит тебя... если найдешь достаточно слов, чтобы объяснить свою вину и выпросить помилование.

— Ух ты, — сказал я ровно, хотя сердце уже колотится в испуге и предчувствии неприятностей. — А если не найду?

— Тогда моли его о пощаде.

— Ладно, — сказал я. — Понятно. А теперь иди. Понял? Иди, иди, иди...

Он покачал головой, вздохнул. Стражи испуганно отступили, а он вытянул по направлению ко мне обе руки и выкрикнул нечто злое и обрекающее, судя по тону. Вспыхнул огонь и охватил меня с головы до ног. Я ощутил сильный жар, злость и страх смешались, я выбросил вперед руку с обнаженным мечом. Острое как бритва лезвие с хрустом вошло в плоть мага.

Пламя мгновенно погасло, маг смотрел ошалело. Из полуоткрытого рта хлынула кровь, ноги подломились. Я дернул рукоять на себя, и тело мага рухнуло мне под ноги. Я чувствовал, что пламя не обожгло и даже не подпортило одежду, направил меч острием на стражей.

— А вы... живите.

Они попятались, морды разом утратили буряковый цвет, став свекольными. Глаза лезли на лоб, в крохотных мозгах не укладывается, что простой благородный вот так легко убьет их повелителя.

Старший пролепетал:

— Да, сэр... как скажете, сэр...

— Идите и скажите, — изрек я, подумал, что этого тупарям с обломками копий недостаточно, пояснил: — Я по своей бесконечной доброте и кротости понимаю только вежливое обращение. А кто хамит, того я, как истинный гуманист, с печалью в милосердном сердце размажу по стенам!

Они пятались, затем повернулись и понеслись со всех ног. В дверях застряли, сопели и верещали, кое-как вывалились наружу. В таверне мертвая тишина, все смотрят выпученными глазами.

Я подозвал служанку.

— Милая, в этот мясной салат упала муха. Вылови, а са-

лат отдай собаке... или хозяину, мне без разницы. Принеси еще вина... Только в запечатанном кувшине, поняла?

Она исчезла, в таверне медленно начиналось движение, голоса звучали очень тихо. Многие на всякий случай поспешили расплатиться и уйти, но взамен пришли другие и, заняв места за столами, откровенно уставились на меня блестящими от любопытства глазами.

Я сделал глоток, пальцы подрагивают, надо все время двигаться, чтобы не заметили, что меня всего трясет, и я, бросив на стол монету, поднялся.

— Хорошее вино. Кто ценит его вкус, допейте. Увы, дела...

Я пошел к выходу, мне поспешно освобождали дорогу, но у выхода я успел заметить, что за моим столом уже пальца не просунуть, и все тянутся с кружками в руках к кувшину.

Над ночным городом блещет странное незримое солнце. Город залит теплым оранжевым светом, над южной частью встает серебристое зарево, в центре — дворец герцога. То ли это свойство дворца герцога, то ли магический свет передвигается с королем.

Луны нет, россыпь звезд сияет только на северной части небосвода, сквозь зарево на юге просвечивают только самые яркие. Я всматривался в этот ореол, стараясь понять, что же это, объяснения, что это магия, как-то недостаточно. Хотя, конечно, для меня это самое лучшее объяснение, не такой уж я, если честно, и великий специалист по технологиям будущего.

На меня поглядывали без заинтересованности, но когда узнавали, поспешно отпрыгивали в сторону. Я хмуро улыбался, видя, с какой скоростью передо мной расчищается дорога. Похоже, надолго избавлен от бретеров и задиристых дураков.

Дворец герцога сверкает, как драгоценный камень под лучом лазера. Подсвечена крыша, пилоны, статуи и барельефы, фонтаны выбрасывают в небо цветные струи, от которых исходит аромат дорогих вин.

Не утерпев, я поймал ладонью струю, гуляющие посмат-

ривали на меня с интересом, женщины хихикали, мужчины ехидно улыбались. На вкус настоящее вино, но все привыкли, никто не удивляется.

— Маркиз, — крикнул кто-то весело. — Красивые женщины пьянят сильнее!

— Нет красивых женщин, — ответил я хмуро, — есть некрасивые и хорошо накрашенные.

— Ну что вы, маркиз! — воскликнул мой собеседник шокированно. Его тут же утешили:

— Как бы плохо мужчина ни думал о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже.

Барон Эльрих то ли не отходит от окна, то ли у него шпионы, что следят за всеми, кто не свой, но допущен во дворец, едва я вошел в свои покой и снял перевязь с мечом, в дверь деликатно постучали.

— Войдите, — сказал я громко.

Барон Эльрих вдвинулся в комнату неслышно, как тень, но расшаркался и раскланялся, как прыгающий пудель, правда, по сокращенной программе.

— Все благополучно? — спросил он. — А то у меня, знаете ли, почему-то глаз дергается, как только про вас вспомню.

— А нос не чешется? — спросил я.

— Нет, — ответил он озадаченно. — А что, должен?

— Скоро зачешется, — пообещал я. — По городу я прошелся с великим удовольствием. Приятно видеть довольный и сытый народ. И здоровый! Почти не видел калек, увечных. Словом, зажиточный город. На сухопутном багере... то бишь разрушителе, прокатился до каменоломни и обратно. Ошеломительно! Словно на карнавале! А Люнебурнс какой нарядный... Жаль, летательные багеры так и остались... голыми. Могли бы надстроить, красиво же...

Он посмотрел на меня остро.

— А вы откуда знаете, что ходящие по земле тоже были такими же?

Я пробормотал:

— Не знаю. Так... почудилось.

Он не сводил с меня взгляда, полного подозрения. Мне показалось, что даже покосился по сторонам, далеко ли стра-

жи, чтобы сразу заломили мне руки и в пыточный застенок, где со мной поговорят без дворянских церемоний.

— Гм, — произнес он медленно, — это только вы заметили.

— Свежий взгляд, — заверил я. — Остальные видят с детства, потому и не возникает вопросов. А над поместьем моего отца никогда не летали эти штуки. И в его владениях нет ни одной трассы... Впрочем, я уже понял, почему летают в том виде, как и выходят из недр.

— Почему?

— Встречный ветер, — ответил я. — При такой скорости все лишнее сорвет к самому Самаэлю...

Он спросил холодно:

— А вы откуда знаете, что там всегда встречный ветер? Да еще такой силы?

Я удивился.

— Это же очевидно! Возьмите в руку свою роскошную шляпу. Такие перья дорого стоят?

Он улыбнулся так, как улыбнулся бы айсберг.

— Целое состояние. Ну вот, взял. Что дальше?

— Теперь взмахните, — скомандовал я. — Нет, без всяко-го поклона. Быстро и резко!

Глава 8

Он сделал, как я велел, посмотрел на шляпу, взмахнул еще раз и еще, обращая внимание, как перья трепещут жа-лобно. Одно вывернуло из его гнезда, барон проследил за ним взглядом, как взвилось в воздух, а оттуда упало на землю. Лицо стало серьезное и озабоченное. Еще пару раз взмахнул шляпой, все быстрее и быстрее. Я понял по его взгляду, что обращает внимание не только на перья, но и на загибающиеся поля шляпы.

— Барон, — сказал я искренне, — а вы умный человек.

Он посмотрел зло.

— Это вы к чему?

— Поняли, — ответил я. — По вашим глазам вижу. Хоро-шо поняли.

Он буркнул:

— Я-то понял, хоть это и ошарашивает! Никогда бы не подумал... Да и кто думает? Но у меня вопрос, как вы это поняли?

— Ну да, вам понять можно, а мне слабо?

— Верно, — подтвердил он с холодком. — Я силен как раз в шевелении мозгами. А вы — в драках. Так что на мыслителя не тянете.

— Я слаб в искусстве обольщения, — признался я. — Поэтому больше смотрю по сторонам, вперед, назад, вширь, вглыбь... И на небо. Не то чтобы под юбки смотреть неинтересно, это каждому интересно и даже очень занимательно, но когда только под юбки, то хрен что увидишь еще. Да и под юбками у всех одинаково, а вот мир...

Он вздохнул, провел ладонью по лицу.

— Ну, все хорошо, что хорошо закончилось. А то у меня было предчувствие...

— Ерунда, — ответил я уверенно. — Я ни с кем никогда не задираюсь. Другое дело, когда задирают меня... Тогда могу либо дать отпор, либо не дать. Или если сильные при мне обижают заведомо слабых. Которые не могут защититься...

Он ощущил недоговоренное, насторожился, даже уши шевельнулись, как у зверя.

— Судя по вашему тону, что-то подобное стряслось?

Я отмахнулся.

— Да я ж говорю, все благополучно. Пьяные хамы обижали женщину, я их малость проучил. Разве в этом королевстве благородный человек не может поучить хамов?

Он кивнул.

— Да, конечно. Но все же расскажите...

Я рассказал. Эльрих сперва кивал, все верно, хамов надо учить, но вдруг начал бледнеть, покрываться синевой, а под конец рассказа его вообще встряхивало, словно горсть гороха в решете. На меня смотрел с испугом, как на смертельно больного, даже заразного, с которым рядом находиться куда как опасно.

— Маркиз, — простонал он, — что вы наделали!

Я удивился:

— А что я наделал?

— Вы посмели воспротивиться воле самого мага!

Я фыркнул:

— Что значит «самого»? Всего лишь мага. Да и то какой-то мелочи...

— Но как же... — прошептал Эльрих и отступил от меня в ужасе, — разве можно магам противиться?

— Можно, — сообщил я. — Я же воспротивился? Да и что это за маг, если от родной матери отрывает детей?

Он воскликнул в отчаянии:

— Маг мог просто велеть доставить ему двух детей определенного возраста, это его слуги перестарались. В самом деле, есть же многодетные семьи, можно набрать по одному без всякого ущерба. Но слуги поленились, схватили первых попавшихся. Но это меньший просчет, чем тот, что допустили вы.

Я сдвинул плечами:

— Подумаешь! Одному холопу отрубил руку. Но он посмел оскорбить дворянина! А так одним холопом больше, одним меньше.

Он горестно вздохнул.

— Все бы так, но... маг может счесть оскорблением, что обидели его слугу. Магам не перечат даже короли.

— Ого, — сказал я, — строгие у вас порядки.

Он развел руками.

— Сэр Ричард, у кого сила, у того и власть.

— Да-да, — согласился я.

Надо намотать на ус, мелькнула мысль, что первые же, кто сумел овладеть хоть какими-то знаниями Древних, стали зваться магами и обрели реальную власть даже над королями, в этом отличие Юга. Не потому маги, что у них особые способности, а что первыми додумались, как пользоваться Древними Вещами. Или кому повезло. Правда, так было бы на Севере, но Север войнами перепахало гораздо глубже, реликтовых сооружений не осталось.

Он поднялся, лицо стало строгим и решительным.

— Сэр Ричард, я прошу вас незамедлительно пройти со мной.

Я спросил шутливо:

— Надеюсь, не в тюрьму? За нарушение каких-то законов?.

— Нет, — ответил он суховато, — всего лишь к Его Вели-

чество. Но я посоветую ему в самом деле отправить вас в тюрьму.

Я не понял, шутит или всерьез, он молчал всю дорогу. Король удивился, когда мы вломились в такой поздний час, но посмотрел на встревоженного советника, кивнул.

— Садитесь, рассказывайте. Судя по виду барона Эльриха, у нас неприятности?

— Еще какие, — ответил он убито. — Сэр Ричард, расскажите Его Величеству, как вы погуляли в городе.

Я сдвинул плечами.

— Да я и погулять-то не успел...

Эльрих поднял глаза к потолку.

— Представляю, если бы вы успели!

— Да что случилось? — спросил король заинтересованно. — Судя по виду маркиза... ему это не повредило.

— Ему нет, — ответил Эльрих нервно. — Пока еще нет... Сэр Ричард, вы со всеми подробностями, пожалуйста!

Я нехотя пересказал, на этот раз упомянув и о стычке в таверне. Эльрих пришел в ужас, хватался за парик, заламывал руки, наконец и мне все это перестало казаться таким уж пустячком. Эльрих попросил повторить подробно, как все началось, особенно настаивал на мельчайших подробностях, что сказал мне маг и что ответил я.

— Что я мог ответить? — огрызнулся я. — Другой бы сразу его в морду, а я по доброте своей еще и разговаривал, объяснял, усовещивал... У моего отца хозяйство маленькое, разницы между благородным и простолюдином почти нет, потому я со всеми, как с людьми! А эта скотина, маг он или не маг, хамил...

Эльрих простонал в отчаянии, а король поинтересовался очень серьезно:

— Вы говорите, вас охватил огонь?

— Ну да.

— И не сжег?

Я фыркнул.

— Конечно, сжег!

Эльрих вмешался:

— Сэр Ричард, вы разговариваете с королем!

Я склонил голову.

— Простите, Ваше Величество. Просто никак не могу поверить, что все это так серьезно.

Король молчал, а Эльрих сказал с нажимом:

— Сэр Ричард, этим не шутят.

— Да что у вас такое? — спросил я с тоской. — Нельзя же, чтобы маги настолько вас запугали.

Он замахал руками, в испуге оглянулся по сторонам.

— Тише, тише!

— А что случилось?

— Маги могут слышать, если захотят. А вы их наверняка заинтересовали. Вы же сами сказали, за вами пришел сам маг, пусть даже из самых младших. И то, что случилось, как правильно заметили Его Величество, просто невероятно...

— Почему?

Он начал загибать пальцы.

— Во-первых, маг применил заклинание быстрого огня. Это мощное заклятие, ему нужно долго учиться, так что это был маг не самый младший. Такое заклятие сжигает человека за мгновения. Потому в таверне все ахнули, когда на вас не подействовало...

Он умолк в затруднении, я спросил нетерпеливо:

— А во-вторых?

— Во-вторых, вы сумели как-то нанести смертельный удар магу, что тоже не укладывается ни в какие рамки. Мага может ранить только другой маг. И то лишь более сильной магией. От любого рубящего, колющего или дробящего оружия маги защищены. Этому учат еще младших. Но вы... сумели! Потому сейчас уже наверняка весь город знает, что чужеземец не только выдержал удар мага, но и нанес в ответ смертельный удар. Однако это самое непонятное!

— Что именно?

— Сильного мага нельзя убить даже магическим оружием! Во всяком случае, из всех известных. Маги очень тщательно работают над своей защитой. Вы сами понимаете, почему...

Я кивнул, это-то понятно: маги наносят страшные разрушительные удары, но для каждого из них нужно копить мощь и еще сосредоточиться, в то время как воин может рубить, колоть, крушить в неистовом темпе. Если у мага не будет за-

щиты, воин успеет зарубить его сто раз, прежде чем маг soberется для второго удара.

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Как вы сумели, маркиз?

Я пожал плечами и ответил ему таким же прямым взглядом.

— Наверное, повезло.

— Правильно, — одобрил он сухо, — что не говорите. Но учтите, теперь за вами будет охота.

— С какой стати?

— Верховный маг не позволит, чтобы его репутации был нанесен ущерб. Он пошлет такого мага, который наверняка справится с вами.

— Пусть лучше сам приходит, — буркнул я.

Он покачал головой.

— Верховный маг никогда не покидает своего замка. Но у него много самых разных слуг. Включая даже могучих демонов. Маркиз, я бы советовал вам бежать немедля. Прямо сейчас.

Я посмотрел на короля, что все еще молчит, погруженный в тяжелые думы. Его далеко не старческие глаза остро поглядывают из-под набрякших век с кровяными жилками, губы иногда двигаются, помогая пережевывать какую-то несговорчивую мысль.

Наконец он вздохнул, похлопал ладонями по широким подлокотникам кресла.

— Эльрих прав, прав... За вами, сэр Ричард, придет тот, от кого уже не отбьетесь. Заодно достанется и нам... Но уже поздняя ночь, а утром маркиз Ричард взойдет на борт багера. Маги просто могут потерять его след. Все-таки багер делает остановки в пяти местах...

Эльрих буркнул:

— Надеюсь, едва багер покинет территорию Гессена, власть нашего Верховного уже не достанет сэра Ричарда.

— Там свои Верховные? — поинтересовался я.

— Да, — ответил Эльрих хмурясь, ему очень не нравился мой не слишком серьезный тон. — Там другие...

— Надеюсь, там маги добре. Или хотя бы справедливее.

— Маги выше добра и обычной справедливости, — произнес Эльрих, как мне показалось, заученно. — Они — маги.

— Я бы на всякий случай, — проговорил король, и мы сразу умолкли, — советовал в Черро тоже не задерживаться возле причала. И тогда вас в самом деле не отыщут... А местным магам, если они есть, вы не интересны.

Эльрих вставил с кривой усмешкой:

— Пока сэра Ричарда не узнали.

Король кивнул.

— Хотя бы так.

Эльрих хмурился, в сомнении качал головой, но с королем спорить не решался. Судя по его виду, он с удовольствием выгнал бы меня из дворца прямо сейчас.

Вернувшись в свои покои, я выглянул в окно, ночь уже на второй половине, мне осталось часов пять-шесть, вряд ли больше, а потом ищи ветра в чистом поле Черро.

Я сказал себе, что чувствую тревогу, лишь потому надеваю доспехи, хотя на самом деле от липкого страха холдеют внутренности. С демонами иметь дело не приходилось, разве что с элементалем, да и то удалось договориться, иначе бы стер меня в порошок. К тому же элементаль — не демон, а эти парни из ада посерьезнее...

Доспехи у меня как раз не магические. И меч не магический. Как раз наоборот. Ариант стал святым, всю жизнь сражаясь с колдунами и демонами. Доспехи то ли изначально создавались святыми отцами для противодействия магии, то ли в процессе борьбы обрели нужные для святого воина свойства, но магия им нипочем. Как, кстати, и для меча Арианта.

Доспехи скрыли меня с головы до ног, я запер дверь и поставил стул посреди комнаты.

Напряжение и надвигающуюся опасность я ощущил, как животные ощущают приближение землетрясения. Видимо, что-то происходит, если за полчаса до первых толчков из домов, что обрушатся, выбегают, захватив вещи, тараканы, мурравьи, сверчки...

Я повернулся к стене и вперил взгляд в прекрасный гобелен.

лен, изображающий сцену с Амуром и Психеей. По ту сторону гобелена стена из гранитных блоков, да еще на немалой высоте, однако через пару минут оттуда, прямо из гобелена, вышел человек среднего роста, в плаще с капюшоном, что закрывает лицо до подбородка, пугающе спокойный и невозмутимый.

Я ощутил импульс встать, но озлился на себя и заставил сидеть, как сидел. Во-первых, я хозяин, а он непрошеный гость, во-вторых, я же маркиз, а он все-таки простолюдин, какой бы чертовщиной ни овладел.

Он остановился, руки смиренно скрещены на груди, из широких рукавов торчат худые бледные кисти с тонкими пальцами. Я чувствовал его удивление и беспокойство, с таким поведением он еще не сталкивался, наконец он заговорил глубоким голосом, непривычным для человека его сложения:

— Смертный...
— Все смертны, — ответил я.

Капюшон приподнялся, открывая худое аскетичное лицо с запавшими глазами.

— Кто ты? — спросил он. — Как посмел противиться воле мудрых и великих магов?

Я возразил, не поднимаясь со стула:

— Над всеми нами есть одна только воля. Чья, догадайся с трех раз. А твой маг мог бы пригласить вежливее. И я бы пошел. Я человек любопытный...

— Великий маг отдает приказы, — отрезал он. В пещерах глаз зажглись злые искры, наконец уловил, что я сижу, а он стоит, как провинившийся слуга перед хозяином. — А ты...

— А я приказы не принимаю от неизвестных, — ответил я. — Давай учись говорить вежливо. Ну?

Его лицо искривилось в злой гримасе.

— Ты пойдешь! Но не по своей воле.

— Что ж, — ответил я уже озлобленно, — попробуй заставить.

Лицо его перекашивалось все больше, я напрягся, это уже не гримаса, а жуткая судорога, рот расширился еще, брови сдвинулись, образуя мощные выступы, что превратились в костяные надолбы. Зубы во рту удлинились.

— Ну, — сказал я и неторопливо поднялся, — рожами меня не испугаешь.

Он моментально исчез, я не успел переключиться на тепловое, как незримые сильные руки сдавили мне запястья, а жаркое дыхание я ощутил за спиной. Я нагнулся, сильно сдвинул ногой назад, надеясь попасть в промежность, но ударили в голень, что само по себе тоже болезненно.

За спиной раздался звериный рев, хватка на руках ослабела. Я вырвался и, отпрыгнув, выхватил меч. Комната обрела причудливые очертания, самым ярким местом стали свечи, да еще в двух шагах с пола поднялась багровая фигура и, перестав реветь, даже дыхание задержала и начала приближаться ко мне с вытянутыми руками, нацелившись ухватить за горло.

Я до последнего мгновения смотрел в сторону, держа фигуру мага лишь краем глаза. Пальцы его почти коснулись меня, когда я как можно быстрее рубанул сверху вниз. Меч на миг ощущал сопротивление, на пол упали две срубленные по локоть руки.

От ужаса и боли маг стал видимым, он вопил и смотрел, как пальцы на полу еще сжимаются на невидимом горле. Из обрубков рук брызнули темно-красные струи.

Я вернул себе нормальное зрение и, оставаясь с мечом наготове, посоветовал:

— Останови кровь, дурак! Если не умеешь — помрешь.

Он забормотал заклятия, кровь течь перестала вовсе, на обрубках жуткие раны затянуло розовым мясом.

— Ну вот, получилось, — одобрил я. — Что-то да умеешь, хоть и дурак...

— Ты... ты...

— Свинья, — ответил я брезгливо. — Незнакомым людям не тыкают. Ладно, топай, дурак, к хозяину. Может, отрастит твои клешни... Я добрый до дурости, видишь? Надо бы прибить, а я размилосердствовался... К дождю, наверное...

Он попятился, не сводя с меня взгляда. Уже не к стене, а к двери, но остановился, забормотал. В комнате возник вихрь, закружился. Маг вступил в его середину, взлетели подхваченные ветром одежды, а капюшон залопотал, как флагок. Мага подхватило, словно сорванный с дерева листок, через мгновение все исчезло.

Я вложил меч в ножны, перевязь повесил на стену и, открыв дверь, крикнул стражникам, чтобы прислали слуг. С мокрыми тряпками. А то я все развлекаюсь, развлекаюсь, теперь хорошо бы затереть кровь и убрать всякие отрубленные клешни.

Стражи боязливо заглядывали в дверной проем, бледнели, шептали заклятия, хватались за амулеты.

— Ваша милость, ну и развлечения у вас! — пролепетал самый смелый.

— А если танцевать не умею? — возразил я.

— Это у вас там на полу... что?

— Он танцевал еще хуже, — сказал я.

Старший страж схватился за голову.

— Меня сошлют в Черро!.. Как я мог пропустить?

Я сказал успокаивающее:

— Гад прошел сквозь стену, вы ничего не могли сделать.

Он возразил со стоном:

— У нас амулеты и против таких!.. Почему мы не заметили?

— Применил что-то мощнее, — объяснил я. — Думаете, вот так вам маги дадут против себя оружие?

Слуги прибежали с мокрыми тряпками и тазиком с водой, тоже оцепенели, прикипели испуганными взглядами к отрубленным по локоть рукам в луже крови. Стражи впихнули их в комнату, те кое-как дрожащими руками вымыли пол и стерли красные брызги со стены. Отрубленное боязливо сложили в таз и унесли, держа далеко перед собой и отворачивая лица.

Эльрих появился не просто донельзя встревоженный, его просто била дрожь, а он пытался ее скрыть суетливыми потираниями рук, подергивал плечами и вообще двигался и жестикулировал слишком часто. Его сопровождали старшие слуги, он отослал их нетерпеливым взмахом руки.

Глава 9

Я виновато улыбался, мол, не я это начал, да и кровь уже замыли, так что инцидент исчерпан. Эльрих, глядя мне в глаза, покачал головой, словно прочел мои последние мысли.

— Это был в самом деле маг?

— Не знаю, — ответил я простодушно. — Может быть, у вас здесь слуги бегают сквозь стены... Чтобы напрямик.

Он тяжело вздохнул, лицо потемнело.

— Не знаю, как вам это удалось... но старший маг просто пошлет более сильного ученика.

— А у него их много?

Ему не понравился мой задиристый тон, поморщился, ответил с холодком с голосе:

— Ему служат даже могучие демоны. Против их мощи ничто самые сильные воины или даже армии воинов. Так что, маркиз, у вас нет шансов. Я прошу вас поскорее покинуть этот замок, потому что более сильный посланник мага может заодно разрушить и весь дворец до основания. Для магов это все равно что разрушить муравиную кучу.

— Я понимаю вас, барон, — сказал я. — Все-все, собираюсь и убегаю.

Я быстро сбросил нарядный кафтан, стесняет движения, метнулся к луку, что буквально ожило в моих руках, истосковавшись по человеческому прикосновению.

Эльрих учтиво поклонился и, не желая стеснять меня пристальным взглядом, сказал осевшим голосом:

— Я подожду вас в коридоре.

— Я не заставлю вас ждать, — заверил я.

— Да уж, — ответил он как-то неопределенно и вышел, плотно прикрыв дверь.

Я быстро сорвал со стены перевязь с мечом и перекинул через плечо. Когда застегивал черный металлический пояс, в комнате блеснуло зловеще-красным. По стенам пробежала жуткая багровая тень, словно во дворе вспыхнул пожар, исчезла, в комнате прежний умиротворяющий свет, но сердце мое уже колотится, как у пойманного воробья.

С неба упал багровый луч, расширился, образовав светящийся круг на плитах двора. Празднично одетый народ с криками шарахнулся, топча друг друга и дам, а в светящемся круге появилась ярко-красная массивная глыба. Некоторое время ничего не происходило, затем глыба шевельнулась, и я увидел, что это гротескное подобие человека: в полтора раза выше, втрое шире. Чудовище не поднялось на задние лапы, как я ожидал, а двинулось на четырех в сторону дворца.

Народ разбегался, а кому бежать некуда — пугливо жались к стенам. Демон подошел к дверям, я свесился из окна, наблюдая за его скучными движениями. Демон даже не попытался открыть, ворота затрещали под его весом и рухнули с надсадным скрипом, а он исчез в проеме. Я отскочил от окна и принял поспешно довооружаться, а меч сразу обнажил и взял в руки.

Сквозь запертые двери раздавались испуганные вопли, топот убегающих. Время от времени слышался грохот вышибаемых дверей. Я отошел на середину комнаты, меч держал обеими руками. Демон огромен и с виду неуклюж, но я знаю, как быстро иногда двигаются крупные люди. Или существа.

В коридоре послышались тяжелые шаги. На столе начали подпрыгивать затейливые фигурки, а свечи испуганно замигали. Я не успел даже удивиться, с чего мигать магическим свечам, как раздался сильный удар. Незапертые двери распахнулись и ударились о стены.

В зал вдвинулся, едва не задев спиной и головой косяк, багровый с окалиной по всему телу демон. Он шел на четвереньках, но и в таком положении оказался с меня ростом. Под ним потрескивали и прогибались каменные плиты.

Я крикнул предостерегающе:

— Эй-эй, ничего не перепутай!

Демон распахнул жуткую пасть, с этими крупными зубами она показалась мне ковшом экскаватора. Я услышал низкий рев:

— Ты... должен умереть...

— Так я и умру! — крикнул я. — Когда-то. От старости! Он ревнул, приближаясь:

— Хозяин велел принести твою голову.

— Ну так и неси! — отпарировал я. — Но никто не велел отрывать тебе ее от тела! За это хозяин тебя накажет!

Он остановился на миг в нерешительности, затем проревел уже тише:

— Тащить... всего?

— Тащи, — подтвердил я, — но не повреди тело!.. За это накажут!

Он ухватил меня за плечи обеими лапами с неожиданным проворством. Я ударил мечом обеими руками снизу,

острое лезвие с трудом пронзило его толстую шкуру и плоть. Демон взревел, отпрянул, я едва успел выдернуть меч и тоже поспешил отступить на шаг, упервшись в стену.

От жуткого рева в комнате поднялся ветер. Магические свечи затрепетали сильнее и погасли. В комнате разлилась чернильная тьма, я поспешил создать шарик света, он поднялся к своду и давал ясный нейтральный свет.

Демон все еще в середине комнаты, на груди кипит широкая оранжевая рана, желтые струйки вытекают и быстро застывают красными наледями. Рана на моих глазах затягивается, я понял, что будет дальше, подскочил и рубанул демона по голове... он закрылся лапой, лезвие рассекло когтистую пятерню, и новый жуткий рев всколыхнул дворец. Я замахнулся снова, демон прыгнул. Я успел ударить мечом, но от сильного толчка отлетел к стене, ударился с такой силой, что все тело пронзили тысячи ножей.

Я слышал, как затрещали кости, во рту полно крови. Я откатился, успел подняться на колено, демон навалился, я снова вонзил меч, демон зарычал, попытался отстраниться, я тоже дернул меч на себя, но едва высвободил, ударили снова, а потом еще и еще.

Оранжевая кровь из демона хлестала струями и застывала на полу металлическими брызгами. Там вспыхивали огоньки, запахло горелым. Он сообразил наконец, что единственное спасение от боли — покончить со мной побыстрее, бросался и пытался достать лапами, пастью, или хотя бы сбить наземь корпусом. Я рубил и жалил мечом, но вскоре выдохся, а лютая боль то и дело стегала по телу с такой силой, что едва не терял сознание.

Не знаю, сколько мы так дрались, у демона регенерация, у меня она же, наконец я исхитрился сильным ударом отрубить когтистую пятерню. Она упала наземь с таким звуком, словно грохнулась стопудовая гиря. Демон ревел и надвигался, я жадно хватал ртом воздух. Сильный удар сбил меня на землю, но теперь я видел слабое место гада и, даже лежа на полу, ударил из всей силы по задней лапе.

Лезвие срезало в самом тонком месте, хотя лапы демона, как колонны в античном театре. Он взвыл, захрипел, словно

подавился, а я откатился и вскочил на ноги. Меня шатало, стены качаются из стороны в сторону, от дыма першил в горле.

Я прохрипел:

— Убирайся... И передай своему хозяину...

Демон проревел:

— Ты... умрешь...

— Не говори «гоп», — прохрипел я.

— Ум... решь...

— После тебя, — ответил я.

Он поворачивался на месте, не в силах двигаться, вместо передней правой и задней правой теперь одни культи, я замахивался, заставлял его дергаться, наступать на раненые лапы и реветь от боли. Когда он, ослабев, перестал отмахиваться, я нанес два быстрых жалящих удара. Он прыгнул в мою сторону, а я, собрав все силы, сбоку ударил по толстой шее.

Лезвие рассекло до середины; я думал, там и застрянет, но меч словно обрел собственную волю, бритвенно-острая сталь прошла насеквоздь этот багровый кошмар. Голова отвалилась, из обрубка шеи плеснуло струей горячего металла.

Я отпрыгнул, когда голова с тяжелым металлическим стуком ударила о пол. Рев мгновенно умолк, от наступившей тиши заломило в ушах.

— Зря сказал гоп, — прохрипел я устало расчлененной тушей, — я еще тот гопник...

Ноги подкашиваются, я тяжело опустился в кресло и, поставив меч между ног острием в пол, оперся гудящими от усталости руками. На полу безобразно бугрятся металлические наплывы и брызги. Отрубленная голова с застывшими в изумлении глазами лежит у самых ног, а конечности разбросаны по залу. Дым постепенно вытягивается через окна.

В распахнутые двери осторожно заглянула голова в шлеме, исчезла. Послышался топот ног, крики, я даже не понял: испуганные или радостные. Наконец вбежал Эльрих, помятый и запыхавшийся. Глаза его расширились, когда увидел меня, отдыхающего после моих развлечений, а посреди комнаты застывшую груду металла. Отрубленные конечности еще сохранили очертания передней и задней лапы, но уже прикипели к каменному полу, пропалив ковры.

— Немножко напачкал, — сказал я виновато. — Но по-жара нет!..

— Как вы...

Я с усилием поднялся и вежливо поклонился.

— Сэр Эльрих, я уже собирался выходить, как этот... это существо вломилось как-то даже грубо, по-хамски... Никакого политеса от таких существ! Даже не поклонилось, хуже простолюдина. Я искренне сожалею! Как смогу, постараюсь возместить... Если в моих силах, конечно.

Он, не слушая, смотрел в ужасе на превратившегося в груду металла демона.

— Это же рэдфаейр!

— Красивое имя, — согласился я. — Как у женщины. Правда, что-то в таком имени... гм...

В дверной проем заглядывали люди. Одни сразу отскакивали, завидев отрубленную голову, другие опасливо входили, держась поближе к стенам. Наконец послышался звон жезла, по коридору пропали рослые стражи, и в зал вошли король Хенрих и герцог Людвиг.

Я видел, с каким изумлением они оглядели отрубленные лапы и голову. Герцог еще ахал и отдавал распоряжения слугам, суетливо указывая, что и как делать, а король внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Снова вы, маркиз...

— Я уже собрался уходить, — сказал я, оправдываясь. — Ну вот уже прям был в дверях, когда этот... это... ну, этот небежда вломился, даже «драсте» не сказал, скотина.

Король вскинул брови.

— В ночь?

Я не понял, переспросил суетливо:

— Куда-куда?

Эльрих пояснил торопливо:

— Это я настоял, чтобы маркиз срочно покинул дворец. В целях безопасности Вашего Величества.

Король подумал, я уж решил, что благородство поборет, но король лишь кивнул.

— Да-да, верно. И что, демон перехватил на полдороге?

Эльрих развел руками, а я сказал:

— Да. Он перехватил меня, а я перехватил его. По крайней мере, голову и лапы отхватил.

Герцог торопливо подошел к нам, запыхавшийся от волнения.

— Сэр Ричард! Но... как вы его уничтожили? Это же невозможно! Это же рэдфаир!.. Да еще такой огромный...

— Как видите, — ответил я, — человек раздвигает пределы возможного. Хотя, конечно, демоны бессмертны. Но и люди бессмертны... в какой-то мере.

Герцог повторил:

— Невероятно... Никто еще...

Эльрих прервал тревожно:

— Завтра он же вернется. Но в следующий раз будет осторожнее.

Я поинтересовался:

— Что, здесь демоны такие?

— А где они другие, — ответил он нервно. — Когда убиваешь демона, его уносит в ад. За сутки восстанавливает силы и... начинает новую охоту. Только во второй раз так легко не убить.

— Ничего себе легко, — пробормотал я. — Я уж и не знаю, что тяжелее.

Эльрих сказал быстро:

— Это только цветочки, сэр Ричард! Вы, как я вижу, мало знаете о демонах...

— Почти ничего, — признался я. — Делайте скидку на мое медвежество...

Эльрих вздохнул.

— Сэр Ричард, меня потрясает не ваше медвежество, а ваше невежество.

Король, что наблюдал, как слуги и воины пытаются отодрать от пола прикипевшую гору металла, сказал отстраненно:

— А ты просвети маркиза. Думаю, ему это пригодится.

Эльрих вздохнул.

— Ему? Еще бы!.. Только успеет ли осознать? Сэр Ричард, когда-то в этих краях жил маг Троний, он подчинил себе десяток демонов и вздумал завоевать мир. С легкостью покорил пять или шесть королевств, но в одной из земель встретил странствующего чародея, что не признал его вла-

сти. Троний велел демонам схватить и подвергнуть мучительной смерти наглеца, однако у странствующего чародея демонов в услужении оказалось втрое больше. Троний был повержен, наказан долгой и мучительной смертью, а тот чародей сказал тогда, что как хорошо, что он сам не поддался такому же соблазну. Ведь где-то может оказаться маг и сильнее...

— Это наш маг? — спросил я и, озлившись, что признал его как бы и своим, уточнил: — Маг королевства Гессен?

Эльрих кивнул.

— Да. Это и есть Гатонес, Великий Маг королевства Гессен. А также королевства Бекштайна, у которого с вашей помощью удалось отобрать город Роган, а также Блэйн. Гатонес еще в молодости сумел заполучить редчайший манускрипт с древней магией, с той поры расшифровывает старые записи, узнает имена демонов и вызывает их в жестокий материальный мир. Сколько ему служит демонов, никто не знает. Никто не знает, как велика их сила. Возможно, он уже в состоянии захватить весь мир. Известно только, что с тех времен, как он победил Трония, его сила многократно возросла.

Я зябко передернул плечами.

— Судя по тому, что один из его людей так просто прошел все магические защиты королевских плащеносцев, можно сказать, что не ослабел.

— Маг не пошлет против человека сильных демонов, — заверил Эльрих. — Это известно.

— Почему?

— Как почему? Человек и так беззащитен. Амулеты, которыми нас снабжают маги, защищают нас только друг от друга, но не от магов.

— Ага, демоны только для борьбы с другими магами?

— Точно, — подтвердил Эльрих. — Их войны несравнимы с нашими.

В помещении стоял грохот, пристывший к полу металл отбивали молотами, подрубывали долотами и стальными клиньями. Каждую каплю железа тут же уносили, а когда удалось отколоть основную глыбу, правда, вместе с приварившимися к ней кусками камня, набежали с веревками дюжие

мужики и, обвязав со всех сторон, начали выволакивать в коридор.

Король угрюмо наблюдал за работами, в его присутствии все лезут из кожи, пыхтят и едва не рвут жилы. Эльрих сказал настойчиво:

— Не задерживайтесь, маркиз. Дело не только в нашей безопасности, хотя я, конечно, думаю прежде всего о ней, но и в вашей. Вполне возможно, до отлета багера к вам заглянет еще кто-то. Посильнее.

Король обернулся, кивнул.

— Барон прав. Если такое случится, то не думаю, что следующий будет слабее.

— Еще бы, — пробормотал я. — Нет уж, я лучше пойду. Простите, Ваше Величество, что испортил вам сон. И вы, сэр Людвиг, простите, что отплатил вам за гостеприимство так вот... нехорошо.

Герцог отмахнулся.

— Да ерунда, здесь все быстро починят. Но вы в самом деле поспешите. Кто знает... В другой раз так сказочно не повезет.

— Да-да, конечно!

Дело не в везении, мелькнула быстрая мысль. Везет, это когда выпадет не по заслугам, а по случайности. Они считают, что мне везет, потому что видят во мне такого же, как они — недалекого малого, ограниченного, с замедленной реакцией... впрочем, нормального для этой эпохи, с неразвитыми рефлексами, точно так же ощущую нащупывающего себя путь в кромешной тьме.

Но я не в темноте, мне знакомо не только настоящее, но и будущее этого мира, по крайней мере, вижу несколько путей и даже могу сказать, где и в каком какие ожидать ямы, ухабы, рытвины и даже ловушки. И с кем бы я ни встретился, обычно вижу больше, чем увидит любой здесь, и обычно мне удается воспользоваться преимуществом.

Так что говорите про сказочную удачу, что мне сопутствует, но я знаю, что это не удача. Удача — для слабых. Успех — для сильных.

Я поправил за плечами меч и лук, улыбнулся всем, отвел церемонные поклоны.

— Спасибо за все! А багер я лучше дождусь возле посадочной площадки. До утра не так уж и далеко.

Они все смотрели, как я шагнул к двери. В коридоре послышались тяжелые шаги, от которых начали вздрогивать стены, а одна из картин сорвалась и повисла на одном гвозде, раскачиваясь, как маятник.

Эльрих вскрикнул горестно:

— Поздно!

— Кто бы он ни был, — ответил я с напряжением в голосе, — он пришел за мной. Я отвлеку, а вы уходите...

Глава 10

Шаги приближались, я сам судорожно дергался, хватался то за рукоять меча, то за молот, ощупывал пояс. Грохот по ту сторону двери достиг такой силы, словно там шагает стотонный кран...

Треск, грохот, половинки двери разлетелись в щепы, а в дверной проем втиснулся, нагнув голову, каменный голем: широкий, с толстыми руками из серого гранита, что достигают пола, сделанный грубо, но с той мощью, что заставила мою кровь похолодеть, будто я рептилия на морозе.

Голова его, представляя из себя гранитный блок, сдвинулась на плечах, я не сразу рассмотрел щели для глаз. Там блеснуло рубиновым огнем, я отпрыгнул, инстинктивно ожидая лазерный луч, но голем просто шагнул в мою сторону.

— Погоди! — крикнул я отчаянно. — Ты кто? С какой целью?.. Мы договоримся...

Его громадный кулак метнулся ко мне быстро, слишком быстро. Я не ждал, что рука дотянется чуть ли не через комнату, в последний миг пытался уклониться, однако кулак ударили меня в плечо.

Острая боль пронзила тело, послышался хруст и треск, я взлетел в воздух и, пролетев через комнату, ударился о стену. Острая боль сменилась холодом, регенерация спешит срастить переломанные кости и разорванные связки, а я, беспомощно распростертый, смотрел, как чудовище из гранита, не останавливаясь, шагнуло ко мне.

Эльрих подхватил короля и герцога под руки и выскочил с ними за спиной монстра в коридор. Я дрожащими пальцами сорвал с пояса молот и торопливо метнул из положения лежа. Молот ударил голема в грудь, тот вздрогнул, остановился, но через пару мгновений шагнул снова.

Я уже поймал молот и швырнул, успев подняться на колено. Удар пришелся в лоб, голем качнулся, остановился, даже лапы опустились к полу, но после паузы снова пошел на меня тяжелыми обрекающими шагами.

— Умри! — крикнул я и, уже поднявшись на ноги, швырнул молот из всей силы. — Умри, гад!

Молот ударил в середину груди. Впервые послышался сухой треск раскалывающегося камня. Пробежала трещина, но голем ухватился за бока лапами, сжал, вспыхнула огненная дорожка и протекла струйка расплавленного камня. Трещина исчезла, оставив бугристый каменный шрам.

Я поймал молот и швырнул снова.

— Да сдохни же, сволочь!

Треск, голем содрогнулся, даже отступил на шаг, чтобы не завалиться навзничь. С силой брызнули мелкие осколки. Я поспешил поймать молот и бросил, целясь в голову.

— Сдохни, тварь!

Удар, сухой треск, камешки стрельнули во все стороны. Голова каменного демона треснула и развалилась, каменная крошка взвилась над плечами. Я снова поймал и бросил молот. Демон вскинул лапы, пытаясь перехватить, я замер, когда исполинская ладонь встретила молот, а каменные пальцы сомкнулись, как огромный капкан.

Раздался треск, брызнули каменные осколки, а молот описал дугу и ринулся ко мне.

— Молодец, — выдохнул я с облегчением. — Какой умница...

Внутри голема прогрохотало, словно задвигались перетираемые камни. Правую лапу раздробило по локоть, но он и ею пытался перехватить молот, слепо размахивая перед собой.

— Сдавайся, — крикнул я. — Хотя на хрена мне пленные?.. И вообще на диверсантов женевскость не распространяется...

Я ловил молот и тут же швырял с удвоенной силой. Степ-

ны вздрагивают от грохота, с шумом срываются картины: одна упала на пол, еще две повисли, раскачиваясь на одном гвозде.

Сустав плеча заныл, весь пол усыпан блестящими на сколах каменными обломками, но последний удар сотряс голема, и его скальная грудь раскололась. Пол вздрогнул от тяжелого удара, половинки дергались и шевелились, я безжалостно швырял молот уже с близкого расстояния, мелкие осколки свистели по комнате, несколько раз ударили по мне, прорывая одежду.

Я с трудом поймал измученной рукой молот, задержал над головой для броска. Блаженная тишина, и только теперь я ощутил, какой грохот разносился раньше по всему дворцу.

Сердце вылезает через горло, я жадно хватал пастью воздух, но когда в коридоре появился первый человек, дрожащий и пытающийся спрятаться даже за висящие на стене картины, я махнул ему и произнес почти нормальным голосом:

— Давай другую бригаду. Еще одного выносить надо.

Человек прошептал испуганно:

— Вы его...

— Ага, — сказал я. — Вот именно.

— А что с ним?

— Загляни, — предложил я. — Снова вам работа. И тоже... по частям.

Он заглянул, его затрясло, в ужасе отпрянул.

— Великий Самаэль!.. Что вы с ним сделали?

— Душу искал, — сообщил я. — Вот всю жизнь мучился вопросом, есть ли у голема душа?

— И... как?

— Не нашел, — ответил я со вздохом. — Правда, может быть, совсем мелкая? И в каком-то из обломков?

Его тряслось, а в коридоре как будто кто-то пробежал на большой скорости, но не слышно ни привычного топанья, ни звона металла. Я сказал подбадривающее:

— Ты ведь самый храбрый, верно?

— Ну да, — ответил он, бодрясь. — Другие там внизу прячутся. А кто-то и вовсе сбежал.

— А ты герой, — сказал я. — Иди и скажи, что все закончилось. Пусть захватят носилки.

Он возразил все еще дрожащим голосом:

— Такое... ни одни носилки не выдержат!

— Тогда пусть захватят молоты, — рассудил я, — и прочее дробящее оружие. Можно из каменоломен специалистов привезти. За помилование эту гору в щебень перетрут! Впрочем, это уже не мое дело: Я пошел, пошел, пошел...

Он остался осматривать каменную гору, а я вышел в пустой коридор, даже королевских стражей как выдуло сквозняком, спустился по лестнице, и только внизу из одной комнаты выглянула голова, оглянулась и прокричала кому-то:

— Вы не поверите!

— Не поверят, — согласился я. — Правда, я сам не очень-то верю...

Из той же комнаты опасливо выглянул Эльрих, ахнул, всплеснул руками.

— Сэр Ричард!

— Вы как будто не рады, — сказал я с укором.

Он покачал головой, в глазах изумление и затаенный страх.

— Я изумлен, это другое. Я видел, как вас уже совсем почти... Я вообще-то рад за вас. Но демон мог разнести весь дворец в щебень!

— Уже не разломает, — заверил я.

Он сказал просительно:

— Маркиз, покиньте дворец как можно быстрее! Пусть следующая схватка, если она состоится, будет отсюда по-дальше. И желательно на открытом месте. Землю сломать не так просто.

— Да, — согласился я. — Об этом еще Диоген говорил.

— А это кто?

— В другой раз объясню, — ответил я. — А сейчас не останавливаюсь, иду дальше. И не уговаривайте!

Еще одна дверь распахнулась, король появился в окружении телохранителей, с ним герцог Людвиг и высокая статная женщина, королева Адельгейда фон Брауншвейг-Люнебург.

В глазах короля я увидел страх и восторг одновременно. Он сказал торопливо до того, как я успел склониться в почтительном поклоне:

— Маркиз Ричард, вы мне понравились сразу... Но что я

могу сказать... Власть магов в моем королевстве, как и во всех, которые я знаю, не оспаривается. Ни один король не может сказать даже слова против. Маг просто сотрет его в порошок. Может стереть даже с королевством.

— Ого, — воскликнул я невольно. — Черт, какая я сволочь, что подставил и вас под удар!

— Вы же не знали, — пояснил мне король, словно мне это надо пояснить. — У вас, говорите, даже багеры не ходят?

— Да, такой у нас заброшенный мирок, Ваше Величество.

— Трудно себе такое представить, — произнес он.

Я развел руками.

— Ваше Величество, я устал всем повторять, что я из глухого медвежьего угла. Мне стыдно, я слишком многоного не знаю. Но я уже узнал и научился за последний месяц больше, чем за всю предыдущую жизнь.

Королева сказала сухо:

— Думаю, много узнать вам не придется, если задержитесь здесь. Демоны не теряют след. Рано или поздно чьи-то пальцы сомкнутся на вашем горле, сэр Ричард. Я бы вам советовала вскочить на коня и мчаться во весь опор. В любую сторону.

— Разумно, — согласился я. — Ваше Величество, вы, должно быть, счастливы, у вас такая заботливая супруга. При всей симпатии ко мне она готова сама удавить меня голыми руками, только бы демоны случайно не задели вас.

Король криво улыбнулся.

— Короли не принадлежат себе.

— Я понимаю, Ваше Величество, — ответил я с поклоном. — И потому покидаю вас немедля.

За спиной я услышал вздох, то ли облегчения от королевы, то ли сожаления со стороны короля. В коридоре я ускорил шаг, здесь я без Зайчика, на котором мог бы опередить противника хоть на неделю пути, однако не сделал и пяти шагов, как услышал за спиной:

— Сэр Ричард!

Король сам подошел, сделав знак остальным не приближаться, спросил негромко:

— Но почему? Почему, сэр Ричард, вы не захотели богатый и благополучный город Блэйн, а предпочли разоренный

и очень опасный маркизат? Мне, как королю, это важно. Что я упустил? Заверяю, что бы вы ни сказали, маркизат все равно ваш.

Он смотрел пытливо, умный монарх, очень непрост, я за колебался с ответом, любую ложь ощутит сразу, но и открываться же не станешь только потому, что спрашивает вообще-то хороший человек.

Я покряхтел и сказал осторожно:

— Ваше Величество, а вам никогда не хочется... бросить все эти государственные дела хоть ненадолго, выйти из дворца неузнанным и... то ли в кабак, то ли к гуляющим девкам?

Он воскликнул шокированно:

— Сэр Ричард, как можно?

Но я ощутил некоторую заминку в его ответе, да и в глазах на миг промелькнуло нечто такое-эдакое, что я отступил лишь на шагок и повторил:

— Хоть ненадолго?... Когда все благополучно?

Он нахмурился, зыркнул по сторонам, я видел, как государственность борется с жаждой хоть раз поделиться накипевшим с человеком, который поймет, наконец ответил со вздохом:

— Сэр Ричард, я понимаю вас. Человек слаб. Он почти всегда стремится избежать работы, только воля и осознание долга заставляют его трудиться и трудиться. Так что... как бы мне чего ни хотелось... увы, я — король, а это значит — должен работать круглые сутки. А быть королем — это в первую очередь сочинять указы, предписания, законы, подписывать, исправлять, изменять, судить и рядить, помнить только о благе королевства, а не о том, что жаждется самому...

Я поклонился с огромным уважением. Когда поднял голову, встретил удивленный взгляд, король видит, что я поклонился именно потому, что захотел поклониться.

— Вы великий человек, — произнес я с завистью. — Вашему королевству повезло.

Он спросил с удивлением:

— Это вы к чему, сэр Ричард?

Я развел руками.

— Увы, Ваше Величество, а я вот не могу быть все время отцом народа. Иногда вот, как видите, срываюсь. Кабаки,

веселые и доступные девки, мордобой, простейшие приключения... Позвольте откланяться, Ваше Величество.

Он вздохнул.

— Тогда понятно, почему вы так рветесь в маркизат.

Я быстро вышел, пока он до конца не понял, что я сказал на самом деле.

Глава 11

Выбираться из дворца пришлось через черный ход, но и там народные гулянья, что-то уже воротит от них, вроде бы не потемкинские, все веселятся от души, но как-то уж слишком...

На всякий случай я закутался в плащ и опустил капюшон, дескать, иду тайком на любовное свидание к замужней dame, вы уж меня не замечайте, и в самом деле, все старательно не замечали, вот такой характер у нас сволочкой: скопее убегающему вору поможем, чем милиции.

Попетляв малость, я выбрался за пределы города, темно, хоть глаза выколи, так что мне самый раз, спустился в первый же овражек, наломал веток с кустов и разжег костер.

— Серфик!.. Явись!

Через мгновение над ухом прозвучало тоненько:

— Я здесь, хозяин!

— Прыгай в огонь, — сказал я. — Для тебя разжег.

— Правда? Спасибо, хозяин.

Крохотная искорка метнулась в пламя. Я всматривался в дергающиеся языки огня, но малютку-демона не увидел. Толстые сучья начали превращаться в пурпурные угли, там самый жар, Серфик явно сидит вон на той красной, как огромный рубин, глыбе, даже глыбище...

— Серфик, — сказал я, — делать мне нечего, жду утра и прихода багера, так что буду приставать к тебе с вопросами. Скажи, а здешние демоны... вроде тебя?

— Нет, я самый маленький!

— Я не о размерах, — пояснил я. — Я думал, все из огня или там вихря. Сегодня узнал, что бываете еще из камня.

Он пискнул:

— Нет, мы разные. Много таких, как я... похожих на человека, но много совсем непохожих. Никто не знает, почему Древние Маги творили нас такими разными.

Ага, подумал я. Одни умельцы творили демонов, взяв за пример Господа Бога, то есть по своему образу и подобию, а другие изошлялись в придумывании разных форм, демиурги хреновы.

— Вы являетесь сами или по зову мага?

Он пропищал:

— Только по зову! Ни один демон, даже если бы очень хотел, не может войти в мир людей без зова его хозяина. И никогда не мог. Такова природа демонов — только по зову, только по приказу. Ни один демон не может ничего сам, без приказа хозяина. Когда приказ — ослушаться невозможнo. Потому всякому из нас так страшно попасть в полную власть человека!

В его комарином голоске звучал откровенный ужас и отчаяние. Я подумал, спросил:

— А вы что, обязаны повиноваться?

— Да, господин!

— А увильнуть?

— Никак, господин!

— А как насчет того, чтобы отказаться прийти на зов?

Он пискнул:

— Как?.. Слово чародея нас лишает своей воли! И делает с нами все, что он желает.

Я снова подумал, поинтересовался:

— Но большинство демонов вообще-то свободны? Стальные записи погибли вместе с творцами. Теперь никто не знает ваших имен!

— Господин, — пропищал он, мне послышался горестный вздох, — в руинах старых городов все еще находят древние манускрипты! В некоторых запрятаны имена демонов. И хотя там записано другими знаками, но маги все-таки добираются до сути... И стоит им назвать вслух правильное имя демона, тот мгновенно превращается в его бессловесного и покорного раба. Эти древние записи — самое ценное, за чем всегда охотятся люди. Потому что власть над демонами...

— Да, — сказал я, — представляю. Это да, действительно власть. Не чета королевской.

— Маги, — донесся слабый голосок, — вся сила у магов.

— Рассказывай, — велел я.

— О чём?

— Все, что знаешь. О магах, о демонах. До утра еще есть время.

Он рассказывал, что знал и как понимал, а для этой крохи знал удивительно много. Наверное, потому, что другого ничего не мог, служил кому-то просто забавой, а забавник должен знать больше, чем двигающий горами голем.

И хотя приходится пробираться сквозь его рассказы, как темной да еще и туманной ночью через лесные буреломы, я все же смутно улавливал смысл, в некоторых моментах достраивал сам, соединяя куски.

Похоже, в этом мире плечом к плечу шли, соревнуясь, технологии и биотехнологии. Одни инженеры придумывали новые железки, другие копались в геноме. И, видимо, откопали те резервы, которые давали возможность усилием мысли управлять как механизмами, так и более сложными процессами. В богатом технологиями мире такое не даст заметных преимуществ, просто прояснилась одна из многих граней человеческих возможностей, но когда вся технология рухнула...

Но тогда почему не все стали магами? Скрытые возможности в каждом... Я слушал, задавал вопросы, пробирался через туманные объяснения, что и не объяснения вовсе, но все же информация, сдирал шелуху и чувствовал, что разгадку улавливаю спинным мозгом больше, чем головным, вот такой из меня интеллектуал.

Возможности есть в каждом, но почему один качается, учит языки, поступает в вуз, потом получает еще и второе высшее, а одноклассники с пивком и гитарами расслабляются на лавочке? Даже самое простое: управлять механизмами с помощью мысли — труднее, чем щелкать пультиком ДУ. Тем более мысленно входить в инет, находить нужный материал, копипастить в кратковременную или долговременную... Для этого нужна долгая тренировка и дисциплина ума.

Технари лишней работы не любят, такое развивали поме-

шанные на генетике и упорядочивании внутренних ресурсов. После катастрофы именно они управляли механизмами и процессами с помощью мысли, старательно записывали, как это делается, для будущих поколений. Те понимали едва ли пятую часть, но старательно заучивали формулы. Когда смеялилось несколько поколений, эти записи стали выглядеть тайнами магов. Большая часть инструкций гибла в начавшихся набегах одичавших шаек, а чтобы спасти остатки, их переписывали и прятали, каждый раз делая массу ошибок, а то и совершенно искренне «поправляя» и по-своему объясняя непонятные места...

Темное небо на востоке начало светлеть, так же неспешно зарозовело. Замедленно всплыл, продавливая плотную атмосферу, крохотный ярко-оранжевый шар, совсем не тот распухший багровый гигант, размытый и покрытый окалиной, каким прятался за горизонт вчера.

Костер прогорает, крупные, как кулак, багровые угли выглядят горкой сказочных рубинов. В глубинах пробегают крохотные оранжевые искорки, не то огненные муравьи, не то крохотные человечки.

Я даже наклонился, стараясь рассмотреть, вдруг в самом деле человечки иной жизни, но опомнился, рассердился на себя. Не до человечков, когда вот-вот отыщут демоны помощнее тех, кого и так одолел почти чудом.

— Иди отдохай, — велел я. — Хорошо тебе, для тебя нет расстояний... В смысле, по свистку в любую точку.

Серфик пискнул:

— Да, господин.

— Завидую, — сказал я.

Серфик исчез, я забросал землей пурпурные угли и поднялся.

Солнце уже залило расплавленным золотом темную долину, здания вспыхнули, засверкали, но город еще спит, как всякий гуляка, что шлялся всю ночь по пьянкам, танцам и бабам.

Несколько человек поднимаются по ступенькам башни.

Я даже издали видел, что зевают, трут кулаками глаза и продолжают бороться со сном.

Я наддал, судя по этим соням, багер вот-вот придет. Такие лодыри не станут появляться заранее. Тем более что по приходу багера можно сверять часы.

Высоко в небе показалось темное пятнышко. Мне достаточно было одного взгляда, чтобы понять, никакой это не орел или птеродактиль, а транспортник, на который я, похоже, опоздаю. Ветер зашумел в ушах, я понесся так, что Зайчик позавидовал бы, вскоре разогрелся, как железо в горне, начал хватать ртом воздух.

Ноги отяжелели, но я заставил их двигаться еще чаще, транспортник ждать не будет, он вообще не замечает пассажиров, скотина бесчувственная.

На причал уже поднялось немало народу, все вельможи. Двое все еще спешно спешили вверх по ступенькам. Задыхаясь, я подбежал к лестнице, выпрыгивающее сердце едва не разорвалось, когда я увидел, что никто меня не встречает, а ведь Эльрих обещал...

Прыгая через две ступеньки, я взбежал на платформу в тот момент, когда транспортник дрогнул и начал отодвигаться. Не раздумывая, я оттолкнулся с силой... как я думал, прыгнул. И хотя щель невелика, однако усталые ноги не дали толчка.

Я сорвался в пропасть и едва успел ухватиться за борт транспортника. Чьи-то руки ухватили меня за локти, я кое-как взобрался и упал на металлический пол, жадно разевая рот. На меня с любопытством смотрел тот же немолодой офицер в форме королевских войск, который подавал мне руку на драккаре.

— Спасибо, — сказал я ошарашенно. — Спасибо, сэр Рейфершельд. Не рассчитывал снова вас встретить.

Он засмеялся.

— Я тоже.

— А что случилось?

— Срочный приказ Его Величества.

— Почему?

Он развел руками.

— Теперь это моя миссия — сопровождать вас. До самого маркизата.

— А сам... барон Эльрих? — спросил я, разбушевавшееся сердце пытается проломить грудную клетку. Я поднялся, ноги все еще свинцовые. — Он обещал сопровождать...

— Остался, — ответил он коротко. Взглянул на меня, добавил: — У вас там кое-что произошло. Думаю, король его не отпустил.

— Ну да, — проговорил я хрипло, — еще бы... Вы, кстати, рискуете, помогая мне. У меня появился противник, куче некуда.

Он кивнул, лицо оставалось неподвижным, только шевельнулись губы.

— Я знаю. Но у меня свой интерес.

— Какой? — спросил я настороженно.

Он ответил спокойно:

— Его Величество объявил нам, что вас нужно встретить у причала и отвезти в маркизат Черро. Никого заставлять он не хочет, потому что у вас есть могущественные враги, могут настичь вас и на багере.

— И что?

— Половина отказалась, — ответил он с хмурой усмешкой.

— Я их понимаю, — сказал я. — Лишиться жизни, когда она вся — карнавал... Но половина решилась?

— Да. Тогда Его Величество уточнил, что вы в опале у Великого Мага. После чего отказались почти все.

— Гм... это и понятно.

Он кивнул.

— Наконец Его Величество добавил, что Великий Маг уже посыпал против вас демонов. И что вас наверняка убьют. Потому всякий, кто сопровождает вас, тоже в опасности. После этого последние два офицера отступили в строй. Остался я.

Я спросил заинтересованно:

— А вам жизнь не дорога?

Он пожал плечами.

— Мне обещано, если доставлю вас в маркизат, повышение в чине. Мне бы уже пора.

Я взял его за руку и потряс.

— Вы — настоящий мужчина! Карьера — главное. Кто мы без карьеры?

Он улыбнулся.

— Его Величество разбирается в людях.

Город остался далеко внизу, транспортник быстро поднимается, одновременно начиная уходить в сторону. Рефершельд отошел к пассажирам, я крепко держался за край борта. Ощущение такое, что трогаю старинную чугунную пушку, выкопанную из развалин, где пролежала сотни лет. Изъеденная коростой и мелкими кавернами поверхность, множество мелких потеков, словно этот транспортник не единожды проходил через непонятно какое горнило.

Я сперва страшился невысокости борта, ну что за высота, мне до пояса, хороший рывок — и кувыркнусь с этого багера, однако воздушный транспортник идет с постоянным медленным ускорением без рывков и дерганья.

Мои пальцы ощупывают борт с таким вниманием, словно я всю жизнь мечтал вот так его пощупать, но, будучи хоть и не подозрительным, а осторожным, просмотрел всех-всех пассажиров на предмет какой-либо скрытности. Амулеты и талисманы у каждого, однако незримников не заметил. Это не успокоило, напротив, я сел у борта так, чтобы не свалиться, до предела взвинтил все чувства и, очутившись в причудливом мире запахов, тепла и добавочных звуков, долго всматривался в проплывающие тени и струи.

Сэр Рефершельд, судя по ароматам, побывал в постели у красивой, как однажды выразилась леди Элизабет, женщины. Или же хорошенько потискал ее в каком-то углу. От него женщиной не просто пахнет, я даже мог бы сказать, что они и как делали... впрочем, все было просто, как говорится, побоачьи, да абсолютное большинство женщин и не знают ничего иного. Еще вон тот и вон тот щеголь слишком довольны, на них следы разных женщин, тоже мне, искатели утех...

К счастью, на транспортнике нет трюмов или кают, все пассажиры на виду. Когда поднялся и начал набирать скорость, все набросили на плечи плащи, широкие капюшоны скрыли полностью лица. Встречный ветер все усиливался, я вынужденно закутался в плащ и, укрыв лицо, присел у барьера.

Воздух трепещет над головой, словно взлетает стая голубей, транспортник прибавил скорость еще, я уловил по тому, как над головой нарастают рев ветра. Пассажиры сгрудились на противоположной стороне, я подивился, там же нет такой защиты от борта, как здесь, однако вскоре сообразил, что ураган их не треплет, сидят хоть и плотно, даже прижались, как макаки в стаде, но это больше повод для веселья и всяческого интима...

Глава 12

Одна фигура поднялась и, без труда преодолевая сопротивление урагана, направилась ко мне. Я узнал сэра Рефершельда, он приближался, как линкор, как авианосец, даже перья на шляпе не треплет ветром, хотя должно бы смести, как сухой листок дерева.

Он весело оскалил зубы.

— Впечатляет...

— Еще бы, — выговорил я.

Он кивнул довольно.

— Над кем еще и покуражиться, как не над деревенщицей! Так просто... Придвиньтесь чуть ближе, маркиз.

Я попытался встать рядом с ним, ураган мгновенно затих. Рефершельд победно улыбался.

— Довольно дорогой амулет, но все, кто путешествует на грандбагерах, стараются им обзавестись.

Я кивнул в сторону сгрудившейся массы.

— У них нет?

Он заулыбался.

— Кое у кого есть. Но им тоже интереснее участвовать. Когда таких амулетов еще не было...

— Понятно, — ответил я. — Теперь это больше игра. С эротичными составляющими.

Он поморщился.

— С вами неинтересно, маркиз. Слишком быстро все схватываете.

— Прошу прощения, — ответил я поспешно, — постараюсь на будущее быть более туповатым.

— Вот-вот, — сказал он благодушно, — должен же я получить удовольствие от сомнительной чести сопровождать вас? Ритуал «спасение» — пока вы сами не догадались. Древний обычай... Очень древний. Но не просто живучий! Полагаю, не исчезнет. Даже обрастет еще чем-нибудь... какими-нибудь пикантными особенностями. Особенно когда общество готово, даже очень готово их принять...

— А что это у них? — спросил я. — Прелюдия к свалному греху?

Он посмотрел укоризненно.

— Ах, маркиз, как вы... непосредственны. Вы сейчас поймете, почему это возникло...

Транспортник начал набирать скорость, ветер превратился в сильный, наш багер уже не плывет, а ломится через атмосферу, как крылатая ракета. Пассажиры вскрикивают, как мне показалось, черезчур театрально, накрываются плащами, стараясь захватить побольше соседей, а плащи, как снова почудилось, слишком широкие...

— Ага, — сказал я, — раньше сбивались в кучу, чтобы не снесло ветром?

Он кивнул.

— А теперь, когда всяк защищен от ветра магией, это просто древний ритуал. Причем, как вы понимаете, популярный. Когда все прижимаются друг к другу, накрытые плащами, то ни одна женщина не уверена, чья именно рука шарит у нее под платьем. Это придает особую пикантность, маркиз.

— Ну да, — согласился я, — от такого ритуала отказаться трудно. Чем проще, тем мощнее.

— Хотите присоединиться?

— Спасибо, пока нет.

— Почему?

— Да так просто...

— Зря вы, маркиз. Это так возбуждает!

Я кивнул.

— Верю. Все дело в нарушении законов. Моральных, светских, семейных — неважно. Не будь этих нарушений, какое удовольствие иметься на таком ветру? И когда еще в спичку толкают и ноги оттаптывают?

Он хохотнул.

— Ну, не знаю, не знаю. Мне нравится. Иногда такую знатную даму жмешь, что без «спасения» никогда бы и приблизиться не посмел!

Я, почти не слушая, осматривал транспортник. Крайне непропорционально низкие борта, как гигантская сковородка для оладей или яичницы. Скорее всего, и этот грандбагер тупо перевозил слитки металла, как тот наземный драккар таскал камни. Если металл уложить вровень с бортами, то это и будет предельная нагрузка, а то и чрезмерная. Не надо думать, что техника Древних могла поднять целую планету или хотя бы горный хребет.

— Много таких?

Он пожал плечами.

— Кто знает. Обычно королевства строго охраняют свои тайны.

Голос его показался мне чересчур равнодушным, я прислушался и спросил со смешком:

— Не знаете? Точно не знаете?

— Не знаю, — отрезал он.

— Эх, — вздохнул я, — а вы мне показались таким орлом, от которого ничего не укроется.

Он недовольно хмыкнул.

— Сэр Ричард... Мало ли что я знаю! Я не обо всем должен говорить.

— Мне можно, — сообщил я. — Я дважды спас жизнь королю, которому вы служите. И который пообещал повысить вас в чине.

Он вздохнул, сказал с тоской:

— Ну что вы за человек? Там такие милые, теплые и по-датливые женщины, а вы о чем?..

Я усилил натиск, играя на самолюбии, тщеславии, и наконец Рефершельд начал потихоньку раскалываться, втихую гордясь своей информированностью. Через полчаса я уже знал, что транспортники, большие и малые, вышли из-под земли вскоре после окончания Великой Войны. Одни начали двигаться по земле, ведомые неведомой волей давно погибших волшебников, другие поднялись в воздух. И долгие сотни лет двигались там по строго определенным маршрутам.

По ним научились отсчитывать время, а путешественники по ним определяли стороны света и свое местоположение.

Один из великих мудрецов Феокл, который долго занимался этими чудесами, высказал догадку, что такие же точно были уничтожены во время войны Великих Магов, но под землей железные големы, оставшиеся без хозяев, изготавливают им на замену новых.

Феокла подняли на смех, но однажды один из грандбагеров, что величаво плыл по небу, вспыхнул и с грохотом обрушился на землю. От него осталась груда оплавленных обломков, однако вскоре после его гибели из недр грохочущей и плюющейся огнем и лавой горы поднялся в небо точно такой же грандбагер и начал двигаться по тому же маршруту, по которому летал погибший.

Правота Феокла была признана почти всеми, а когда еще через десяток лет точно так же погиб простой багер, двигавшийся по другому маршруту, и ему на смену через два дня появился другой, уже все приняли теорию Феокла.

Воздушных багеров сейчас сорок, из них пять — грандбагеров, а наземных — восемьдесят. Все двигаются по одним и тем же маршрутам, застывают там на определенное время, затем двигаются дальше. Дойдя до последнего пункта остановки, поворачивают обратно. Лишь два в точности повторяют прежний путь, остальные двигаются либо по кольцу, либо зигзагом, но всегда возвращаются в точку, откуда начинали путь.

Когда наблюдатели подметили закономерность, в месте остановок воздушных багеров соорудили огромные каменные пирамиды, с крыши которых можно было взойти на борт. Так началось путешествие по всему матерiku... но длилось оно недолго.

Короли вскоре поняли, что так очень удобно перевозить войска для захвата чужих земель, самые первые преуспели, но сами же придумали контрмеры, чтобы их самих не постигла та же участь. Пирамиды окружались рвами с водой, их отгораживали подъемными мостами, так что все прибывшие проходили по одному под прицелом луков и арбалетов.

Меры предосторожности везде закончились тем, что когда багеры останавливались на последней остановке коро-

левства, на них врывалась охрана и всех выталкивала в шею. А затем и вовсе были обнародованы декреты, что всякий, кто пытается таким образом проникнуть на земли соседнего короля, — преступник и обязан быть казнен немедля.

С наземными механическими багерами было еще проще. Останавливались они надолго, так что можно не только с удобством разместиться большому количеству людей, но за нести и уложить удобно товары.

Понятно, что в тех местах, где останавливаются воздушные или наземные багеры, выросли сперва поселки, а потом города. Почти все стали столицами королевств, ибо кто контролирует возможность передвижения на этих чудесах, тот правит миром. Хотя бы в пределах королевства.

— Вы удивительно знающий человек, — сказал я. — Поразительно, такой человек все еще в невысоком для его ума и таланта чине! Наверное, вас застукал в постели своей жены какой-нибудь близкий к королю сановник?

Он самодовольно ухмыльнулся, но смолчал, предлагая мне самому додумать, почему он, такой замечательный, все еще не король. Внизу быстро проплыл разлом в земной коре, я ожидал увидеть в глубине багровую полоску лавы, однако оттуда медленно поднялся транспортник средних размеров, их зовут малыми багерами, в несколько рядов уложены огромные слитки металла.

Наш грандбагер все набирал скорость, я с тревогой посматривал на Рефершельда, достаточно ли мои в его амулете, выдержит ли сопротивление воздуха на такой скорости, а он словно прочел мои мысли, ухмыльнулся и кивнул на проплывающий внизу ничем не примечательный замок.

— Вот некая граница...

— Королевства? — спросил я.

Его улыбка стала шире.

— Нет, но край королевства тоже скоро...

— А граница чего?

— Увидите, — ответил он загадочно.

— Сэр Рефершельд, — сказал я, — не знаю, будет ли у меня время сказать вам потом, так что скажу сейчас: вы по-

ступили как истинный воин! В вас чувствуется человек, рожденный водить войска!

Он довольно улыбнулся, хмурое лицо посветлело.

— Я поднимаюсь из самых низов, маркиз. Приходится быть всяkim. И все уметь. Я рад, что вы успели на багер. Он не ждет даже королей.

— А магов?

Он взглянул на меня с опаской, быстро зыркнул по сторонам.

— Маркиз, вы говорите опасные вещи...

— Опасные?

— Неприятные, — поправил он себя. — Багер не ждет даже магов, но о таком лучше не упоминать. Во всем остальном маги в самом деле всесильны. Думаю, им неприятно было бы услышать, что в этом мире они над чем-то не властны.

Я улыбнулся понимающе.

— Но есть вещи, над которыми человек изначально не властен. Например, над сменой зимы и лета, дня и ночи...

— Это да, хотя я слышал, некоторые маги пытаются что-то делать и в этом направлении... Им уже сотни, а то и тысячи лет никто не бросал вызова, так что сосредоточены только на дальнейшей, так сказать, экспансии своей мощи...

Я внимательно смотрел на замок, не забывая с невольным интересом поглядывать на активно двигающуюся в ритуале «спасения» массу, а когда незримая черта вроде бы осталась за спиной, я с вопросом в глазах посмотрел на Рефершельда.

Он победно усмехнулся и пошел прочь, насвистывая. Я тупо смотрел вслед, не понимая, чем же отличается пребывание по эту сторону невидимой границы, затем в голову стукнуло: ветер! Нет встречного ветра!

Рефершельд оглядался, лицо торжествующее, я кивнул, мол, понял. И в самом деле понял. Пусть на этом транспортнике доставляли в разные концы континента металлические брусья из подземных рудников, но даже их могло сорвать или хотя бы опасно сдвинуть постоянным напором встречного воздуха. И потому, когда скорость становится опасной для груза, включается...

Я невольно посмотрел вверх, подсознательно ожидая

увидеть нечто вроде стеклянного колпака, такой представляется мне силовая защита, но там только чистое небо.

— Ну как? — спросил Рефершельд, явно рисуясь, словно эта защита — его рук дело.

— Восхитительно, — ответил я с восторгом. — Вот это магия! Это в самом деле мощь...

Он перехватил мой взгляд в сторону активно занятых в ритуальном действии.

— Эти еще долго будут делать вид, что спасаются от жуткого ветра. Новички так вообще, бывало, просиживают всю дорогу... И еще юнцы.

— И матроны, — добавил я.

— Да-да, и матроны. С юнцами!

Похочатывая, он наконец оставил меня, теперь ветер не унесет его подопечного, если сам не прыгну за борт. Через минуту он уже веселился на корме транспортника, заглядывал под плащи, искал событывльников. Потом я видел, как он с другими дворянами бросал кости, приглядывался к женщинам, что, увы, теперь такие гордые и недоступные, все под присмотром дуэний, все еще раскрасневшихся и очень даже довольных.

Далеко внизу проплывает земля, я рассматриваю дома, села, дважды пролетели над мелкими городами. Всякий раз, когда там скользит огромная тень, народ поднимает головы, но только мальчишки размахивают руками, а взрослые тут же продолжают заниматься прерванным делом.

Юг исковеркан катаклизмами поменьше, чем Север, однако, сколько я ни смотрел, бурно развивающейся цивилизации что-то не вижу. Ни технологической, ни какой другой. Села точно такие же, только стены в домах не такие толстые, здесь теплее, поля так и вовсе мельче и неухоженнее, в озерах немало гусей и уток, но опять же... Или мне чудится, или в моей Армландии и уток больше, и коров, и прочей живности...

Почему дороги плохие, это понял сразу: а на фига они, если можно вот так? Ну, пусть на воздушные не каждого пуссят, но есть же еще и наземные транспортники. Тем не нужно хороших дорог, везде пройдут. Это по необходимости в Армландии строят дороги, а здесь острой нужды нет...

Уже не рискуя свалиться, я навалился пузом на окантов-

ку толстого края, похожего на рельс. Земля внизу проплывает достаточно быстро, хотя идем на такой высоте, что кучевые облака то и дело закрывают видимость. Еще чуть, и головами будем задевать за перистые.

Замки отсюда смотрятся как крохотные игрушки, с этой высоты почти неотличимы от тех, которые встречал на Севере. Только там в них те, кто строил, в смысле рыцарство, а здесь уже потомки, постаравшиеся забыть о своих таких наивных и простоватых предках.

Ну, предков мы все стыдимся, здесь же не только стыд, но и совсем другое отношение к миру и друг к другу. Вряд ли рыцарство поняло бы смысл времяпрепровождения придворных при королевских дворах, но здесь уверены, что живут богатой интеллектуальной жизнью, убивая время навороченными остротами и волочением за юбками.

Если на Севере идут баталии по поводу, что же сказал Творец в той или иной фразе, и понимать вот это слово как указание или как необязательное к исполнению пожелание, то здесь кипят бесконечные дискуссии на тему, кто чей любовник сегодня и кто кого обольстит завтра.

Все бы ничего, если бы эта беспечная жизнь не длилась уже лет пятьсот. Или тысячу. Без изменений. А на Севере пятьсот лет тому еще дрались каменными топорами, триста лет назад научились выплавлять медь, потом бронзу, а искусству обработки железа где-то лет сто.

Я насторожился, свесился над бортом. Далеко впереди показалось широкое красное пятно в земле. Поднимается перегретый воздух, по краям огненного озера кипит лава, наползает на высокие берега из уже застывшей магмы, а само озеро пугающе неподвижно.

Транспортник проходит в сторонке, я вытягиваю шею, стараясь разгадать смысл этого странного образования, настолько правильного круга, словно гигантским циркулем обведенны и оплавлены страшным жаром края.

Рядом раздалось сопение, сэр Рефершельд навалился на барьер грудью, сплюнул вниз.

— Что это? — спросил я.

Он недовольно хмыкнул.

— Да интересно же, — пробормотал я. — Вы знаете, а я нет. Это нечестно.

— И я не знаю, — ответил он равнодушно. — И что, хуже живу?

— Вам это не вредит, — заверил я. — А вот мне всегда противно, когда себя дураком чувствую.

Окруженный зеленью, проплыл игрушечный и весь в башенках дворец, совсем не привычный замок западноевропейского типа. Скорее что-то восточное, византийское или персидское. По размеру крупнее виденных замков, целый комплекс, словно пять или шесть замков составили вместе, кое-где вдвинув один в другой.

— Будто страну порезали на куски, — сказал я, — а потом составили новые земли из разных!

Он снова сплюнул за борт и заметил:

— Женщины везде одинаковые. А что еще надо?

Изображение внизу начало укрупняться, я сперва решил, что снижаемся, но это внизу медленно поднимается плато, а багер идет тем курсом, которому обучен.

Некоторые башни мне показались здорово смахивающими на минареты, но вскоре уплыли, а багер пошел на снижение и резко замедлил скорость. Быстро приближается город, из распахнутых ворот тянутся нескончаемой вереницей пустые телеги. Несколько десятков уже стоят в ожидании чего-то.

К моему удивлению, багер завис над землей в десятке метров. Ни башни с причалом, ни толпы, ни ожидающих пассажиров. Я уставился на людей с телегами, может быть, что-то связано с ними, Рефершельд, заметив мой интерес, буркнул:

— Значит, время...

— Время чего?

— Ждите, — сказал он загадочно.

Глава 13

В сотне шагов от собравшейся толпы с телегами вздыбилась земля. Начал быстро расти холм, поднялся блестящий купол, похожий на Исаакиевский, только пошире. Донесся металлический щелчок, купол распался на две сферы. Блеснул свет, как мне показалось, но это лишь белизна плотно составленных... железнодорожных контейнеров, что ли, хотя

конечно, откуда они здесь. Невидимая ладонь отодвинула их в сторону, распавшиеся сферы снова поднялись и сомкнулись, теперь ставши похожими на купол обсерватории.

Рефершельд сплюнул за борт.

— Красиво, — сказал я. — Какая мощь...

Он хмыкнул.

— Да, древние что-то могли...

Под ногами дрогнуло, я ощутил повышение гравитации, когда багер стремительно пошел вверх. Я успел увидеть, как купол неспешно опустился в недра. Земля недолго сыпалась в яму, через минуту все стало ровно. К контейнерам подъехали со всех сторон на телегах, облепив снежно-белую гору, как муравьи большой кусок сахара.

Нас уносило быстро, я видел уже только уменьшающийся белый конус. Рефершельд оглядывался на женщин, а я поинтересовался:

— Разрушитель недавно туда перестал ходить?

Он остро взглянул на меня.

— Откуда знаете?

— Да это понятно, — объяснил я.

— Откуда? — повторил он настороженно.

— Город, — сказал я, — вырос бы вокруг этого рога изобилия, а не на пустом месте. А раз в сторонке, то я предполагаю, что та волшебная рука сдвигала контейнеры на разрушитель, а тот доставлял в город... Так?

Он не отводил от меня испытующего взгляда.

— Вы слишком быстро все схватываете, — сказал он с недовольствием. — Даже неприятно как-то...

— Почему?

Он фыркнул:

— Потому что я — самый разумный человек в окружении короля. Ну, разве что барон Эльрих еще не совсем дурак, зато он не владеет оружием. Надо мне вас отравить или за борт пихнуть. Зачем мне соперники?

— Заверяю вас, — сказал я поспешно, — у меня нет планов задерживаться в вашем королевстве. Я всеми фибрами жажду увидеть край земли!.. И, по возможности, войти хотя бы по щиколотку в воды мирового океана.

Он подумал, морща лоб.

— А не бросить ли мне службу у короля и не пойти ли то-

же бродяжничать? Вон как кругозор, оказывается, обостряет мозги... Глядя на вас, никогда не подумаешь, что вы даже говорить умеете... Хотя, с другой стороны, тут всегда обильная жратва, лучшее королевское вино, женщины предлагают себя наперебой...

— А как же пособия по обольщению?

Он ухмыльнулся.

— Ритуал есть ритуал! Чем-то же надо заниматься? Но если бы мы их не добивались так страстно и настойчиво, они бы сами нам отдавались на каждом шагу.

— Не рискуйте, — предостерег я. — Мне терять было нечего, я с братьями жрал то, что и крестьяне.

— Какой ужас!

— Вот-вот. Кстати, так и не посмотрели, что там под землей?

Он буркнул:

— Никто и не пытается. А сперва, конечно, лезли, лезли. Но там адский жар, горит даже железо. Представляете?

— Представляю, — ответил я.

Он недовольно дернул щекой.

— Вас ничем не удивишь. Словом, никто не знает, как в том аду получается мука, которую наверх выдают сразу по тысяче мешков... и никто уже не спрашивает. Просто молятся Самаэлю, чтобы это не прекращалось.

— М-да, — сказал я, — это будет катастрофа. Народцу порасплодилось, а крупнорогатый держать отучились? Это ж накормить, лечить, резать, шкуры снимать... А тут все готовое... Ого, а это что?

Внизу земли не видно, идем над сплошным белесым туманом. На такой высоте любой местный туман показался бы крохотным клочком ваты, а здесь им затянута огромная область, даже слишком огромная.

Рефершельд отмахнулся, в глазах я видел крайнее нежелание отвечать.

— Смотрите, вон те дамы строят нам глазки! Редкий случай потискать знатную особу без преамбулы!.. Некоторые только ради этого добиваются возможности прокатиться на багере.

— Как-нибудь потом, — сказал я. — Так что там внизу?

Он вздохнул, лицо из фривольно-веселого моментально стало раздраженно-недовольным.

— Сэр Ричард, ну что у вас за способность обращать внимание на неприятное? Думайте о хорошем! Хотите, я сам вас посажу возле дамы, весьма мягкой на ощупь и приятной в прочих отношениях?.. Эх, морду воротите... Никто не знает, над чем багер идет сейчас.

— Из-за тумана?

— Да.

Я спросил наивно:

— А что, он всегда?

— Всегда, — отрубил он.

Я предположил уже осторожнее:

— А если на коне?

Он фыркнул рассерженно:

— Сэр Ричард, неужели вы думаете, никто не пробовал?

Целые армии посылали!

— И что?

— А ничего. Никто не вернулся. Это одно из таких королевств... или земель, не знаю. Все уже привыкли, никто не задает вопросов. Это дети набиты вопросами, на которые ответы искать не стоит. Это они всегда пристают: почему вода мокрая, почему солнышко садится, почему бывает зима... Бывает и бывает! Вот и все. Так и здесь. С самого начала. Вообще, не везде все одинаково...

— Надеюсь, — ответил я бодро. — Иначе было бы скучно бродяжничать.

Он поморщился.

— Есть королевства, над которыми багеры пролетают, не замечая их, но вот в королевствах Жуанвиле и Эльбефе идут на посадку и ждут там дольше, чем даже в столице империи! Однако никто на борт не поднимается. Пробовали посыпать туда людей, но никто не смог сойти: багер словно бы окружает прозрачная стена. Доходят слухи, что даже маги пытались туда проникнуть, но — безрезультатно.

— Ого!

— Вот вам и ого. Есть странное королевство Ангулемия, оно все в огне, однако багеры опускаются туда и всякий раз вывозят слитки неизвестного металла, который невозможно

ни расплавить, ни даже поцарапать. Вообще, сэр Ричард, вы добродяжничаетесь когда-нибудь.

— А что может быть?

— Да всякое... Есть подземные королевства, эти люди иногда не только не выходят на поверхность, но и к себе не допускают. Хотя ходят слухи, что не только пускают, а выходят по ночам и похищают детей. Одни это относят к страшным для непослушных детей, другие полагают, что это рассказы искателей сокровищ. Мол, там в подземных пещерах горы золотых монет и волшебных вещей! Точно известно, что никто не вернулся и не рассказал, как на самом деле. Говорят, есть даже живущие на летающих городах, это такие же грандбагеры, только в несколько этажей и неимоверно громадные. Они вообще не похожи на багеры, а будто корабли, чей корпус облепили громадные раковины. В них и живут то ли несчастные, что не могут опуститься на землю, то ли самые знающие маги.

Я поднял голову, с опаской всматриваясь в небо.

— Да-а... Хорошо им. Можно камень бросить на голову любому.

Он ухмыльнулся.

— Это вряд ли. С такой высоты обязательно промахнутся. Да и вообще людей с их высоты не рассмотреть, думаю. Только леса, реки, города...

— Но в город попадут?

Он подумал, кивнул.

— В город, пожалуй. Но опять же навряд кинут. Все, что можно, думаю, давно побросали. Теперь жалеют... Вы уверены, что не хотите к нашим дамам? Они рады мужскому обществу.

Я ответил честно:

— Сэр Рефершельд, дамы есть везде. Я впервые на багере, и чтоб я потратил время на то, чем занимаюсь со служанками на сеновале?

Он широко заулыбался.

— Простите, я все забываю, что для вас багеры все еще что-то дивное. Понимаете, когда с детства их видишь, и никто вокруг не удивляется, то и ты начинаешь к ним относиться, как к восходу и заходу солнца. Их тоже видишь каж-

дый день, но повлиять не можешь. Потому просто не обращаешь внимания.

Я задрал голову, небо голубое, редкие перистые облачка на востоке, но там, где находятся «летающие города», наверное, небо уже фиолетовое, а то и вовсе черное.

— Как они там живут? — спросил я. — Или все померли? А их города двигаются, как по морю корабли с мертвым экипажем...

Рефершельд тоже посмотрел на небо.

— Говорят, маги не умирают вовсе. Ну, которые достигли вершин умения. Если так, почему там должны умереть? На верху даже лучше, чем в высоких башнях. Все стремятся повыше, повыше... А летающий город — что может быть выше?

— Я слышал, не все маги сидят в высоких башнях...

Он кивнул.

— Есть такие, что, устав или разочаровавшись, бродят по королевствам в личинах простых людей, тешатся превосходством. Местные маги не любят таких, считая не только помехой, но и предателями их высокого ремесла. Даже устраняют, если удается. Но иногда случается, что бродячий маг оказывается сильнее.

— И захватывает власть в королевстве, — досказал я с видом знатока, вспомнив рассказ барона Эльриха.

Он поморщился.

— Так бывает. Но редко.

— Почему?

— А если магу просто нравится странствовать? Такое королевство на некоторое время остается без мага. Большего бедствия придумать трудно...

— За такую землю начинают драться другие маги?

Он кивнул.

— Быстро соображаете. А борьба магов иногда сопровождается некоторыми разрушениями вокруг... Если среди гор столкнутся, то горы вдрывг, лава течет, если над озером — вода выкипает досуха, а если вблизи города...

— Понятно, — сказал я. — Взгляните, вон там в излучине реки...

Он свесился над краем, проследил за моим пальцем.

— А-а-а... это храм Самаэлю.

— Чудовищно, — сказал я.

— Дикари, — процедил он с чувством превосходства.

— А почему они построили такой храм?

Он презрительно скривил губы.

— Они его видят таким!

Я кивнул, принимая ответ. В отличие от церкви, что сумела создать некую вселенскую, и все ее храмы строятся примерно по одним канонам, храмы Самаэлю словно бы вернулись ко временам язычества, когда в каждой области храмы своим богам, никакой централизации, жрецы занюханной деревушки не подчиняются жрецам столицы.

А что Самаэлю, то понятно: базовые производства располагаются под землей. Глубоко под землей. По мнению населяющих Юг людей, в аду. И вот оттуда, из жуткого ада, время от времени поднимаются эти платформы. В одних местах на них горы слитков железа, в других — медь, олово, другие непонятные металлы, а в ряде мест вот так наверх подают тщательно упакованное мясо восхитительного вкуса.

Я слышал от кого-то в городе, что первые поселенцы отказывались не только от мяса, но даже от металла, но самые низко павшие брали то и другое, быстро процветали, набрали силу, объявили себя вождями, а потом и вовсе королями. И уже объявили, что все, доставляемое из ада, надо принимать с благодарностью, потому что в аду не бывает ни засухи, ни неурожаев.

Ну, горно-рудные и прочие добывающие — понятно, но кроме того, здесь на подземных городах еще и заводы по производству мяса. Из чего оно, даже не берусь угадывать, но главное — подается наверх регулярно, достаточно большими партиями. Его хватает, чтобы кормить захватившие это ключевое место войска, их предводителей, самый крутой из которых тут же провозглашает себя королем...

Глава 14

Я углубился в размышления, потому вздрогнул, когда обнаружил рядом фигуру, точно так же склонившуюся над широким бортом.

— Сэр Сатана, — сказал я с упреком, — вы меня заикой сделаете!

— Ну да, вас сделаешь, — возразил он. — Вы крепкий орешек, сэр Ричард. За что уважаю просто безмерно!

Я пробормотал:

— Когда такой комплимент, сразу начинаю присматриваться, в каком рукаве у вас спрятан кинжал.

Он засмеялся.

— Только не для вас! Я вас рассматриваю как надежного сотрудника... ну, ладно-ладно, как соратника. А что вы хотите? Разве не видите, что у меня нет ни одного оплачиваемого помощника? В то время как у Той стороны — их миллионы!

— Это вы про церковь? — переспросил я на всякий случай.

— Ну да, — ответил он, улыбка показалась мне донельзя ехидной. — Церкви Сатаны не существует! У нас все на чистом энтузиазме. То есть у нас все честно.

— Сильный довод, — пробормотал я. — Но, между нами говоря, вы отказались от оплачиваемых помощников не совсем сами? Иначе не совсем бы и отказывались?

Он покачал головой.

— История не знает сослагательного наклонения. Сейчас у церкви масса оплачиваемых жрецов, миссионеров, проповедников, священников... у меня ни одного.

— Официально, — снова бормотнул я.

— Простите?

— Сэр Сатана, — сказал я, — мне лапшу на ухи вешать не надо. Я бывалый хлопец. Как моторный парубок Эней. Я уже знаю, что серьезная оппозиция ворочает такими деньгами, что официалы воззвидают!.. И всегда это черный нал, что особенно удобно. Хотите сказать, что все эти черные мессы во славу дьявола ничего вам не дают? Нет-нет, я не буду додискиваться источников вашего финансирования. Скажу только, что люди всегда сочувствуют проигравшему, так что вам обеспечены симпатии очень многих в этом мире. И не только симпатии. Я знал однажды бабульку, что в церкви ставила одну свечку Богу, а другую — черту. Так, на всякий случай.

Он улыбнулся.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил я сердито. — Кое в чем вы даже выигрываете, мол, вас зажимают, видите ли! В своих землях я, пожалуй, создам равные условия для церкви и вашей ан-

тицеркви... По крайней мере, позволю доступ к массмедиа, источникам информации. И тогда попробуйте доказывать свою правоту перед прихожанами!

Его лицо стало очень серьезным. С минуту в полном молчании смотрел на меня, в глазах пропустило удивление.

— Вы снова просто поражаете меня, сэр Ричард. Одно скажу, это... опасное и вместе с тем мудрое решение. Во всяком случае, вне зависимости от того, кто победит, решение будет справедливым. И тот, кто проиграет, не сможет сказать, что противнику помогли, что победа этой сволочи дос-тала нечестно.

Он подобрался и смотрел на меня несколько иначе: трезво и оценивающе. Я чувствовал себя неуютно, хотя и знаю, что Сатана имеет на меня виды, но это как бы вообще, а сейчас он слишком близок к чему-то... или к какому-то резкому повороту руля.

— Сэр Ричард, — произнес он деликатно, — как бы вам напомнить момент из истории... который вы и сами знаете, но на который, как мне кажется, не обратили внимания...

— Это какой же? — спросил я настороженно.

— Авелю только сочувствуют, — произнес он, — правда, как-то вяло. А Каину не просто горячо сочувствуют, о нем даже поэмы слагают. И картины пишут. И вообще о нем говорят... И когда он ушел, изгнанный Адамом, то дал начало множеству народов, которые заселили мир и пришли в столкновение с потомством Сифа, третьего сына Адама. И вообще крови Каина в современных людях гораздо больше, чем крови Сифа...

Я посмотрел на него со злостью.

— Это вы к чему сказали?

Он развел руками.

— Хорошо быть честным, сэр Ричард, я разве спорю? Но быть победителем — еще лучше. Все-таки всегда историю пишет победитель. И дальнейший ход истории, все повороты и зигзаги определяет только он. Как и рывки или остановки. Потому прежде всего нужно побеждать! Чтобы диктовали вы, а не вам... Ладно, не буду загружать вас проблемами, я только на минуту к вам заглянул! Дел много, решил побаловать себя удовольствием общения с вами.

Он улыбнулся мягко и чуточку виновато, как бы изви-

нялся за слабость, тут же растаял в воздухе. Я напряженно просматривал заново разговор, стараясь понять, почему, хотя Сатана не сказал ничего важного и даже закончил комплиментом, осталось тягостное чувство, словно совершил большую и непоправимую ошибку.

Далеко впереди блеснуло красным, быстро начало разрастаться. Я откровенно струхнул, впереди по курсу от самой земли рвется в небо красная стена пламени. Вершиной упerta в синий небосвод, а транспортник тупо прет прямо в середину.

— Сэр Рефершельд!

Рефершельд галантно беседовал с дамами, оглянулся несколько недовольно, но увидел панику на моем лице, подошел быстро, бросил взгляд по курсу.

— Что?.. Впечатляет, верно?

— Еще бы, — проговорил я пересохшими губами. — Что будет?

— Вас разочарует, — ответил он.

— Почему?

— Увидите, — ответил он загадочно.

Транспортник на огромной скорости врезался в эту стену. Вблизи оказалась состоящей из редкого розового тумана, через минуту выскочили с другой стороны. Я оглянулся, стена осталась за кормой и быстро уменьшается.

— Действительно, — проговорил я дрожащим голосом, — разочаровывает... Хотя я не против таких разочарований!

Он хохотнул.

— Ожидали, что шарагнемся в стену?

— Было такое чувство, — признался я.

— У меня тоже когда-то было, — ободрил он.

— И как?

— Чуть штаны не обмочил. А теперь вообще не замечаю.

Мимо нас, параллельным курсом, пронеслось в сотне-другой метров нечто крупное, оставляя за собой огненный след, как за кометой. Я успел увидеть плотное тело с поджатыми лапами, голова почти с треть тулова, горящие дикой злобой глаза и оскаленную пасть с длинными клыками.

Чудовище умчалось, обогнав нас на такой скорости, словно мы стоим на месте, я спросил дрогнувшим голосом:

— Что за тварь?

Рефершельд буркнул:

— Демон. Обыкновенный демон. Кто-то вызвал... так что злись не злись, надо подчиняться. Приготовьтесь, сейчас будет остановка в Висконтии. Хорошее тихое королевство, королю уже двести двадцать лет, представляете? Мне бы такой амулет... Так что у них все спокойно и всегда праздник. И люди там всегда праздничные...

Багер в самом деле быстро снижался, впереди появился и начал стремительно приближаться сказочно прекрасный город дворцов, храмов, площадей с множеством огромных статуй. Рефершельд прав, жители даже с такого расстояния выглядят праздничными.

Багер остановился возле причала, башня совсем невысока, даже не башня, а так, невысокий помост, куда ведут не больше десятка ступеней. Ожидавшие там замахали руками, весело закричали.

С багера сошли почти все, вместо них поднялось не больше десятка. Сердце мое екнуло, последним через борт ловко прыгнуло нечто более крупное, чем человек, размытое. Попспешно проверил в термозрении, ничего, как будто там рептилия, но и рептилия, если побыла под солнцем, была бы заметна на фоне окружающего воздуха...

Я остался нарочито в стороне от сбивающихся в кучу. Опершись боком о борт, я смотрел по ходу транспортника, ветер усилился, а призрачное существо приближалось ко мне медленно и уверенно. Никаких магических жестов, я следил за ним краем глаза и понимал, что этому здоровяку магия вообще-то без надобности.

Руки его начали подниматься, я рассмотрел полупрозрачные ладони, пальцы толстые, тянутся к моему горлу. Я задержал дыхание, рывком пригнулся, ухватился за толстые, как бревна, ноги, с силой рванул вверх. Спина затрепетала, но я почти подбросил тяжелое тело. За голову сильно дернуло, я увидел в пятерне выпавшего за борт тела клок моих волос.

— Орлята учатся летать, — сказал я, тяжело дыша.

Рефершельд оглянулся, брови его удивленно взлетели на середину лба.

- Маркиз, что вы такой взъерошенный?
- Да вот ерошу, — ответил я, задыхаясь. — Стою и ерошу. А также лохмачу... Фу-у-ух!..
- Да что с вами?
- Такую гору с себя сбросил!
- И как? — поинтересовался он. — Легче стало?
- Даже не представляете, — ответил я. — Даже не представляете...

Я навалился грудью на борт, переводя дыхание. Внизу на огромной площади под жарким солнцем блестит нечто, показавшееся горкой синеватых опилок. Присмотревшись, понял, что это исполинская гора металлических слитков. На мой взгляд, побольше пирамиды Хеопса.

Устрашенный, я спросил Рефершельда:

— Это что за чудо света?

Он посмотрел в направлении моего взгляда, лицо искри-вила гримаса.

— Металл... наверное.

— А почему не пользуете? — спросил я.

Он поморшился.

— А как? Эти слитки не расплавить. Думаете, не пробовали? Нагреваются, но плавиться и не думают. Бесполезный металл!

Я проводил взглядом упывающую за кормой пирамиду. Ну да, тугоплавкий металл пока не востребован. И вообще, неизвестно, с какими он свойствами. Возможно, из него делали обшивку звездолетов?.. Или корпус для подземных вездеходов, что пробивались к ядру Земли?..

Впереди горы поднялись угрожающе высоко, багер двигался над ними на высоте в милю-две. Сердце мое стучало часто и сильно, это не те горы, что привык видеть: серые, тусклые, без острых пиков, вершины слажены, в стенах впадины и каверны, подозрительно похожие на деформированные входы, как если бы туда когда-то заходили гигантские дирижабли.

И ни следа зелени, хотя даже на самых безнадежных горах постоянно что-то да растет, вогнав корни в щель между скалами. А здесь мертвый мир, как если бы не только горы, но и все то место, откуда их выдавило, — исполинская металлическая плита.

— Это не само, — прошептал я, внутренности ощутили холод, — это не природа развлекалась...

Рефершельд услышал, повернул голову.

— Вы о чем?

— Кто это сделал? Для какой цели?

— Никто, — ответил он, проследив за моим взглядом. — Всегда было.

— Когда-то и вселенной не было, — произнес я. — Это все построено...

Иногда металлические глыбы сдвигались, образуя странные конструкции, мозг корчился и стонал, нервы горят от перегрузок, перед глазами мириады образов, но иногда что-то мелькает, смутно похожее, знакомое, но следующая картинка все начисто разрушает.

Металлическая возвышенность закончилась провалом, далеко внизу потянулась прежняя зелень лесов и синие вены рек, но я с тоской и непонятным щемом смотрел на исчезающее в тумане нагромождение. Еще чуть-чуть, еще немного... и я бы понял. Возможно, понял.

Следующую остановку я ждал с таким напряжением, что не обращал внимания на проплывающие внизу города, реки, озера, странные разломы, кипящие лавой кратеры.

Рефершельд нашел собутыльников среди поднявшихся на борт, я тоже не докучал ему вопросами. Когда багер приблизился к причалу, я сразу начал внимательно всматриваться во всех входящих. Вроде бы все чисты, ни одного незримника.

Когда багер отделился от причала и быстро начал набирать высоту, я с таким облегчением перевел дыхание, что бдительный Рефершельд тут же заметил, подошел и спросил негромко:

— Вы кого-то ждали?

— Ах, сэр, — ответил я, — я из тех, кто всегда чего-то ждет.

— И как?

Я вздохнул.

— Увы, обычно ожидаюсь.

Он засмеялся покровительственно, я видел, как он едва удержался, чтобы не похлопать меня по плечу.

— Все хорошо. Лучше не бывает!

— Да, — согласился я, — если это лучшее, что тогда худшее... У меня уже вот такие пупырышки по всей моей дубленой шкуре...

Я вздрогнул, слова застыли в моей глотке. От сбивающейся в кучу веселой толпы отделился призрачный человек. Похоже, он превратился в незримника в момент, когда другие поспешно высматривали, истекая слюнями, места поближе к женщинам, заранее определяя, с какой можно переступить какую грань.

Незримник отсвечивал голубым, я чувствовал, что на этот раз заклятия не те, с которыми столкнулся в прошлый раз. Он сразу же вытащил из-за спины огромный ритуальный топор, слишком красивый для боевого оружия, на синеватом лезвии заплясали огненные руны настолько ярко и четко, что я невольно посмотрел на пассажиров: неужели никто не видит?

Я сказал громко:

— Сэр Рефершельд, так вы уверены, что лезвие моего меча недостаточно проковано?

Он посмотрел на меня с удивлением, перевел взгляд на выглядывающую из-за моего плеча рукоять меча.

— А вы... — проговорил он с сомнением в голосе, — что, беретесь утверждать, что у вас лучшая на всем свете сталь?

— Да, — ответил я и медленно потащил из ножен меч. — Взгляните, здесь ясно видна работа оружейника высшего класса...

Он удивленно смотрел то на меч, то на меня, а я тихонько следил за приближающимся незримником, не показывая виду, что замечаю, как его руки все крепче сжимают рукоять.

Исполинский топор начал подниматься, я сказал громко:

— А вот смотрите...

Я задержал дыхание, как можно быстрее сделал полуоборот, одновременно взмахивая мечом. Топор в руках незримника уже был над его головой, меч рубанул в подмышечную впадину. Рукоять чуть дернулась в моих ладонях, послышался короткий звук распарываемой плоти и треск костей.

Рефершельд отшатнулся и лапнул себя за грудь. Глаза

расширились в испуге и удивлении. Я выдернул меч уже из середины груди незримника. Его колени подогнулись, топор выскользнул из ладоней, а сам незримник тяжело рухнул вниз лицом.

— Что за... — вскрикнул Рефершельд.

Он все еще щупал себя за грудь, там медленно проступают полупрозрачные пятна. Под ногами из ниоткуда появилась громадная секира. Я встряхнул мечом, последние капли крови сорвались на пол, я сунул клинок в ножны.

— Еще один, — сказал я. — Что вы там щупаете? Сиськи ищете?

— Я забрызган... Вы что, кого-то убили?

— Сейчас посмотрим, — сообщил я.

Глава 15

Под ногами медленно проступали водянистые очертания человека. Сперва прозрачные, потом бесцветные, наконец чары рассеялись, Рефершельд с содроганием смотрел на крупного человека у его ног. Вниз лицом, оголенные руки с широкими кистями, глубокая рана, как ущелье, рассекает с левого бока и до середины груди. Под ним быстро натекает темная лужа крови.

Взглянув на нее, Рефершельд начал отряхиваться усерднее, побледнел, от злости скрипел зубами, его безукоризненный кафтан оказался в пятнах крови от подбородка и до колен.

— Он нужен для чего-то? — спросил я.

Рефершельд сказал со злостью:

— Он нет, но вот неприятности нам ни к чему.

— Берите за ноги, — скомандовал я.

Он скривился, но спорить не стал. Вдвоем приподняли труп на край борта, ветер почти вырвал тело из наших рук. Рефершельд тут же поднял топор и швырнул следом, загораживая собой, чтобы пассажиры не рассмотрели. Хотя они уже с хохотом сбиваются в веселую кучу, им не до драк. Рефершельд проводил топор и тело взглядом, руки все еще брезгливо щупают залитую кровью грудь.

— Я как со свиной бойни! — пожаловался он. — А вы почему чистенький?.. И вообще... что это значит?

— Меня повысили в рейтинге, — сообщил я.

— Это... как?

— Сперва хотели убить короля, — объяснил я. — Теперь вот меня.

Он смерил меня с головы до ног уничтожающим взглядом.

— Я не отрицаю ваших способностей воина, маркиз, но до Его Величества вам далековато. Обращаю ваше внимание, что прежде чем доберутся до короля, чаще всего сперва убивают телохранителей, а порой и вовсе слуг.

Я склонил голову.

— Да, пошутил неудачно. Но виной моя нервозность, сэр Рефершельд. Когда вот так подкрадываются с топором в руках, как-то мне не очень по себе. Как хорошо, что топор блеснул в глаза...

Он хмыкнул.

— Не по себе? Мне показалось, что вы встретили вызов достойно.

— Поджилки и сейчас трясутся, — заверил я. — Просто это становится уже буднями. Это не первый.

Он охнулся, впился в меня взглядом.

— А кто был раньше?

Я пожал плечами.

— Я их имен не спрашиваю. Но за этот полет уже пытались...

Он сжал челюсти, взгляд стал бешеным.

— В самом деле?

— В самом, — подтвердил я.

— И... что?

— Устранили, — ответил я серьезно.

Он сказал зло:

— Маркиз, перестаньте шутить!

— Да какие шутки! Тот хотел схватить меня за глотку, а этот действовал поумнее... Первого я не убивал.

Рефершельд невольно оглянулся.

— А где он?

— Я его отправил в свободный полет. Если он маг, ему ничего не грозит.

Он воскликнул:

— Каким образом?

— Ну... полетит, полетит... Или полевитириует, к примеру.

— Маркиз, маги не умеют летать! Ну, разве что совсем некоторые... Да и то, для полета нужно тщательно подготовиться. А вы, как я вижу по вашему задиристому виду, просто сбросили его с багера?

— Верно, — подтвердил я. — Но вы успокойтесь, успокойтесь. Я понимаю вашу человеколюбивую натуру. Однако мы были так высоко, что можно было успеть научиться не только летать, но и разучить фигуры высшего пилотажа.

Он всплеснул руками.

— Ну что с вами делать? Теперь вам конец...

Далеко внизу по земле побежала длинная тень. Я смутно удивился, что тень великовата для нашего транспортника, вскинул голову и замер.

На большой высоте нас обгоняет массивная глыба воздушного корабля, больше похожая на астероид. Солнце высвечивает его с беспощадной яркостью, я рассмотрел не только грубые формы, такие нерациональные для полетов в атмосфере, но и глубокие канавы в корпусе, вмятины, каверны, щели и безобразные нарости, будто в толстом металлическом корпусе возникла раковая опухоль и вылезла наружу.

Возможно, только холод космоса остановил неконтролируемый рост металлических клеток, и корабль еще жив, хотя только едва-едва...

Он быстро уходил вперед, обгоняя с такой скоростью, как если бы мы стояли на месте. Корма безобразно вздута и покорежена, я почти увидел на ней прильнувшего кальмара из стали чудовищной величины, что обхватил щупальцами да так и приварился к корпусу.

Я проводил непонятное судно взглядом.

— Они все ходят так низко?

Рефершельд мотнул головой.

— Так опускаются умирать.

— Умирать?

— Ну да. Все ниже и ниже с каждым десятилетием, пока однажды не пойдет по дуге. А тогда взрыв, грохот, вспышка, большая яма. Но всегда падают далеко от городов, так что даже ямы находят случайно.

— Всегда?

— Всегда, — заверил он и тут же довольно потер ладони. — Еще один пролет, одна посадка и — маркизат Черро! Мы идем над королевством Лантарона, здесь багер не останавливается, и вообще никто не знает, что в этом королевстве происходит. Во всяком случае, вам больше ничего не грозит, сэр Ричард! Могущество мага ограничено его территорией.

— А здесь он теряет силы? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Нет, маг никогда не теряет силы, но здесь ему не позволит применить их местный маг-властелин. Никто не любит, когда чужак распоряжается на его землях. Между магами давно договорено, во избежание кровавых войн, не лезть один к другому... Так что вы в безопасности.

— Хорошая новость, — буркнул я. — Я не люблю драться.

Он ухмыльнулся шире.

— Вы?

— Уж поверьте, — ответил я. — Меня больше привлекают стратегии, чем шутеры. И на маркизат у меня другие планы, чем просто подраться с пиратами... Думаете, я вот так сдуру променял богатый город Блэйн на разоренную набегами землю? Которая и сейчас во власти морских пиратов?

Он осмотрел с вопросом в глазах, в неуверенности пожал плечами.

— Вы очень сильный воин, сэр Ричард, — произнес он наконец. — Никто еще не дрался с демонами, как вы. А чтобы выстоять, гм... Но все-таки, я полагаю, вам еще и повезло, что успели убраться от их длинных лап: За вами посылали только мелких слуг...

— Но в Черро я буду в безопасности?

— Полагаю, да.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Сэр Рефершельд, я не случайно вот так взял и побахвалился своими планами.

Он напомнил с улыбкой:

— Простите, вы не бахвалились своими планами.

— Но упомянул?

— Только упомянули, что они есть.

— И как вам это?

— Удивлен, — ответил он дипломатично.

Я не сводил с него пристального взгляда.

— Сэр Рефершельд, я без бахвальства скажу, что люди,

кто рисковали оставить теплое место и примкнуть ко мне... если я приглашал, конечно, выигрывали неизмеримо больше, чем если бы оставались на местах. Вы понимаете, к чему я клоню?

Он подумал, кивнул.

— Вы решили взять под свою руку крупный маркизат, но еще не знаете, что вас ждет. И вообще... для вас даже полет на багере был в диковинку! Да вы и не скрывали. Так что вам нужен кто-то, более знакомый с тем, что вас будет окружать.

Я вздохнул с немалым облегчением.

— Вы прекрасно все понимаете.

— Да что тут понимать, — ответил он равнодушно, — это напрашивается. Но, простите, я не оставлю теплую и сытную службу у короля, чтобы поселиться на земле, которая только называется маркизатом, а на самом деле принадлежит морским пиратам. Как бы вам этого ни хотелось.

Я развел руками с явным сожалением.

— Извините, мое предложение вас, как мне показалось, даже оскорбило.

Он сказал суховато:

— В некотором роде.

— Я понимаю, — сказал я. — Конечно, в королевстве все давно утряслось. Там никто даже палец не прищемит. А здесь... Можно и голову сложить. Тут и графский титул не утешит.

Он поморщился.

— Сэр Ричард... Вы же сами знаете, не в вашей власти раздавать титулы.

— Знаю, — ответил я, — но знаю, вы могли бы стать графом с момента, как переступите борт багера. А через годик, когда вернетесь в столицу Гессена, король Хенрих будет считать вас настоящим графом. И ни у кого не возникнет сомнений, что вы — граф!

Он фыркнул, выпрямился, донельзя оскорбленный, что ловлю на пустышку.

Багер быстро снижался, впереди небольшой город странной архитектуры, словно дома строили термиты, а не люди. Огромные термиты, вооруженные строительной техникой, материалами и своей термитьей логикой.

На борт поднялись всего двое, третьим перепрыгнул через борт незримник. Те двое с веселым гомоном сразу пошли

на корму, там все еще длится ритуал «спасения», а незримник остался на месте. Под ногами дрогнуло, мы начали набирать высоту и одновременно пошли в сторону севера. Народ, оживленно разговаривая, разбредался, затем кто-то начал собирать всех в одно ритуальное месиво, но незримник остался там, где стоял.

Я не смотрел в его сторону, пусть думает, что не вижу, сердце колотится, в ушах стоит звон. Незримник начал двигать руками, меня охватил холод. Сволосчи, уже знают, я в близком контакте опасен. Знают и то, что двое их предшественников уже никогда не поднимутся на багер. Этот постарается шарахнуть чем-то издали...

Все еще глядя в сторону, я как бы случайно снял с пояса болтер, неспешно повернулся в сторону незримника и сжал холодный металл, шепнув мысленно:

— Выстрел!.. Выстрел!..

Руку не толкнула отдача, но звучно лязгнуло о противоположный борт транспортника. Незримник дернулся, сбился с ритма. Второй болт ударил его в бок. Он изогнулся от боли, лицо стало бешеным. Я поспешил выстрелить еще трижды. Стальные болты прошили его тело, как сгусток тумана, звякнули и остались в борту шляпками заклепок.

Пассажиры с веселым гамом сбивались в кучу, никто ничего не заметил, Рефершельд следил за ними с понятным интересом.

— Ну что, — сказал он, оглянувшись, — маркиз, это последняя возможность! Дальше только ваш маркизат. А там — пираты. Потешитесь до того, как разбойники вас повесят...

— Да я тут по-своему тешусь, — сообщил я хриплым голосом.

Он посмотрел с подозрением.

— Это как?

Я бросился к трупу, который вижу пока только я, начал поднимать, незримник тяжел и громаден. За спиной послышались торопливые шаги, встревоженный голос Рефершельда раздался над головой:

— Что случилось?

— Возьмите за ноги, — попросил я. — Тяжелый, гад, да еще какой-то скользкий...

Я поднял тело на край борта, начал переваливать на ту

сторону, и тут его потоком воздуха рвануло с такой силой, что я ударился о железо.

Рефершельд отшатнулся, злой и непонимающий, на щеке появилось и начало шириться красное пятно.

— Что это было? — воскликнул он.

— Сапогом зацепило? — посочувствовал я. — Вон по скуне...

— Что... вы делали?

Я огрызнулся:

— А вы что подумали?

— Ну... что выбрасываете очередной труп.

— С вами неинтересно, сэр Рефершельд, — сказал я. — Все угадываете с первого раза.

Он щупал кончиками пальцев щеку, ветер вокруг нас стих, на щеке медленно расплывался кровоподтек.

— Сволочь, — сказал он, — как саданул...

Я посмотрел, как он шарит в поисках заживляющего амулета.

— А если бы живой саданул?

— Так вы его все-таки...

— Ну да. Вы же сказали, что живых за борт спихивать не совсем гуманно.

— Кто вы, сэр Ричард?

Он все ощупывал красное пятно на щеке, я посоветовал:

— Если будет шрамик, не залечивайте, это красиво.

Я подтвердю, что и вы доблестно сражались с исчадием зла.

Он сказал спешно:

— Нет-нет, меня в такие дела не впутывайте! Вы не понимаете, с кем вступили в схватку. Теперь вы обречены, маркиз. Сейчас это уже не интриги соседнего короля, как мы подумали.... Это на Его Величество покушался кто-то из простых. Ну, не маги! Либо король из соседних земель, либо кто-то из герцогов, мечтающих сесть на трон... А вот вы задели уже магов, а с этими противниками человеку не совладать. Будь он даже император.

— Пока удавалось, — ответил я мрачно.

— Это пока, — предостерег он. — Вы слишком необычный противник! Этого маги пока еще не поняли, посылают каких-то мальчишек... Но я все равно не понимаю, как вы так просто сумели убить уже третьего!

Я вздохнул и сказал скромно:

— Я бы не сказал, что это было просто.

— А... как?

— Пришлось прервать свои размышления о природе прекрасного, — ответил я, — вытащить меч... ну и... влупить.

— И вы... зарубили?

Я спросил рассерженно:

— Да, зарубил! Что непонятного?

— Все непонятно, — ответил он устало. — Непонятно, повторяю, как вы его вообще сумели... Такие всегда ходят в магических доспехах высшей защиты. Их просто невозмож но даже поцарапать! Понимаете, тот, кто послал этого перехватить вас, не мог не учесть печальный опыт двух предыдущих... Те могли быть защищены только высшей невидимостью такой силы, что даже могучие королевские маги, как теперь знаем, не в состоянии их увидеть. Так этот наверняка был защищен и доспехами...

— Ржавые, видать, — ответил я. — Я ничего даже не почувствовал! Как будто медузу зарубил. Это такое животное... Даже не по себе из-за моего гуманизма.

Он вздохнул, лицо омрачилось.

— Не понимаю. Я видел ваш меч. Ничего особенного. Да, очень стар, но это не заслуга. Это простой меч!.. Он не может разрубить даже магический волосок. Но чтоб разрубил защиту, которую можно сравнить разве что с чугунной плитой толщиной с вот те камни! Да-да, стену замка прорубить легче, чем защиту такого мага...

Я скромно помолчал, только сделал лицо тоже непонимающим. Хорошо, пусть считают меч Арианта простым мечом. Я же чувствую, как он просто тихонько визжит от радости, когда удается расколоть панцирь из богомерзкой магии.

Далеко внизу под днищем транспортника цветущая земля превратилась в выжженную пустыню с привычными для нее горами желтого песка, но эти барханы тянулись недолго: за широкой рекой поднялся небольшой горный хребет, старый, просевший и наполовину превратившийся в зеленые холмы.

Часть 3

Глава 1

Мое сердце взволнованно встрепенулось, по ту сторону хребта блестит море. Далеко, на горизонте, а внизу всего лишь зелень с редкими мелкими селениями и на диво четко проложенными ниточками дорог.

Рефершельд посмотрел вниз, поморщился.

— Мы над Черро, — сказал он напряженным голосом. — Граница с графством Краон, что принадлежит королевству Лантарона, проходит вон по той реке. Справа и слева горы, а с той стороны море. Так что маркизат довольно хорошо очерчен, спорных с соседями мест нет.

— А морская зона? — спросил я деловито. Увидел недоумение на его лице, пояснил: — Как насчет двухсотмильной зоны территориальных вод?

На его честном лице отразилось замешательство.

— Да разве по воде границу проводят?

— Я пошутил, — сказал я успокаивающе. — В самом деле, какие по воде границы?.. Это потом проложим и по воде, и по воздуху, да еще и в магическом диапазоне радиоволн. И еще где-нибудь... найдем для разграничений полномочий с центром. В интересах последующей глобализации и центробежных отношений.

Он поморщился сильнее.

— Вы оптимист, маркиз. На самом деле вас сожрут сразу же, как только сойдете с багера.

— В самом деле?

— В самом-самом. Мой вам совет, посмотрите с борта и — обратно.

В одном месте море глубоко врезалось в сушу, образовав великолепную бухту, даже бухтищу, а выход из нее напоминал бутылочное горлышко, повернутое к морю. С багера отчетливо виден лес мачт, кораблей видимо-невидимо, всех типов и размеров, а на причале горы груза, берег усеян множеством домов, я рассмотрел с десяток даже двухэтажных.

Я ожидал, что багер начнет снижаться для посадки, однако он шел с той же скоростью, а внизу то и дело сменялись бухты, одна другой краше, в некоторых корабли, в других нет, зато видны хорошие причалы и огромные сараи.

— Ого, маркизат не такой уж и маленький, — заметил я.

Рефершельд смотрел мрачно, то ли патриот королевства, то ли не нравится пиратская вольница.

— Был бы поменьше, — буркнул он, — Его Величество давно навел бы порядок.

Он перевел хмурый взгляд на меня. Я развел руками.

— Не смотрите на меня так. Я не клялся, что обязательно наведу порядок! Я просто любопытный. Знаете, что я прежде всего сделаю?

— Что?

— Побегу к океану и хлебну его водицы.

— Зачем?

— Тоже ритуал, — объяснил я. — Я всю жизнь мечтал увидеть океан! Теперь у меня начнется вторая жизнь.

— Только будет она очень короткой, — сказал он пророческим голосом. — Весьма даже.

— Зато славной!

— Это как сказать.

Грандбагер наконец пошел на неспешное снижение. Бухта осталась позади, береговая линия отдалась, но я видел в синеве моря далекие белеющие паруса. Да, маркизат — настоящий рай для пиратов.

Рефершельд вытянул руку.

— Вон показался Золотой Пеарл. Стольный град маркизата.

— Золотой Пеарл, — повторил я. — Красивое название... Что-то смутно припоминаю, но не могу вспомнить. Где-то уже слышал.

Впереди и внизу начал вырастать довольно большой го-

род, хотя в его середине я заметил зеленую проплешину просторного луга, а в западной части — неопрятное озеро. Да и сам Золотой Пеарл назвать городом можно с большой на-тяжкой, все-таки первый признак города — городьба, ограда, а здесь никакой стены, отделяющей от остального мира.

— Пеарл, — повторил негромко Рефершельд, — а вон Омаль. Новый и вот там подальше старый.

Там еще один город, поменьше, и тоже без стен. Еще в самой гавани раскинулся большой и бесформенный город, многие здания разрушены, и вообще больше напоминает лагерь готовых в любой миг выступить в поход кочевников.

— А что вон та за башня?

Рефершельд буркнул недовольно:

— Там поселился некий маг.

— Который помогает пиратам? — спросил я.

— И вы это знаете? — спросил он с удивлением. — Да, тот самый.

— Вот сволочь, — ругнулся я.

— Еще какая, — откликнулся он. — Своими бы руками удавил, пока он еще сил не накопил... Вы сразу в город? Пойдете громить пиратские корабли?

— С чего это? — спросил я с удивлением. — И что мне это даст?

Он ухмыльнулся.

— Ну как же, вы — маркиз. Это ваша земля. А ее захватили какие-то грязные оборванные пираты...

— Возможно, — согласился я, — что и оборванные. Но если оборванные, то это спесь.

— Спесь?

— Да, спесь. Своего рода. Не сомневаюсь, оружие у них украшено бриллиантами. Или рубинами. Или чем-то еще более ценным. Не так ли? А это значит, что чего-то они добились. По крайней мере, капитаны. Или вожаки капитанов. А это важно.

Он спросил озадаченно:

— Почему?

Я ответил цитатой, которую часто видел на рекламе:

— Не важно, откуда у человека золото. Главное, что оно у него есть.

Транспортник быстро снижался. Я рассмотрел далеко впереди полуразрушенную каменную башню. Мне она показалась остатками египетской пирамиды или пирамиды ацтеков, это у них пирамиды со ступеньками до самой вершины.

Да что там полуразрушенная, чем ближе подходил к ней транспортник, тем более ветхой выглядит, а часть каменных блоков давно вывалилась из гнезд и скатилась к подножью. Башня окружена этим валом, как древний богатырь трупами врагов.

— Не развалится?

Рефершельд усмехнулся уголками губ.

— Если бы багер опустился на нее всем весом, то да... А так рассыпается только от дождей. И еще ветры с моря вывают знатные.

Транспортник приблизился, сбрасывая скорость, завис в воздухе. До камней причала не меньше метра, камни с самого края обвалились.

— Ну вот, — произнес Рефершельд с непонятной грустью. — Последняя остановка... Не бойтесь, здесь он стоит дольше всего. А что причал в таком виде... Так никто здесь не поднимается на борт. Как и никто не высаживается с багеров.

Он взобрался на толстый стальной край, побалансировал руками, я уж боялся, что завалится обратно, но он собрался и прыгнул. Я вздохнул и скакнул следом. Со страху, перепрыгивая бездонную пропасть шириной в метр, я скакнул, как олень, пролетел над щелью и упал на четвереньки.

Рефершельд протянул мне руку, помогая подняться. Я принял помошь и сказал, вставая:

— Сэр Рефершельд, я рад, что вы со мной.

Он усмехнулся, покачал головой.

— Маркиз, не хитрите. Я не с вами. Это так... любезность идущему на смерть. Я возвращаюсь.

Я вздохнул, настроение упало.

— Жаль. Мне почему-то казалось, что вы решитесь. Вы сильный человек, настоящий мужчина. В королевстве роль мужчин свели до роли самцов, но мы ж понимаем, что задирать юбки — этого маловато, чтобы по-настоящему быть мужчиной.

На его лицо набежала тень, я чувствовал, как он заколебался, но все же покачал головой.

— У вас нет шансов.

— А если есть?

— Совсем нет, — повторил он. — Были бы шансы... я бы пошел с вами.

— Где больше шансов, — напомнил я, — там меньше выигрыш.

Он кивнул, соглашаясь, оглянулся на багер.

— Прощайте, маркиз. Желаю, чтобы ваша смерть была легкой и быстрой!

— Добрый вы, — укорил я.

Он бесстыдно улыбнулся.

— Я восхищаюсь вами, маркиз. Но знаю, чем закончится, потому выбираю для вас лучший вариант.

— Ну тогда спасибо.

Он отступил, лихим прыжком перемахнул металлический борт и уже с платформы помахал рукой.

Я вскинул кулак в прощании, повернулся и уже не оглядывался до самого конца спуска. Идти было мучением, ветхие камни норовили вывернуться под моим весом из расшатавшихся гнезд и весело покатиться со мной вместе. Иногда края крошились, я падал, судорожно цепляясь раскинутыми руками. Башню построили из песчаника, он долговечен, но хрупок, одно утешение, что никто не слышит, как я спускаюсь, будто корова по пожарной лестнице, сыплю проклятиями, жалобами, охаю и постанываю.

Багер бесшумно поднялся и лег на обратный курс, когда я был на последних ступеньках. Я с надеждой смотрел на приближающуюся землю, там зеленая травка, но пробиваеться не через темную почву суглинка или чернозема. Здесь все покрыто белым песком с множеством мелких ракушек, он так и тянется до самой воды, что не дальше чем в миle отсюда.

Наконец я ощущил соленый вкус на губах, провел языком, прислушиваясь, и решил, что вообще-то приятное ощущение. Дальше и до самого горизонта вытянулся берег, весь изрезанный бухтами, сверкающий золотым песком, кое-где ровный, где-то холмистый, но даже мне, далекому от моря

ского дела, видно, насколько корабли в этих бухтах защищены от любого урагана.

Нет ничего хуже, когда с огромными усилиями и затратами пересечешь океан, а у самой цели твой корабль разбьется о скалы. Недаром капитан зачастую предпочитает оставаться на корабле и вместе с ним идти ко дну. Берега всюду усеяны останками разбитых кораблей, волны иногда выносят на берег даже монеты, украшения, кинжалы...

В долине еще глубокие тени, да и те прячутся в серых неопрятных комьях тумана, а он поднимается неохотно, тяжело, цепляется за траву и верхушки кустов, внизу тепло и спокойно. Зато море блещет грозно и величественно, а деревушка на берегу растянулась ровной полоской, чтобы поближе к воде.

Я распахнул рубашку на груди, так я ближе к народу, еще бы в говно где-нибудь ступить, чтобы совсем уж выглядеть демократом...

Солнце припекает, я вышел из кустов на дорогу, что из порта, повернулся в сторону города и вошел в него с довольной улыбкой, мол, добрался наконец до суши, уж погуляю перед следующим выходом в море, где тут вино, женщины, пляски...

Дома все выглядят сколоченными наспех и такими, которые не жаль бросить и тут же уйти. Непристойные песни я услышал задолго до того, как увидел гостиницу. На улице массовая драка, как мне показалось, потом понял, что трое отбиваются от пятерых, а толпа пестро одетых оборванцев следит за ними с таким интересом, что вот-вот сами влезут в драку. Трое, проигрывая, схватились за ножи, их противники отскочили, в их руках тоже появились обнаженные лезвия.

Среди собравшихся тут же повысились ставки, а я прошел за их спинами в распахнутые ворота. Во дворе двое бегают по кругу, держа в поводу разгоряченных коней, на длинной лавке хохочущий пират старается завалить дебелую женщину и закинуть ей подол на голову. Она ржет, как кобыла-тяжеловоз, отбивается без труда, но время от времени позво-

ляет ему, распаляя похоть, задрать ей юбку и успеть посмотреть на толстые белые ляжки.

Я поднялся на крыльце, из просторного холла одна дверь, сейчас распахнутая, ведет в нечто вроде ада: полыхает огонь, пахнет дымом, горящими березовыми дровами, жареным мясом и кислым вином, доносится рев мужских глоток, что то ли спорят, то ли обсуждают международные новости.

Больше нет дверей, сразу лестница. На втором этаже хмурый мужик встретил в коридоре и спросил недовольно, че надо. Я ответил надменно:

— А ты думаешь, чего?.. Хорошую комнату, а женщин и сам отыщу.

Он буркнул:

— А тут женщин тебе, милок, и не предоставляют. За комнату по серебряной монете в день.

— Ого, — воскликнул я, — почему так дорого?.. Ладно, я сегодня что-то добрый. Мелких у нас нет, вот держи золотой, а сколько дней пробуду — еще не решил.

Я бросил ему монету, он поймал без труда, внимательно всмотрелся.

— Ух ты, сколько видывал, но такую впервые... Кого ограбили?

— Так тебе все и скажи, — ответил я многозначительно.

Он покачал головой.

— Да я и так знаю, что где-то далеко. В наших морях таких монет не водится...

— Точно?

— Да, я всяких насмотрелся, так что можешь продавать дороже.

— Спасибо за подсказку! — сказал я повеселевшим, так надо, голосом.

— Не за что. Иди за мной.

Комната оказалась просторной, с мебелью, и хотя ложе одно, на трех широких лавках можно разместить и гостей, если появятся. Или устроить оргию, сдвинув лавки. Стол добротный, окно широкое, без решеток.

— Сойдет, — сказал я снисходительно. — Грязно только.

— Грязно, — передразнил он, — а у тебя на корабле было

чисто? И просторно?.. Ладно, наслаждайся. Только поджигать ничего не смей! Помни, на суще тоже вешают.

— Что там есть на обед? — спросил я.

Он буркнул:

— Все, как обычно. Если не нравится, в городе есть где перекусить.

— Какой гостеприимный, — укорил я.

Он хмыкнул.

— Все знают, что у меня все лучшее. Так что пойти обедать в город могут только совсем уж дураки.

Он ушел, а я неспешно снял молот, меч и лук, сел на лавку. Из окна доносятся веселые вопли, песни, звон железа, крепкая ругань и женский смех.

На пару минут нахлынула острая тоска. И еще кольнула тревога, что на этот раз я зарвался, обнаглел, потерял чувство меры. И раньше выскальзывал из-под удара чуть ли не благодаря случайности, хотя я в них не верю, а сейчас... гм...

Зато, как говорится, приобрел драгоценный опыт. «И опыт — сын ошибок трудных, и гений — парадоксов друг», как сказал классик. Что-то у меня парадоксальных озарений пока не было, так что на гения еще не тяну, а жаль, хочется быть таким уникальным, таким необыкновенным и загадочным... Ладно, может быть, потом, не хочу расставаться с мечтой о своей уникальности и скрытых глубоко, ну очень глубоко, необыкновенных талантах. Зато опыт есть, есть. Даже приобретенный в этом мире.

Собственно, даже маркизат я предпочел потому, что уже есть этот самый, ну, который опыт. Хотя разоренные и враждебные мне земли Сворве и Коце выбрал не я, а навязал король Барбаросса, но после того, как я справился с заданием и даже расширил власть на Армландию, появилась уверенность, что смогу повторить трюк и здесь. Потому уже сам, к великому удивлению короля Хенриха, предпочел журавля в небе маленькой и сытенькой синичке в кулаке.

Правда, с пиратами не пройдет то, что прошло с армландцами, но я хитрый лис, у меня есть грязные трюки в рукаве, потому что за мной опыт эпох с их прогрессом, переворотами, революциями, контрреволюциями, дефолтами, приватизацией, пирамидами и прочими прелестями иного мира,

который цинизмом и бесчеловечностью ужаснул бы и пиратов.

Я запер дверь и спустился в таверну. Еще с лестницы окунулся в крики, шум драки и вопли, что вообще-то для любого питейного заведения характерно, но здесь все подчеркнуто шумно, злобно и агрессивно.

Как только я опустился за свободный стол, ко мне пересел здоровенный мужик в разорванной рубахе и с фингалом под глазом.

— Угостишь? — спросил он дружелюбно и, не дожидаясь вопроса, объяснил: — Мы уже загрузили корабль, завтра-послезавтра уходим в море. Но я всегда спускаю все почему-то за два-три дня до выхода. Сколько бы ни стоял на берегу! Не понимаю, почему?

Я ухмыльнулся, подбежала миниатюрная, но крепко сбитая девушка, окинула меня быстрым оценивающим взглядом.

— Что изволите?

— Хорошей еды на двоих, — сказал я, — и хорошего вина.

— Тоже на двоих? — уточнила она и покосилась на моего соседа.

— Разумеется, — подтвердил я.

Она кивнула, снова окинула меня схватывающим взглядом, очень неглупая девушка с виду, ушла.

— Я Ганс Фишер, — сказал мужик. — Двадцать лет уже на морях, все еще жив, бывал удачлив и даже очень удачлив, но так и не стал капитаном, как вон ты.

Я спросил с интересом:

— А во мне капитанскость заметна?

Он кивнул.

— Еще как.

— Гм, — сказал я, — это приятно, но опасно. Если схватят, в толпе матросов не спрячешься!

Он захочтал, девушка принесла еды и вина, я с изумлением посмотрел на сочные ломти мяса, украшенные зеленью, шипящую яичницу, только со сковородки, политые маслом ломтики рыбы. Чем-то разительно отличается от той роскоши, что подавалась во дворце герцога...

Натуральное, мелькнуло в голове. Здесь нет подземного

завода с механическими морлоками, а привозить от соседей тоже не удастся: и горы с трех сторон, и репутация пиратов...

Фишер первым делом откупорил кувшин, темно-красное вино тягучей струей полилось в чаши.

— Хорошо, — сказал он с удовольствием. — Хорошо.

Осушил ее одним махом, довольно прикрыл глаза, а потом смотрел, прищурившись, как я сделал пару аккуратных глотков и отставил, продолжая заниматься яичницей с ветчиной.

— Вот потому ты и капитан, — сказал он с непонятным выражением.

— Почему?

— Не напиваешься сразу, — объяснил он. — Сперва посмотришь, что изменилось, что появилось новое, что взять лучшее... А мы вот сразу хватаем то, что ближе! Эх, нет ума и не будет.

Я ел неспешно, так удобнее посматривать на гуляющих за столами, с этим контингентом работать. К удивлению, обнаружил за одним столом женщину, рослую и крепкую, с голыми бугристыми от сухих мышц плечами и небольшой, но четко очерченной грудью, едва прикрытой тонкой тканью расшитой блестками рубашки. С ней мрачно веселились еще пятеро суровых мужчин, на столе тесно от кувшинов с вином, зато из еды одна тарелка на всех.

— Кто эта женщина? — спросил я.

Фишер широко улыбнулся.

— О, это целая песня!.. Синтия, одна из лучших штурманов. Чует заранее, где какое течение, когда изменится ветер. Даже может предсказать, если в море, какой остров ушел, а какой на месте...

— Хороша, — заметил я. — Правильно, что с нею такие орлы. Защищят, если что.

Он покачал головой, снова налил и выпил.

— Она и без них чего-то стоит. Когда впервые здесь появилась, несколько орлов восхотели позабавиться. Уж не знаю, до какой дури нужно было допиться, чтобы посчитать ее за женщину? Я вот сейчас и трезвый в упор вижу только нечто вроде тролля. Даже огра. Скорее вон ту балку посчитаю женщиной... Или этот стол.

— И как было? — напомнил я.

Он отмахнулся.

— Сделала вид, что струсила. Они на нее насели, а у нее как будто выросло десять рук. Всех пятерых потом, можно сказать, отскребывали от стен, а от крови отмывали даже потолок... С тех пор никто даже подумать не смеет, что она — женщина. Даже если бы кто-то и мог.

Я зябко повел плечами, эта пиратка не только штурман. Трудно представить женщину таким чудовищем, но вообще-то женщины бывают зверюками и покруче. Фишер посматривает с кривой усмешкой, и я ответил совсем не то, что сбирался:

— Разумно. Зато сразу решила этот вопрос. А то каждый раз приходилось бы кому-то ломать руку, а кому-то челюсть.

— Да уж...

— Я когда-то знал подобную, — сказал я и подумал, что в самом деле знал Джильдину очень давно, хотя это было чуть ли не вчера.

— Где? — спросил он заинтересованно.

— Ну, — промямлил я, — весьма далековато...

— На островах?

— Ага, — ответил я. — Можно сказать и так.

Он ухмыльнулся.

— Темнишь... Хотя все здесь темнят. Говорят только про то, что и так все знают. Эх, нанести бы на карты еще и кочующие острова, у нас бы все моря были в кармане...

Я вздохнул, развел руками, мол, сам страдаю из-за этих кочующих, торопливо вонзил зубы в сочную ветчину, чтобы ничего не отвечать.

— А еще понять, — договорил он, — почему течения меняются. Ветры — еще понятно, но когда масса воды несет тебя на восток, а ты ждал, что, как и в прошлый раз, понесет на север... бр-р-р! Эй, малышка, принеси вина из запасов дона Испарда. Я знаю-знаю, что капитан Узинген продал все захваченное твоему хозяину!

Девчонка усмехнулась загадочно, не сказала ни да, ни нет, но принесенное вино в самом деле показалось мне лучшим из всех, какие я пробовал.

— А ты знаешь, — сказал я Фишеру одобрительно, — что где и почем!..

— Приходится, — ответил он. — Хоть и на суще бываем редко, но все-таки здесь наше настоящее.

— Я тоже так думаю, — согласился я. — Посмотрел на город, так захотелось оставить море и поселиться на берегу!

Он посмотрел с недоверием.

— Ты?

— А почему нет?

— Ты молод, — ответил он со вздохом. — Разве что удалось захватить корабль, полный золота?.. Или с древними штуками? Тогда да, только на берегу и можно насладиться...

— Золотой корабль захватить не удалось, — ответил я таинственно, — но кое-что поимел... Так что вообще-то не прочь. Хоть на время. Чей там на холме высокий дом, похожий на дворец?

Он ответил сразу, не уточняя, что за дворец, роскошный дом в бухте только один:

— Дом Бархфельда. Это грандкапитан. Под его рукой двенадцать капитанов! Когда-то, лет двадцать назад, он сумел объединить вожаков... До него грабили только отдельные суда, а он объединил в такие эскадры, что захватывали даже острова с богатыми городами!..

— Ого!

Он кивнул.

— И сейчас капитаны вроде бы сами по себе, но когда грандкапитан заметит где-то богатую добычу, а она одному или двум кораблям не по зубам, он умеет собрать в кулак такую эскадру, какая требуется.

— Ценное качество, — сказал я уважительно, — я бы не прочь походить под рукой такого полководца. А то больше на удачу рассчитываю со своей командой, а хотелось бы — на успех.

Он допил вино и налил себе снова. Лицо раскраснелось, глаза уже поблескивают весело и задорно.

— Тебе стоит только сказать, — заметил он. — Грандкапитан принимает всех. Ты, я вижу, издалека прибыл?

— Издалека, — согласился я.

— Не хочешь говорить, — сказал он понимающе, — не говори. Здесь многие помалкивают, кто и оттуда. Хоть тут достать — руки коротки, но лучше поосторожничать, ты прав.

Глава 2

С отяжелевшим желудком, отлично здесь кормят, и даже малость подобревший от изумительного вина, я вышел из гостиницы, шум, гам и конское ржанье, я ухватил одного гуляку за рукав и поинтересовался, где тут можно купить хорошего коня.

— Хорошего для чего? — уточнил пират, он оглядел меня дерзкими глазами.

— Для езды, — пояснил я и посмотрел на него с угрозой. — А ты о чем подумал?

Он усмехнулся еще нахальнее.

— Да всякий народ шастает. Есть уроды, даже конину жрут! Но моряки нешибко верхом ездят.

— Я не родился на море, — ответил я многозначительно.

— Тогда вон к тем домам, — объяснил он с той же дерзкой ухмылкой, что как прилипла к его роже. — Там целый загон. Думаю, найдешь себе по масти.

Через полчаса я уже покупал седло и конскую сбрую, конь хороший, и хотя в другом месте за эти деньги купил бы целый табун, но стыдно и даже подозрительно пирату торговаться или жмотиться, чем и пользуется окрестный люд.

Конь шел подо мной легко, команды понимает, я скоро свыкся и забыл о нем, рассматривая народ на улицах, дома, множество рынков. Товары чаще всего разложены прямо на земле, но торговля идет вяло: все это простая розничная перепродажа купленного у пиратов оптом.

Наконец распахнулся шумный и яркий главный рынок, здесь распраодают захваченную добычу, начиная с тюков тонкой драгоценной материи, редких шелков, парчи, богато украшенных сундуков, теперь уже пустых, и заканчивая продажей невольников.

Пока я добрался, расталкивая народ, до центра, уже знал из разговоров, что вчера вернулся знаменитый Хусса Ламос по прозвищу Дракон Моря, он ограбил два острова, на обратном пути захватил три богатых торговых корабля. Стариков порубили на месте, а остальных заковали в цепи и привезли для распродажи.

На видном месте продают молодых женщин. Две вообще

голые, на остальных лохмотья, что не скрывают тела. Я задержал взгляд на самой яркой: пышная грива огненно-красных волос, но лицо без веснушек, удлиненно-благородное; только один глаз скрылся под багровым кровоподтеком, на щеке широкая кровавая ссадина, словно со всего размаха ударили плетью.

Продавец заставлял рабынь поворачиваться, приседать, и в какой-то момент, когда рыжеволосая повернулась, я пожалелся от жуткого вида ее исполосованной в кровь спины.

Она единственная прикована железной цепью к помосту. Редкие покупатели глазели на нее с интересом, отпускали похабные замечания, но никто даже не спрашивал цену. Одну девушку купили довольно быстро, за двух других шел оживленный торг.

Продавец расхваливал пленниц, расписывал, какие они замечательные, послушные, умеют все делать, как в постели, так и в хозяйстве. Их рассматривали с интересом, но настоящих покупателей, как я заметил, все-таки маловато.

— Сколько вот за эту? — спросил я.

Продавец проследил за моих взглядом и просиял, видя, что указываю на рыжеволосую.

— О, это настоящий цветок! — провозгласил он с пафосом. — Это женщина дивной красоты...

— И невиданной кротости, — прервал я. — У нее ангельский нрав, она добра и, возможно, не зарежет хозяина по дороге к дому и не задушит перед сном! Так?

Он вскрикнул:

— Как? Разве не видно, что она подлинный цветок?

— А шипы никак не обломали? — спросил я саркастически. — Ладно, я поехал дальше...

Он вскрикнул с жаром:

— Господин, только тебе могу продать эту красоту, потому что в тебе виден настоящий ценитель! Всего пять золотых за такое чудо!

— Пять? — удивился я. — Да за пять я куплю весь базар!

— Господин, — вскричал он оскорблённо, — но это же красота, какая у нее фигура, какие глаза, волосы...

— ...зубы, — продолжил я. — Кусается больно?

— Не знаю, — ответил он автоматически, осознал про-

мах, добавил торопливо: — Я лишь продаю, что мне поручили. Но видно же, что женщина просто необыкновенная!

— Видно, — согласился я. — Такая если укусит, то укусит! А ногти? Она и царапается, как тигрица, это точно, Ладно, одну монету дам. Да и то потому, что сегодня добрый.

— Одну? — вскрикнул он в недоумении. — За такое сокровище?

Я подумал, оглядел пленницу, что стегнула по мне ненавидящим взглядом, бросил небрежно:

— Ладно, даю две. Но на этом торг закончим. Вообще-то она мне ни к чему...

— Господин, — сказал он торопливо, — ради вас я сброшу цену до четырех монет! Но хозяин меня за такую уступку убьет.

Я оглядел женщину безразличным взглядом, покачал головой.

— Я захватил богатую добычу, но это не значит, что буду разбрасывать золото куда попало. Нет, она не стоит четырех. Прощай!

Я повернул коня. Торговец закричал отчаянно:

— Три!.. Отдаю за три!

Я сделал вид, что колеблюсь, но рука уже полезла в котел на поясе, так как заметил группу людей, что издали увидели эту красоту на помосте и начали проталкиваться через толпу.

— Ладно, — сказал я, — держи!

Он поймал монету, проверил на зуб, а его помощник торопливо начал сбивать цепь. Освобожденная женщина смотрела на меня ненавидящие.

Я подъехал к помосту вплотную, велел:

— Красотка, садись за моей спиной!

Ее взгляд ожег меня, как будто ударила кнутом со всего размаха. Я поморщился.

— Хочешь, чтобы тебя купили для усталых дряхлых чревоугодников? Вон топают сюда прямиком... И уже присматриваются именно к тебе.

Она повернула голову, несколько мгновений смотрела, а когда мужчины вошли на торговый пятачок, прыгнула с помоста, сразу ухватившись за мой пояс. В толпе ахнули, сей-

час она казалась особенно хороша, с развевающимися огненными волосами, взволнованная и разгоряченная.

Я пустил коня через толпу, сказал, не поворачивая головы:

— Не пытайся бежать. Народ в городе еще хуже, чем на рынке.

Она не ответила. Когда мы выехали с территории рынка, я левой рукой потрогал ее полуобнаженное тело и сразу же получил болезненный удар в запястье.

Пальцы онемели, я сказал зло:

— Дурочка... Я только убрал твои кровоподтеки.

Некоторое время мы ехали молча, ее голос раздался неожиданно:

— Ты потратил на меня амулет Спасения?

— Можешь считать и так, — буркнул я. — Извини, что не сразу. Не хотел... чтоб цену на тебя повысили. Здесь это прошло незаметно, а в гостинице уже не увидят твоей удалой разбитой морды. Прости, это я так шучу неудачно.

Я остановил коня возле лавки, где торговали тканями. Сказал, не оборачиваясь:

— Я хочу тебе купить какое-то платье. Если захочешь удрать сразу, то вот тебе пара золотых монет. И немного серебра, не за все же платить золотом...

Мой кулак с зажатыми монетами чувствовал ее теплый живот, некоторое время ничего не происходило, затем ее голос прозвучал над моим ухом:

— Делай, как знаешь.

Я соскочил на землю, набросил повод на крюк, лавочник уже распахнул угодливо двери. В лавке тюки грубого полотна, это на паруса, понятно, совсем немного яркой цветной ткани, лишь на одной нижней полке одежда.

— Женская есть?

Хозяин развел руками.

— Зачем? Женщины себе шьют сами! А вот для мужчин есть очень нарядные костюмы...

— Мужские мне не надо, — ответил я и повернулся, чтобы выйти.

От двери раздалось:

— А вот мне подойдут!

Моя рыжеволосая красотка вошла легкой походкой уверенной в своих силах и своем очаровании молодой женщи-

ны. От кровоподтека не осталось и следа, я задержал дыхание при виде такого совершенного лица.

Лавочник смотрел на нее оstonбенело.

— Вам?

— Мне, — подтвердила она. — Я люблю носить мужское. Он угодливо поклонился.

— Как скажете... леди.

Я наблюдал, как он выкладывает перед ней расшитые где золотом, где серебром, где бисером камзолы, шелковые панталоны, рубашки из дорогой ткани.

Она выбрала довольно быстро, совсем не по-женски, переоделась в темной кладовке и вышла, сияя такой красотой, что просто и не знаю... Наверное, за такую можно бы дать и все пять монет.

Расплатившись, она прошла к двери, я тупо последовал следом. На улице она остановилась, я чуть было не преклонил колено, чтобы взобралась в седло, потом вспомнил, что это же мой конь, ругнулся молча, вскочил в седло и подал ей руку.

Она с моей помощью запрыгнула легко и умело. Я повернул коня, теплые руки ухватили меня за пояс. Конь горестно вздохнул и пошел посередине дороги.

За спиной раздался напряженный голос:

— А что ты сам собираешься со мной делать?

— Ничего, — ответил я равнодушно.

После паузы она поинтересовалась чуть ядовито:

— Тогда спрошу иначе, для каких целей купил?

— Не купил, — поправил я, — а выкупил. Мне почему-то показалась, что такая красота не должна никому служить. Наоборот, ей должны служить. Это я так, галантницаю. Набрался в столице, как собака блох, этих дурацких любезностей... Потому ты свободна. Я просто помогу тебе, не слишком обременяя себя, выбраться в места, где будешь чувствовать себя хотя бы в безопасности.

— Как поможешь?

— Я же сказал, не слишком обременяя себя. То есть дам пару монет, а там сама думай, какими воспользоваться.

— А ты?

— Что я? У меня своих дел, забот и приключений хватает. Даже без баб.

— Значит, сам ты не собираешься тешить свою похоть?

Я сказал раздраженно:

— Убери сарказм, пожалуйста! По-твоему, я такой урод, что мне для таких обыденных целей надо женщин покупать? Да мне красотки и поярче тебя на шею вешаются! Да где там, под коня бросаются!

После паузы послышался ее короткий смешок.

— Я тоже подумала, что под коня.

— Ну вот и лады. Почему от женщин только хлопоты?

— Но тогда...

— Во мне проснулась благотворительность, — объяснил я. — Некая материальность, однако. Ненадолго, правда. Теперь уже возжалел. Конечно, ты не стоишь и одного экю, а я отвалил целых три золотых, дурак. Даже идиот! Что на меня нашло? Наверное, после вчерашней пьянки почудилось, что стадо коров покупаю... А сейчас в этой одежде ты вообще на все четыре тянешь. Правда, с одеждой. Ну да ладно, в кости больше проигрывал. За себя можешь быть спокойна. Сам не полезу, это урон моей гордости, и другим не дам.

Она поинтересовалась:

— А другим почему? С друзьями надо делиться.

— Обойдутся, — ответил я. — Это не ревность, а так. Я платил, а пользоваться им? Нет уж.

На постоялом дворе веселье, пьяные танцы, хохот и смеющиеся женщины в платьях с короткими подолами. Я пустил коня через толпу, кто-то со смехом ухватил мою невольницу за ногу, я не успел вмешаться, как она быстро и точно пнула его в лицо.

Он ухватился за разбитый нос, заматерился и начал сывать угрозами. Я грозно сдвинул брови и выразительно взялся за рукоять меча. Его друзья со злорадным хохотом ухватили пострадавшего дружка за руки и плечи, утащили к женщинам попроще, которые явно не пинаются.

Глава 3

Из распахнутых дверей гостиницы спиной вперед с грохотом и воплями вылетел крупный мужчина, за ним выкатился, роняя кровавые слюни, еще один, а следом вышел,

набычившись и сжимая пудовые кулаки, здоровенный бугай, поперек себя шире, остановился на крыльце.

Я поднимался по ступенькам прямо, он взглянул на меня, на женщину за моей спиной и вдруг шагнул в сторону, отвесил изящный поклон.

— Приветствую, сэр, — сказал я легко, — всегда приятно встретить учтивого человека.

Он сказал нам вдогонку:

— Гитард д'Альбре, капитан корабля «Гремящий» к вашим услугам, сэр!

Я оглянулся уже из холла, улыбнулся и махнул ему рукой. Мужчины за столами опустили кружки с вином и пивом, уставились на мою женщину.

— Наверх, — сказал я. — Не отставай, Фатима.

— Почему Фатима? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я беспечно. — Понравилось почему-то. Ассоциативный ряд бессознательного.

— Чего-чего?

Я отмахнулся.

— Не бери в голову. Не отставай, а то уведут.

В комнате она огляделась критически, но смолчала. Возможно, вспомнила, что это я ее купил, как козу, а не она меня.

— Располагайся, — сказал я. — Извини, что нет привычной тебе роскоши. Пользуйся тем, что есть.

Она замерла, в глазах метнулся страх.

— Привычной мне? Почему ты решил, что мне роскошь знакома?

— Да ладно, — ответил я, — передо мной можешь не прокидываться. Но перед другими — продолжай. Вообще-то твое знатное происхождение видно невооруженным глазом. Думаю, всем видно.

Она сделала попытку свернуть опасный разговор в сторону:

— А как глаз может быть вооружен?

— Может, — заверил я. — Ну в общем, ты меня поняла.

Она села и, сложив руки между коленями, смотрела на меня молча и строго. Наконец поинтересовалась:

— А если я была служанкой знатной госпожи? Потому роскошь мне и знакома?

— Не хитри, — посоветовал я. — Тебе не просто знакома,

а ты ею пользовалась постоянно. Не ты была служанкой, а у тебя были служанки. Это ж какими пьяными и тупыми надо быть, чтобы не рассмотреть это сразу!

Она чуть-чуть улыбнулась.

— Я хорошо копировала своих служанок. А с тобой потеряла бдительность.

— Ты просто устала.

— Да, — согласилась она. — Очень. Что собираешься делать теперь?

— У меня дел много.

— Нет, со мной!

— Извини, что это я... Забыл совсем, что в присутствии женщины нужно говорить и вообще думать только о ней, единственной и неповторимой. Что-то я расслабился, как и ты... Уже сказал, у меня своих забот хватает. Скажу честно, я бы ради тебя не полез драться с драконом, но когда можно по дороге бросить монетку и освободить существо, у которого душа, а некоторые предполагают, что у женщин тоже есть... почему не сделать доброе дело? Вся наша жизнь из упущеных возможностей сделать доброе дело. Битва с драконом когда еще будет... да и будет ли, а вот добрые дела по мелочи надо делать всегда. При любой возможности.

Она слушала внимательно, пару раз поморщилась, я видел, в какие моменты, наконец пробормотала:

— Ты говоришь, как арианин. Ничтожные и слабые люди...

— Точно?

Она пожала плечами, бледно усмехнулась.

— В данном случае они правы. Но все равно — слабый народ. Их не убивают только потому, что безобидны. Но бьют и гонят — да, за дело... Только ты неправ насчет роскоши. Я не знала ее, мой народ презирает роскошь. Прав в другом, я не простая пастушка.

Ее взгляд теперь был полон королевского величия, но я не повел и бровью. Не признал в ней знатную особу, но и не напомнил, что сейчас она моя рабыня.

— Мой отец, — произнесла она с вызовом, — верховный вождь на одном из больших островов. Я не стану говорить тебе его имя, но я из знатного рода. И если поможешь вернуться, отец и родня щедро вознаградят.

Я развел руками.

— Считай, это одна из тех упущеных возможностей, которые я постоянно прощелкиваю хлебалом. Увы, у меня своих дел невпроворот. Я тебе дам денег взамен тех, что потратила на этот костюм... он, кстати, тебе очень идет, а дальше, лапушка, сама. Никакой награды не требуется, я всегда подбирал щенков и котят, за что получал взбучку от родителей.

Она нахмурилась, явно разочарованная реакцией.

— Ты пират, — сказала она презрительно, — какие у тебя дела на суще? Если доставишь к моим родным, золота получишь много.

Я покачал головой.

— Извини. Я гуманист, всегда готов помочь, и все такое... но по отношению к себе я гуманистнее. Проще говоря, сперва все мне, а потом, если что останется, другим. Было бы иначе — мир бы рухнул. Потому мы сейчас пообедаем, а потом я пойду по своим делам.

— А я?

— По своим, — отрубил я.

Она выпрямилась, во взгляде было презрение. Затем спросила с непередаваемым достоинством, словно подавала милостыню нищему:

— А если я сама приду в твою постель?

— Дорогуша, — ответил я кротко, — я понимаю, что я — лучший мужчина на свете и все такое, но я еще и с комплексами, как в высшей степени одухотворенная личность. В смысле, чувствительный такой... Ты скакнешь в мою постель, ошалелая от моей неслыханной красоты и прочих достоинств, а я буду думать, что хочешь отблагодарить за спасение! Это изранит мою чувствительную гордость, как моргенштерном по младенцу. Так что лучше не надо, поняла?

Она долго всматривалась в мое напыщенное лицо, я старался выглядеть как интеллигент, которому предложили выйти на субботник и убрать за чужой собакой, но все еще вглядывалась, наивная, пытается рассмотреть то, что я чувствую на самом деле. Вообще-то все женщины — блондинки, как мне кажется все чаще. Мужская душа — потемки. Мало ли что распространяем слухи, что мы — просты, а женщины — непредсказуема, но как раз все ее движения просты и

понятны, а вот мы так и сами не понимаем, почему и что творим, и наутро после пьянки не раз хватаемся за голову: ну что за дурак, знал же, ну зачем все это снова...

Я высунулся в коридор, заорал:

— Эй! Вина и мяса в мою комнату!.. И живо!.. А еще хрюкотов.

— Каких?

— Всяких! — ответил я лихо, как и подобает гуляющему вовсю пирату. — Разных!

Она наблюдала за мной с интересом. Некоторое время вроде бы пыталась переломить себя и держаться подобно служанке, но тут же отбросила притворство.

— Меня зовут Маргарита де Меркер, — произнесла она хмуро. — А никакая не Фатима.

— Маргарита де Меркер? — спросил я и тут же добавил: — Не горячись, мне все равно. Меня зовут Ричард Длинные Руки, это настоящее имя.

Она вспыхнула, сказала раздраженно:

— Маргарита — мое подлинное имя!

— Красивое имя, — сказал я примирительно. — Хоть тебе и не идет.

— Почему?

— Маргарита — это какой-то бледный цветок, да?.. А ты вон какая яркая. Трояндой бы лучше назвали!

Она невольно улыбнулась, но сказать не успела: стук в дверь, слуга принес еды на целый экипаж, а также вина и две корзины самых разных фруктов.

Я ел быстро, вино только попробовал, на десерт съел большую истекающую медовым соком грушу. Маргарита поглядывала, как я жру, сама сперва крепилась и не ела, а кушала, но голод взял свое, вскоре разрумянилась, глаза заблестели.

С десертом я мог закончить быстрее, но затянул, чтобы она не осталась насыщаться в одиночестве, а то вдруг да смутится, женщины всегда переживают, что жрут больше других.

Я подумал насчет кофе, но в дверь постучали. Хозяин вошел непривычно осторожно, посматривал чуть ли не боязливо. Я указал на свободный стул.

— Вина налить?

Он бросил искоса взгляд на Маргариту, она смотрит прямо перед собой, в изящных пальцах бокал с вином, все решают я, помотал лохматой головой.

— Нет, но спасибо за предложение. Вы, наверное, не знаете, но с недавних времен в этих краях появился свой маг. Хоть он и не маг, но все-таки маг...

Я спросил настороженно:

— Слыхивал о нем. А как это — маг, но не маг?

— Грамотный, — пояснил он неуклюже. — Очень. Читает даже самые старые книги. Разгадывает амулеты. Не все, но многие. А тем, у кого есть пустые Спасения, снова дает им целебную силу...

Я пробормотал:

— Это немало.

Он вздохнул тяжело, будто тащил из каменоломни глыбу мрамора.

— Беда в том, — сказал он угрюмо, — что еще он дал вам сутки на то, чтобы убраться из маркизата.

В комнате повеяло холодом. Бокал в руке Маргариты остановился на полпути к губам. Я удержался от желания покривиться, но внутри противно заныло. Только начал успокаиваться, что затерялся среди пиратов...

— Какой добрый, — пробормотал я. — А не знает, что следующий багер только через месяц?

Хозяин покачал головой.

— Багерами здесь не пользуются, как вы понимаете. А за сутки как раз можно успеть хоть до королевства Альвасет, хоть до Диегаррона. Если, конечно, конь хороший.

— Какой добрый, — повторил я уже злее. — А хотя бы сутки на раздумывание?

Он развел руками.

— Маг все подумал за вас.

— Какой добрый, — повторил я снова.

— Он добрый, — согласился хозяин. — Другой бы не стал лечить пиратов, помогать им, а этот для них сделал многое. Потому его чтут, уважают! Все непонятное, что захватывают на кораблях, ташат ему.

— Ну да, — пробормотал яsarкастически, — очень доб-
рый. Зато из пиратской добычи себе оставляет самое ценное.

Он сказал возмущенно:

— Он за все время ни одной монетки не присвоил!

— А вещи Древних?

— Вещи Древних ему и так приносят! А какие удается
разгадать, возвращают пиратам. Над остальными думает.

По моей спине пробежали крупные мурашки. Можно се-
бе представить, сколько пираты награбили древних артефак-
тов, и сколько этот колдун оставил себе, отдавая пиратам
всякую мелочь!

— А если я не уйду... — проговорил я.

Он равнодушно кивнул.

— Убьют. Для этого не обязательно посыпать демонов.

Слова мага хватит. Это пиратский край, господин. Здесь уби-
вают легко и с удовольствием. Я чувствую, ты сильный воин.
Возможно, у тебя есть какие-то тайные трюки. Но ни один
герой не выстоит против враждебного края.

Он ушел, я сидел молча, обдумывая ситуацию. Маргари-
та задвигалась, я услышал ее тихий голос:

— Надо уходить. Я же сказала, моя родня заплатит, когда
привезешь меня.

— С какой стати? — спросил я.

Она удивилась:

— А как иначе?

Я ухмыльнулся.

— Думаю, они тебя и продали. Из-за твоего характера.
Ладно, шучу. Никуда я тебя не повезу... Нет-нет, вовсе не
потому, что хочу оставить для себя. Я сам бы заплатил кому-
нибудь, чтоб тебя забрали. Увы, своих дел по горло. Так что
тебе придется потерпеть мое присутствие еще какое-то время.

Она пропустила мимо ушей выпады, взгляд ее зеленых
глаз был прям, как луч лазера.

— Какое-то?

— Да, какое-то.

— Это будет недолго, — заметила она сухо. — Если он дал
тебе всего сутки.

— Сутки, — сказал я, — это много. Это очень много.

Она покачала головой, не сводя с меня взгляда.

— Ты сумасшедший.

— Если лошадь говорит, что ты сумасшедший, — сказал я, — то так оно и есть. Но моя лошадь промолчала.

— Но я же говорю?

Я оглядел ее с головы до ног.

— Ну, на лошадь ты не тянемь. Впрочем, все мы лошади... Извини, у меня в самом деле времени мало.

Она непонимающе смотрела, как я неторопливо надеваю перевязь с мечом.

— Что ты задумал?

— Колдун возжелал меня изгнать, — объяснил я.

— Это я слышала.

— Понятно, я должен пойти к нему и спросить: ты чего, мужик?

Она покачала головой.

— Думаешь, ответит?

— А почему не ответить? — сказал я серьезно. — Я не уверен, что сделает потом, когда ответит... Но сперва ответит. Такая у нас психология. Может быть, даже закатает длинную лекцию об устройстве мира и своем понимании базовых ценностей. Ну, такие мы, сами над этим смеемся, а делаем. Может быть, простое недоразумение? И я смогу его разрешить?

Она хмыкнула.

— Он тебя разрешит от жизни.

— Оставайся, — велел я. — Еду будут приносить сюда.

Я распоряжусь.

— Как долго? — спросила она. — Мне ждать тебя год, два, десять?.. Прежде чем уйти?

— Думаю, за сутки управлюсь, — ответил я. — Ладно, я пошел, спасибо.

Она спросила с удивлением:

— За что?

— За общество, — ответил я отстраненно, уже думая о своем. — Обед в обществе красивой женщины превращает его в пир.

Меч занял свое место за плечом, лук рядом, молот на пояске смотрится, как будто там и живет. Маргарита наблюдала за мной молча, взгляд оставался загадочным.

Когда я шагнул к двери, она сказала внезапно:

— А ты сам из благородных.

Судя по ее виду, собиралась смутиить, мол, сам попался, я рассмеялся:

— Дорогуша, даже не представляешь, сколько нас среди пиаратов! И прочего сброва.

Внизу в зале я щелкнул пальцами. Вспыхнуло красное зарево, возник красный демон. Угрожающе покачиваясь, он смотрел в одну точку, молчаливый и грозный.

Раздался вопль ужаса, народ шарахнулся в разные стороны. Я оглядел всех тяжелым взглядом, примолкли и смотрят испуганно, выждал положенное время и велел демону голо-сом абсолютного хозяина:

— Охраняй женщину, которая сейчас в моей комнате. Если она выйдет — охраняй везде. Кто посмеет ее задеть — рви в клочья! А теперь иди... Ах да, стань невидимым, чтобы не пугать народ зря.

Демон молча исчез, а я, отряхнув одежду, молча вышел из здания и пошел к конюшне.

Конь ржанул, узнавая меня уже как своего нового хозяина. Я потрепал его по шее, вывел во двор. На втором этаже шевельнулась штора на окне. Я помахал рукой, но ответа не увидел.

Глава 4

Синее небо и бескрайнее синее море, вдали они смыкаются, но все равно между ними видна четкая грань. Справа высокие зеленые холмы, настоящие горы, дальше такие же холмы кажутся синими, над ними и небо не синее, а белесое.

Конь несется бодро, воздух свежий и пахнет морем, стук копыт сменился плеском, проскакали напрямик по отмели. Изумрудная вода взлетает из-под копыт выше головы, сверкающими каплями, они на миг застывают в воздухе и падают очень медленно.

Зеленые холмы постепенно просели под копытами моего коня, я бросил взгляд вперед, и дрожь пробежала по телу. Дальше грозно растет в чистую лазурь небосвода черная

башня. Сердце стучит тревожно, не слишком ли я обнаглел, среди безмятежной пасторали это жуткое сооружение выглядит как похабная ругань в церкви.

Полностью из металла, уже дикость, да еще из беспорядочно насаженных на штырь массивных стальных плит. Их десятки, если не сотни, и хотя толщина каждой с двухэтажный дом, меня не оставляло жуткое ощущение, что это монолитные стальные плиты, и я старался не представлять этот чудовищный вес.

Еще издали заметил, что башня огорожена длинным рядом копий в три человеческих роста с короткими интервалами, так что между ними не протиснется даже ребенок. Наконечники грозно устремлены в небо, ворота — произведение металлургического искусства с его литьем и чеканкой, через равные промежутки в землю вмурованы гранитные глыбы, а в них — металлические столбы, на которых держится забор.

Похоже, заселение и расцвет этих земель начался в самом начале эпохи Восстановления, а уж потом появились пираты, что все разорили и опустошили.

Чувство будущего поражения заползает под кожу, словно ядовитый иприт. Я осторожно потрогал металлическую решетку ворот, готовый в любой момент с воплем отдернуть.

Током не шарахнуло, но все равно я чувствовал, что делаю глупость, когда потянул на себя воротину и прошел в щель.

Под ногами глухо отзываются серые каменные плиты. Состыкованы плотно, ни травинки в щелях, будто иду по сплошному каменному плато, расчерченному на квадраты.

На той стороне зияет темный вход в башню. В голове тревожная мысль, почему ни ворот, ни двери. Что-то там есть, какая-то ловушка...

Я остановился в нерешительности, все сильнее ощущение, что за мной наблюдают.

— Серфик, — произнес я вполголоса, — явись, крылатый поросенок!

Через мгновение красная искорка вспыхнула на расстоянии протянутой руки.

— Я здесь, господин!

— Серфик, — сказал я, — тебе такое важное задание... Как хочешь крутись, но придумай, как тебе не страдать от

жуткого холода этого мира. Я не могу везде зажигать для тебя костер или свечи! А приходится, мы ж в ответе за всех, кого нагнули. Ну, это такая моральная императива последнего поколения. Можешь не обращать внимания, но сделай так, чтобы ты здесь не страдал!

— Я?

— Ты, — ответил я с раздражением. — Мне-то по фигу, страдаешь ты, но почему-то хреново. Дуализм какой-то, будто и я интеллигент.

Наступила долгая пауза, раздался ликующий писк:

— Все!

— Что все? — переспросил я.

— Выполнено, — ответил он.

Я изумился:

— Вот так просто?

— Ну да, — ответил он. — Вы же велели!.. А ваше повеление — закон.

Я присвистнул ошалело. Это что же, достаточно было просто велеть? И любому демону можно велеть? И все тысячи тысяч демонов не будут испытывать мук в этом мире? Все так элементарно?.. И никто раньше меня не додумался?.. Все дураки?

Серфик весело носился вокруг, а потом развивал такую скорость, что я оказался словно в пурпурном коконе. Хотя почему дураки? Нормальные люди этого времени. К примеру, совсем недавно и у нас буссенары стреляли во всех увиденных слонов, носорогов, гиппопотамов, жираф, антилоп, не говоря уж о волках, гиенах или шакалах. Странные и нелепые призывы хотя бы не всех убивать появились совсем недавно, а до этого было ясно и понятно: увидел дикое животное — стреляй!

Во всех цирках и зверинцах единственными методами дрессировок были жестокие избиения животных, чтобы принудить к покорности. Это совсем недавно додумались действовать еще и лаской... Чего уж говорить о демонах! Никому и никогда не придет в голову в чем-то облегчить жизнь этому гаду. «Мы в ответе за тех, кого приручили» — эта дикая и совсем новая идея, непривычная и революционная, еще не

скоро в ком-то проклонется. Да и то сперва такого будут высмеивать, а то и сожгут. Даже на Юге...

— Вот и хорошо, — сказал я машинально, в то время как голова разогревается от массы вариантов, как все это использовать, утилизировать, раз уж мое мышление, оказывается, аж настолько шире узкого диапазона жителей этого мира, — вот и хорошо... А то все время чувствовал себя виноватым...

Серфик пискнул удивленно:

— Виноватым? Вы, хозяин?

— Чехов сказал однажды, что интеллигентный человек чувствует себя виноватым даже перед собакой. А я все-таки интеллигент, хоть всех интеллигентов бы перевешал... А утопивших утопил бы.

— Я бы помог, — пропищал он, — но я ничего не могу!

— Уже знаю. Эх, если бы все так же получалось легко, как вот твое приспособление к здешнему климату! Боюсь, все получится с точностью до наоборот... Ты можешь заглянуть в эту башню? Хоть чуть-чуть? А то что-то тревожно...

Он пропищал:

— Не могу, господин! Я слаб, меня уничтожит даже самое малое заклятие. Я бы пошел, однако любая защитная магия меня не пустит.

— Эх, — сказал я с досадой, — ладно, порхай в свой энергетический рай...

Он исчез, я приблизился к темному проему. То, что не вижу дверей, вовсе не значит, что их нет. Башня слишком уж... чтоб в нее могли запросто зайти люди и звери, насрать в холле и так же безнаказанно выйти.

Под подошвами заскрипела земля. Рыжая, ржавая, словно толстый слой окалины кем-то очищаемого железа. Так и вижу, как из недр медленно и с грозным величием поднимается эта странная башня, а с ее стен щедро сыплется эта ржавая короста.

Я помотал головой, почему-то вижу именно эту картинку, но никак не могу представить ее облепленную лесами и множеством рабочих-строителей.

— Давай, Вася, — сказал я вслух, — не рефлексируй, не умничай, не ищи отговорок... Надо идти — иди!

Я без необходимости проверил, легко ли вытаскивается меч, как будто он когда-то застревал, поправил за спиной лук, даже провел пальцами по кованому поясу, с мстительным наслаждением ощупывая пневмомолотки. Жаль, конечно, что эти суперпистолеты достались так поздно, когда из героя-одиночки переокуливаюсь в мудрого руководителя... ну, надеюсь выкуклиться, когда уже не пистолетом, а только мудрым словом, я же страсть какой мудрый, особенно когда размечтаюсь вволю... но, кто знает, могут и пригодиться.

Странная башня, слишком странная. Как будто строили не люди. Одну такую видел с багера, похожа на термитник, а эта еще ужаснее. Странная школа, странное мышление... Словно протест против строгих канонов чистых линий и ясной красоты.

Я задержал дыхание и сделал широкий шаг. По всему телу, не обращая внимания на одежду, прокатилась волна лютого холода, словно меня окунули в жидкий гелий. Я поспешно шагнул через тьму дальше, голова закружилась, странная легкость космического пространства...

С третьего шага впереди заблистал яркая точка света. Дыхание рвалось из груди, я шел быстро, чувствуя, как холод промораживает тело, свет стремительно приближается, словно я иду навстречу стремительно летящему на меня поезду...

Ноги едва не превратились в застывшие ледяные бревна, но яркий свет нахлынул вместе с теплом, жаром, зноем. Я остановился, крупно дрожа, зубы лязгают, по коже растеклось покалывание, словно отхожу после обмораживания.

Оглянувшись, я увидел все тот же темный вход, а за ним отчетливо видна зеленая долина. Если присмотреться, можно разглядеть даже береговую линию моря.

Я перевел дыхание, повернулся и замер. Впереди бушующий ад из кипящего пламени. Просторный холл весь из металла: пол, стены, высокий свод, а вся противоположная сторона — жаркая стена огня, пламя почти белое, с ревом рвется к своду. Языки огня бывают только в костре, здесь же плотные ряды чудовищных жгутов огненных канатов, неумолчный гул, рев, треск.

По металлу стен, пола и вогнутому своду мечутся страш-

ные блики, пугающие и странно живущие как бы отдельно от ревущей стены огня.

Я боязливо замирал, когда жидкий огонь стремительно протекал под сапогами, но это все-таки лишь тень настоящего пламени, что перегораживает дорогу. Настоящий ад там...

Ноги с таким трудом оторвали подошвы от пола, словно в самом деле погрузились в камень. Воздух горячий, я сделал еще шаг, еще, гул и рев громче, но, странное дело, жар не усиливается. Превозмогая ужас, я приблизился к огненной стене, сердце замерло, но я заставил себя вытянуть руку и коснуться пальцем огня.

Всхлипывая от облегчения, пошел в огонь, черт бы побрал эти произведения искусства или что это за дрянь, чуть сердце не выскочило, прав был Никита Сергеевич...

Семь шагов, семь шагов в жарком огне, что накаляет кожу, будто сижу близко от костра, но не сжигает, а когда я вышел с той стороны и попробовал вытереть пот, пальцы коснулись сухого лба.

Зал поменьше, да еще и заставленный скульптурами и колоннами, выпирающими из стен. В середине зала пустое пространство, скульптуры и колонны наполовину погружены в стены. И странное ощущение, что это не произведения искусства, а нечто работающее.

Все блестит, стерильность, ни пылинки, на металле, включая поверхность скульптур и колонн, выступают сложные барельефы и тут же исчезают, заменяясь другими, словно и не металл, а мягкая послушная глина.

Я зябко повел плечами, почему-то не чувствую себя на Земле. Даже воздух чуть иной, а гравитация словно бы неловимо меняется в пределах хоть и не опасных, но заметных человеку.

— Это же башня, — сказал я себе вслух. — Башня. В ней не поместятся никакие залы. Иллюзия все это. Или, проще говоря, брехня...

А я к брехне привык, напомнил я себе. Так что не надо ля-ля про злой и несправедливый мир. Я сам такой, потому и мир такой.

Просторный зал показался привычным, даже пол вроде бы паркетный, но дальше высится пять капель воды, каждая

размером в два человеческих роста. Капли именно такие, как их воспринимает наше сознание, то есть в момент отрыва от водопроводного крана: в виде головастика или толстенького сперматозоида сrudиментом хвостика, хотя на самом деле капля падает в форме коровьей лепешки. Или оладья, кто что представит.

Я приблизился, осторожно пощупал. Нет, не вода в оболочке — металл или керамика. То ли работающая аппаратура, то ли архитектурные излишества.

Странное сооружение чуть-чуть качнулось, значит, не закреплено, стоит на выпуклой поверхности, можно взять и украсить.

На том конце широкая лестница с великоватыми ступеньками, я поднимался, покряхтывая, как старик. Без всякого привычного пролета вела и вела прямо и ввысь так долго, что давно должна бы выдвинуться из внешней стены башни, однако с последней ступени открылся впереди очередной зал и уходящие вдаль аркообразные проходы в следующие помещения.

Странная башня, не говоря уже про трюки с пространством, я иногда чувствовал, что иду по мощеному двору, слишком уж неуютно просторно. Многое лишнего: массивные глыбы постаментов, с которых скалятся бронзовые чудовища, низкие своды в стенах, что ведут в пустые и продуваемые залы, за факелами никто не следит, но не чадят, не дымят, разве что огни трепещут на сквозняках, зато, видимо, никогда не сгорают.

Вон на каменном столе посреди столешницы горит огонь. Пламя бело-оранжевое, распространяет трепещущий свет. Почудилось, что свет легко проникает и сквозь столешницу, под нею так же светло, как и над столом.

Ощущение, что в этом замке некогда жил великий темный маг, то ли некромант, то ли заклинатель демонов. С ним что-то случилось, то ли погиб, вызвав не того демона, то ли принял не то снадобье, так что его осиротевшие миньоны разбрелись кто в лес, кто в подземелья или даже под землю, а некоторые поселились в самых темных углах замка, куда челядь боится ходить.

Я уже пару раз замечал красные глаза горгулий, что на-

стороженно следили за мной из темноты, слышал хлопанье крыльев под темными сводами и даже видел на стенах быстро исчезающие тени.

Еще две мучительно длинные лестницы. Я одолевал их на одном дыхании, как привык бегать по тем, где ступеньки втрое мельче, и останавливался перевести дыхание только наверху, когда в зобу горячо, а ноги как свинцовые.

Я добрался так до середины башни, ноги уже стонут, но я ломился наверх с той же постоянной скоростью, стараясь просматривать все впереди в тепловом и запаховом диапазоне. Голова вдруг на краткий миг закружилась без всякой причины, в ушах зазвенело, но я заставил себя не замедлять шаг...

...и вышел из холодной тьмы в залитый желтым огнем зал, впереди стена огня. Сердце дрогнуло в нехорошем предчувствии. Остановился, задрал голову. Так и есть, я снова на первом этаже, словно только что вошел в башню.

— Сволочи, — процедил я с бессильной ненавистью, — мебиусники!.. Еще бы в бутылку Клейна засобачили. Виртуозы бездарные... Разумничались...

Почему-то не оставляет ощущение, что это просто архитектурные изыски или навороты, а то и вовсе не изыски, а нечто простое и обыденное, но никак не злокозненная ловушка или что-то неимоверно коварное, как чудится.

Переведя дыхание и наматерившись, я снова начал восхождение, на этот раз отыскав другую лестницу. Самое обидное, сколько тут топаю, соплю и ругаюсь — живущий в башне колдун даже не обращает на меня внимания.

На этот раз чередой прошли величественные залы, гротескные и страшные, но мне чудилось, что где-то уже видел, пока в мозгу не вспыхнуло: Ватикан! Это же внутренности дворцов Ватикана, только со смещеными пропорциями и фигурами демонов в нишах, но такая же величественная красота... только страшноватая. Как будто ваятели служили не Богу, а его оппоненту.

В одном месте дорога через зал сузилась до ширины балки в одну ступню, и я шел, замирая от ужаса, стараясь не смотреть вниз, где чернота и что-то страшное ворчит и ворочается.

В другом месте лестница сперва потеряла перила, а по-

том тоже сузилась до ширины сиденья стула. Достаточно, чтобы пройти даже с закрытыми глазами, если бы на высоте пола, а там я видел зияющую бездну и поднимался, как по винтовой лестнице вокруг столба, навинчивая один виток за другим, пока вдруг не вышел в широкий и просторный зал.

Я насторожился, впереди отчетливо прозвучали шаги. Мелькнула трусивенькая мысль отступить, спрятаться, стать незримым, но от колдуна не спрячешься, я глубоко вздохнул и медленно пошел навстречу.

В проеме дверной арки появился человек в металлической чешуе с головы до ног. Только лицо без нее, но странно-металлического оттенка, словно выкрашено краской, имитирующей сталь.

Высокий, даже очень высокий, но если большинство высоких выглядят тощими, то этот кажется ниже ростом из-за широких плеч, выпуклых мышц груди и толстой шеи. Даже руки толстые, как бедра нормального человека, перевиты жилами и сухожилиями, чешуя не может скрыть и не скрывает вздутые мускулы.

Он взглянул мне в глаза, холод проник в душу, я ощутил страх. Мне почудилось, что смотрю в бесконечную ледяную пустыню, полную ужаса и смерти.

— Стой, — велел он железным голосом, как если бы заговорила станина токарного станка.

Я послушно остановился, его рука медленно потащила из серых простых ножен меч. Я запротестовал:

— Погоди!.. Ты же не простая горгулья, ты же человек разумный!

Он поинтересовался холодным лязгающим голосом:

— И что?

— Мы можем вести переговоры, — сказал я убежденно, — прийти к консенсусу!

— Ты нарушил, — произнес он ледяным голосом, — за это — смерть.

Я спросил быстро:

— Кто это установил?

— Мой командир.

— А где он?

— Погиб, — отрезал он. — И все погибли.

— Давно?

— Семьсот лет тому.

Я охнул.

— И ты все еще... выполняешь приказ?

Он сказал жестко:

— У меня нет отряда. У меня нет командира. Но я все еще солдат отряда зет-восемнадцать!.. И потому ты умрешь.

— Жаль, — ответил я. — Ты мне почти понравился. Любли дураков... Рядом с такими я ужас какой умный.

Глава 5

Рукоять молота вырвалась из моей ладони, словно яростно сопротивляющаяся рыба. Стальная болванка ударила воина в грудь. Раздался лязг, его отшвырнуло к стене, а я поймал летящий обратно молот и заученным движением повесил на пояс.

Дверь распахнута, я сделал несколько шагов, за спиной почудилось движение. Рука моя метнулась к рукояти меча. Воин медленно поднялся, опираясь о стену. Его шатало, он медленно подобрал меч и выпрямился.

Я не стал ждать, когда его затуманенный взгляд отыщет меня, поспешил швырнуть молот. Что-то здесь не то, давно уже никого не могу свалить с одного удара.

Воина впечатало в стену, крупноячеистая чешуя смялась, я видел, как изо рта плеснули струи черной, как нефть, крови. Он сполз на пол, но барабанился и пытался подняться.

— Да что за черт, — сказал я раздраженно, — тебе обязательно десять секунд отсчитывать?.. Зануда.

Он с трудом поднялся, мол, технический нокаут не в счет, я быстро шагнул вперед и швырнул молот изо всей силы, взглядом наметив точку над переносицей.

От удара железа о железо зазвенело в ушах. Стальной лоб прогнулся, кровь брызнула изо рта и ушей. Воин сполз на пол и уже не двигался.

Я постоял над ним с молотом в руке, как боксер прошлогого века, когда встающего ожидали там, где сами хотели, но у

железотелого лишь пару раз дернулись ноги, а затем я сам ощутил, что душа, или что там в нем, оставила эту оболочку.

Сердце еще колотится, как у бегущего в гору, но дыхание выровнялось, почти не дрожащими пальцами я повесил молот на пояс.

Еще одна лестница, черт бы побрал строителей, а еще больше — умников-дизайнеров. Хэкая, как лошадка, везущая хворосту воз, я поднялся на последнюю ступеньку и сразу увидел, как еще этажом выше мелькнула фигурка. Почутилось, что пробежало некое животное, но на фоне следующего светлого квадрата я рассмотрел сгорбленного человека.

— Эй, — заорал я бешено, — колдун? Колдун, да? Ты хотел, чтобы я убрался? Попробуй выгони меня из своей норы!

Человек запнулся, остановился и, повернувшись на голос, внимательно всматривался в мою сторону.

— Иди сюда, — крикнул я, — клянусь, не убью... пока не дашь мне для этого повод!

Я стоял в круге света и понимал, что колдун видит меня отчетливо, может пересчитать все кольца на моем поясе, а сам остается в такой густой тени, что я не в состоянии увидеть даже силуэта.

Человек мелкими шажками бежал мне навстречу, низкорослый и тщедушный, с удивительно узкими плечами. Длинный халат разевается, как крылья, он вытянул вперед руки и что-то кричал.

Я вытащил меч, изготоился, молча взмолившись, чтобы святость доспехов и меча защитила от нечестивой магии, она вся нечестивая, а я как-никак паладин...

Колдун бежал все еще в тени, но я вздрогнул от его вопля:

— Ричард!.. Сэр Ричард!..

Меч в моей руке задрожал и опустился, я оцепенел, узнав этот голос. Колдун выбежал в освещенную часть зала, я охнули и, раскинув руки, шагнул навстречу.

— Гугол!..

— Сэр Ричард!.. Как вы здесь оказались?

— А как ты?

— Да что я... я же сюда и хотел...

Я обнял его, маленького и тщедушного, под ладонями

острые крылья лопаток и шипы позвоночника, даже халат не скрывает его худобу и немощную интеллигентность.

Он счастливо смеялся, закинул голову, всматриваясь в мое лицо:

— Я же вам говорил!... Я говорил!

— Что?

— Что постараюсь добраться до Золотого Пеарла, — выкрикнул он с торжеством. — Города колдунов на Юге!.. И все-таки добрался... А как вы, сэр Ричард?

— Да по-разному, — ответил я. — Погоди, это ты и есть здешний колдун? Или ты у него в прислужниках?

Он, смеясь счастливо, смотрел снизу вверх в мое лицо.

— Так меня называют. Только какой я колдун...

— Так это ты мне приспал приказ убраться?

— Я, — ответил он и добавил поспешно: — Но я же не знал, что это вы, сэр Ричард! Я знал, что с багера сошел человек, а это значит, что его скоро убьют. Никто не уживаются с пиратами. Потому лучше заставить его поскорее уйти... Пойдемте, сэр Ричард, у меня есть комнаты, где я бываю чаще всего...

Мы пошли по залам, я чувствовал себя окрыленным, и огромное облегчение. С души свалился не камень, а целая гора. И не убить меня хотели, а, наоборот, — уберечь от гибели.

Гугол распахнул двери, неяркий свет выставил стол, два стула и кучу книг на столе. Еще приспособленные под стеллажи непонятные выступы на стене, похожие не то на растопыренные плавники гигантской рыбы, не то на воткнутые в металл стены раскрытые раковины.

— Здесь и живешь? — спросил я.

Он подождал, пока я сяду, осторожно опустился в кресло напротив. За его спиной по выступающей наполовину колонне снизу побежал рой голубых искр, слился в сплошное кольцо, быстро поднимающееся вверх. Быстро, но недостаточно быстро, как если бы огонь шел по бикфордову шнуру, а я от магии жду чего-то на уровне хотя бы возможностей электричества.

— Н-нет... — ответил он с запинкой. — Но я тут бываю.

— Понятно. Здесь работаешь?

— Здесь тоже, — ответил он и отвел взгляд. — У меня несколько таких комнат.

— Гм, — сказал я, — наверное, так даже удобнее, чем таскать все в одно место.

Я сосредоточился, представил чашку с крепким горячим кофе, Гугол охнулся и отшатнулся. Я придвинул ее к нему, создал вторую для себя, с наслаждением отхлебнул.

Гугол спросил недоверчиво:

— Сэр Ричард... вы ведь рыцарь? Или уже не рыцарь?

— Рыцарь, — ответил я.

— Но это же магия?

— Можно назвать и так, — согласился я. — Но, наверное, и не магия, если мне доступно. Потому что я не просто рыцарь, но уже и паладин, во что трудно бывает поверить мне самому.

Он осторожно отхлебнул, наблюдая за мной, затем еще и еще, я видел, как он прислушивается к ощущениям.

— И как тебе здесь? — спросил я.

Он ответил нервно:

— Будто не знаете! Очень неуютно.

— Кстати, — вспомнил я, — там я повстречал зет-восемнадцать. Извини, я немножко напортил...

Он спросил настороженно:

— Кого-кого?

— Солдат отряда зет-восемнадцать, — пояснил я.

— А... а кто он?

— Ну ты даешь, — сказал я. — Богатым будешь, если свое хозяйство не помнишь! Здоровенный такой мужик, весь из металла.

Он спросил быстро:

— Где вы его видели?

— Двумя этажами ниже.

Он подпрыгнул.

— Идет за мной! Все ближе и ближе. Надо уходить срочно.

— Я его... малость... прибил, — сообщил я. — Извини, что с твоим имуществом так, но что случилось, то случилось. Неловкий я. Что-то да задену....

Он вскрикнул ликующее, но с ноткой недоверия:

— Вы что... в самом деле? А как прибили?

— Крепко, — ответил я виновато. — Всмятку.

— Это... убили?

— Вроде бы, — подтвердил я. — А что, он тебе не слишком нужен?

Гугол воскликнул:

— Что значит не нужен? Я не знал, как от него отвязаться! Я постоянно перемещался по всей этой башне, чтобы оторваться, а он все шел за мной... Потому у меня и несколько комнат, где я...

— Прячешься?

— Занимаюсь работой, — огрызнулся он, но тут же сказал совсем другим голосом: — Но, правда, больше прячусь. Я просто не знаю, откуда он взялся! Сперва его будто бы не было вовсе...

Я спросил задумчиво:

— А ты уверен, что он хотел тебя удавить?

— А что еще?

— Может быть, жаждал принести присягу верности?

Гугол ошалело умолк, потом проговорил неуверенно:

— Не знаю. Даже не думал о таком. Я ж не сеньор, мне такое и в голову не придет. Но если бы даже подумал... не остался бы. Я из этого, ну, робкого десятка. Даже из очень робкого! Это вы, сэр Ричард, прирожденный воин, грудь вперед, глаза навыкате, бей и круши... А я нет, я ж умный. Я и в башне этой только и делал, что прятался.

— Да, это очень умно, — согласился я.

Он посмотрел на меня настороженно, вздохнул.

— Сэр Ричард... Я не воин! И не маг, увы. Я просто очень люблю читать, разгадывать загадки и тайны.

— Как ты попал сюда?

Он напомнил с некоторой гордостью:

— Я же говорил, стремлюсь в город колдунов на Юге!.. Собственно, на Севере только о нем и слышали. Теперь понимаю, почему только о нем... Словом, я сумел договориться, чтобы меня взяли на корабль, что направлялся на Юг. Едва вышли в море, у меня отобрали те немногие деньги, что были, а самого послали работать. Мол, у них не бывает пассажиров.

— А ты?

Он посмотрел с недоумением.

— А что я? Не драться же! Делал все, что приказывали. Драил палубу, помогал повару, выносил помои, бегал на побегушках даже у простых матросов... Били меня часто. И чем ближе подходили к южному матерiku, тем хуже ко мне относились. На ночь запирали, будто я мог куда-то убежать.

— Бедолага...

— Не буду спорить, — ответил он невесело и зябко перернулся плечами. — Гадкое было время. Однажды вообще связали, я не понимал, что собираются делать, потом вспомнил, что у одного опасного места всегда бросают человека в море какому-то чудовищу, иначе оно потопит корабль...

— Бедолага, — повторил я. — Да, за знания приходится платить. Один так вообще за нужную информацию глаз отдал! Теперь одноглазый, зато грамотный. А у тебя и гляделки на месте, и что-то узнал... почти на халаву.

Он криво ухмыльнулся.

— К счастью, в тот же день я услышал наверху крики, шум борьбы. Потом дверь распахнулась, ворвались незнакомые люди с окровавленными большими ножами в руках. Меня не тронули, напротив — разрезали веревки. Оказалось, корабль захватили пираты. Ну, а раз я на корабле пленником, то меня оставили в живых и даже взяли с собой. Я постарался изо всех сил оказаться им полезным.

Я повел глазами по огромному помещению.

— Похоже, тебе удалось.

Его ухмылка стала шире.

— Даже больше, чем я ожидал. Мне приносят из захваченного те вещи, назначение которых не понимают, а я пытаюсь... Иногда удается. Мне доверяют, поняли, что мне интереснее разгадывать всякие загадки, чем чем-то владеть. Так что моя мечта осуществилась! Почти так, как я и хотел. Не зря я всегда стремился на Юг.

— Я тоже стремился, — признался я.

— И как?

— В отличие от тебя, — сказал я, — не отыскал. Артефакты Древних — это не знание. Даже умелое пользование — еще не знание. Знание — это другое. А еще... путь к знанию должен быть полон потоком и кровью!

Он посмотрел на меня с опаской.

— Ого!

— Обильно полит, — сказал я. — Потому, как только зима на Севере закончится, я ринусь туда. Горько расставаться с мечтой, но начинать нужно оттуда. Здесь уже все, конец... Али-Бабу, которому служит джинн, никакая сила не заставит копать землю, а без копанья и проливания пота нечего и думать о прогрессе.

Гугол торопливо помотал головой.

— Я на Север не пойду!

За его спиной из металлической стены, что отделяет башню от окружающего мира, выступил блестящий, словно хромированный, круглый бок, начал увеличиваться, пока не выдавился полупрозрачный шар размером с арбуз.

Я посматривал на него с интересом, Гугол наконец перехватил мой взгляд, оглянулся. Я видел, как он дернулся, но тут же плечи опустились, я услышал вздох облегчения.

— А-а, это безопасный...

Шар заколыхался, пуповина наконец оборвалась, он поплыл по комнате. Гугол все-таки отодвинулся вместе с креслом с его пути. Шар начал подниматься, по дуге коснулся стены и начал медленно в нее погружаться, одновременно поднимаясь, пока исчезающий бок не скрылся в металле почти под сводом.

— А есть и опасные? — спросил я.

Гугол потряс головой.

— Есть, но лучше не говорить о них, а то они появляются, как только о них подумаешь... Я уже научился все время загружать голову чем-то еще. Так вот, на Севере знания не в почете. Там другое, совсем другое впереди.

— Я тебя и не тащу, — отрезал я. — Черт, раздразнил ты меня... Как не хотелось мне делать то, что собираюсь... а теперь так вовсе не хочется! Да только теперь беда в том, что хрен на кого переложишь... Кстати, этот дворец уцелел со времен Древних?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Как он мог?

— Никак, — согласился я. — Но слишком уж ненашенский... Когда сказали, что ты построил его за одну ночь, я от-

нес это к буйному воображение пиратов. Всем хочется необыкновенного. Понятно, ты не строитель. И не маг, как сам уверяешь...

Он ухмыльнулся, в глазах горел победный огонь.

— И что?

Я посмотрел с подозрением.

— Как что? Маг бы смог... может быть.

— И я смог, — ответил он гордо. — Это, оказывается, просто.

Я отодвинулся вместе со стулом.

— Ты меня не пугай. Как это просто, когда под силу разве что магу... очень даже нехилому?

Он покачал головой.

— Не все чудесное могут делать только маги. Вон вы...

Я сказал поспешно:

— Ты прав, прав. Но как ты построил за одну ночь?

— Сейчас я вам кое-что покажу, — пообещал он.

Я настороженно следил, как он роется в ящиках, представляет колбы и тигли. Наконец вытащил из-под стола тяжелый ящик из темного металла. Стенки побиты кавернами, таким бывает плохой чугун, но волосы у меня защевелились на затылке. Пахнуло космосом, на этот раз не холодом, а странной сопричастностью к расстояниям, которые не сле-дует пытаться представить, чтобы не сойти с ума.

Гугол, стоя ко мне худой спиной, долго рылся, я слышал негромкое позвякивание, наконец распрямился, в пригоршне — с дюжину блестящих зерен, размером от просяного до кукурузного. Ладони осторожно опустились на середину стола, зерна с тихим стукомсыпались на столешницу.

— Как вам это? — спросил он.

Глава 6

В интонации звучало скрытое торжество. Я бережно взял зернышко покрупнее, удивился тяжести. Блестит, как золото, но не золото. Правда, я слыхивал про перестроенное золото, дороже ювелирного, используют для особо ценных микросхем...

Гугол посматривал победно, откинулся на спинку кресла, покачивался, впервые выглядит отдохнувшим. Я вспомнил, что отдохнувшим его никогда не видел, всегда Гугол был при деле, а если нечего было заняться, то хотя бы ветки таскал для костра, пусть даже нам сниматься со стоянки через пол-часа.

— Нанозародыши, — проговорил я медленно. — В них заложены программы развития из сообщества простейших ассемблеров... Да, это путь самый простой и естественный...

Лицо Гугола вытягивалось, становилось унылым, даже обиженным. Я все еще рассматривал зерна, а он вздохнул и проговорил потерянно:

— Вы понимаете... как из такой крохи?

Я покачал головой.

— Какая же это кроха? Очень крупный и очень несовершенный механизм... Примитивный даже. Наверное, это первые такие устройства. А так вообще-то должны быть намного мельче даже макового зернышка.

Он долго молчал, глядя, как я беру зерна одно за другим и внимательно рассматриваю. Собственно, рассматривать особо нечего, отличаются только по размерам и цвету, а весят примерно одинаково. Но я всматривался до головокружения, сузив диапазон, пытаясь увидеть что-то на блестящей поверхности.

— Я не знаю, — проронил Гугол, — что это. Догадываясь, прорастут какие-то создания Древних. Но... какие? Вдруг те, что смели все живое с земли?

— Но ты же вырастил эту башню, — напомнил я.

— По дурости, — признался он. — Знал бы, что получится, разве я бы рискнул? А так поспешил в ней поселиться. Дескать, если что случится, то со мной. А другим запретил даже приближаться. Я виноват, я и отвечу.

— А что это был за... чешуйчатый? Здоровенный гад.

Гугол побледнел и передернул плечами, будто в спину подуло ледяным сквозняком.

— Не знаю, — произнес он потерянным голосом. — Даже не знаю, когда он появился. То ли вместе с дворцом, то ли потом... Там еще были всякие штуки, но я с ними справился, а этот был чересчур непробиваемый... Сэр Ричард, наша

встреча началась с того, что вы спасли мою шкуру! И вот теперь снова...

Я отмахнулся.

— Не бери в голову. Что насчет твоей помощи пиратам?

Он смущенно отвел взгляд в сторону, но пересилил себя и посмотрел мне в лицо.

— Ваша милость, вы же знаете, я вообще-то тролль. Мне люди не то чтобы совсем уж одинаковы, но я не слишком стараюсь разбираться в мотивах, почему одни делают одно, а другие — другое. Я смотрю на это проще: кто ко мне хорошо — тот хороший, кто ко мне плохо — тот сам... этот самый.

— Удобный подход, — согласился я.

— Вот я и живу по нему, — ответил он, явно ободренный. — Эти люди приносят мне все непонятное, что награбили на островах или на захваченных кораблях. Золото и прочие сокровища, понятно, несут в кабаки, а вот такие штуки — мне. Если я разгадываю, я отдаю им. Они довольны, уже убедились, что я просто люблю разгадывать тайны, а самому мне ничего не надо.

Я кивнул на шкатулку с зернами.

— Но это же себе оставил?

Он сказал смущенно:

— Не совсем так... Я же сказал, им возвращаю то, что разгадал. А что непонятное, сами у меня оставляют. А эти зерна... гм... я не знаю, что из себя представляют. Рисковать не хочу.

— Правильно, — согласился я. — Слишком опасно.

Он не сводил с меня взгляда.

— Вы это знаете, ваша милость?

— Знаю, — ответил я со вздохом. — Ты прав, это может уничтожить как целый город, так и весь континент. А то и всю жизнь на земле, включая мух и тараканов. Очень уж опасная мощь... Ладно, Гугол, раз ты в такой чести у пиратов, то просвети насчет их общественного устройства, иерархии, а также их экономической системы.

— Чего?

— Ну, откуда деньги берутся — не секрет. И как тратят — понятно. Расскажи, кто главный, кто на вторых ролях, кто

простые капитаны пиратских кораблей... Если есть тайный лидер, то кто?

— Что за тайный лидер?

Я развел руками.

— В каждом коллективе есть официальный руководитель, а есть и член коллектива, у которого авторитет повыше. Такого слушаются больше.

Он подумал, прошептал лицом.

— Понял. Таков у пиратов капитан Рамиро Фруэлес. Молодой, яркий, удачливый, за ним с каждым походом идет все больше кораблей. Но он пока даже не вожак эскадры...

— Почему?

— Грандкапитан Бархфельд его недолюбливает.

— Хорошо, — сказал я.

— Радоваться не по-христиански, — укорил Гугол.

— Цель оправдывает средства, — сообщил я далекую мудрость. — А цель у нас благородная.

— Правда? — спросил он с сомнением.

— Гугол, — напомнил я, — это же я, Ричард!

Он вздохнул, но не сказал, что многие со временем меняются, вот апостол Петр за одну ночь трижды успел отречься от Христа, а я не тяну даже на апостола...

Не тяну, согласился я молча. Вообще пока не понятно, на кого и на что тяну.

Он рассказывал, я слушал внимательно, вылавливая то, что нужно мне, хотя Гугол чаще говорит о маркизате вообще, но никакая информация не бывает лишней, когда-то да пригодится.

Побережье Черро, как подтверждает Гугол рассказ отважного Рефершельда, изрезано множеством уютнейших бухт и гаваней, что для меня вообще-то одно и то же, но не для пиратов, для которых бухта — это защищенный скалами и удобный для стоянки залив, а гавань — место, где корабли избегают преследования королевских судов, а пираты спускают награбленное золото в быстро вырастающих поселках, одновременно пополняя запасы воды и продовольствия. Барон Эльрих не ошибся, короли давно махнули рукой на Черро, не в состоянии его защитить, а мирные жители перестали

пытаться закрепиться вблизи океана, если, конечно, не рискуют вступать с пиратами в какие-то отношения.

Как оказалось, таких нашлось немало. В гаванях выросли целые города, впрочем, быстро опустошаемые, если в кои веки придут корабли королевской эскадры. В этих случаях город подвергается беспощадному разгрому, всех схваченных тут же вешают, женщин сперва насилиуют, но потом вешают тоже, как пособниц пиратов.

Однако едва королевский флот уходит, в город снова стягивается вольный народ, быстро восстанавливает, как говорится, инфраструктуру, и снова город готов принять пиратов и помочь им потратить баснословные сокровища. Именно из-за того, что здесь цены на все — поднебесные, крестьяне сюда гонят скот на продажу, везут горы сурового полотна для парусов, строевой лес, железо, охотно устраивают походные и стационарные кузницы.

Город Золотой Пеарл, самый большой город на побережье, был выстроен в давние времена королем Цефальгаром, вскоре его сын король Цефальгар Второй построил свой флот, город был неприступен с моря, однако пираты ухитрились высадиться ночью миль на десять южнее, на рассвете напали на город с тыла, взяли приступом и сожгли, предварительно учинив беспрецедентный разгром.

Новый город выстроили уже с учетом того, что защищать нужно и с суши, к тому же окружили высокой каменной стеной. Город казался неприступным, но случился пожар, нечаянный или умышленный, поговаривали о кознях пиратов, и город выгорел дотла. Король махнул на него рукой, но вставший на престол его внук велел построить на том месте настоящую крепость.

Как только закончили, пираты захватили ее и сожгли, оставив только закопченные стены. С той поры никто не пытался восстанавливать на побережье города, справедливо считая их зрячной тратой денег и ресурсов. Весь маркизат фактически попал под власть пиратов. Правда, в глубь территории пираты не забираются, но там бедные сельскохозяйственные районы, пиратам неинтересны, к тому же крестьяне оттуда и так везут на побережье все, что может пригодиться пиратам.

Собственно, население всего маркизата живет за счет обслуживания побережья, где пираты устроились как нельзя более вольно.

— Если население живет за их счет, — повторил я, — значит, пираты в состоянии все это оплатить?

Он ухмыльнулся.

— Не просто оплатить.

— Ну да, это же пираты! Денег у них павлины не гребут.

— Вот-вот. Потому с них берут в тридорога. Плата за риск.

— Но королевские корабли здесь давно не появлялись?

— Давно, но все-таки...

— Понятно.

— А еще, — добавил он, — ремонт корабля стоит дорого.

Не говоря уже о том, что всякий корабль берет в новый поход как можно больше копченого мяса, солонины, муки... На этом хорошо крестьяне зарабатывают.

— А перекупщики?

— Те — еще больше, — заверил Гугол. — Крестьяне могут угадать, когда подойдет корабль. А у перекупщика все товары уже лежат на складе, готовые к погрузке... Кстати, как вам Юг, сэр Ричард?

Я пожал плечами.

— Честно говоря, малость разочарован. Вообще-то, еще когда я... гм... словом, приближался к Югу, я замирал от сладкого ужаса в ожидании чего-то необыкновенного, мрачных городов и ужасающих замков магов, ставших Темными Властелинами. В каждом замке по Темному Властелину, Саруман на Сарумане, Саурон на Сауроне, а еще призрачные города людей, что перешли на энергетических уровень и смотрят на людей, как на улиток...

Он поглядывал с непониманием на лице, я скривился и махнул рукой.

— Словом, все не так. Но это даже к лучшему.

Его глаза стали серьезными.

— Сэр Ричард, здесь не Север. Земли не похожи одна на другую. Я дальше маркизата не выбирался, но знаю, есть и Темные Властелины, и могучие чародей, у которых не осталось ничего человеческого, и призрачные города, и темные

города, и города полуреальные, и города со сдвигающимися домами, и много такого, с чем я не хотел бы встречаться.

Я проворчал:

— Все в свое время. Сперва надо закрепиться здесь.

Он смотрел внимательно.

— Закрепиться... Это как?

— Гугол, — сказал я, — мы расстались, когда я был простым рыцарем. Безбанерным, безщитовым. За это время ты добрался до Юга и уголяешь страсть к учебе, как и хотел, а я пошел несколько по другой дороге...

Он уловил некоторое смущение в моем голосе и сказал поспешно:

— Вы рыцарь, сэр Ричард!

— Ну да, — согласился я, — рыцарю грамотным быть стыдно. Вот я и... чтобы не впасть в постыдное грамотейство, стал за это время достаточно крупным и наглым сеньором. Которому грамота уже и не нужна. В смысле, рейдерство уже освоил, осталось научиться правильно управлять... Вообще-то рейдеры — это рейдеры, а менеджеры — менеджеры, но я вот пытаюсь плавненько так это перетечь из одной формы в другую, как из бандитского капитализма в цивилизованный... Ладно, это пока оставим. Сейчас планирую еще один захват. Надеюсь, последний. Я бы не стал пытаться, но больно уж удобный случай подвернулся...

Он смотрел с непониманием, я вздохнул с сожалением, пора идти, посмотрел в окно. В багровом небе плывут, обгоняя облака, темные каракатицы или кальмары. Плывут тяжело и грозно, словно дирижабли. Я напряг зрение, решил, что двигаются, как воздушные шары в потоках воздуха, но одна из каракатиц резко набрала скорость и унеслась, моментально исчезнув из виду.

А багровые облака разошлись волнами, словно в середину бросили незримый камень, из-за чего небо стало похожим на зарождающуюся галактику.

— Если уцелею, — сказал я, — зайду и поговорим подробнее. Еще по чашке кофе?

— Да, — сказал Гугол и добавил торопливо: — Если можно и... если не затруднит.

Глава 7

Мы еще попили кофе, Гугол освоился быстро и поглощал его так жадно, что я сотворил для него еще две чашки. Он поглядел, как на столе множатся эти уродливые глиняные посудины, спросил с любопытством исследователя:

— Сэр Ричард, вы можете творить этот божественный напиток только вместе с чашками?

Я поморщился.

— Гугол, ты меня подловил. Нет, конечно. Извини, давай попробуем вот так...

Я взял его чашку в ладони, замолк на пару мгновений, и под моим взглядом в глиняном чудовище, навечно испещренном глубокими оттисками моих пальцев, заплескалась ароматно пахнущая темная жидкость.

— Спасибо, сэр Ричард, — сказал он серьезно. — Я понял. Вы делаете с чашкой потому, что проводите время в походах в поисках противника. А в дороге налить не во что...

— Гугол, — протянул я, — ты умный гад, но все-таки умнее, чем я даже думал. Как тебе мало надо, чтобы выстроить логическую цепочку и увидеть за шелухой истину!.. Потому могу признаться, что для того и сделал, чтобы можно в пути, но и дома бездумно, как последний дурак, творю вместе с чашкой. Ты вот все время думаешь, а я больше на алгоритмах... Когито эрго сум не про меня...

— Когито эрго сум, — повторил Гугол настороженно. — Это заклинание?

— В некотором роде.

— Что оно значит?

— Мыслю, значит — существую, — перевел я. — Это сказал Паскаль.

— Монах?

— Да, потом. Так вот ты все время мыслишь, а я иногда мыслю, иногда существую... Но чаще всего пью. Или ем.

Я посмотрел в окно, надеясь увидеть небо и понять, сколько ли вечер, но по ту сторону металлической рамы теперь холодно и страшно сверкает звездный рой вокруг неведомой спиральной галактики.

— Пойду, — сказал я со вздохом. — С тобой хорошо, Гу-

гол. Еще бы сюда пива и баб — вовек бы не ушел. Но пива нет, бабами почему-то и не пахнет, так что пойду спасать мир.

— Спасать мир? — спросил он с непониманием.

— Ну да, — ответил я. — Не могу вот так честно и прямо сказать, что на самом деле буду делать?! А спасать мир — звучит! Если и сам в это поверю, то у меня и походка будет знать какая?

Он смотрел, как я поднимаюсь, надеваю через голову перевязь с мечом, худое лицо становилось уже, вытянутое, печальнее. Я сперва думал, что Гугол так переживает расставание со мной, но вдруг он взмолился тонким отчаянным голосом:

— Сэр Ричард, заберите у меня эти проклятые зерна!

Я вскинул брови, не сразу сообразив даже, о чем речь.

— Ты что? Почему?

Он замотал головой так, что уши захлопали, как у пса с некупированными ушами.

— Я из-за них спать не могу. Каждую ночь вижу, как то одно, то другое сажаю в землю и говорю страшное Слово Начала. А зерно растет, становится с гору и начинает, поверите ли, пожирать саму землю! Да так быстро, что никто и убежать не успевает... Целые королевства исчезают, будто их и не было. Просыпаюсь среди ночи в холодном поту: а вдруг я это все-таки сделал?...

У меня самого заныло под ложечкой. Гугол смотрел с отчаянием, лицо то бледнело, то покрывалось красными пятнами.

— Успокойся, — сказал я тревожно. — Ты такого не сделаешь.

Он сказал тонким звенящим голосом:

— Я слишком любопытный!.. Все время хватаю себя за руки, чтобы не сделать! А внутри кто-то нашептывает настойчиво, что риск — благородное дело, исследователи рискуют всегда, без риска не бывает побед...

Я проворчал:

— Знаю, кто это нашептывает. Слова правильные, да только ты не бабу охмуряешь. Там рисковать можно. Самое большее — по морде получишь, а при удаче можно и впередолить. А здесь не по морде получишь, а самому так впередолят,

глаза на лоб полезут. Хорошо бы у тебя одного, не жалко, а то у всего человечества!

Он дрожащими руками придинул мне шкатулку. Глаза были умоляющими, пальцы тряслись. Я видел, с каким трудом отдирает от себя такую страшную ценность, и потому сказал с осторожностью:

— Гугол, тебя всего трясет... еще и от жадности. Ты ж меня возненавидишь, если возьму.

Он закрыл глаза и помотал головой. Со лба срывались крупные капли пота.

— Нет, — сказал он истово. — Нет!

— К тому же, — продолжал я, — ты вон уже сколько справляешься. У тебя прямо стальная воля!

— Нет, — повторил он жалко, — уже соломенная. Даже ситцевая. И та все истончается. Истаивает, как льдинка на жарком солнце. Сэр Ричард, умоляю! Я точно знаю, что сам не утерплю. Я слабый. Я слишком любопытный. Любопытные вообще долго не живут.

— Ну да!

— Это мне просто повезло.

— И еще повезет.

— Нет, если у меня эти зерна остались бы еще хоть на неделю... А теперь, если вы откажетесь, и дня не вытерплю.

Я вздохнул.

— Ладно, давай. Я вообще-то уже набрал всяких диковин, но разобраться руки не доходят... Может быть, потому шкура еще на мне, а не на барабане?

Он поспешил и почти насилием вдвинул шкатулку мне в ладони. Я взял, брови полезли на лоб, ящичек из неизвестного металла с кучей зерен внутри намного легче, чем то зернышко, которое я только что держал в руках.

Гугол с великим облегчением вытер лоб тыльной стороны ладони. Я приоткрыл крышку, зерна на месте, блестят, как крохотные солнца.

— В шкатулке они легкие, — сказал Гугол поспешил. — Вообще ничего не весят!

— Здорово, — сказал я озадаченно. — Ты мне какое давал?

— С зеленой точкой на боку, — ответил Гугол еще по-

спешнее. — Я из такого же вырастил эту башню. Теперь хожу и боюсь.

Я перебирал зерна, выскользывающие из пальцев, словно пудовые гири, спрессованные до такого объема. Кое-как исхитрился ухватить и поднять зернышко с зеленой точкой. Все верно, трицепсы, бицепсы и все остальное напряглось, чтобы удержать на весу, но когда опустил в коробочку, поднял ее легко, хотя там таких зерен просто сотни.

— Ладно, — сказал я и спрятал шкатулку в заплечный мешок. — Не будем ломать голову. Есть задачи поприоритетнее. А наука подождет, она всегда ждет. Пусть полежат до лучших времен. А сейчас, Гугол, проведи меня коротким путем. А то как подумаю, что мне снова идти через все эти ужасы... Кстати, а как пираты к тебе ходят?

Я выбрался, минуя главный ход, через окно на втором этаже. Гугол признался, что это я рыцарь, потому мнелично только через стужу, огонь и прочие опасности, а вот ему не стыдно и ходом для прислуги пользоваться.

И хотя через окно это скорее ход для воров, а не для прислуги, но я смолчал, а Гугол принес настоящую веревочную лестницу. Я спустился достаточно быстро, хоть и без грации прирожденного пирата, обученного лазить по вантам.

Гугол помахал из окна рукой.

— Удачи!

— Я тебе дам удачи, — пригрозил я. — За кого ты меня имеешь?

— А что в пожелании удачи плохого? — спросил он удивленно.

— Подумай, — ответил я злорадно и, вскочив в седло, повернулся коня в сторону города.

Королевство Гессен — один из уголков Юга, где живут вот так, как живут, но наверняка есть края, где маги правят так, что маркизы де сады ужаснулись бы, а сауроны удавились бы от осознания своей мелочности. Одно неоспоримо: средства нападения были уничтожены Севером с первого же мощного удара. Может, не с первого, но ликвидированы все,

иначе бы кто-то, активировав самое простейшее, уже установил бы власть над всем континентом. А то и над планетой.

Зато средства защиты кое-где сохранились. Это и понятно: даже в современной войне соотношение потерь нападающих и защищающихся идет в пропорции пять к одному. И вот теперь каждое уцелевшее средство защиты охраняет свой регион, не допуская вторжения. Даже если устройство активировал дикий шаман первобытного племени, а завоевать перспективный край пытается высокопросвещенная нация.

Но это абстрактные размышления, в которые любит с головой нырять интеллигенция, уподобляясь страусу, тем самым оставляя незащищенной задницу.

Абстрактные хороши тем, что вроде бы радеешь целиком за страну, а то и вовсе за весь мир, но сам-то сделать для человечества ничего не можешь, потому засыпаешь со спокойной совестью: мол, мог бы — сделал бы.

Я это понимаю, потому сразу ставлю задачи, разрешимые хотя бы теоретически. Однако сейчас с каждым конским шагом моя идея выглядит все абсурднее. Я называю их пиратами, потому что их так называл барон Эльрих, а здесь этих морских разбойников так назвали хозяин таверны и Гугол, но вообще-то правильнее называть их не пиратами, каперами, корсарами, даже не приватирами, а букиньярами, то есть действительно разбойниками, грабящими всех и вся. Пираты все-таки придерживались этнического принципа, то есть своих не грабили. Пиратов нередко тайно поддерживали правители своих стран, как, к примеру, королева Англии Елизавета на личные деньги тайно снаряжала пиратов вроде Дрейка вредить морскому могуществу Испании.

Печелинги, отважные пираты Голландии, грабили и то-пили только испанские корабли, исходя из интересов своей страны, ставшей расширять подконтрольные территории в Новой Америке. А вот букиньяры — это уже самый низший сорт, это просто грабители, которым все равно, кого грабить и кого топить, лишь бы прибыльно.

Увы, в маркизате не пираты.

Букиньяры!

Глава 8

Конь, не терзаясь страхами и ожиданием неприятностей, несся по зеленой долине легко и радостно. Под копытами зеленая сочная трава, над головой синее южное небо без единого облачка, впереди простор...

Природа не помнит войн: ровная, как стол, первобытная долина с изумрудно-зеленой сочной травой и множеством крупных ярких цветов. Слева бежит, медленно отставая, стена буйной зелени леса, стволов деревьев не видно из-за веток, опустившихся до земли, чистый воздух и тысячи весело распевающих птиц, что не только носятся над головой, но и выпархивают из-под конских копыт.

Рядом застучали копыта. Я не успел даже вздрогнуть, кто подобрался так незаметно, а всадник поравнялся с нами и, красиво сорвав шляпу с головы, отвесил учтиво-ироничный поклон.

— Сэр Сатана, — сказал я, удержавшись от вежливого «...и вам того же», все-таки Сатану вроде бы не приветствуют, но, с другой стороны, с противником на войне держатся подчеркнуто вежливо. — И вам того же, сэр Сатана. В смысле, элегантный поклон и все такое, что не могу исполнить не из-за природной или подхваченной в подворотнях грубости, а ввиду полного неумения по причине отсутствия соответствующих упражнений...

— Ого, — сказал он весело, — как сложно и вычурно! Из вас выйдет дипломат.

— Только?

— Или правитель, — добавил он серьезно. — Правителю тоже нужно уметь говорить много и ни о чем. А за это время успеет продумать, что же сказать на самом деле.

— Это надо быть бицефалом, — сказал я. — А во мне больше от Буцефала. Я смотрю, сэр Сатана, Юг не совсем такой, каким я себе представлял. И, главное, не такой, каким вы мне его рисовали.

Он спросил серьезно:

— Я не мог нарисовать полную картину, Юг велик. А что именно вас удивило?

— Нет поголовной грамотности, — сказал я язвитель-

но. — Насколько я понял, грамотны только жрецы? В смысле, каста магов? Для всех остальных это великая тайна?..

Он помрачнел, я впервые видел, как вздулись и заиграли под смуглой кожей рифленые желваки. Некоторое время молчал, я видел, как хочет обойти неприятный вопрос, но я молча смотрел и ждал, просто всем видом показывал, что жду ответа, как соловей лета.

— Не все, — буркнул он наконец раздраженно. — Да, не все. А вы что хотели?

— Ну, что я хотел... это неважно сейчас. А вот то, что хотели вы, не получилось?

Он отрезал:

— Получилось! Но не в полной мере. Мы уже говорили с вами недавно насчет свободы воли человека!.. Если он свободен вообще, то и на Юге свободен, не так ли? Это вам по-путно отвечаю еще раз насчет ферзей и пешек... Человек нигде не фигура в игре Небес и Ада!.. Здесь у меня намного больше воли и власти, чем на Севере, человек не оглядывается на небо и не ссылается на волю Творца... но и здесь выбирает свой собственный путь. Вы уже знаете, я предпочел бы поголовную грамотность. Здесь, на Юге, грамотных гораздо больше, чем на вашем Севере...

Я прервал:

— На Севере грамотность растет. А здесь, как понимаю, это замкнутая каста, так?

— Нет, — возразил он. — В эту касту может войти каждый! Даже ваш приятель Гугол. Он может даже не скрывать, что он тролль. Магов это не смущит. Им все равно, кто он, лишь бы владел ремеслом.

— Э, нет, — возразил я, — хоть и каждый может стать грамотным, но для этого должен стать жрецом! А это замкнутая каста. Грамотные простолюдины — дикость, правда? Да же придворные короля неграмотны, надо же...

Он сказал раздраженно:

— На это есть объективные причины.

— Может быть, — ответил я. — Но главное, что поголовье грамотных не растет. Так?

— Так, — ответил он нехотя.

— Уже сотни лет.

Он поморшился, кивнул:

— И это верно.

— А сотни лет тому на Севере вообще не было грамотных, — сказал я и по лицу Сатаны понял, что угадал. По телу прошла легкая дрожь в предчувствии то ли победы, то ли близости разгадки большой тайны. — А здесь все остановились...

Он кивнул.

— Все верно, сэр Ричард. Маги таким образом спасают цивилизацию от ужасов новой войны. Люди получили то, к чему всегда стремились — благополучие. Маги обслуживают всех, от королей до простолюдинов, у них власть, но в то же время это единственная работающая часть населения. Каторжно работающая!.. Однако, вы правы, мне совсем не нравится, что прогресс остановился. Пусть и на гораздо более высокой ступеньке, чем на Севере.

— И ничего сделать нельзя?

— Есть идеи, — ответил он уклончиво, — но сфера моего внимания... все люди. И все континенты. Север для меня так же дорог, как и Юг. На Севере, кстати, я бываю чаще...

— Я заметил следы вашей работы, — обронил я едко.

— Спасибо, — сказал он с победной улыбкой. — Кое-какие подвижки в самом деле заметны. Кстати, видя камень преткновения в замкнутости касты магов, я и настаивал, чтобы вы там, на Севере, взялись за обучение грамоте всех-всех, без различия сословий, богатства, происхождения.

Я прикинул, что на Севере мало грамотных из-за низкого уровня, так сказать, эпохи, на Юге грамотность — удел избранных, но я знаю страну, где грамотны как раз все... Это что же, лучше всего у Сатаны удались планы там? Даже несмотря на то, что первой печатной книгой была Библия?

Я заставил себя улыбнуться, расслабиться, даже посмотрел по сторонам, любуясь прекрасным видом зеленых холмов и белого песка пляжа.

— Не ожидал, что даже на Юге у вас не все гладко. Я вообще-то Юг представлял совсем другим...

— Каким?

Я развел руками, отчего конь, ощущив ослабевший повод, начал забирать ближе к воде.

— Ну... более таинственным, более загадочным и страшным... и помогущественнее, конечно.

Он отмахнулся.

— Есть и такие королевства. Однако мне вовсе не кажется, что начинать надо с них.

— Мне тоже, — ответил я.

Он криво улыбнулся.

— Вот видите, как наши взгляды совпадают!

— Не во всем.

— Но все больше и больше. Вы, как я понимаю, направляетесь в самое гнездо пиратов?

— Угадали?

— Да что угадывать, я уже знаю вашу натуру. Что-то задумали?

Я усмехнулся.

— Нет, погулять вышел.

Его губы чуть изогнулись, он покачал головой.

— Я бы не назвал вас сорвиголовой. По моим понятиям, вы человек осторожный и, простите, если задену, даже в чем-то трусоватый. Ну, с точки зрения окружающих. Я имею в виду, если бы они видели ваш характер, как вижу я... А так для всех вы отважный и безрассудный воин, даже безрассудно отважный, любитель драк и скандалов.

— Ну спасибо, — буркнул я, неприятно задетый, что во мне увидели трусоватость. Мало ли что, если и сам знаю, но другим так глубоко заглядывать нечего.

— Пожалуйста, — ответил он невозмутимо. — Однако же вы вот и сейчас лезете в настолько опасное место, что любой вас назовет безрассудно отважным! Но я знаю, что это не так. Так что вас ведет?

Я победно улыбнулся.

— А вот не скажу!

Он поморщился.

— Зря.

— Почему?

— Не предполагаете, что я мог бы что-то посоветовать?

Я засмеялся.

— Совет от господина Дьявола?

Он покачал головой.

— А от Творца примете?

Я запнулся на миг, пожал плечами.

— Не хочу ничего о Творце... как и о вас, сэр Сатана, но и от Творца, честно говоря, не приму. Как не принял и тогда, когда он разрешил жрать все, но не трогать плодов с запретного дерева.

Сатана победно улыбнулся.

— Но от меня приняли!

— Да, — сказал я нехотя, — но лишь потому, что это отвечало моим желаниям. А так бы и без вас сорвал то яблоко.

Он насмешливо прищурился.

— Точно?

— Точно, — сказал я уверенно. — Днем раньше, днем позже... Если Господь дал мне свободу воли, то пусть терпит, когда я ею пользуюсь!

Он начал придерживать коня, я поневоле натянул повод. Впереди город Золотой Пеарл, больше похожий на шумный походный лагерь, везде горят костры, как будто в домах мало печей и каминов, народ тусуется на улицах и перекрестках.

— Пусть вам удастся ваша задумка, — сказал он серьезно. — Не знаю, что у вас за план... видимо, что-то уж совсем дерзкое, но, уверен, вы достаточно хорошо просчитали все за и против. Вы не сорвиголова, сэр Ричард! И если у вас получится, то у меня будет для вас очень хорошее предложение...

— Отказываюсь, — прервал я.

Он покачал головой.

— Есть предложения, от которых невозможно отказаться.

Его рука в красивом жесте взметнулась к шляпе, я увидел задорную улыбку, конь его поднялся на дыбы, и все исчезло. Ни запаха серы, ни аромата адского огня, на этот раз Сатана не пародировал дурацкие рассказы о рогатом чудище из ада, что пахнет смолой и серой.

И хотя загадочные слова Сатаны встревожили, но я почти подпрыгивал в седле от победной радости. Не только замыслы Творца неведомы Сатане, но даже замыслы человека! В каждом частичка Творца, душа, потому и человек для Сатаны — непостижим.

Для Творца — да, но это не задевает, потому что Творец не вмешивается, однажды запустив сложную машину мироздания. А Сатана активен, так что не хотелось бы, чтобы он знал мои задумки.

Город приближался, ветер донес характерные запахи жилья: запах горящего дерева, ароматы похлебки, кажется бараньей, нигде не пахнет рыбой, видать, пиратам осточертела за время странствий по морям.

Веселые пляски встретили меня еще на окраине. Трои стучат в бубны, еще двое старательно и неумело сопят в блестящие трубы с красными флагами, а с десяток пиратов в живописных одеждах танцуют с бутылками вина в руках, выкрикивают что-то веселое и похабное, судя по мордам тех, кто ритмично хлопает в ладоши.

Внезапно острая тревога впилась в грудь, сердце сжалось в ощущении большой беды. Куда я лезу, куда лезу... Почему не скакать все так же на Зайчике, не бросать молот налево и направо, удивляя всех силой и могуществом? Ну чего мне совать голову в петлю больших чисел и образований...

Я стиснул челюсти и помотал головой. До каких порходить в коротких штанишках одинокого героя? Так легче и понятнее, это ясно, но когда-то надо взросльеть?

Ну что так трушу, ведь всей своей жизнью вроде бы подготовлен к таким вот ситуациям, когда должен схватывать на лету и быстро принимать правильные решения! За плечами не только школа, но и университет, а также армия, будь она неладна, но и та чему-то научила, хоть и не тому, что предполагалось.

Однако в моем старом мире и на пенсию выходят, так и не покинув возраст мальчиков, за которых решают... да, все решают. И все мы не мыслим другого рая, как лежать на диване с пультом от ящика, топтать кнопки и ни за что не отвечать. Хотя нас учили и отвечать, и принимать решения.

Так чего же меня трясет от одной только мысли, что буду в ответе?

Я проехал мимо танцующих, улыбаясь и делая беспечное лицо. На меня почти не обратили внимания, только одна веселая женщина попыталась ухватить за сапог, но я вздохнул и развел руками. Мол, с удовольствием бы, но — на службе...

В порту кипит бурная торговля амулетами. Как я понял, к Гуголу тащат только совсем уж непонятное, в чем не могут разобраться сами. Известное запускают сразу или, не запуская, выставляют на продажу.

Я останавливался, приценивался, интересовался свойствами. Моему невежеству не удивлялись, мир велик, я мог приплыть с неких дальних островов, которых нет и на карте. Или даже с кочующих островов...

Большим спросом, как вижу, пользуются амулеты Спасения. Почему-то их находят всегда готовыми излечить любые, даже смертельные раны. Еще ни разу никто не отыскал пустой амулет, какими становятся после использования. Но те, которые использовали, теперь не выбрасывают, а несут к Гуголу. Он каким-то образом их заряжает снова, забыл спросить...

Впрочем, они и без Гугола за год-два вбирают в себя магии достаточно для излечения любого, если в нем теплится хотя бы капля жизни.

Я впитывал в себя любые крохи информации, а уже в мозгу достраивал недостающие детали. Может быть, получится даже нечто похожее на реальность.

Конечно же, спросом пользуются разные привороты и отвороты, любовные снадобья, как же без них, усилители «мужской силы», что, понятно, никакого отношения к мускулам не имеют, а также различные обнаружители, выяснятели и защитители. Многие амулеты спасают от таких диковинных зверей и явлений, которые, на мой взгляд, ну просто быть не могут на свете, однако, как заметил, некие странно одетые пираты покупают их.

Я бродил вроде бы бесцельно, все гуляют и веселятся, рассмотрел, что морские разбойники беспробудно пьяниствуют в многочисленных кабаках в портах, но два-три, самых дорогих, облюбовали для себя капитаны кораблей.

На базаре мне сообщили, что грандкапитан Бархфельд велел устроить кабак для себя лично, где пьянистует он и его капитаны. Это в большом трехэтажном доме, где весь третий этаж занимает он сам, второй этаж — его телохранители, а на первом — таверна для избранных.

Когда-то это была чья-то богатая вилла, там даже бассейн

сохранился прямо возле дома, можно прыгать в него прямо из окна, но пираты купаться не любят.

Через полчаса я подъехал к дому грандкапитана. Подчеркнутая массивность, угловатость и нарочитая незавершенность отделки. Сама архитектура диктует, что если здесь все весомо, грубо, зримо, то и люди тоже должны быть весомыми и грубыми.

Люди во дворе такими и показались мне, плюс одежда и доспехи подчеркивают звериность того, на ком надеты. Из одежды эти орлы чаще всего в шкурах, металлические доспехи со следами грубой ковки, а морды в таких жутких шрамах и так много этих шрамов, что уж не под анестезией ли наносят себе в таком количестве, раз здесь это признак мужской красоты и доблести...

Глава 9

Набросив конский повод на крюк коновязи, я медленно пошел через двор. Пираты лениво поглядывали, но я один, а значит, опасности не представляю. Но присматриваются, новичка узнали сразу уже хотя бы потому, что здесь все свои и друг друга знают.

Сердце стучит часто. Я твердил себе; ну и что, если не пираты, а буканьеры, это даже лучше, если смотреть трезво и здраво. У пиратов за спиной кто-то стоит, а у этих — никто. Если я не последний дурак, то сыграть должен именно на этом.

Могучие, широкие, мускулистые, они двигаются по двору неторопливо и уверенно, переговариваются грубыми хриплыми голосами. В каждом жесте, каждом движении я ощущал грубую силу, мощь и нерассуждающий напор.

Мне показалось, что нечто подобное видел, когда вот так демонстративно выпячивают только силу, хоочут громко и дерзко, в каждом движении вызов: попробуй меня останови!

Те же тролли, мелькнуло в голове, хоть и люди. Такие же интеллектуалы, что те зеленомордые, что фанаты футбола. В самом деле, почему пираты должны быть лучше троллей? Уж не расист ли я? Если пираты — люди, то и тролли люди.

Я бы удивился, если бы меня никто не задел и не останов-

вил: это в городе и на рынке я не слишком отличаюсь от прочих, но здесь — как белая ворона.

Дорогу загородил огромный и рыхлый мужик со свисающим через ремень пузом, в кожаном доспехе, весь обвешанный оружием. Он смотрел на меня насмешливо, массивный, широкий, в железных доспехах поверх шкур, лапы и хвост высываются из-под стального пояса. Изуродованная шрамами морда кривилась в угрожающей гримасе.

— А что это за такой сладенький, — проревел он издевательски. — А что это за чистенький?.. У-тю-тю-тю!

Я замедлил шаг, посмотрел на него холодно.

— Ты, мелкий шакал, — сказал я громко, подпустив в голос как можно больше презрения, — брысь с дороги! Пока не погнал пинками.

Он захочтал, закидывая голову. Шея, как ствол толстого дерева, а плечи разнесены в стороны, да еще укрыты толстыми наплечными пластинами. Мне казалось, что сейчас как горилла застучит с ревом кулаками в грудь, но он, отсмеявшись, вперил в меня грозный взгляд.

— Это ты мне говоришь? Мне, Каменному Лютеру?

— Да хоть и железному, — сообщил я. — Прочь, крыса.

— Ты, чистенький, — сказал он громовым голосом, — с этой палкой за спиной! Хоть держал когда-то свой меч в руке? Что-то не вижу на тебе ни одного шрама!

— Я их оставляю на других, — ответил я четко, — а не получаю.

Пираты одобрительно зашумели, острый ответ нравится всем, а Лютер проревел трубным голосом:

— Ты?.. Боец? А почему такой чистенький?

— Потому что могу себе это позволить, — ответил я. — Я мужчина, а не сопляк, который старается выглядеть большим и страшным. Потому что никого не стараюсь испугать, как некоторые трусы, что крутой драки боятся и напускают на себя свирепый вид, мол, бойтесь меня, я страшен в гневе!

Пираты снова зашумели, но как-то неуверенно, то же самое можно применить и к ним, а Лютер выхватил меч и зарычал, оскалив зубы:

— Я убью тебя!

— Кто способен убить, — ответил я, — тот не сотрясает воздух воплями. Кого ты пугаешь, сопляк?

Пираты снова захочотали, «сопляк» в применении к Лютеру да еще от меня звучит очень уж круто. Лютер, как я понял сразу, предпочел бы только посотрясать воздух угрозами и криками, но для этого надо, чтобы я отступил, а сейчас на кону его мужская честь, и он, дико завопив в последней попытке меня напугать, вынужденно ринулся вперед, занеся меч для удара.

Я уже все просчитал, как массу тела этого рыхлого здоровяка, так и его умение владеть этой железной оглоблей, потому не стал ввязываться в обмен ударами, когда есть шанс завершить все быстро, в нужный момент стремительно сдвинулся. Меч Лютера просвистел мимо, а сам он прозвализился вслед за своим оружием. Когда выровнялся и начал свирепо поворачиваться ко мне, я ударил со всей силы, быстро и, как получилось, точно.

Лезвие вошло точно между пластинами возле шеи. Пираты ахнули в один голос, тело Лютера еще на ногах, а голова с правым плечом и рукой, срезанные наискось, соскользнули, как по красному льду, и тяжело рухнули на землю, разбрызгивая красные струйки.

Я брезгливо отряхнул меч и, хотя сердце трепыхается от страха и омерзения, сказал громко и властно:

— С дураками разговор короткий. С умным бы постарался договориться.

Никто не обнажал оружие, я медленно сунул меч в ножны. Один из пиратов, одетый богаче и с оружием, украшенным драгоценными камнями, проговорил в некотором замешательстве:

— Да, это было... убедительно. Хорошо, я провожу вас к грандкапитану. Но сейчас он занят, придется подождать.

— Ничего, — ответил я легко, — могу пока рассказать все вам, как его верным сподвижникам.

Он протестующее вскинул руки.

— Нет-нет!

— Почему? — удивился я.

Его глаза сощурились.

— Стоит ли беспокоить грандкапитана пустяками, которые можно рассказывать всем на улице?

— Да, — признал я, — логика есть. Вас как зовут, сэр?

— Франц Эрнст, — назвался он. — Капитан корабля «Порочная Дева». А вы, сэр?

— Ричард Длинные Руки, — ответил я. — Маркиз Черро.

Он вскинул брови, пираты за его спиной зашумели, кто-то выругался. Франц Эрнст спросил удивленно:

— У вас нет корабля? Вы не капитан?

— Я капитан, — ответил я. — Капитан всего маркизата. А зачем мне корабль, когда у меня целая флотилия?

Он не успел ответить, из дома вышел крупный грузный человек, могучий с виду, но уже успевший заплыть жиром. За ним двигались крепкие и накачанные парни, обвешанные оружием, как опереточные герои.

Я улыбался и смотрел на них, как на лучших друзей, которых я вот наконец отыскал после многих лет поисков. Грандкапитан шел неторопливо, его сподвижники опередили шефа, кое-кто вытащил из ножен меч или нож, смотрят так, что вот-вот бросятся и порубят меня на куски. А потом то один, то другой из телохранителей успокаивающе кивали своему вожаку, мол, не шахид, опасного при нем нет.

Я пошел навстречу и остановился в нескольких шагах от грандкапитана. Он смотрел победно и свысока, как победитель на захваченного в плен.

Я коротко поклонился.

— Приветствую, доблестный грандкапитан Бархфельд. Меня зовут Ричард Длинные Руки, я маркиз Черро. У меня к вам есть серьезное предложение.

Он гулко расхохотался.

— Какие могут быть предложения у человека, у которого ничего нет?.. Даже жизнь твоя принадлежит мне. Хочу — оставлю ее тебе, захочу... оборву тут же!

Вокруг раздался хохот. Пираты выхватывали из-за поясов кинжалы с драгоценными камнями на рукоятях, делали страшные глаза и показывали, как будут резать горло.

— У меня кое-что есть, — ответил я как можно спокойнее, хотя поджилки начали трястись. — Причем такое, что тебе никто дать не сможет.

— Ого, — сказал он насмешливо, — такое ценное?

— Ценнее не бывает!

— Что это? — спросил он с насмешливым интересом.

— Легализация, — ответил я. Судя по его лицу и остальным мордам, никто даже не слыхал такого слова, хотя оно такое же древнее, как проституция. — Легализация деятельности, доходов, новый уровень жизни... Или вы так до конца жизни будете бороздить моря, топить чужие корабли и, давайте честно, иногда и сами, того, к морскому королю на дно?.. Не смешно ли?

Он прорычал зло:

— Что смешного? Мы гордимся непобедимостью!.. На каждый потопленный наш корабль приходится пять захваченных с богатым грузом!

Я выставил вперед ладони.

— Кто спорит?.. Но когда у твоих капитанов по сотне тысяч золотых, не пора ли перестать считаться пиратами, а зажить как богатые и благородные люди?.. Выстроить себе богатые дворцы, взять в жены дочерей благородных лордов... а не довольствоваться захваченными пленницами или портowychи шлюхами! Да и куда вы детей на корабле-то денете? За борт?.. А здесь можно поручить их воспитывать лучшим наставникам. А самому присматривать за наставниками. Я все это предлагаю вам, потому что только я это могу сделать. Только я, поймите! Больше никто. И нигде.

Я говорил нарочито громко и видел, как меняются лица капитанов. В самом деле, у каждого уже накоплено золота выше крыши. Все эти флинты зарывают сундуки с награбленными сокровищами на островах, куда потом за халявой наперегонки едут доктор, как его там, и одноглазый пират Сильвестр, и никто из знатных пиратов не успевает воспользоваться своими богатствами.

— Кто-то из вас, — сказал я, — погибнет в очередном морском сражении, кого-то схватят королевские войска и повесят... Я же предлагаю вам амнистию и легализацию доходов. Пора от грабительского перераспределения собственности переходить к цивилизованным методам грабежа.

Бархельд заметил, что я посматриваю на его капитанов, поморщился, прорычал:

— Что ты имеешь в виду, маркизишко?

Франц Эрнст, как его помощник и потому более сметливый, сразу ухватился за корень:

— Какого-какого грабежа?

— Цивилизованного, — повторил я.

— Это как?

— Это ты грабишь, — объяснил я, — а тебе за это... ничего! Потому что грабишь под прикрытием закона. И схватить тебя не могут, а если схватят, то они и виноваты, нарушили твои права общечеловека и гуманиста.

Все смотрели недоверчиво, я видел, как то один, то другой вытаскивают амулеты и трут их, направляя на меня. Возможно, некие детекторы лжи, но я как никогда говорю искренне и честно. А если брешу, то хрен поймаешь, я пришел из куда более брехливого мира.

— Вы все получите королевское прощение за все свои деяния, — сообщил я. — Об этом позабочусь, это чисто технический вопрос. После чего вы получаете патенты, что состоите на королевской службе. В тех же чинах и должностях. Вы получаете право официально пребывать в маркизате Черрро и в королевстве Гессен, получаете право свободно покупать землю и строить на ней хоть замки, хоть дворцы, хоть загоны для скота. Конечно, как все граждане королевства, вы будете обязаны платить налоги, но это сущий пустяк в сравнении с комфортом и безопасностью, которые вы получите!

Один из капитанов, огромный и с жуткими шрамами на лице, прорычал:

— Ну, кто-то и польстится, захочет опустить жирную задницу на твердую землю, га-га-га!.. Но не мы, настоящие мужчины!

Еще один, с виду еще страшнее, сказал злобно:

— Я с тобой, Ордоньес. Никогда не оставлю море. И помереть хочу в море!

— Спасибо, Алан, — буркнул пират, который Ордоньес.

Я воскликнул:

— Достойные слова! Вы сильный и благородный человек, Алан. Конечно же, что может быть лучше бескрайнего моря, его просторов, криков буревестников и надутого паруса над

головой?.. Не знаю такого. Но вы зря решили, что я всех уговариваю бросить это благородное, а главное, нужное и доходное дело!

Алан вытаращил глаза.

— Но...

— Я говорю о тех, кто уже накопил большие богатства, — объяснил я, — они могут их с пользой для себя расходовать на суше. А те, кто будет продолжать нужную работу на море, получат от меня, как правительства и закона, необходимую поддержку! Понимаете? Вы будете заходить в гавань по пра-ву, а не тайком...

Алан прервал гневно:

— Мы и сейчас заходим не тайком!

— Верно, — согласился я, — но выставляете сторожей, чтобы внезапно не напали хоть королевские войска, хоть конкуренты. А так вы будете под защитой властей. Даже от конкурентов защитим... Во всяком случае, на суше. Да и на море поможем.

Я видел, как сквозь толпу протиснулся вперед высокий капитан, который раскланялся перед Маргаритой, когда мы входили в гостиницу, Гитард д'Альбре, капитан корабля «Гремящий», как он назывался тогда. Я чувствовал, что он здесь в авторитете, пусть даже не на главных ролях.

— Сэр Ричард, — спросил он вкрадчиво мягким голосом, — то, что вы сказали, звучит очень странно и необычно. Почему вы такое придумали? Не ловушка ли это?

Капитаны зашумели, кто-то крикнул раздраженно, что маркизик просто брешет, надо его вздернуть на рее.

Я покачал головой.

— Скажу честно, я ничего не придумал. Не такой уж я и мудрец... Я, как и вы, больше обучался драться. Если кто не верит, пусть выйдет и попробует. Но в моем королевстве случилась именно такая ситуация!.. Катастрофа, обвал за обвалом, дефолт, все рухнуло, власть исчезла, по всей стране началась резня и грабежи... Из этих пожаров вынырнули шайки разбойников, что безжалостно грабили всех вокруг, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков, ни служителей культуры... В том хаосе они награбили огромные богатства, и когда наконец возникла крепкая королевская власть, к тому време-

ни все эти вожаки обзавелись собственными армиями. Предстояла жестокая война, власть не может смириться с таким положением... и тогда один мудрец посоветовал именно то, что я предлагаю вам.

— Лега... как ее... лизацию?

— Точно. Вожакам разбойников предложили признать власть короля, а за это им оставляют то положение, которое они занимают, все доходы, всех своих людей. Король сперва был против, но согласился вынужденно...

Алан жестоко ухмыльнулся.

— Еще бы! Да они бы его в порошок стерли!

— Верно, — согласился я. — А потом передрались бы сами. Но мудрость одержала верх. Они приняли предложение короля, им были пожалованы титулы герцогов, графов, баронов, виконтов, прочих депутатов и губернаторов, наступил мир во всем королевстве. Потом оказалось, что королевство выиграло от такой сделки намного больше, чем ожидал не только король, но и его мудрецы!.. Все эти вожаки разбойников, там они звались олигархами, оказались намного более умелыми руководителями, чем если бы король назначил кого-то из своего окружения. С тех пор королевство процветает. Дети олигархов учатся в лучших школах, невест выбирают из королевского окружения, дочерей настоящих герцогов, дворцы их превосходят по роскоши королевские хоромы...

Их глаза блестели, а кое-кто даже дышит учащенно, я просто видел, как некоторые страстно мечтают наконец-то поселиться на берегу и зажить, пользуясь богатством.

— Все это можем сделать и мы, — закончил я. — Я не строю ловушки, вы же все видите. Это на пользу мне и вам. Это тот редкий случай, когда от сделки резко выигрывают обе стороны!

Гитард д'Альбре спросил на всякий случай:

— А вы что выигрываете?

Я бесстыдно ухмыльнулся.

— Ну, во-первых, я буду маркизом не бедного разоренного края, а богатого. Во-вторых, ребята, вы и здесь не станете сидеть сложа руки. И все накопленное золото съесть не сможете. Вы создадите рыболовецкий флот, который будет приносить большую прибыль, на берегу постройте рыболов-

делочные заводы, что принесут прибыль еще больше... а это значит, новые рабочие места, это строительство гостиниц для прибывающих торговцев-оптовиков, это постоянная ярмарка...

Они слушали недоверчиво и восторженно, один из капитанов вставил со смешком:

— А вот Алан будет охранять их в море!

Кто-то хихикнул, я кивнул и сказал с одобрением:

— Вот отважный капитан подсказал дальную мысль. Верно, не желающие расставаться с морем и драками будут охранять рыбакские корабли. И все будут при деле. Еще понадобятся рыбоперерабатывающие цеха, скотобойня и разделочные места, а также цеха кожевенные, дубильные и красильни... Это все вы сделаете. Не потому, что я подсказываю, а потому, что народ очень деятельный. И край этот расцветет лучше, чем столичные земли.

Капитан, который просто хотел схокмить, приосанился и посматривал на всех с чувством превосходства, вот он какой умный. Я видел, как тают на лицах капитанов последние остатки сомнения. Только Алан все еще качал головой и хмурился, но и он, как я догадывался, не может отыскать брешь в моих доводах.

Гитард д'Альбре, из самых молодых и удачливых, так как уже успел награбить, но, на мой взгляд, еще и не дурак, смотрел на меня очень внимательно, я видел в его глазах холодный расчет и начало каких-то планов.

— Сэр Ричард, — сказал он учтиво, — у меня есть ряд вопросов... но, думаю, вы дали много пищи для размышлений нашим отважным ребятам. Пусть пока переварят, а я вас провожу... а вы посвятите меня в некоторые малозначащие детали.

Я ответил с таким же учтивым поклоном.

— Сэр Гитард, я всегда рад общению с умным человеком, я наслышан, что Гитард д'Альбре, капитан корабля «Гремящий», не только удачлив в бою, но и очень умен, что встречается еще реже. Буду счастлив рассказать вам все, что вам заблагорассудится.

Он иронично улыбнулся, но спина стала еще ровнее, а

взгляд из гордого превратился в надменно-покровительственный.

— Франк и Гизел, — велел он строго, — со мной!.. Потом допьете. Если вам оставят, конечно.

— Ну да, — сказал один из пиратов саркастически, — они оставят...

Гитард взял меня под локоть.

— Я вас провожу, — сказал он настойчиво. — А вопросы у меня чуть ли не детские...

Мы вышли за ворота, за нами топали и переговаривались о своем двоем громадных пиратов, обвешанные оружием, как елки игрушками в детском саду. Оба похочатывали, играли плечами, их обходили опасливо, явно у Гитарда в телохранителях еще те ребята. Франк захватил моего коня и повел за нами в поводу.

Я чувствовал облегчение, Гитард взял на себя путь отступления, а то даже не знаю, чем кончится, так и буду отвечать до утра, пока на чем-то не проколюсь.

Гитард шагал рядом молчаливый и задумчивый. Я тоже молчал, это у него вопросы, а не у меня. Наконец он спросил неожиданно:

— Сэр Ричард... но где гарантии, что говорите правду?

Я ответил удивленно:

— В здравом смысле. А что вас беспокоит?

— На кораблях мы в безопасности, — ответил он с крикой улыбкой. — Конечно, в относительной. С королевской эскадрой не деремся, но всегда есть шанс удрать... А на сущем будем беспомощны! Конечно, удрать тоже можно, хоть и труднее, но это же оставить все накопленные богатства! А когда я на корабле, все со мной.

Я вздохнул.

— Дорогой граф... уж простите, я наметил для вас этот титул, вы еще не знаете всех своих возможностей. А я, представьте себе, знаю.

Он фыркнул:

— Откуда?

— Из опыта, — пояснил я. Заметив его непонимающий взгляд, пояснил: — Из опыта других. Вы еще не знаете, что вот так же, как умело планируете нападения, разбои и ограб-

ления прибрежных городов, вы так же сможете безуокоризненно планировать и расцвет своего края! Я имею в виду, что вы не будете просто графом, что пьет и таскает в постель графских дочерей... скажу по секрету, там разницы нет: графские они или крестьянские. Вам захочется такой же активной жизни, какая была на море. И она в самом деле будет еще активнее! И грабежи будут еще те... Более жестокие и бескомпромиссные, чем простые разбои. Я имею в виду экономическую сторону.

Он слушал жадно, в глазах вспыхивали огоньки, разгорались, гасли под напором сомнений, снова вспыхивали жарким пламенем.

— Маркиз, вы говорите все так убедительно!.. Откуда вы это знаете?

Я вздохнул.

— Да все это уже было на моих глазах в моем королевстве. И, представьте себе, сработало великолепно! Все эти пираты, разграбившие огромную страну, едва получили право легализации, тут же вложили награбленное в свои... хозяйства. И если такой пират раньше командовал не одним кораблем, а целой эскадрой, то теперь он командует огромной областью, в котором десятки крупных городов, сотни мелких, тысячи сел и деревень, у него своя местная полиция, у него свои корабли, он обладает огромной властью в своей губернии, так у нас называются графства, а сам он, граф-губернатор, имеет законное право подсказывать королю, что и как делать, и король чаще всего соглашается!

Он жадно вздохнул, глаза горят неистовым огнем, я уже видел, что он готов идти за мной, каким бы невероятным мое предложение ни выглядело.

— Потому, — закончил я, — то, что предлагаю я, выгодно прежде всего мне, как правителю маркизата, королю, что припишет расцвет маркизата заслугам своего правления, и вам, дорогой граф, который будет командовать не тремя кораблями, а тремястами городами! И кораблей заведете себе, сколько хотите.

Гитард пробормотал:

— Звучит хорошо... но как-то рискованно отказываться от привычного...

— Грабежа? — спросил я.

— Ну да, — ответил он. — Благородного грабежа! Вы просто не представляете, как мне везет. Там, где другие сами остаются оципанными, я возвращаюсь с добычей.

Я развел руками.

— Граф! Тем более вам нужно вложить эти деньги в недвижимость на суше. Это, кстати, самое выгодное вложение. Недвижимость всегда в цене. Корабль может утонуть, а ваша земля не утонет... Мне лично жаль, что ваши деньги утонут вместе с вами.

Он засмеялся.

— Чувствуется жилка хозяина.

Я кивнул.

— Вы не представляете, дорогой граф, что грабежи как были ими, так и останутся. Я уже сказал, что станут еще более жестокими... Мир таков! Увы... или ура, это уже сами смотрите. Я подскажу вам кое-какие варианты. Правда, называться это будет уже не грабежами, но суть не меняется. И эти грабежи будут такими, что перед ними померкнут все ваши детские налеты на купеческие эскадры. Дорогой граф, я не буду прессовать вас на предмет немедленного согласия. Весь фокус перестройки на новый лад заключается в том, что она может быть только добровольной!.. Но если согласитесь, то станете вдесятеро богаче, могущественнее! Уж молчу, что жить станет безопасней, а богатством и властью сможете наслаждаться открыто, а не набегами... Если у вас или у кого появятся дополнительные вопросы, то я остановился в гостинице с красным петухом на крыше.

Он улыбнулся и кивнул.

— Знаю. Хорошее место. Там всегда хорошее вино.

— А сейчас из запасов капитана Угинзена, — сказал я, щеголяя знаниями, — который удачно разграбил корабль дона Испарда.

Он засмеялся.

— Ему повезло. Иначе тот корабль нагнал бы я!

— Заходите при случае, — сказал я, — угощу вином. Побеседуем, как обустроить... маркизат. И вернуть ему экономическую мощь при новой системе отношений, чтобы остальные европы удивлялись, трепетали и боялись.

Раскланиваясь и улыбаясь, называя его графом, а его телохранителей — виконтами, я принял из рук Франка повод коня, под их взглядами вскочил в седло и, помахав на прощанье, пустил в галоп.

Сердце колотится, как не стучало ни перед какой схваткой с драконом или ограми. Мозг разогрет так, что плавится, но все-таки я молодец, я просто умница, сумел им показать новые перспективы, а на крючок повесил именно того червячка, на который, похоже, все мы как раз и ловимся.

Глава 10

В гостиницу вернулся усталый, на ходу велел подать ужин в номер, открыл дверь комнаты и тут только вспомнил, что у меня ж там красотка, сейчас как никогда на фиг мне нужная.

Маргарита сидит у окна, занавеска чуть приоткрыта, взгляд, который метнула в меня, испепелил бы на месте, если бы я не был из поколения пофигизма.

— Извини, — сказал я с чувством неловкости, — я и знал, что ты тут. Не обижали?

Она посмотрела на меня странным взглядом.

— А могли?

Я развел руками.

— Ну, народ здесь не совсем цивилизованный. Это я весь из себя ангел.

— Ты? — переспросила она с сомнением.

— Даже крылышки пробиваются, — заверил я. — Сама их увидишь, когда будешь чесать мне спину.

— Я? Да я скорее воткну тебе нож между лопаток!

— А еще женщина, — укорил я со вздохом. — Грубая ты какая-то. А вот я весь из себя нежный и одухотворенный.

Она смотрела, как я со вздохом рухнул на ложе, свесив ноги.

— На этаж, — произнесла она с нажимом, — вообще никто теперь не поднимается. Хотя здесь еще пять комнат. Все заняты... Говорят, будто ты поставил стеречь демона?

— Не стеречь, а охранять, — поправил я. — Но сейчас пришел я, демона отправил отсыпаться.

Она покачала головой.

— Значит, где ты, там и демон не нужен?

— Точно, — согласился я. — Я еще та пташка...

— Чем же ты весь день занимался? — спросила она.

— Да все нашими демонячими делами, — ответил я небрежно. — Кстати, тебе пора бы уже сташить с меня сапоги! Недогадливая какая-то... А с виду вроде не дурочка.

Она посмотрела на меня дикими глазами и отрезала решительно и гордо:

— Ни за что! Я не служанка.

— Прости, — сказал я. — А не поможешь ли мне снять сапоги? А то прям ноги опухли... Помоги еще, как ты мне уже помогла в жестоком бою.

Она спросила польщенно, хоть и с настороженностью:

— Как именно?

— Думал о тебе, — сказал я. — В башне мага. Там была опасность, и надо было думать о какой-нибудь посторонней ерунде.

Она сперва вспыхнула от негодования, отстранилась, вроде бы даже хотела встать и уйти, но пересилила себя и сказала только ядовито:

— Представляю, что ты навообразил!

— Да, — согласился я. — Сцены должны быть яркими, чтобы не дать одолеть себя магу своими мыслями.

Она прислушалась к моему голосу, достаточно ли просящий, нет ли прежней нотки приказа, легко опустилась на колени и ответила с той же гордостью:

— Помогу. Если ты в самом деле был в бою.

— Еще в каком, — заверил я.

— Ты победил? — спросила она, ухватившись за сапог.

Я ухватился за спинку кровати, сила в руках огненно-лосой красотки совсем не девичья, ответил без особой уверенности:

— Кажется... да.

— Что получил в награду? — потребовала она.

— Вроде бы, — произнес я все так же без особенной уверенности, — маркизат Черро.

Она охнула, едва не упала с сапогом в руках.

— Маркизат? Всю страну?

— Я по мелочи не играю, — сообщил я с достоинством. — Разве по мне не видно?

Она поставила сапог рядом с кроватью, взялась за другой, покрепче уперлась.

— Держись. У тебя в самом деле ноги распухли. Это у тебя такие шутки?

— Мой юмор что-то гаснет, — сказал я, — наверное, от забот о судьбах Отечества. Так что все всерьез. Я — маркиз Черро, и это сообщил сегодня пиратам.

— И тебя не растерзали?

— Растерзали, — ответил я.

Она посмотрела с недоумением.

— Но ты живой!

— Разве это жизнь? — ответил я слабо. — Устал, как собака. А растерзанный я внутри. Тело всего лишь оболочка для сохранения души, так вот я внутри весь в ключьях. Так что давай меня ласкай, ублажай и вообще потакай во всем.

Она смотрела на меня пристально.

— В чем?

— Во всем, — повторил я.

— А чем именно?

— А во всем, — ответил я нагло. — Когда приходит усталый повелитель, разве не должны все баядерки слететься к нему, как щебечущие птички, снять усталость, ну и все прочее?

— Я не знаю, что такое баядерки, — сообщила она с вызовом. — Но я не делаю того, что не делаю!

— Ну и не надо, — ответил я добродушно. — Это я так. Думал, тебе очень хочется меня ублажать, вот и разрешил... А на самом деле мне только чашечку кофе и мягкую постель...

В моих пальцах возникла чашка кофе. Я с наслаждением отхлебывал горячий напиток, не обращая внимания, какими глазами смотрит на меня девушка с огненными волосами.

— Ты... колдун?

— Фи, — сказал я, — как грубо.

— Прости. Ты маг?

— Нет, — ответил я. — Если под словом «маг» понимать человека, который занимается только магией. Я вот и тобой сейчас занимаюсь, но от этого не становлюсь бабником. Разницу улавливаешь?

Она кивнула, но в глазах все еще вопрос, а на лице тревога.

— Но если ты маг, — произнесла она нерешительно, — извини, если умеешь пользоваться магией... то ты можешь...

Она запнулась, я с удовольствием смотрел, как жгучий румянец проступает на ее смуглых щеках.

— Что? — спросил я с издевкой. — Что могу? Принудить тебя снять платье и танцевать передо мной голой?.. Не смеши. Чтоб такое делать с женщинами, не нужно магии, достаточно серебряной монеты. А то и медной. Какое все-таки у вас, женщин, самомнение... Все должны думать только о вас, добиваться только вас! А как же Родина? Как же Отечество? Ну, пусть в нашем отечестве все в порядке, зато в Бирме и Сомали нарушаются права человека, как можно в такое время думать о женщинах?.. Эх...

Я швырнул чашку в открытое окно, бухнулся на ложе, с наслаждением ощутил его мягкость и нежность.

— Ты собираешься спать? — спросила она.

— Да, — ответил я твердо. — Я устал, как пастушья собака. Если хочешь, спи на лавке — там широко. Могу разрешить лечь, даже возлечь, рядом. Только не сопеть, не храпеть, не лягаться и не стягивать одеяло. Губами тоже не плямкать, вон они у тебя какие, как оладьи.

Некоторое время в комнате было тихо. Я чувствовал, как подкрадывается сон, тело расслабилось, я даже всхрапнул разок, сконфузился и повернулся на бок.

И почти сразу ощутил, как сильные руки перевернули меня на спину. Сверху нависла Маргарита. Она почти терялась в пышном водопаде огненных красных волос, что стали еще громаднее, просто копна какая-то, даже стог, глаза на потемневшем лице рассерженно сверкают.

— В чем дело? — спросил я недовольно. — Мы же дого-ворились...

— Мы не договаривались, — прервала она. — Размечтался! Надеешься, дам спать? Ты ошибся. Теперь покажи все, что ты воображал в башне колдуна!

Утром это я выглядел смущенным, некоторое время еще потерявши интеллигентской идеей, а не принудил ли я ее хотя бы косвенно, зато Маргарита цвела и пела, инстинктивно чувствуя свое превосходство.

Она сама заказала могучий завтрак, из которого сразу же умяла половину. Я с чувством вины подумал, что за время плены наголодалась, а я не настоял, чтобы не жеманничала, а жрала. Красивой женщине жрать можно, красивая даже жрет красиво. А также лопает, хавает и уминает. Да вообще у красивой все получается красиво.

До полудня я терзался сомнениями и догадками, что да как в пиратском обществе, однако к обеду пришел Гитард д'Альбре, сообщил с ходу, что бучу я поднял немалую.

— Что говорят пираты? — спросил я.

Перед нами накрыт богатый стол, Гитард со своей стороны заказал ряд экзотических блюд, стараясь поразить меня изысканностью вкуса. Присутствие Маргариты принял как должное, раскланялся со всей любезностью, на что она, разрумянившись от удовольствия, ответила так же учтиво и любезно.

— Пока обсуждают, — ответил он. — Отведайте вот этих перепелок в сметане, здесь их готовят просто необыкновенно... Вы угадали, маркиз, занимаемся прибыльным морским делом уже давно. Многие накопили немалые богатства. Вначале о них не думаешь, просто нападаешь на корабли и грабишь... Вся добыча уходит на ремонт корабля, на покупку провизии, но что-то да остается! Если самого не потопят, не схватят и не повесят, то даже не у самых удачливых за несколько лет скапливается нечто... Я еще молод и не так давно занимаюсь этим делом, но и у меня на одном дальнем остроге закопано золотишко. Так, на всякий случай! И пирату понадобятся деньги, если слишком долго не было добычи, а кораблю нужен ремонт...

Мы ели, запивали вином, Маргарита слушала, но помалкивала, играя роль послушной женщины, молодец, все понимает, мой хилый авторитет нужно поддерживать.

— А каково соотношение, — спросил я, — за и против?

Он пожал плечами.

— Сказать трудно. Пока спорят. Но уже то, что не отверг-

ли сразу, немало. Конечно, больше тех, кто на сушу не хочет!.. Это либо молодые, либо не слишком удачливые.

— А на сушу хотят те, кто постарел?

Он запил вином, подумал, покачал головой.

— Нет, даже среди удачливых и очень богатых много таких, кто хотел бы на суще выстроить хороший дом, завести хозяйство, но... поручить его другим, а самому, пиратствуя, время от времени проверять работу.

— Хорошая идея, — одобрил я.

— Мне такое тоже нравится, — признался он. — На море я хозяин. На суще — гость, но хочу и здесь не оглядываться в страхе: не маячат ли вдали мачты королевского флота?.. Превосходное вино!.. Хозяин подает его только своим клиентам. Вы завоевали доверие.

— Надеюсь, — пробормотал я, все-таки это Фишер выдал насчет этого вина из запасов дона Испарда. — Я хочу завоевать доверие всего населения. Это очень важно для проводимых реформ. Доверие к правителью — залог быстрого прогресса.

Он смаковал вино медленно, взгляд стал отстраненным, но спохватился, в глазах мелькнуло веселое изумление.

— Но как взбудоражили вы всех, сэр Ричард! Споры переходят в драки.

— Ого!

— Не смеяйтесь, это прекрасный показатель.

Глава 11

Я дождался вечера, Маргарита снова осталась одна в номере, я отправился в порт и долго ходил по торговым рядам, прислушиваясь к разговорам.

Здесь меня еще не знают в лицо, я наслушался про некоего столичного хлыща, что баламутит народ слухами, будто пираты могут сойти на берег и начинать заниматься хозяйством. Сами пираты, мол, уже передрались, кто-то за, кто-то против, но никто толком не знает, как правильно.

В самом городе толки тоже не прекращаются, народ торопится понять, что для них лучше. Или хуже. С одной сто-

роны, их роль перекупщиков резко уменьшится, с другой — пираты будут появляться не наездами, а сразу начнут вкладывать деньги в строительство. К тому же нахлынут из южных областей маркизата плотники, столяры, каменщики и прочие строители, начнется горячая пора, новеньkim понадобятся гостиницы, жилье, еда, а также всякие развлечения...

Я вернулся за полночь, наслушавшись такого, что в голове шум, будто пчелиная семья готовится к вылету. Маргарита встретила вопросительным взглядом.

— Никаких драконов, — ответил я. — Никаких побед. Так что можешь сегодня мне спину не чесать, хотя... не откажусь.

— Я и вчера не чесала, — отрезала она. — Не прикидывайся. Но сапоги снять помогут, ты устал, вижу.

— Спасибо, — сказал я слабо. — Удивительная ты женщина. Хоть и рыжая.

— А что, если рыжая? — спросила она враждебно.

— Да так, — ответил я неопределенно, — рыжие все... такие... ну, не такие.

Она с такой силой сдернула сапог, что, не ухватившись я за кровать, слетел бы на пол.

— Злой ты, — сообщила она. — И прибьют тебя скоро.

— Почему?

— Не знаю. Но уже приходили, интересовались.

— Кто? — спросил я, сразу отыскивая взглядом рукоять меча.

— Не знаю. Но смелые мужчины, твоего демона не испугались.

— Пьяные, наверное, — предположил я.

— Чуть-чуть, — согласилась она. — Но не настолько, чтобы плохо драться. А приходили как раз драчуны, я таких сразу узнаю... Так тебе чесать спину?

Я огрызнулся:

— Не сейчас. Думать надо. А чесание отвлекает. Могла бы сперва почесать, а потом рассказать новости!

Она нахально улыбалась.

— Если ты мужчина, то тебе нужнее такие новости.

— Ладно, — сказал я, — сейчас поедим, я всегда на ночь ем, говорят — вредно, подумаем, что делать...

Ни за ужином, ни ночью ничего умного в голову не пришло. Рано утром, когда я вышел из гостиницы, увидел, как во двор вбежал запыхавшийся Франк.

— Хорошо, — воскликнул он, завидев меня. — Пойдемте, там с вами хотят переговорить капитаны...

— Все?

— Часть, — отрубил он.

— Часть бывает лучше, — пробормотал я, — чем целое. Тебе, кто за?

— Угадали, сэр.

— Я не угадываю, — поправил я с достоинством, — это мудрый расчет лучшего стратега всех времен и народов! Меня, если ты еще не понял.

Он хмуро оскалил зубы.

— В упор не вижу такого стратега. Вы пальцем покажите.

Мы уже вышли со двора, на ходу он сообщил, что гранд-капитан начал приходить в ярость и готов уничтожить меня, чтобы разговоры о легализации прекратились. Слишком уж заинтересованно обсуждают мое предложение вожаки пиратских стай. Есть такие, что давно подумывают, как бы бросить все и с накопленным золотишком удрать, сменив имя, в тихие места. Других прельщает возможность без всякой опаски заходить в гавань, ремонтировать корабль с помощью умелых плотников, не забывая, опять же без всяких предосторожностей, посещать кабаки.

Ну да, подумал я со вздохом облегчения, первыми должны откликнуться именно те, кто хотел бы как-то попасть в другие края с награбленными ценностями. Дело это сложное и опасное, а я здесь предлагаю именно то, о чем они мечтают. К тому же с этим краем фактически сроднились.

Он провел меня дворами, затем поднялись по ветхой лестнице, домик выглядит так, словно вот-вот развалится. Франк забежал вперед и открыл дверь.

Я перешагнул порог с настороженностью, большая комната полна людей, пахнет мужским потом, вином и железом. Все вооружены, ни одного простого пирата, все капитаны, видно по гордой властной осанке и дорогому оружию.

Гитард поднялся из-за дальнего стола.

— Сэр Ричард, — сказал он без преамбулы, — здесь люди, которые вам верят.

— Спасибо, — пробормотал я и повторил громче: — Спасибо! Наш союз может быть самым устойчивым в мире уже потому, что он дает обеим сторонам агромадные выгоды!.. Потому я очень хочу, чтобы вы осели на землю и чтоб у вас все было хорошо.

Я чувствовал себя на перекрестье острых ощупывающих взглядов. Рядом с Гитардом сидел крепкий молодой капитан, одет не без щегольства, но в распахнутой на груди до пояса рубашке. Он присматривался ко мне особенно внимательно, а когда Гитард хотел заговорить, остановил его властным движением руки и сказал почти мягко:

— Рамиро Фруэлес, капитан эскадры из пяти кораблей. Меня интересует даже не способ оседания на сушу... Как ни странно, я верю, что это не просто осуществимо, а даже осуществимо легко...

Он сделал паузу, я спросил настороженно:

— А что вас смущает?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы что-то говорили про титулы.

Капитаны задвигались, на рожах появились недоверчивые улыбки. Я ощутил холодок, играю на краю пропасти, но сказал как можно небрежнее:

— А, так это совершеннейшая чепуха! В смысле, все просто. Вы капитаны на море, но на суще должны зваться как-то иначе, верно?.. При легализации преступно нажитых доходов вы получаете титулы графов, баронов, виконтов... Это нормальная практика! Вот вы, понятно, граф, это бесспорно. Кто-то, у кого власти и богатства поменьше, получит титул барона. Кстати, титулы передаются по наследству, что невозможно с капитанством.

Капитаны оживленно переговаривались, Гитард выглянул в окно, Рамиро спросил тут же:

— Опасность?

— Нет, — ответил Гитард мрачно, — твои с моими выясняют, кто круче.

— Дурачье, — ругнулся Рамиро, — эй, кто ближе к двери,

сходите вниз. Скоро им придется показать себя в реальном деле, если вдруг чего.

Я сказал быстро:

— Хорошо бы избежать эксцессов. Это же теперь наши люди, жаль тратить генофонд. Другое дело — чужой...

Один из капитанов вышел, Рамиро обратился ко мне:

— Предположим, все приняли ваше удивительное предложение. И как вы планируете осуществить все обещанное?

Я встрепенулся, наступает самое ответственное. Я должен подробно изложить свою программу и политическую платформу, здесь же демократия. С другой стороны, если удастся убедить этих демократов моря, то не надо самому рулить каждой мелочью — правильно выбранная экономическая модель самоуправляема и стрессоустойчива.

— Я обрисую картину в общем, — сказал я, — а вы, как знатоки местных условий, добавите или скорректируете в нужную сторону. Хорошо?

Рамиро сказал, опережая Гитарда:

— Да, конечно. Мы лучше знаем тех, с кем вам придется иметь дело.

Пираты дважды посыпали в трактир за едой и вином. Мы обсуждали детали несколько часов, я охрип, снова рассказывая, как в моем королевстве самые свирепые разбойники, разграбившие страну, в сто раз более крупную, чем этот маркизат, погубившие миллионы душ, вложили в эту же разоренную ими страну деньги и удивительно быстро сделали ее богатой и процветающей. Естественно, их личное богатство от этого только выросло. И не чуть-чуть, а в разы. Но самое главное, они теперь пользуются такой огромной властью, о какой и не мечтали, пока были умелыми грабителями.

— Мы создадим свое правительство, — пообещал я. — Назовем его Советом, Думой, парламентом, конгрессом или как угодно, неважно, но уже будем править по уму, а не потому, что кому-то вожжा под хвост попала!

Они слушали жадно, а если кто не верил, то лишь потому, что я рисовал сказку намного более яркую и желанную, чем они мечтали сами.

Рамиро, как я заметил, слушает сосредоточенно и высматривает бреши, но, к счастью, я высказываю не свои мысли, а на плечах великих почему не проехаться, так что он, судя по его лицу, придраться так и не смог.

В комнату вошел тихонько пират и сообщил Рамиро, что прибыл еще один отряд под началом капитана Кайма. С ним тридцать отборных головорезов, он сразу занял позиции внизу на случай, если противники легализации захотят напасть.

Я развел руками.

— Не понимаю...

— Чего, сэр Ричард? — спросил Рамиро.

— Зачем им нападать? — спросил я. — Мы же их не заставляем бросать корабли? Пусть занимаются тем, чем занимались. Им же лучше — конкуренции меньше.

Рамиро усмехнулся.

— Шутите? Грандкапитан не хочет, чтобы хоть что-то делалось без его воли.

— Так пусть присоединяется, — сказал я. — У него будет высший титул и наибольшая власть.

Рамиро покачал головой.

— Вы останетесь выше, он это понимает. А так он — выше всех. К сожалению, в последнее время он стал обращать на это слишком много внимания.

Гитард вздохнул.

— А каким орлом был! Еще недавно... И такие мелочи его не интересовали.

Я попросил:

— Достаньте мне подробную карту маркизата.

— Береговой линии? — спросил Гитард. — У меня есть. Все бухты прочерчены очень хорошо. С глубиной, рифами и всем необходимым.

— Мне нужна полная карта, — уточнил я. — Я с вашей помощью должен распределить земли в пользование. В пожалование! Даже удаленные от моря земли хороши, там лес, там можно выращивать скот... А если руда есть, то еще лучше. Тот, на чьей земле можно добывать руду, — уже богач!

Капитаны начали переглядываться, я слышал приглу-

шленные разговоры. Гитард покачал головой, Рамиро сказал с сожалением:

— Думаю, такой карты нет ни у кого. Из наших. Но можно кликнуть клич, что за хорошие деньги купим.

Гитард сказал быстро:

— А чтобы не продали какую-то фальшивку, у нас парни такие, надо купить три-четыре и сравнить. Если совпадают...

— Три-четыре, — сказал Рамиро. — Оптимист! Хотя бы одну... Хорошо, этим займемся. Что еще?

Обстановка накалялась. По слухам, грандкапитан кому-то дал в ухо, кого-то выгнал пинками, и все за то, что пытались обсуждать с ним предложения «этого маркизика». Обиженные приходили к нам. Вскоре пиратское общество разделилось на два четких лагеря. Нейтральных не осталось, да и как оставаться в стороне, когда есть только море и суза, а третьего не дано.

Я начал подумывать, что хорошо бы перебраться из гостиницы в место более уединенное. Если кто захочет лишить меня жизни, там я замечу, а здесь, в толчее, не уследишь, кто сунет в бок длинный нож. Но посмотрел на повеселевшую Маргариту, смолчал. Раньше надо было думать.

Капитаны Гитард, Рамиро, а также их соратники по эскадре Перш и Дорсет явились ко мне в гостиницу и подтвердили, что они со мной. Каждый привел с собой команду головорезов, что сразу же начали выяснять, кто из них круче. Вспыхнули драки. Я поспешил вмешаться, объяснив, что вот-вот явится настоящий противник, вот тогда и увидим, кто чего стоит. Если победим... вернее, как только победим, каждый получит намного больше, чем когда-либо получал при дележе самого богатого купеческого каравана.

Это добавило энтузиазма, хотя все и так взбудоражены открывавшимися возможностями легального грабежа, что куда круче и масштабнее обычных захватов купеческих кораблей.

К обеду началось движение по улицам, торговцы торопливо убирали разложенный на земле товар, даже веселые женщины поспешили вернуться в дома. Я слышал, как лязгают

засовы, а кое-где скрипят половицы под весом придвигаемых к дверям комодов.

Пират с крыши гостиницы прокричал:
— Идут!

Глава 12

Они двигались плотной толпой, выдвинув вперед небольшую группу во главе с грандкапитаном и его ближайшими соратниками.

Я вышел вперед, подвигал плечами, чтобы ощутить тяжесть меча, а то привык настолько, что он вроде шипов на спинном хребте. За моей спиной негромко переговариваются капитаны, их команды держатся группами, каждая за своим лидером.

Грандкапитан замедлял шаг, я видел, как он наливаются тяжелой злобой, что буквально распирает его, делая тяжелее и сильнее. Голову наклонил, словно намеревается меня боднуть, глаза исподлобья сверкают, как сколы слюды.

— Ну что, маркизик, — проговорил он густым, как горячая лава, голосом, — вот и пришло время...

— Пришло, — согласился я. — Ты станешь богатым и уважаемым лордом.

Он прорычал:

— Я был и умру грандкапитаном!..

Я развел руками и сказал громко, играя на публику:

— Как хочешь. Но я хотел бы видеть тебя знатным лордом. Грандкапитан заслуживает иметь самые обширные земельные владения в маркизате! Что не мешает оставаться грандкапитаном...

Я видел, что мои слова вызвали замешательство в рядах его сторонников. Возможно, некоторые вообще не знали, что именно предлагает этот маркизик, могли же быть прича-лившие к берегу только сегодня ночью, оглядываются, перешептываются.

Грандкапитан ощутил неладное, рыкнул громко и грозно, как разъяренный лев:

— Флотом я и так владею!..

— Ты можешь владеть не только флотом, — напомнил я громко. — Ты будешь владеть большими землями.

Он прервал:

— Я буду владеть тем, чем желаю! А ты здесь владеть ничем не будешь!

— Пару ярдов все-таки дадим, — сказал из-за его спины помощник с ядовитой ухмылкой. — На кладбище.

Грандкапитан сплюнул в мою сторону.

— Нет! Я его убью, потом бросим рыбам.

Я сказал громко:

— Бархфельд, не дури. Присоединяйся к нам. Грабежи будут, обещаю! Еще какие. Не будь дураком.

Наверное, не надо было говорить это, грандкапитан вроде бы начал слушать, а тут как с цепи сорвался: вскипел, его затрясло, а на губах выступила пена.

— Маркизик... — прошипел он люто, — и все-таки я добр, обещаю тебе более легкую смерть, чем если будешь изображать сопротивление.

Я спросил медленно:

— Легкая и более легкая — это не одно и то же.

Он прошипел еще злее, зубы лязгали, как у припадочного:

— Молодец... улавливаешь. Более легкая — шкуру будем сдирать всего два-три дня... А потом убьем. Или, если хочешь, шкуру будем сдирать, начиная с пяток... с недельку! Будешь орать так, что все твои знатные предки извертятся в гробах. Или станут бросаться на стены в ваших фамильных склепах. Но и потом не убьем, а посадим на кол... Не слишком острый, а чтоб медленно, медленно...

Он говорил с наслаждением, даже слюни заблестели в уголках рта. Подручные злобно хохотали и смотрели на меня так, будто уже сажали на кол.

Я сплюнул в его сторону.

— И это говорит грандкапитан!.. Стыд всем, кто все еще повинуется этому... бывшему воину, согласен, но сейчас просто палачу. Последний раз предлагаю оставить это выжившее из ума ничтожество. В наших рядах вы получите больше. В его — все потеряете.

Один из осторожничающих капитанов, что в толпе сто-

ронников грандкапитана и в то же время как бы в сторонке, сказал твердо:

— Сэр Ричард, у нас привыкли уважать силу. А свою силу грандкапитан доказывал уже не раз.

— Все верно, — ответил я, — и вы правы, что держитесь за сильного!.. Я вас не виню. Но сливки всегда собирают еще и умные. Так что после того, как будет разгромлен грандкапитан, вас примут на нашей стороне. Но никто из вас не получит титула выше виконта, в то время как те, кто уже сейчас со мной, не будут ниже барона.

Краем глаза видел, как по рядам моих сторонников словно пробежал легкий ветерок. Глаза заблестели, все верно, кто рискует — тот получит больше. Капитаны за спиной своего вожака злобно хмурились и смотрели исподлобья, но я чувствовал, как в их ряды затесалась и нерешительность. Я прав, кто уже со мной — тот получит больше. Это столкновение все расставит по местам.

Грандкапитан насмешливо скалил зубы.

— Ну что ж, ты сам этого хотел!

Он сорвал с шею один из амулетов и швырнул на пол. Я напрягся, отступил на шаг. Каменные плиты покраснели, одна из них вскипела, пахнуло жаром и запахом горящего камня. Из него поднялась оранжевая рука, настолько огромная и толстая, что высунулась из пола всего по локоть, но оказалась гранду по грудь.

Исполинская ладонь разжалась, на ней блестал удивительно прекрасный меч с тонким, как у шпаги, лезвием, изящной рукоятью с гардой, пурпурные рубины сверкают как в навершии, так и на концах рукояти.

Среди пиратов прокатился потрясенный вздох. Кто-то вскрикнул:

— Это же меч Ксанфа!

И по рядам прокатилось изумленно-почтительное:

— Меч Ксанфа...

— Меч самого Ксанфа!

— Он сумел достать меч Ксанфа...

— Теперь у него еще и меч Ксанфа...

— Ксанфа...

Грандкапитан, чуть побледнев, сделал шаг вперед. Я ви-

дел, как он закусил губу и задержал дыхание, но под взглядами пиратов бестрепетно снял с ладони этот меч, ладонь тут же вернулась в пол, плиты снова стали темными, только одна сохранила каменные кольца волн.

Меч Ксанфа описал в руке гранда несколько затейливых кривых. Я видел с беспокойством, что вожак пиратов умеет обращаться с оружием, как никто другой. Впрочем, другой и не сумел бы подчинить себе даже ватагу разбойников, а уж тем более вожаков букиньеров.

— Ну что скажешь, маркизик? — спросил он с гнусной усмешкой.

— Неплохой ножик, капиташка, — ответил я. — Я подаю его тому, кто ко мне пришел первым.

По рядам прокатился вздох, а Бархфельд побелел в ярости, задышал чаще, пригнулся и сверлил меня яростным взглядом.

— Ты давай иско че-нибудь, — посоветовал я, — а то мне такого, что лягушку прихлопнуть... Даже совестно как-то... Демонов у тебя нет в услужении хотя бы парочки? А то я их недавно насобачился давить, как блох...

Пираты переглядывались, отвага вызывает уважение, но на этот раз я выгляжу скорее дураком, чем отважным. Гранд-капитан сделал шаг в мою сторону.

— Сейчас я этим ножичком тебя разделаю, — пообещал он.

— Спрячь и не позорься, — посоветовал я. — А я никому не скажу.

Он внезапно остановился, я с беспокойством увидел, что от пьяни в нем не осталось и следа. Теперь он рассматривал меня с новым выражением в глазах.

— Ты кто?

Голос его прозвучал тоже иначе, без привычной тупой бравады. Глаза смотрят оценивающие, словно вот только сейчас, когда у него в руках этот меч, он вдруг ощутил, что я не из тех противников, с которыми онправлялся с легкостью.

— Я маркиз Черро, — ответил я громко, — эти вот капитаны — мои графы, бароны и виконты, они будут продолжать свои грабежи уже другими методами. Не только на море, но и на суше. Даже за пределами Черро. Ты можешь стать самым могущественным из олигархов Черро и королевства

Гессен. Моя власть — всего лишь гарант стабильности и вавшего благополучия. Ты сможешь стать самым-самым...

Он прервал:

— Я уже и так самый-самый! Но я тебя недооценил, мальчишка... Ты намного опаснее, признаю...

Он сорвал с груди горсть амулетов, сказал несколько слов и швырнул их на землю. Взвился дымок, амулеты исчезли, а по его телу пробежали в несколько рядов зеленые кольца, и с каждым пробегом там появлялся защитный слой доспехов: сперва тонкая гибкая рубашка, я инстинктивно почувствовал ее неслыханную прочность, затем мелкоячеистая кольчуга, затем чешуйчатый доспех, наподобие рыбьего, а уж потом заблестели стальные пластины панциря.

В довершение всего сверху наложились толстые плиты доспехов, наподобие турнирных, только из зеленоватого металла.

Эта башня из металла зарычала и начала приближаться, меч описывал круги над головой, но когда грандкапитан приблизился, лезвие уже не рассыпало искры бесцельно, а все время смотрело в мою сторону.

— Сдавайся, — сказал я громко, — и ты займешь достойное место в маркизате. Я не люблю терять людей.

— Идиот, — ответил он. — Даже противно убивать идиота.

Я успел подставить меч под падающее сверху лезвие. Раздался звон, искры брызнули, словно из-под точильного камня. Грандкапитан тут же отпрыгнул и ударил снова. Я опять парировал, сделал выпад в его сторону, он отпрыгнул, мы некоторое время фехтовали, а среди пиратов нарастал гул.

На лице Бархфельда я видел недоумение, лицо начало бледнеть. Видимо, его меч должен был перерубить меня вместе с моим мечом, но такого не произошло, это понимают и пираты.

Он очень быстро устал, дышит тяжело и хрипко, постоянная пьянка одрябила мускулы и нарастила массу жира. Я видел страх и обреченность в его глазах: меч Ксанфа почему-то не проявляет свою легендарную мощь.

За его спиной пираты бледнеют и растерянно переглядываются, а я сзади слышу нарастающий шум ликования.

Грандкапитан в очередной раз промахнулся, но уж очень

сильно, и мой меч обрушился на его плечо. Меч Ксанфа дрогнул и едва не выпал из руки, а лезвие моего меча рассекло толстую сталь, все три слоя кольчуг, рубашку и достало тело.

Пираты вздрогнули от жуткого рева, грандкапитан вскинул голову и заорал страшно и обвиняюще. Я поспешил крутнуться и ударил, держа лезвие горизонтально на уровне его шеи.

Пираты охнули, когда меч рассек железо. Я поспешил отпрыгнуть с окровавленным мечом в руках, а из раны ударили тугие красные струи.

Грандкапитан все еще старался удержаться, искал меня налитыми кровью глазами, но взор его застилало, он с трудом поднял руку и попытался протереть глаза...

Земля вздрогнула от падения огромного тела в тяжелых доспехах. Наступило долгое ошеломленное молчание, никто не двигается, мое сердце едва не выпрыгивает, перевожу дыхание.

Двое капитанов со стороны павшего грандкапитана закричали, тут же у многих заблистали в руках мечи и ножи. В ответ громко и страшно прокричал Рамиро, он первым выхватил меч, за его спиной капитаны и команды пиратов хватались за оружие.

Я охнул, эти две кипящие яростью толпы начали надвигаться одна на другую, я в самой сердке...

— Всем стоять! — заорал я.

Красный демон возник по щелчку пальцев моментально, в ночи от него полыхнуло недобрый светом на десятки ярдов. Со всех сторон охнуло в сотни глоток.

Я сказал громко и ясно:

— Демон Ада, уничтожь всех, кто затеет схватку!.. Эй, вы, дурачье! Я могу всех стереть с лица земли, кого изволю, ясно? И утопить все корабли одним движением пальца. Но я этого не хочу делать, зачем мне пустой край? Я предлагаю тем, у кого голова на плечах, отступить на три шага. Я — маркиз Ричард, хозяин этого края. Всем помилование, со всеми я хочу и буду сотрудничать. Мне не нужны трупы, ясно? А теперь все взад!

В темноте послышалось тяжелое шарканье ног, обе сто-

роны поспешили погасить. Мы с распростертым в луже крови грандкапитаном остались в середине все расширяющегося круга.

Рамиро часто дышал, пальцы побелели на рукояти меча. Гитард тоже был явно в секунде от схватки, подрагивает, как молодое деревцо, по которому стучат палкой.

— Сэр Ричард, — сказал он с укором, — у вас и слуги...

— Простите, — сказал я виновато, — я полагал, что не придется его вытаскивать из кармана... Демон Ада, стань незримым! Но присматривай на всякий случай. Если кто что, то его сразу, понял? А теперь исчезни.

Демон исчез через две секунды, словно раздумывал, но это лучше, чем если бы исчез раньше. Я кивнул с самым довольным видом, мол, демон незримо следит за всеми, я это вижу, все под контролем, щас я из вас буду веревки вить, гады.

Рамиро приблизился, потрогал ногой место, где тот стоял.

— М-да, зверюка... Сэр Ричард, я чуюл, что у вас что-то в рукае...

— Как? — спросил я.

— Да больно уверенно держитесь...

Тяжело дыша, я повернулся к толпе капитанов, что сопровождали Бархфельда и теперь в растерянности хватались за рукояти мечей, смотрели на мою группу, что вопит от воссторга. Момент критический, в любую секунду какой-нибудь пьяный вдрабадан сорвиголова подхватит полномочия грандкапитана и поведет в атаку, забыв даже про следящего за нами демона.

Я вскинул руку и крикнул громко:

— Тихо! Всем молчать, я говорю!.. Итак, бунт подавлен. Именно бунт, потому что я — законный маркиз, правитель Черро. А эти вот за мной — графы и бароны. Вы же, остававшиеся на стороне грандкапитана Бархфельда, не враги мне, а просто более осторожные люди. Мстить вам не собираюсь, это глупо, вы поступали вполне разумно...

Они слушали, напряжение ушло с их лиц, но в глазах оставалось недоверие. Один крикнул:

— Это как понимать... насчет...

Он замялся, я сказал громко:

— Никакой вражды! Мы все вместе берем себе маркизат,

делим на участки, и каждый начинает там хозяйствовать, стараясь переплюнуть соседей. Никакого преследования со стороны королевских войск не будет, потому что вы уже не пираты, а знатные люди королевства Гессен.

Вокруг меня сгрудились те, кто пришел первыми, я видел восторг на их лицах и преданность в глазах.

— Я занимаю дом грандкапитана, — объявил я громко. — Реформы начинаем с сегодняшнего дня! Моими заместителями объявляю бывших капитанов, а теперь графов Гитарда д'Альбре и Рамиро Фруэлеса... Впрочем, они остаются также и капитанами! Сейчас мы на совещании разработаем первые реформы, которые являются неотложными, о чем вам и объявит... граф Гитард.

Кто-то из капитанов зычно спросил из задних рядов, я узнал голос Алана:

— А какие... первые реформы?

Я ухмыльнулся.

— Сами не знаете? Конечно же, дележ добычи.

— К-к-акой?

— Маркизата, — ответил я громко. — О таком жирном куске вы и не мечтали, верно? С теми капитанами, кто пришел ко мне сразу, разделим земли и раздадим в пользование. Вам достанутся целые бухты и заливы, портовые города, леса и озера, обширные пастбища... Словом, ждите новостей!

Глава 13

Я закончил на самой мажорной ноте, улыбнулся, как премьер-министр под лицами фотоаппаратов, показал белые зубы и, красиво повернувшись, пошел было к дому грандкапитана, но спохватился и резко повернулся.

— Кстати, меч Ксанфа передаю графу Рамиро. Бархфельда похоронить с воинскими почестями, как героя!

Рамиро просиял, а я ощущал, что если он и раньше был мой, то теперь мой со всеми потрохами. Гитард посмотрел на меня со смятением в глазах.

— С воинскими... почестями? Это как?

— Не знаю, — огрызнулся я. — Вам виднее. Вождя ви-

кингов клали в лодку и поджигали, чтобы уплыл, сгорая, во-ждей других народов везли на кладбище на лафете... ката-пульты, а третьих хоронили в склепах. Можно сжечь, а пепел бросить в сторону Польши, как хоронили великого вождя Лжедмитрия... Сами подумайте!

Гитард почесал в затылке, посмотрел на озадаченных пи-ратов.

— Да мы всегда просто за борт...

— Вы уже на суше, — напомнил я.

— Значит, в землю? — догадался он. — А раз в земле не тонут, то надо выкопать ямку?

— Великолепное умозаключение, — похвалил я. — И очень глубокомысленное. Словом, я дал распоряжение, а как уж выполните — ваше дело.

Рамиро уже выдирал из застывающих пальцев грандка-питана драгоценный меч, вокруг него суетятся и завистливо сопят люди из его команды, однако он все же повернулся и спросил то, что у всех вертелось на языке:

— Но... почему?

— Он заслужил, — ответил я и обвел суровым взглядом ошеломленных пиратов. — Он был великим деятелем и вели-ким человеком! Кто, как не он, сумел собрать вас и объеди-нить в несокрушимую армаду, что сеяла страх и ужас на морях?.. Под его умелым командованием вы не только захваты-вали и топили корабли, но и брали приступом крепости на островах!.. Он организовал ваши разрозненные отряды, по-стоянно враждующие друг с другом, в мощный кулак, кото-рого начал страшиться даже королевский флот!.. Это был ве-ликий человек, он достоин пышных похорон и памятного камня на могиле с кратким перечнем его заслуг.

Рамиро вертел в руках меч Ксанфа, оглянулся на труп грандкапитана, но там, увы, никаких ножен. Не отрывая восторженного взгляда от дивного лезвия, он спросил отстра-ненно:

— А не повредит ли это вам?..

Я помотал головой, голос постарался сделать твердым и проникновенным:

— Нет, мы не соперники. И задача у нас была одна. Он сделал первую часть, а я делаю вторую... приход которой он

просто не успел заметить. Его работа была в сплочении ваших рядов и накоплении стартового капитала. Моя — чтобы вложенные в производство деньги дали большую прибыль. Гораздо большую, чем вы получали в сражениях на море! К тому же здесь не надо рисковать шкурами. Правда, будете платить налоги на поддержание порядка в маркизате, ведь захотите же обезопасить свое имущество от всяких мелких разбойников, но это будут капли из рек золота, что поплывут в ваши руки.

В сопровождении пиратов, воспламененных идеей стать легальными олигархами, я поднялся на третий этаж. Кто-то забежал вперед и угодливо распахнул дверь в покой грандкапитана.

Я в удивлении покрутил головой. Похоже, спорил со мной грандкапитан вовсе не по идеологическим мотивам. Стены его кабинета отделаны темно-красным бархатом с золотом. Причем золота почти столько же, сколько и бархата, отчего мощь и величие хозяина как бы возрастает много-кратно. Вдоль стены на уровне пояса небольшой выступ, удобно для бокалов с вином или чашки кофе, под этим бордюром отделка еще грандиознее: все тот же красный бархат, но из золота выступающие миниатюрные колонны коринфского стиля, с затейливым орнаментом.

Празднично-желтый свет, неотличимый от света солнца, мягко льется на стол, укрытый золотой скатертью. Словом, он сам давно готов был стать олигархом, но не сумел принять это от меня, прибывшего из столицы придворного хлыща.

— Капитаны, — сказал я, — попрошу вас остаться! Нам нужно принять несколько судьбоносных для маркизата решений.

Из других комнат в большой зал тащили стулья и кресла, на середину выдвинули огромный стол, скатерть скомкали и бросили в угол, а весь стол заняла подробнейшая карта маркизата.

Рамиро довольно улыбался.

— Вы одним махом несколько задач решили, — сказал он почтительно. — Заодно и карту отыскали...

— Карта хороша, — согласился я. — Правда, южная часть прорисована слабо...

— Ну хоть границы указаны, — сказал он.

— Это немало, — сказал я. — Итак, ребята, давайте сперва составим список собственно наших. Потому что сливки достанутся им. Маркизат велик, можно бы и тем, кто шел за грандкапитаном...

Сразу несколько голосов вскрикнули возмущенно:

— А им за что?

— Вот и я так считаю, — ответил я. — Мне не жалко, но как тогда со справедливостью? Вы рисковали, вы и должны получить больше. Чтоб ваша заслуга была видна не только сейчас, но и потом. Верно?

— Верно!

— Все правильно!

— Слава маркизу!

— Маркиз, вы — отец родной!

— Маркиз — голова!!!

Я кивнул и сказал деловым голосом:

— Ну, а как отец родной, буду делить по справедливости. Те, кто пришел ко мне сразу, получат наделы в соответствии с рангом. Самые большие — капитанам Рамиро и Гитарду, они и так знамениты, пользуются уважением. Им выбирать первыми. Потом получите вы. Кстати, сразу разберитесь, кто чем хочет заниматься: рыбной ловлей, торговлей на море, охраной наших кораблей, портом или строительством новых портов и причалов, или же есть желающие уйти от моря подальше и заняться разведением овец, к примеру. Или взять в свои руки заготовку леса, оптовые закупки полотна... а то и сами вдруг да сможете его производить?

Они советовались, спорили, ругались; сразу объединялись в некие союзы, пираты к сотрудничеству приучены самым опасным промыслом на море, тут же союзы распадались, чтобы создать конгломерат еще более причудливый, где один заготавливает лес, другой обрабатывает и поставляет в порт, третий занимается ремонтом кораблей, а четвертый ищет жемчуг и ловит рыбу, а выручку на всех...

Я отошел в сторону и наблюдал, присматриваясь, кто как себя ведет, на кого еще опереться, кроме как на Гитарда и

Рамиро. Если я власть, то должен сразу позаботиться о проповесах. И еще стать тем, без которого весь этот край просто не сможет существовать... По крайней мере, все должны думать, что если меня свергнуть, то все рухнет...

Мятеж подавлен, а дом грандкапитана я занял, понятно, по праву победителя. Попробуй поступить по-другому, никто не оценит жеста. И если бы при нем была жена, я просто обязан был бы ее изнасиловать. Такова наша суровая и прекрасная традиция, и я не стал бы ее грубо и по-хамски нарушать хотя бы из опасений вызвать народные волнения.

Капитан, а ныне еще и граф Гитард, сразу велел своим организовать мою охрану, так, на всякий случай. Сам он пристально следил за сыпавшимися со всех сторон предложениями. Я был прав: делить добычу — самое любимое занятие мужчин. Секс — это для неудачников, им других радостей после таких вот по-настоящему крутых ребят не остается.

У грандкапитана в самом деле превосходнейшая из карт. Не только тщательно вырисована береговая линия со всеми мелями и рифами, но и земли в глубинке, откуда везут лес, паруса, такелаж, шкуры, а также зерно и мясо.

Если бы не пьяное честолюбие и дурные амбиции, он мог бы стать крупнейшим собственником маркизата, а то и всего королевства. Хотя, возможно, лучше все решить вот так сейчас, чем потом бороться с возросшей мощью олигарха, раскулачивать и предъявлять обвинения в неуплате налогов, чтобы в Читу нахала...

К моей радости, среди капитанов нашлось сразу трое грамотных. С их помощью и составили список всех, кто принял мою сторону сразу. Отдельно записали тех, кто пришел со второй волной, а последними вписали сторонников Бархфельда. Горячий Гитард кипятился, требовал, чтобы им вообще ничего не давать, но я объяснил, что начнутся недовольства и грабежи, а нам это надо ли, все же по большому счету эти сволочи тоже наши, только не такие умные, как мы. Просто дадим за несообразительность соответственно их дурости. Если хотят больше, пусть заработают. И титулы им, понятно, минимальные.

— Капитанам — виконтов, — повторил я. — Нет-нет, нашим — графов и баронов, а тем — виконтов. Вообще-то те-

перь они тоже наши, но мы распределяем не за будущие заслуги, а за уже... состоявшиеся. Виконт супротив графа, кто этого не знает, это как простой матрос против шкипера!.. Повторяю в который раз: все, кто был на моей стороне, получают при дележе добычи абсолютное преимущество. Капитаны, их плотники, шкиперы, коки и матросы. Потом, понятно, все равны, ни у кого преимущества.

Кто-то из матросов спросил живо:

— С капитанами понятно, а что получим мы?

— Сами выбирайте, — ответил я благодушно, как истинный отец народа. — Поменьше, чем получают капитаны, но тоже... такой добычи еще не ограбали! Можете земельные участки, можете — должности. Кстати, всех матросов вписываем в сословие благородных. С правами и привилегиями. Наших — с землей, их — без земли. Не стоит дробить участки.

— Не стоит, не стоит, — поддержали все капитаны ревниво, — и так много их понаехало...

Однако, рассматривая карту, я с облегчением увидел, что маркизат достаточно велик, чтобы своих сторонников сделать крупными феодалами сразу. К счастью, обошлось без болезненного передела собственности: маркизат, как говорится, был ничей, потому я проводил границы по карте, сообразуясь с естественными, вроде рек, озер, гор, лесов или холмов. Так распределил две трети лучших земель на побережье, а оставшиеся части распорядился отдать бывшим сторонникам грандкапитана, которые не догадались, на какую лошадку надо ставить.

Я повел рукой по карте.

— Вам, капитан Рамиро, отныне граф Собраре и Флавио, отдаю вон тот мыс Собраре с прилегающими к нему землями... он похож на Чукотку. Будете губернатором для тамошнего народца, в смысле, графом, увеличьте отлов рыбы, вообще поставьте это на промышленную основу... Рыба — прибыльное дело, ее не надо кормить, поливать, выращивать, косить. Только лови и разделывай. А вы, шкипер Нелль, на деляетесь титулом барона, вам отдаю...

Шкипер, огромный рыжебородый мужик, почтительно проревел:

— Маркиз, маркиз!.. Даже я, неученый пират, знаю, что

титулы распределяет только король. Да и то... скоро. Взамен убитых или померших. И не просто померших, а когда весь род под корень...

Наступило напряженное молчание, все переводили взгляды то на меня, то нашибко грамотного шкипера. Я вздохнул.

— Понимаешь, Нелль, я мог бы сказать, что это здесь я маркиз, а в своей стране — король... и я бы не солгал, но не скажу, потому что это призыв верить мне на слово, а я, как и всякий сильный, не люблю это «верьте мне, люди!». Скажу более важное: маркизат Черро вами разграблен настолько, что все королевства на него махнули рукой. Никому этот маркизат не нужен. Абсолютно. И если вы сейчас все тут станете графами, никому нигде не будет дела. Лишь бы эти графы к ним не поперли!.. А вот когда сделаем маркизат богатым, сильным и, главное, безопасным, всякий, кто приедет к нам, уже будет принимать все таким, какое есть. И всех графов, баронов, виконтов...

Они радостно зашумели, я понял, что этот трудный раунд выиграл. К моему столу подходили один за другим капитаны, я оценивал величину их влияния, количество и состав команды, что остается в их распоряжении, и наделял, налелял, наделял.

Капитанов Гитарда, Рамиро и еще пятерых я сделал графами, остальных пожаловал титулами баронов. Простых матросов точно так же вписал в сословие благородных, разрешив им ставить постоянные дворы везде, где пожелают,вести торговлю беспошлиинно целых пять лет, заниматься любым хозяйством на территории маркизата, будь то разведение тонкорунных овец или добыча серебра и золота.

Маргарита, ошеломленная таким поворотом событий, ликующе перебралась в дом грандкапитана и занялась любимым занятием всех женщин: рьяно переставляла мебель, меняла занавески и шторы.

Перед домом пришлось установить добавочную коновязь: постоянно прибывают гонцы со всех концов маркизата, а недавние капитаны, ныне графы и бароны, спешно выезжали осматривать свои нынешние владения.

Граф Рамиро, к моему облегчению, не ринулся на свою Чукотку, а умело координирует работу штаба по легализации «преступно нажитых доходов». Подход прост и рационален: кто награбил больше, тому больше и участок суши, выше уровень рейтинга в обществе, больше возможностей поруливать совместным кораблем под названием маркизат Черро.

Несколько его помощников, которым я по его подсказке не дал участков, зато наделил полномочиями исполнительной власти в ограниченных пределах, с ног сбиваются, приводя в порядок как желающих стать из пиратов олигархами, так и тщательно ранжируя всех, чтобы никому не было обидно.

— Прозрачность, — втолковывал я. — Главное — прозрачность. Если кому-то даем малый участок, он и все остальные должны знать, почему именно малый. Если кому-то большой, то объясняем, что личные связи и дружба ни при чем, а в расчет берутся такие-то и такие-то заслуги...

Рамиро молодец, работа кипит, а если при распределении пряников кто и уходит обиженным, то сочувствия не находит даже у приятелей, это главное. Все видят, что вообще-то дали такому мало правильно. Все друг друга знают, так что при всеобщем голосовании результат был бы тот же, только голосование и обсуждения сильно бы все тормозили.

К счастью, Рамиро не случайно стал тайным лидером еще при живом грандкапитане. Его решения уважают, как уважали и раньше.

Я два дня варился в этом кotle, отодвигаться начал медленно, все время поглядывая, как пашет Рамиро, но он ни на йоту не отходит от моей генеральной линии, уверовав в нее свято, как в священное писание.

Хороший участок отхватила Синтия, лучший штурман пиратов, у которой нюх на изменения течений, погоды и ветров. Правда, с морем расставаться не собирается, а на суше зайдется ремонтом кораблей и снабжением их материалами.

К моему удивлению, она быстро сошлась с Маргаритой, угадав в ней не совсем простую невольницу, а такую же диковинную и своевольную натуру.

Сегодня Синтия и Маргарита даже вместе приготовили обед на третьем этаже, где теперь мои покои. Я благоразумно

выскользнул от греха подальше, во дворе начал оглядываться в поисках своего коня.

Во дворе толкнутся пираты, двое подбежали с готовностью в глазах. Один сразу выпалил:

— Что-то изволите, ваша светлость?

— Да, — ответил я, — чего-то изволится мне малость прогуляться верхом...

Он широко заулыбался.

— Вам коня?

— Я ж говорю, — сказал я, — верхом. Вообще-то могу и на тебе, если бегаешь быстро.

Он захохотал.

— Нет, я подумал, может быть, вы изволите на демоне! Вы же маг.

Я покачал головой.

— Я не маг. Вернее, и маг, но мне больше нравится быть воином и прыгать на борт чужого корабля, чтобы рубить и крошить... Вы и сами заметили, что воин я не такой уж и слабенький.

Второй пират воскликнул в радостном ужасе:

— Ваша милость, какое там не слабенький! Вы сущий дьявол в бою! Если бы сам не видел, в жисть бы не поверил.

Первый сказал уважительно:

— Все маги — старые пердуны, а вы, сэр, молодой. Потому вы воин. Хоть и маг знатный.

Я милостиво кивнул, подтверждая догадку.

— Это точно, все маги... староваты. Мне с ними было скучновато, вот я и пошел путешествовать с мечом в руке... Я здесь, как воин и маг, я смогу быть подлинным гарантом конституции... в смысле, безопасности наших демократических завоеваний.

Они смотрели почтительно, мало что понимая, но улавливая по моему тону и величественно-грозному облику, что нам лучше на дороге не попадаться.

— Всех порвем, — сказал первый наконец и радостно заулыбался, когда понял по моему лицу, что сказал правильно. — Мы им всем покажем!

Он ринулся к конюшне и быстро вывел моего коня. Со

обща торопливо оседлали, на крыльце вышел Гитард и спросил деловито, сколько человек выделить для охраны.

Я отмахнулся было, но тут же передумал:

— Троих-пятерых на быстрых конях. Это и для престижа, и, если что, могу послать с сообщением.

— Осмотрите гавань?

— Нет, — сказал я, — съезжу-ка к Гуголу.

— Простите...

— К колдуну в башне, — пояснил я. — У него любопытно. И сам он мужик занятный.

Он спросил опасливо:

— Вы бывали в башне?

— Ну да, — ответил я удивленно. — Я слышал, вы ему носите всякие амулеты!

— Носим, — уточнил он, — но оставляем возле башни!

Никто туда неходит. Там смерть для всякого, кто не колдун.

— Я же прошел!

— Вы не колдун, — сказал он почтительно, — вы же маг! Вы пройдете везде.

Я загадочно усмехнулся, мне подвели коня, я вскочил в седло и разобрал повод.

— Разбирайся тут с мелочами сам, — распорядился я. — Генеральную линию знаешь, а ерунда всякая сама решается.

Конь радостно пошел сразу в галоп, всадники сперва приотстали, затем я услышал за спиной дружный топот десятка коней, Гитард все же выделил для охраны народу побольше, но я не оглядывался, пока не домчались до башни.

Глава 14

Башня мрачно чернеет на безмятежно глупом небе, мы шли красивым галопом, она все ближе и ближе, за спиной разговоры давно притихли.

Все держатся как младшие школьники перед грозным директором. Когда под ногами захрустела металлическая окалина, все начали придерживать коней. Осторожно въехали в ворота ограды.

Я спрыгнул на землю возле самого входа в башню. Молодой пират с побелевшим лицом подскакал ко мне и поймал брошенные ему поводья.

— Держи, — велел я строго. — Надолго не отлучайтесь, я здесь ночевать не собираюсь.

— Да, ваша светлость, — выпалил он и спросил опасливо: — Вы... через этот ход?

— Конечно, — ответил я бодро, а в голове стучала тоскливая мысль: ну какого хрена играю героя? Можно по веревочной лестнице в окно на второй этаж, чтобы миновать огненную стену и прочие ужасы. — Я маркиз, мне только через главный вход и по красной ковровой дорожке... Желательно почетный караул при встрече.

Он смотрел с таким почтительным ужасом, что я лишь покровительственно усмехнулся и вошел в темный ход космического пространства, где меня ждет стена магического огня.

За спиной остался уже привычный и такой уютный мир, впереди вспыхнул огонь. Я заставил себя не трястись, думать о чем-нибудь отвлеченном, общем, нужном в перспективе, что не горит, но в виду иметь надо...

Вот, к примеру, уже в зубах навязло, что кто сильнее, тот и прав, и что добро всегда побеждает зло: кто победил, тот и добрый. Но если так, то надо сделать так, чтобы победивший, кем бы он ни оказался, все равно действовал и дальше в неких рамках. Сперва широких, но по мере роста культуры и цивилизации все более узких, жестких...

Этим, собственно, и занимается церковь, но здесь пока о возрождении церкви говорить рано. Да и вообще есть соблазн обойтись без нее, хотя пока не представляю, чем ее заменить...

Я уже шел по залам, которые я с большой натяжкой соглашался считать залами, вытянулись и перешли в странные тунNELи, однако слишком огромные, чтобы называться туннелями. Бесконечное число выпуклых колец вплотную одно к другому, я пробирался внутри вереницы исполинских бубликов и не видел им конца.

Иногда эти извилистые и длинные тунNELи раздваива-

лись, и я останавливался в растерянности, чувствуя себя так, словно нахожусь глубоко под землей.

Потом кольца туннеля вдруг начали светиться. Одни просто наливались белым огнем, другие отсвечивали синим, что переходил в зловеще-голубое, как если бы там разгоралось пламя. Я все ускорял шаг, одно время за мной гнался какой-то шар, я дважды выстрелил в него, чуть было не метнул молот, когда стальные болты прошли его насеквоздь, не причинив вреда, шар остановился возле меня, а когда я пошел, двинулся за мной с той же скоростью.

На этот раз черти меня не водили по кругу и не опускали на нижние этажи. Я поднялся на этаж к комнате, которую Гугол назвал своей главной.

Дверь открылась бесшумно, словно хорошо смазанная, хотя, понимаю, здесь не смазка, а совсем другой принцип. Даже знаю, какой.

Гугол спиной ко мне горбится за столом, перед ним чудовищно огромная и толстая книга, словно изданная для великанов. Но шрифт, даже отсюда вижу, больше подходит лилипутам.

Сам Гугол листает страницы бережно, с любовью, двумя руками, нежно поддерживая листы, будто те от ветхости могут рассыпаться в труху. Книга занимает почти весь стол, каждая страница больше рыцарского щита, а страниц не меньше тысячи.

Я подумал, что при таком мелком почерке переписчиков Гугол будет искать очень долго нужное ему. Я начал подходить ближе, Гугол наконец услышал шаги и подпрыгнул вместе со столом. На лице отразился дикий ужас.

Я не успел раскрыть рот, Гугол всхлипнул:

— Сэр Ричард, ну разве можно так пугать? У меня чуть сердце не выскочило!

— Не выскочит, — заверил я, — у тебя четырехкамерное? В смысле, ты же двоякодышащий?

Он ответил плачущим голосом:

— Был бы двоякодышащим, стал бы тонуть в том болоте, из которого вы меня так благородно вытащили?

— Да что в том благородного, — отмахнулся я. — Ладно,

давай угощай, я ж пришел в гости. Правда, со своим кофием. Могу с него и начать.

— Начинайте, — согласился Гугол с готовностью. — А то я больше сухим пайком. Как прошла ваша хитрая акция?

Он с усилием отодвинул книгу и откинулся на спинку кресла. Я засмотрелся на книгу. Только в далеком детстве я видел такие богато украшенные, чтоб не только обложка с рисунками, но и каждая страница. Текст заключен в рамку, а вокруг нее крохотные миниатюры всех цветов радуги, яркие, сочные и удивительно четкие. Я сузил диапазон зрения, сейчас мои глаза, как мощный бинокулярный микроскоп, картинки увеличились, я мог видеть только крохотные кусочки, но теперь на всаднике мог рассмотреть все украшения на уздечке, все волоски на конских ушах...

— Что за техника печати, — пробормотал я. — И почему допотопные книги...

Гугол спросил живо:

— Допотопные? Это как?

— Старинные, — объяснил я. — А печать не старинная. Или какие-то жулики наловчились подделывать антиквариат? Нет, подделка не должна быть на порядок лучше оригинала...

Каждая вторая страница, как вижу, несет большой рисунок вместо текста, но в рамочке, а вокруг рамочки все те же миниатюры, только всякий раз другие.

— Это как? — повторил Гугол, как попугай.

Я отмахнулся.

— Ладно, не до книг, когда говорит экономика. Моя хитрая акция прошла с оглушительным успехом. Таким оглушительным, что даже не по себе. Все настолько созрело, что любой проходимец мог бы сделать то, что совершил я. К счастью, этим самым... деятелем оказался я. Крупным государственным, как назовут в учебниках, если все увенчается успехом, а также мудрым и дальновидным.

Он осторожно взял мою безобразную чашку с горячим кофе.

— А если не увенчается?

— Тогда — мелким проходимцем, авантюристом, абсолютно безграмотным в экономике популистом! И еще мно-

гими кличками обвешают. А в чем-то и обвинят. Проигравшие всегда виноваты. Во всем. Даже в изменении климата.

— Все-то вы знаете...

— Эх, Гугол, если бы знать нужное! А то таким мусором головы забиваем...

Я быстро осушил чашку, вторую порцию сотворил в предсмотрильно придинутые Гуголом дорогие чашки. На блюде появилось крупное и мелкое печенье десятка сортов, пираты Гугола просто забаловали десертом.

Он отхлебывал мелкими и торопливыми глотками, его добрые глаза поглядывали на меня поверх чашки испуганно и с вопросом.

— И что теперь?

— Процесс пошел, — заверил я. — Надо сделать его необратимым. Ну, там, законы и учреждение демократических институтов, право свободных выборов и гарантии для иностранного бизнеса, инвестиций и прозрачность... это оставим на потом. Когда-нибудь введем, а пока народ совсем не против просвещенного автократизма с уклоном в тоталитаризм, что я им, гадам, и обеспечу. Надо быстро поднять экономику даже ценой некоторых жертв и ограничений, но зато нас станут уважать и к нашим словам впервые будут прислушиваться. Ты введи меня по-быстрому в курс дела насчет стратегических интересов нашего великого маркизата...

Я запнулся на полуслове, за широкими окнами полыхнул и остался яркий, но не слепящий свет, сжегший все тени в комнате. Все стало четким и ярким, я без усилий различал каждую пылинку на дальней стене и самые мелкие царапины.

Я невольно вскочил и шагнул к окну. По ту сторону нет неба, нет земли, а как будто башня зависла в эпицентре света, что сверху, снизу и вообще отовсюду.

Гугол молчал, я не знал, что спросить, наконец свет померк, пропало синее небо, а при взгляде вниз я увидел зеленую траву и пояс окалины у входа в башню.

— Да, — напомнил я, — что в маркизате насчет общения с окружающим миром? Соседи — очень важно.

Гугол пожал плечами.

— Считайте, сэр Ричард, что вам повезло. Соседей прак-

тически нет. С севера — необъятный океан, справа трудно-проходимые горы, за которыми королевство Диегаррон...

— Знаю, — сказал я самоуверенно, — в нем Джон де Варрен. А с другой стороны королевство Альвасет, в нем король Эдуард Длинноногий. Им и горы мешают захватить маркизат, и пиратов страшатся. С пиратами, как с осами, спрятаться труднее, чем с одиноким медведем.

Он кивнул, соглашаясь, но его лицо медленно мрачнело.

— Сэр Ричард, — произнес он мягко, — это говорит только, что в королевстве не представляют, что за пределами Гессена. Когда-то в самом деле король Джон де Варрен правил в королевстве Диегаррон, это наши соседи справа, а король Эдуард Длинноногий — слева. В королевстве Альвасет. Вообще-то еще недавно правили...

— А что случилось?

Он опять пожал плечами.

— Никто не знает. Королевство Диегаррон сейчас представляет из себя море клокочущего огня. С перевала видно, как там стремительно поднимаются призрачные шары и пропадают в небе. Земля содрогается, небосвод часто затягивают грозные тучи, и тысячи молний, толщиной с дерево, бьют в расплавленную землю. Многие клянутся, что там живут не только демоны, где тем еще жить, но и люди. И неизвестными посещают другие королевства. Враки или нет, никто пока не подтвердил и не опроверг, однако слухи слишком упорные, чтобы быть только слухами. Возможно, не все правда, но что в том королевстве, слишком похожем на ад на земле, сейчас совсем странная жизнь, совсем непохожая на прежнюю — никто не спорит.

— Да уж, — согласился я, — там наверняка не все заняты обольщениями и соблазнениями замужних и прочих дам.

Он посмотрел на меня дико.

— Маркиз, каких дам?.. В том ад?.. Впрочем, я, кажется, начинаю смутно понимать, что вы имели в виду... Но, сэр Ричард, это наши ближайшие соседи!

Я зябко передернул плечами.

— Да, неуютно. Хотелось бы думать, что они пока что заняты переделом власти, захватом ресурсов, а до внешней политики им дела нет.

Он закончил загибать пальцы:

— А с юга граничим с вроде бы благополучным королевством Лантарона...

— Что значит «вроде»?

Он развел руками.

— Сэр Ричард, если бы не транспортники, сообщение маркизата с остальной сушей было бы вообще невозможно. Непроходимый тропический лес, болота, реки, что как паутина покрыли южную часть маркизата, озера... Ни один конь не пройдет и мили! А если пешком, то налегке, без всякого груза, да и то, если не сгинешь по дороге, месяц-другой на изнурительную дорогу. В прошлые века то один король Лантароны, то другой пытались проложить настоящую дорогу через маркизат к океану! Настоящую, чтобы могли проходить кони хотя бы верхами, а лучше — с телегами.

Я прервал:

— У них нет выхода к морю?

— Нет.

Я нахмурился.

— Как, говоришь, называется их королевство? Лантарона? Надо поприсматриваться. Как только начнут рубить окно в наш великий маркизат, сразу этим москалям по рогам, по рогам... Или как-нибудь связать кабальными договорами. Ладно, посмотрим, что надежнее. И что с дорогами?

Он вздохнул, явно укоряя меня в душе за непонятный сепаратизм, даже автаркию.

— Доброе начинание затихало, — сказал он печально, — когда обнаруживалось, сколько нужно поставить мостов! А те служат обычно до первого мощного тропического ливня.

— Понятно, — сказал я с удовлетворением. — Это хорошо. Маркизат сосредотачивается, пока нам не нужны открытые границы. Вот когда поднимем хозяйство на высокий уровень, тогда сами потребуем от соседей свободы торговли, человеческих прав доступа на их рынки.

Из дальней стены с шипением ударили струи огня. Я охнулся, они во мгновения ока прожгли дыру в стене напротив. Несколько секунд длился этот ужас, затем шипение оборвалось, огонь исчез.

Дыры казались мне бесконечными туннелями, однако

металл сдвинулся, и через пару секунд массивные плиты стали такими же холодно и угрожающе несокрушимыми, как и были.

Я покосился на Гугола.

— Как ты здесь живешь?

Он кисло поморщился.

— А что остается? Если бы я мог эту башню так же легко разрушить, как вырастил... Если уйду, другие придут, а это столько народу погибнет...

— Да и хрен с ними, — сказал я, не задумываясь. — Их семь миллиардов! Ну, может, здесь меньше. А то подпрыгиваешь при каждом шорохе... Нет, ты странный какой-то. Любой нормальный человек понятно, что выберет, если на одной чаше весов его здоровье, а на другой — тыщи чужих жизней!

— Так не чужих, — ответил он печально и посмотрел на меня с укором.

Я подумал, кивнул.

— Вообще-то да, они ж теперь и мои. А я, как сюзерен, обязан заботиться о подданных. Конечно, не в ущерб своему здоровью. Знаешь, а вообще-то Юг меня здорово разочаровал! Я ждал, что Юг — прибежище черных магов, сумевших поставить себе на службу технологии Древних, из-за чего приобрели неслыханное могущество...

Гугол прервал:

— Простите, сэр Ричард, но так и есть. Мощь магов неизмерима.

— Гм, не чувствуется, или маги занимаются своими делами, не замечая людей. А когда я смотрел на счастливых ликующих жителей Гессена, чья жизнь — сплошной карнавал, то как-то трудно представить мрачную гнетущую силу.

— Вы еще не видели Юга, — предостерег Гугол. — Гессен — еще не весь Юг.

— А ты откуда знаешь?

Он развел руками.

— Сэр Ричард, этот маркизат — единственное место, которым маги побрезговали. Или у них были другие причины, не знаю. Так что я читаю, слушаю, записываю все рассказы. Пока знаю мало, но могу сказать, что багеры связывать ко-

ролевства связывают, но... как бы вам это сказать, не все маги это приветствуют. Порой — запрещают. По их воле никто не в состоянии перешагнуть борт багера и сойти в королевство, которое они контролируют. Вот так, будто в невидимую стену упираешься! А где маги не обращают внимания на перемещение людышек, там могут запретить короли.

— Вот сволочи, — вырвалось у меня. — А они как? Тоже колдуют?

Он усмехнулся.

— Как вы понимаете, достаточно просто не строить башню-причал. А где была построена раньше — убрать.

— Гм, — сказал я, — ты прав, с багера не спрыгнешь, высоковато... Разве что на веревке, как Ромео тайком шнырял к Джульетте.

— Это кто? — спросил он заинтересованно.

— Да так, один широко известный в наших краях обольститель.

Он кивнул, добавил:

— Если не хотят принимать, не примут. К примеру, можно так костер в месте остановки развести... Или загон для зверей там сделать! Да что угодно. И таких мест немало. Так что багеры летают всюду, но нет еще человека, который прошел бы на них весь маршрут.

— Даже маги?

— А что маги? Маг по-настоящему силен только в своей башне. Там у него даже стены сочатся магией. Но если взойдет на борт багера, при нем останется только часть прежней мощи. Сэр Ричард, это только кажется, что маги поделили мир! Этот дележ, вернее, передележ, идет постоянно. Как только какой-то маг находит хоть мелкое новое заклинание, тут же пробует: не удастся ли если не сместить другого мага, то хотя бы оттяпать кусок территории, пошатнуть чужую мощь, проникнуть в библиотеку тайных книг?

Глава 15

Стена на спиной Гугола медленно стала прозрачной. Проступило синее небо, я услышал крики чаек, но в небе появился рисунок из ромбов, через мгновение там возникла сте-

на и начала приближаться к тому месту, где только что была та, что истаяла.

А вместе со стеной приближался и участок пола с другим рисунком, другим покрытием. У стены изящный трехногий столик, на его полированной поверхности два странных плода, похожие на ананасы размером с крупные арбузы.

Гугол пискнул тревожно:

— Нас двое и плодов двое... Это ловушка!

— Какой ты недоверчивый, — сказал я. — Людям нужно верить! Не всем, правда...

Столы что-то слишком уж высоки, не для человека, разве что надо есть стоя, да при чем здесь ананасы... Чувство страха все сильнее сжимало сердце.

— Что за хрень, — прошептал я. — Гугол, ты что-нить запазывал?

— Н-нет...

— Тогда это чужой заказ, — решил я.

— Надо уходить, — сказал Гугол тревожно, — я в подобных случаях всегда ухожу.

— А я даю сдачи, — возразил я.

В комнате тревожная тишина, плоды тихонько потрескивали, чешуйки начали кокетливо подниматься, словно веки с длинными ресницами красавицы.

Я ожидал, какие же глазки выглянут, за спиной шумно дрожал Гугол. Холод накатил волной, я увидел металлические искорки под чешуйками, по нервам стегнул страх. Я подхватился, опрокинул стол с глиняными и медными чашками и упал за ним, повалив и Гугола.

Он вскрикнул в возмущении, когда толстенная книга скользнула на пол. Чешуйки потрескивали все чаще и громче. Я рискнул выглянуть из-за баррикады, десятки металлических жал блестели, как крохотные мечи.

Щелчок хлестнул по напряженным нервам, как удар кнута, из-под каждой чешуйки брызнули крохотные стрелы. Тонко и часто зазвенело, я с трепетом увидел в металлических стенах сотни торчащих жал. Крохотные стрелы вонзились в металл с той же легкостью, как если бы в спелое яблоко.

— Селекционеры хреноны, — заговорил я громко, чтобы

скрыть, как дрожат мои губы и трясутся руки, — нет чтобы арбуз без косточек вывести...

Гугол с криком поднялся, но, увидев, во что превратилась его драгоценная книга, опустился без сил. Крохотные мечи иссекли книгу на конфетти, где самый крупный фрагмент был не больше ногтя мизинца.

— Гугол, — сказал я с неловкостью, — мне очень жаль...

Он посмотрел на меня с ненавистью.

— Дороже этой книги нет ничего не свете!

— Ну да, — сказал я утешающе, — это как самая большая рыба та, что сорвалась с крючка... Будут еще книги! Гугол, я здесь, а это значит, все будет.

— Пока я вижу, что пришло с вами, сэр Ричард, — сказал он безнадежным голосом. — И еще будет...

— Гугол, — ответил я, корчась от неловкости, — я понимаю тебя, честно! За порчу книги всегда был убить готов. Но твоя шкура тоже чего-то стоит. Гугол, у нас все впереди! И книги. Много книг. Редких и очень мудрых.

Я перевернул стол и поставил на место. Вся столешница усеяна крохотными иглами.

— Странное дерево, — заметил я. — Металл пробивает, как бумагу, а тут застяло...

Он тяжело вздохнул, отвернулся и всмотрелся в стену, где острые жала быстро погружались в металл и тонули в нем без следа.

— Интересно, что это?

— Не обязательно, — сказал я, радуясь перемене темы, — что ловушка. Может быть, это приветствие. Или подарок. Или что-то нейтральное. Даже человека разных эпох понять трудно, а если нечеловека... Ладно, Гугол, лучше скажи, что там за штуки над головой летают? Я имею в виду, над багерами?

Он вздохнул еще тяжелее, ответил, не поворачиваясь:

— Тоже багеры. Только их зовут скайбагеры. Багеры — это те, что иногда опускаются на землю. Их уже давно освоили и приспособили. Скайбагеры на землю никогда не опускаются.

— Никогда?

— Я о таком не слышал.

Он повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Зачем вам, сэр Ричард?

— Я тоже исследователь, — сообщил я. — Как и ты... Только я еще и практик.

— Скайбагеры бывают большие и маленькие, — начал объяснять он почти равнодушно, — быстрые и медленные. Ни один человек еще не придумал, как до них добраться. Возможно, на них обитают самые могущественные из магов. Возможно, ангелы, что восстали против Творца и отвоевали у него всю землю. Все возможно, сэр Ричард.

— Да, возможно все, — согласился я. — Говорят, где-то в глубинах есть большая страна, там даже свое солнце светит! Счастливо там живут или нет, но, наверное, у них многое по-другому... Ладно, Гугол, спасибо за информацию. Я пойду и подумаю, как ею воспользоваться. А ты готовься покинуть башню.

Он спросил испуганно:

— Сэр Ричард, зачем?

— Забыл, — укорил я его, — что когда-то и путешествовать умел? А теперь сидишь, как сыр в сарае! Ты мне нужен, как мудрый помощник властелина маркизата.

Он покачал головой, добрые глаза смотрели с упреком.

— Я путешествовал поневоле, как вы помните. Из глубин Севера пробирался на Юг, когда вы меня встретили... А сейчас я на Юге!

— Это не весь Юг, — напомнил я его слова. — К тому же... ты мне нужен, Гугол. А когда другу нужен, ты должен все бросить и бежать со всех ног на помощь! Ладно, сейчас не требую, но к следующему моему визиту готовься покинуть эту башню.

— Но...

— Никто не войдет! — заверил я. — Все боятся.

— А вдруг?

— Поставим охрану, — пообещал я. — Хотя зачем? Пару дураков убьет — кому они нужны?

Он проводил меня вниз до второго этажа, а когда я чуть было не направился к главному выходу, показал на окно. Я выпрямил было гордо спину, но перед Гуголом чего героя корчить, взялся за веревочную лестницу.

Гугол сказал серьезно:

— Говорят, в королевстве Альвасет теперь синие люди. Нет, одежда разная, а вот кожа синяя. И все очень странные... Не совсем колдуны, не совсем люди, не совсем звери. Нет, не звери, но как люди — странные.

Я покачал головой.

— Час от часу не легче. Как говорить с такими людьми?

— У вас пока хватает других дел, — напомнил он.

Я вспомнил один разговор в порту, обернулся.

— Кстати, не прикидывайся, что не владеешь магией.

— Я? Прикидываюсь?

— Ну да, — ответил я уверенно.

— Сэр Ричард, — воскликнул он шокированно, — как вы можете!.. Я вам никогда не врал!

— А как ты заряжаешь магией амулеты? — уличил я. — Все говорят, что стоит к тебе принести, а ты, такой добрый, все делаешь бесплатно!

Он тяжко вздохнул, огляделся, никто ли не слышит, ответил, понизив голос:

— Сэр Ричард, я просто пользуюсь тем, что понял или узнал. Эти амулеты наполняются магией сами... в этой проклятой башне. Я открыл это случайно, когда меня самого тяжело ранило что-то, выпрыгнувшее прямо из... из ниоткуда! А потом этот разрядившийся амулет снова наполнился энергией. В тот же день. Когда я это понял, и сам обвешался этими амулетами и сказал пиратам, что могу вернуть их амулетам жизнь. Сэр Ричард, пираты тоже люди, а я лечу всех.

Я похлопал его по плечу, но ладонь соскользнула, рамена у него, как у рыбы или ящерицы.

— Все норм, Гугол. Ты же видишь, я этих пиратов считаю даже более удачным... гм, обществом, чем народ во всем Гессене. Хоть высшее общество, хоть низшее. У пиратов есть будущее, а у гессенцев я его не зрю.

Пираты, спешившись, играли в кости. Никто не заметил, как я вышел из-за башни, спустившись с той стороны.

— Играете? — спросил я зловеще. — Тешитесь?.. Ладно, пока это оставим. А потом что-нить придумаем насчет осо-

бых игорных зон. Где-нить в лесу или в пустыне... В маркизате пустыни есть?

— Нет, — ответили мне ошарашенно.

— Гм... ладно, после нас будут. Поехали!

Обратно кони шли резво, то и дело срывались в галоп. Пираты развеселились, орали песни и соревновались, бросая ножи во встреченные деревья.

Спасибо Гуголу, насчет соседей успокоил очень аргументированно. Очень не хотелось бы, чтобы вторглись в такое время, когда у нас перестройка и прочие дефолты. Пусть приходят тогда, когда перестроим экономику, поднимем вэвэпэ и создадим контрактную армию.

А впрочем, тогда сами можем прийти к ним и спросить дружески: а че вы тут делаете? Под вами есть нефть? А пока что дел хватает понеотложнее. К счастью, капитаны кораблей, а теперь графы, бароны и виконты ловят мои указания и советы на лету. Как всякий гений, я ни хрена не понимаю в деталях, это ж какую голову надо иметь, зато помню основы. Детали же прорабатывают и сразу внедряют в работу олигархи: время — деньги. К тому же конкуренции здесь, оказывается, больше, чем на море. И эта конкуренция заметна уже сейчас, жестче...

На другой день после визита к Гуголу я в сопровождении капитанов Гитарда, Узингена и десятка конных пиратов предпринял инспекционную поездку вдоль побережья. Удаленную от берега часть маркизата оставил на потом, там тыл, все главное происходит здесь — в пределах двух-трехмильной зоны от берега.

Маркизат покрыт густыми величественными лесами, что как нельзя лучше подходит как для ремонта кораблей, так и для самых высоких мачт. На берегах обычно располагаются рыбацкие деревушки, а также лагеря охотников за жемчугом. С возвышенной части в бухты впадают ручьи с прекрасной питьевой водой.

Пираты предпочитают глубоко защищенные бухты, где могут отремонтировать корабли, пополнить суда провизией и запасами воды. Самая большая и прекрасно защищенная бухта ухитрилась дать приют городу Сорси, что даже крупнее Золотого Пеарла, и огромному поселению на другом берегу.

Город расположился в устье реки Шатле, там пираты построили свою судоходную верфь. Верфь выпускает, правда, лишь небольшие кораблики, но все-таки ею кормится несколько сот человек.

— Теперь будут кормиться тысячи, — заверил я бодро. — Мы создадим рабочие места, а кормить они будут... понятно, нас в первую очередь.

— Еще понадобятся дома для рабочих, — заметил Узинген довольно, — а раз так, то и всякие там пекарни, кузницы, швейные... Интересно, кому эта бухта досталась?

— Кажется, капитану Коклевану, — сказал Гитард. — То бишь графу.

— Надо у него перекупить, — решил Узинген. — Пока тут не сообразил, что это место стоит больше, чем он думает.

В наскоро построенном поселении, готовом при появлении королевского флота все бросить и уйти в глубь материка, располагаются в основном склады. Там пираты ненадолго складируют свою добычу, что усилиями перекупщиков вскоре отправляется караванами в глубь территории. Сама бухта связана дорогами с городами в глубине маркизата, однако и там все зависит от воли всесильных пиратов, что могут организовать пешую или конную экспедицию в любой конец маркизата.

Кони весело мчатся по мелководью, вода взлетает из-под копыт изумрудными брызгами, вижу, как прыскает во все стороны рыбья и прочая мелочь.

Узинген заорал песню, ее подхватили сопровождающие, тут же все оборвалось: в беспощадной синеве неба пронеслась, как раскаленная стрела великаны, гремящая и шипящая комета, похожая на исполинский бенгальский огонь.

— Великий Самаэль! — вскрикнул Узинген.

— Да пребудет с нами его мощь, — добавил Гитард.

— Он все еще продолжает битву, — сказал Узинген знающее.

Комета ушла за горизонт, Узинген тут же заорал песню снова, пираты подхватили, а я смотрел на расплывающийся в атмосфере слабый след.

Что не комета — точно, это показалось мне великаническим мечом, только что вытащенным из горна. Хотя, возможно, мы видели огненный след какой-нибудь крылатой ракеты?

Что, если где-то в глубоко зарытой шахте проржавели контакты и произошел самопроизвольный запуск?

Узинген пустил коня в галоп, крикнул весело:

— Город Хорст!

Хорст, получивший имя от бухты того же названия, показался мне намного более жизнеспособным, чем даже столичный Золотой Пеарл. Он чуть не лопается от самодовольства и достатка, жизнь кипит, как в лесном муравейнике накануне вылета самок. В основном здесь живут ремесленники, чья забота — ремонтировать и обслуживать корабли, а также стоярка большого количества складов для хранения корабельной оснастки, кожи, а также зерна и муки, что завозят из верхних районов маркизата.

Я озирал город холодно и раздраженно. Кроме трех каменных домов, что выглядят неплохо, остальные жилища представляют собой землянки, бараки и даже шалаши, что совсем уж недопустимо в местах, где лес покупать не приходится. Только те три каменных дома покрыты черепицей, все остальные — соломой, уже прогнившей, прелой, неопрятной даже с виду. Как же, мелькнула злая мысль, все деньги зарабатывают, на эстетику время не находится. Трудоголики...

Корабли в порту разгружают с подозрительной торопливостью. Ну, это понятно, пусть королевских войск перестали страшиться, зато могут напасть пираты с другого корабля, а то и команды двух-трех кораблей. На телегах подвозят товары, корабль их возьмет на борт, со складов тянутся цепочки согнутых носильщиков с грузом на плечах.

Поспешность понятна и потому еще, что многое связано с попутными ветрами и течениями, сезоном тайфунов, даже миграцией каких-нибудь морских змеев, те только в определенное время года нападают на суда.

— Хорошо, — сказал я. — Очень хорошо.

— Что хорошо, сэр Ричард? — спросил Гитард.

— Работают, — пояснил я. — Жилы рвут!.. Спешат. Вот с таким народом и будем строить светлое будущее капитализма. Пока что понятно, с каким лицом, а потом, со временем, и с человечьим. Виконт Филипп!.. Вы говорили, что хотите заняться рыболовецким промыслом?

Пират заулыбался, когда я назвал его виконтом, все никак не привыкнет, но замотал головой.

— Нет-нет, сэр Ричард, напротив! Меня уже тошнит от вида воды. Я хочу забраться подальше в холмы, выстроить замок, развести овец и коров... Мой отец когда-то был овцеводом, я знаю, что на торговле шерстью можно хорошо заработать.

— Это Фроил хотел, — подсказал Гитард.

— Прекрасно, — сказал я с энтузиазмом. — Виконт Фроил может взять себе хоть все рыбное дело маркизата, а может, если потянет, еще и эту гавань с ее хозяйством.

У Фроила загорелись глаза, но, будучи уже немолодым и бывалым пиратом, крякнул и сказал со вздохом:

— Хорошо бы... но, боюсь, что вы правы, маркиз. Дров наломаю, если ухвачусь за все, а умных помощников где возьму? Потому я бы посоветовал гавань и все склады и прилегающие земли отдать моему шкиперу Эрбаху. Мы с ним плаляем уже лет десять, так что споемся и здесь.

— А он потянет?

— Он самый хозяйственный, — заверил Фроил, — из всех, кого я знал.

— Решено, — одобрил я. — Все хозяйство гавани отдаем в собственность шкипера... виконта Эрбаха. Надеюсь, он во-время будет снабжать вас всем необходимым. Как и другие корабли. Потому что если не будет снабжать хорошо...

Я сделал паузу, Гитард сказал бодро:

— Вздернем!

— Утопим, — предложил Узинген.

— Отрубим голову, — сказал Филипп со знанием дела и пояснил: — Он же теперь благородный, а благородных не вешают и не топят, дурни полосатые, им рубят головы. Причем только мечом!

Я покачал головой и сказал пугающим голосом:

— Все будет гораздо хуже и страшнее. Намного! Вешать, топить или рубить головы — слишком гуманно при нынешнем облагороженном строе узаконенного грабежа и разбоя. Будет иначе. Если виконт Эрбах не разгрузит быстро и дешево заходящие в его порт корабли, они уйдут разгружаться в гавань Алькальс, где хозяином будет... кто будет? Ладно, ре-

шим, кого назначить олигархом. Словом, корабли будут разгружаться там, где дешевле, быстрее, где товар лучше. И тогда у виконта Эрбаха сперва разольется желчь от зависти, а потом либо повесится, либо утопится, либо сам разобьет голову о стену, потому что над ним даже соратники по кораблю, а ныне соперники по бизнесу, будут ржать, как сытые кони. Мир, в который вы вошли, дорогие мои графы и виконты, намного более жесток и коварен, чем грабежи купеческих кораблей!

Глава 16

В следующем городке, Фидешталле, на постоянной основе живут только мастеровые, что плотничают, изготавливают паруса, конопатят, варят смолу, дубят кожи, а также предлагают услуги неизбежные в портовых местах гуляющие женщины, что придают любому городу таинственно-порочную окраску. Из глубины маркизата в него поставляют скот, домашнюю птицу, а также зерно, муку, сладости.

Залив имеет ровные пологие берега, что очень хорошо для причаливания в любом месте лодок, с двух сторон в него впадают ручьи с прекрасной пресной водой.

Я подумал, что на пиратских кораблях дисциплина — чудо, капитан правит с помощью кулаков, а чуть что не так — могут и за борт, тут же избрав другого лидера. Здесь же придется все экономическими методами, и человек станет трудиться в десятки раз старательнее...

Мы спешили, по темно-синему закатному небу пугающие вытянулись оранжево-красные облака, похожие на выплеснувшуюся из небесного вулкана лаву. Синева постепенно темнеет, а эти облака, напротив, все больше наливаются зловещей багровостью.

Только я поглядывал на небо с тревогой и любопытством, мало ли что там проглянет необычное, остальные смотрели по сторонам в поисках ночлега. Когда звезды уже выступили на темнеющем небе, между двумя холмами мелькнул большой лагерь с шатрами и кострами.

Нас приняли весело, а когда узнали, что я и есть хозяин

всего маркизата, обступили с любопытством. Я указал на Гитарда и с интересом слушал, как он рассказывает о перестройке всей экономической системы.

Он и остальные еще отвечали на градом сыпавшиеся вопросы, а я поел у костра жареной зайчатины, запил слабым вином и завалился спать.

С утра побывали в бухте, в которой когда-то пытался выстроить крепость знаменитый пират Эрик Черноухий. Ее называют Золотой, но в каждой стране есть по несколько Золотых Бухт, может быть, и эта золотая, но я пока не мог подобрать ей другое имя: сверкающая золотым песком пляжа, окруженная зелеными холмами, а на самом высоком гордо вздымается сторожевая башня, я бы сказал, из слоновой кости, настолько походит на увеличенную фигуруку ладьи, хотя, похоже, просто выструганные доски покрашены белой краской...

Башня, судя по размерам, служит и фортом, и складом контрабанды и награбленного пиратами. Когда-то королевский флот, обрадовавшись легкой добыче, подступил к этой башне, и как пираты ни защищались отважно, но были разгромлены, остатки попали в плен и были с триумфом повешены.

Башню победители оставили как приманку. Авось еще кто-то восхочет устроить в ней крепость и переведет в нее с кораблей войска.

Я с любопытством осматривал башню, такую одинокую на всем побережье. Что все, оставшееся от Древних, под землей, понятно: гигантская волна из океана пронеслась по маркизату со скоростью экспресса в глубь континента, одинаково сокрушая поселки, крупные города и крепости. Даже металлические конструкции были сорваны с мест и унесены за сотни миль, где и погребены под толщей морского песка.

А наспех сколоченные башни построили уже те, кто пришел потом. Потом — это не вылезшие после катастрофы из шахт, тем надо было думать, как выжить и чем прокормиться, а уже так это через пять-десять поколений амбициозные потомки...

— Стоп, — сказал я. — Насколько понимаю, вон те скалы — уже граница с королевством Альвасет?

— Точно, — ответил Гитард. — Только за ними еще мно-

го ничейной земли, а потом да, с низины уже Альвасет. Но с той стороны туда не пройти.

— Главное, — ответил я, — к нам не пройдут. А то нас сейчас приходи и бери голыми руками. Правда, морем могут...

Он почесал в затылке.

— А кому мы нужны?

— Этò и утешает, — ответил я. — Хорошо, поворачиваем!.. Отдохнем в Пеарле, сменим коней, а потом проинспектируем наши владения в другую сторону!

— Вплоть до Диегаррона? — спросил Гитард.

— Да, — ответил я. — Карта картой, а надо видеть самому. А где можно — и пощупать. В каждом сидит хохол, можно и не скрести.

Месяц пролетел, как стрела мимо уха, пущенная умелой и сильной рукой. Я старательно проводил реформы, не забывая укреплять свою власть, а как же без этого, а укрепить можно, только завоевывая полное доверие новоиспеченных графов, баронов и виконтов.

Старинное распределение, что виконтом может быть только тот, у кого не меньше десятка дворянских земель, у барона — сколько-то виконств, у графа — определенная куча бароний — похерил по законам военного времени и просвещенного авторитаризма.

Поступил проще, ибо у меня пока что авторитарная власть, и что-то не больно хочется спешить с этой гребаной демократизацией. Она необходима, если во главе государства какой-то дурак, а они все дураки, но если на троне я, красавец и умница, то лучше просвещенного абсолютизма нет ничего на свете.

К счастью, благодаря ошеломляющей новизне новой экономической модели, что обещает так много, мой авторитаризм приняли единогласно как все те, кто присоединился ко мне сразу, так и те, кто признал мою власть после поражения грандкапитана. Первые стали графами и получили лучшие земли, их шкиперы и плотники обрели титулы баронов, а все те капитаны, кто просто признал мою власть после по-

ражения грандкапитана — отныне стали аристократически-ми виконтами.

Рядовых пиратов я зачислил одним махом в благородное сословие, но земли не дал: все равно пропьют все ваучеры, так зачем играть эту комедию? Державное имущество и земли расприватизируем только среди тех, кто уже исхитрился накопить богатства и сумел занять в пиратской иерархии достаточно высокие места. Эти и на суще сумеют распоря-даться новыми возможностями с толком.

К моему облегчению, даже сторонники грандкапитана признали, что я разделил все справедливо и даже со своими противниками поступил милосердно.

— Грандкапитан бы совсем ничего не дал, — подытожил их мнение капитан Алан. — Еще бы и насмехался потом.

— Старое забыто, — сказал я твердо, — теперь сообща строим новое светлое общество!.. Вы вкладываете инвести-ции в развитие наиболее доходных отраслей, что даст вам быстрые деньги, а затем придет очередь долгосрочных про-ектов...

Весть о том, что пираты затеяли масштабное строитель-ство, долетела до удаленных от моря областей достаточно быстро. Уже к концу первой недели прибыли первые плот-ники, спеша захватить самые прибыльные заказы, затем по-тянулись новые партии.

Самые сообразительные сразу прибывали с доверху на-груженными телегами. Везли готовые доски, рамы, другие предпочитали явиться только с инструментом, а уже на мес-тах быстро строили для себя шалаши и начинали валить лес, тесать бревна, распиливать на доски, ставить каркасы домов и новых складов.

Я посмотрел на черточки на стене, охнулся, Маргарита спросила с беспокойством, что случилось. Я отмахнулся, вы-сунулся из окна, пираты во дворе занимаются караульной службой, но коней держат наготове, крикнул одному из мо-лодых, показавшемуся бойким и смысленным:

— Хендрик!.. Быстро ко мне.

Через мгновение распахнулась дверь, он перешагнул по-рог и вытянулся, руки по швам, подчеркивает, что хотя я сам и панибратствую, но он помнит о моем высоком ранге.

— Отправишься в Люнебург.

Он широко раскрыл глаза.

— Это... где?

— Это столица королевства Гессен, — объяснил я величественно, — наш маркизат — его часть. Тебя примет сам король Хенрих Первый. Передашь ему от меня грамоту.

Он охнул.

— Сэр Ричард! Меня же сразу повесят!.. Даже на багер не допустят!

— За что повесят? — удивился я.

— За шею, — пояснил он. — А то и вовсе не за шею. Его Величество любит шутки.

— Что может быть лучше, — подбодрил я, — чем отдать жизнь за Отечество?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Так я же не благородный!..

— Вот так благородные и повывелись, — упрекнул я. — Остались одни демократы. Но ты не трусь, король хоть и рассердится, но не повесит... может быть. Я здесь все написал подробно, что и как.

Я снял с пальца кольцо.

— Вот держи. Это пропуск. Это на все багеры и даже на вход в королевский дворец. Король тебя примет немедля, только скажи сразу, что ты от меня.

— Уважает, значит!

— Да, — согласился я, — уважает. А как иначе?

— Мир такой, — согласился он охотно, — уважают тех, у кого меч длиннее.

— Да, такой. Хотя и маскируют благополучными песнями.

Он внимательно смотрел, как под моей рукой на бумаге появляются буквы, пояснительная записка у меня уместилась в три строки, я посыпал отборным золотистым песком, подвигал лист, чтобы песчинки прилипли и не осталось шанса для клякс, стряхнул остатки песка на пол и протянул записку Хендрику.

— Грандбагер придет завтра. Постарайся в столице завершить все дела побыстрее. Так, на всякий случай. Вообще-то багер обратно будет только через месяц, но все равно, не опоздай. Ты мне здесь очень нужен.

— Не опаздую, сэр Ричард! Здесь такие дела начинаются!

Я дивился, с какой скоростью закипело строительство. Сразу четыре бухты превратились в сплошные строительные площадки. Люди все прибывали, бросая насиженные места, оставляя семьи, чтобы успеть заработать большие деньги — пираты платят щедро, это знают все в маркизате, — а когда узнавали, что пираты решили обосноваться на суще, то передавали своим родным, чтобы и те перебирались ближе к берегу.

Примчались гонцы, их я периодически рассылаю по всему маркизату с сообщением, что мы отныне совсем не пираты, а добропорядочные жители с большими деньгами. Кто хочет заработать быстро и много, пусть снимается со своих мест и спешит туда, где начинаются стройки. Или где намечаются.

Все гонцы докладывали, что народ торопливо пакует вещи и грузит на телеги, а один сообщил с тревогой, что на побережье в сторону королевства Диегаррон высадились какие-то люди.

— Какие? — уточнил я.

— Чужие, — ответил гонец. — У берега на якоре стоит корабль, он приплыл издалека... Очень быстрый, и паруса у него как-то странно... Настоящий боевой корабль, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я кивнул, это понятно, все пиратские корабли — это бывшие торговые и транспортные, они и ходят хорошо, и для награбленного найдется место. Но только король может держать военные корабли с профессиональной командой. Эти корабли ходят быстрее прочих, у них масса приспособлений, чтобы топить пиратов, а живут они вовсе не за счет награбленного.

— Что делают на берегу? — спросил я. — Ищут питьевую воду?

Он всплеснул руками.

— Если бы только!.. Они начали строить настоящий замок! Нет, не башню, как мы привыкли, а что-то очень большое. Выбрали на берегу хороший такой холм, широкий и высокий, там и начали...

— Сами строят?

— Помогают строителям. А тех набрали отовсюду. Стро-

ят, надо признаться, быстро. Впрочем, камни можно брать из развалин, их тут немало, так что еще месяц-другой...

Я приказал:

— Седлать коней!

— Есть, сэр!.. Сколько человек взять?

Я подумал, сказал без охоты:

— Побольше. К сожалению, силу нужно демонстрировать грубо и здраво, только так можно избежать ее применения.

Рамиро выслушал, помрачнел:

— А это что за напасть? Все время жду каких-нибудь неприятностей... Очень уж новым делом занялись.

— Выдели народу побольше, — сказал я.

Через полчаса я во главе огромного отряда, вооруженного до зубов, понесся по мелководью. По дороге к нам присоединились отряды из лагерей капитанов Алана, Перша и Дорсета, что занимались расчисткой мест для будущих грандиозных строек.

Несколько часов мы шли рысью, время от времени переходя на шаг, чтобы дать коням отдых.

Я, как положено, впереди, рядом со мной граф-капитан Гитард, жаждет разделить с сюзереном опасности. Пока что отряд идет на рысях по живописным зеленым холмам, наползающим один на другой красивыми волнами. Сперва стоят в ряд, между ними даже крохотные долины, затем соприкасаются краями, потом все плотнее и плотнее, а за ними второй ряд, третий, и вот уже не пройти и не проехать на ту сторону.

Нам на ту и не надо. Отряд идет вдоль берега, иногда спрямляя дорогу так, что вода брызжет из-под копыт, а мелкие морские обитатели в панике спешат убраться с дороги.

Гонец сказал кровожадно:

— Они вот за теми холмами!

— Ударим сразу? — спросил Гитард с готовностью.

Алан, самый старший по возрасту в нашем отряде, сказал поспешно:

— Дурачье, мы не знаем, кто там. Вдруг маг приехал развлечься?

Я удивился:

— Они что, в самом деле так поступают?

Он на скаку пожал плечами.

— Не знаю. Пока никто живого мага даже не видел. Я имею в виду, из высших.

Гитард саркастически хохотнул.

— Так чего же...

— Если так не поступали, — прервал Алан внушитель-но, — не значит, что так будет всегда.

Пираты веселились, Гитард хмурился, я сказал автори-тетно:

— Алан прав. Мы никого не боимся, но и сдуру бросать-ся на кого угодно не стоит. Вы же не нападете на военные корабли королевского флота?

— Там сразу видно, — запротестовал Гитард.

— Это в море, — ответил я. — На суше все сложнее. Не увидел же грандкапитан, что я не совсем овца?

Алан приободрился, ему иногда кажется, что я все же считаю всех, кто не перешел на мою сторону сразу, гражда-нами второго сорта, и потому любое мое одобрительное сло-во действует на него, как ласковый теплый дождь на засы-хающую в пустыне травинку.

Холмы сдвигаются медленно, как отползающий тяжелый бархатный занавес на сцене театра, и на фоне детски голубо-го неба простило широкое основание каменной башни. Вокруг нее копошится множество народу, тащат камни, дос-ки, мешки с землей или раствором, отсюда не понять, роют ямы и канавы, опускают туда каменные глыбы.

При нашем приближении раздался тревожный звук тру-бы. Я ожидал, что появится охрана, но вместо этого все ра-ботающие разбежались, как показалось сперва, но потом мы поняли, что они расхватывают аккуратно сложенное оружие и занимают оборону.

— Подождите здесь, — велел я.

— Мы подойдем ближе, — возразил Гитард и добавил другим тоном, уже исполненным почтения: — Это безопас-но, а там остановимся. Сэр Ричард, мы не помешаем перего-ворам.

Я кивнул, но подумал, что со временем нужно будет ма-лость натянуть вожжи. Или закрутить гайки, а то от таких

дружеских и даже панибратских советов слишком близко до неповиновения.

Гитард, как обещал, остановил всех за два полета стрелы, дальше я поехал один, улыбаясь, как дурак, и время от времени помахивая рукой, словно король, приветствующий лиующих верноподданных.

— Стой! — крикнули мне из-за первого заграждения. — Ты кто?

Я натянул повод, конь недовольно остановился. Из-за бревенчатого заграждения выглядывали худые и озлобленные лица.

— Маркиз Ричард, — представился я. — Ричард Длинные Руки. Властелин земель, к чьим берегам причалил ваш корабль.

Один человек поднялся, крепкий мужчина плотного сложения, настоящий вожак, в котором уравновешены сила, характер и неплохой интеллект, если судить по лицу, движением и позе.

— Почему нам не пристать к пиратскому берегу? — спросил он.

— Во-первых, он уже не пиратский, — поправил я, — эра парада суверенитетов кончилась! Но это не существенно, вы могли не знать, что униженный маркизат поднимается из руин. Важнее то, что вы начали какое-то подозрительное строительство... И добро бы на границе, раздражая нас расширением своей мозги, будто мы побежденные какие, так вы вообще обнаглели!

Он спросил, опешив:

— Почему подозрительное?

— Слишком массивное, — сказал я. — Пираты не строят из камня. Но и это не важно. Главное, что в маркизате Черро все делается только с моего разрешения. С разрешения маркиза Ричарда Длинные Руки.

Мужчина сказал твердо:

— Нам не требуется никакого разрешения!

— Почему? — поинтересовался я кротко.

— Потому что мы можем построить здесь крепость, — отрезал он. — И никто нам не запретит!

— Ага, — сказал я с подозрительностью, — а потом восхотите автономии?

— Чего-чего?

— Неважно, — отрубил я, — вы здесь не получите желающего.

Он сказал холодно:

— Это еще посмотрим.

— Вы признаете только силу? — спросил я мирно.

Из-за бревенчатой ограды донеслись выкрики. Я понял, что я дурак, ничтожество и что придется убираться с позором, это отныне их земля.

— Да, — ответил вожак с вызовом. — Только силу! Впрочем, как и везде.

— Это верно, — согласился я мирно. — Вы грамотный человек, это приятно.

Он смотрел недоверчиво и с угрозой.

— А теперь — убирайтесь!

— Жаль, — ответил я с предельной кротостью, — что вы, такой грамотный, признаете только грубую силу, а не мощь доводов. Ну что ж, вы получите меньше, чем могли бы получить...

Договаривая последнее слово, я выхватил молот и бросил в загородку. Вожак ошалело проследил за ним взглядом. Тяжело бухнуло, в воздух взлетели обломки бревен и белая щепа. Людей разметало, слышались крики и стоны раненых.

Я поймал молот, в другой руке болтер, ладонь приятно холodит металл. Какой-то мужчина выскочил из-за камня справа и бросился на меня с поднятым мечом. Я сдавил болтер, выстрела не ощущил, но голова нападающего разлетелась, как спелый арбуз, по которому ударили дубиной.

Он рухнул окровавленной тушей моему коню под ноги, а я сказал громко и жестко:

— Ну что ж, перебить вас всех? Вы видите, сколько за моей спиной всадников? Все вооружены. А что вы можете, если я один могу разнести здесь все?

Вожак вскрикнул быстро:

— Нет-нет, не надо! Мы договоримся!.. Эй, ребята, опустить оружие. Всем отойти. Еще, еще дальше!

Я видел, как многие приподнимаются из-за укрытий и

уходят, пригибаясь, что удивило, будто эти люди привыкли передвигаться, избегая обстрела.

Вожак заговорил так же быстро, мигом меняя тон от наглого до подобострастного:

— Прости нас, господин, но мы слыхали, что здесь пиратский край! И что здесь можно найти убежище. Я вижу, нае обманули...

Я прервал строго:

— Что за убежище? От кого бежите?

— Мы арланги, — сообщил он. — Когда-то мы были самым богатым и могущественным племенем на острове Невер. Но когда король Эстонвиль захватил всю власть...

Я слушал и всматривался в них, стараясь понять, что соответствует истине, а что приврали. Одно бесспорно, это не пираты, а беглецы, что наконец-то решились уйти от преследования вот таким способом, а на новом месте обосноваться и создать... что, собственное королевство?

— Ребята, — сказал я наконец, — вы прибыли в неудачное время... А может быть, как раз в удачное. Безвластие и разбой кончились, маркизат входит в эпоху более цивилизованных форм грабежа населения. Если хотите оставаться, придется признать мою власть и жить по законам маркизата. Если не хотите, не станем вас принуждать. Вы можете даже забрать с собой эти вырытые ямы и канавы.

Вожак насторожился, глядя за мою спину. Я оглянулся, Гитард и команда медленно приближаются. Впрочем, руки держат далеко от оружия, хотя это меня успокоило мало.

— Не пугайтесь, — сказал я быстро, — мы не деремся без надобности. Мы ж демократы, а демократы никогда не воюют с демократами. Вы, надеюсь, демократы?.. Впрочем, не отвечайте, это и так видно, вы же сбежали, а не стали драться... Итак, что предпочитаете? Остаться или уйти?

Вожак произнес сдавленным голосом:

— Нам нужно посоветоваться.

— Зрелая демократия, — определил я. — Это правильно. Это значит, что решение будет устойчивым. Хорошо. До завтра решите? Народу у вас не слишком много, собирать отовсюду не придется.

Гитард крикнул:

— А что им решать? Все же понятно!

— Это нам понятно, — оборвал я. — А им пока нет. Пусть совещаются. Они ж демократы, а это значит — поговорить не просто любят, а без этого жить не могут. Но совещайтесь не слишком долго. Дело в том, что у нас очень молодая демократия, нешибко еще устойчивая. Чуть что — в рыло, мы в глубине души все еще автократы и тоталитаристы. Даже патриоты в чем-то. В смысле, патриоты моря, пересаженные на демократическую почву общечеловеческих ценностей суши.

Вожак заговорил поспешно:

— Мы все решим, мы решим все быстро!

— Это хорошо, — милостиво сказал я. — Вообще-то вас можно подвести под статью... нет-нет, я имею в виду другую статью. Статью о переселении на родину этнических маркграфцев, временно покинувших родные края вследствие неустроенности быта. Даже пособие под это получить, некоторые льготы, привилегии на первое время и послабление, а то и отмену налогов на первые год-два.

Они слушали обалдело, я ощущил в себе некую думкость, застеснялся и сказал Гитарду уже другим тоном:

— Возвращаемся. Здесь оставь двоих на всяких случай. Пусть присматривают. Если вдруг случится что-то неожиданное... ну, ты понимаешь, пусть сразу скачут с сообщением.

Гитард кивнул, довольный, ему показалось, что своим «это нам понятно» я прямо указал, что мы умные, а они все дураки набитые.

— Да, маркиз, — ответил он с неожиданной почтительностью. — Все будет сделано! Филипп, и ты, Фроил, останетесь.

— Будет сделано, — откликнулся Филипп бодро.

Гитард посмотрел с подозрением.

— Не здесь, конечно, — сказал он сухо. — А то охмурят здешние бабы.

Филипп сказал обиженно:

— Да кого они охмурят? Худые все, усталые, заморенные...

— Рассмотрел уже, — заметил Гитард недобро. — Фроил, ты — старший. Присматривай за этим юбочником.

— Слушаюсь, — сказал Фроил и посмотрел на Филиппа злорадно. — Мы остановимся на вершине вон того холма. Оттуда все видно.

Глава 17

Месяц прошел, как я отправил Хендрика в Лунебург с посланием, над которым так долго работал, объясняя мотивы, причины и расписывая будущие блага, которые даст превращение свирепых пиратов в обеспеченных олигархов.

Арланги предпочли принять мою власть, тем более что я обещал им полную автономию в религиозном культе, свадебных обрядах и жертвоприношении черного петуха.

Багер все не показывался, я решил, что сам сбился со счета и пора заканчивать здесь, февраль подходит к концу, на моем Севере начинают таять снега. Хотя март, конечно, тоже почти весь со снегом. Все поплынет только в апреле. Так что могу задержаться еще на месяц, но вряд ли дольше...

Долгожданный багер появился в небе незамеченным. Я ходил вокруг карты на столе, намечая, где создать пару безналоговых мини-регионов. Не знаю, на фига они, но слышал, что создавать надо, что-то там происходит хорошее.

Еще пару игорных зон, но это потом. Пусть игорные до ма сперва обрастут жирком, потом организуем возмущение общественности и вышлем их в самые неперспективные районы маркизата, пусть обустраивают за свои деньги.

Во дворе раздались крики, я подошел к окну. В ворота въехали, окруженные ликующим народом, трое всадников. В одном я сразу узнал сияющего, как Людовик Четырнадцатый, Хендрика, а с ним на простой лошадке покачивается в седле немолодой офицер в форме королевских войск. Жесткое и загорелое лицо выглядит смущенным, я не сразу узнал его, настолько он опускал голову и горбил спину. Третий выглядит смутно знакомым, но все-таки я не вспомнил, где видел раньше.

Они только слезали с коней, когда я торопливо вышел на крыльце. Пираты радостно заорали, увидев меня. Я поймал себя на том, что сердце стучит все взволнованнее, а в черепе, как бараны, бьются рогами сотни вариантов, как повернуть, если король отказал, и что делать, если вдруг у него хватит дури возмутиться настолько, что пошлет войска.

Все трое остановились внизу, чтобы я смотрел сверху вниз, как и положено. Я удивленно покачал головой. Третий

смущенно улыбался во весь рот, как я мог его признать в этой потрепанной скромной одежде крестьянина, когда видел только в пестром трико и в колпаке с бубенцами!

Шут цветет, Рефершельд мнется и отводит взгляд. Он поклонился, на мой взгляд — слишком церемонно, скрывая смущение.

— Сэр Ричард, я свалил дурака.

— Сейчас? — уточнил я.

— Может быть, даже сейчас, — ответил он искренним голосом. — Но в тот раз, когда вы делали мне предложение сойти с багера, я точно показал себя полным идиотом. Я должен был сообразить, помня вашу победу над лучшим бойцом королевства Вандом!

Я кивнул.

— Вообще-то не стану спорить.

— Сейчас я, — сказал он, — тоже, может быть, делаю глупость, бросив королевскую службу...

Я оглядел его испытывающе. У Рефершельда был не один месяц на раздумья. Собственно, я его уже не звал, но он явно в курсе с первых же дней, с чем явился к королю мой верный Хендрик. Если даже не знают придворные, то они с Эльрихом в курсе моей авантюры в маркизате.

— И что вы хотите предложить? — спросил я.

— Хоть с опозданием, — ответил он, — но я хотел бы предложить вам мои услуги!

Я развел руками.

— Вы понимаете, сэр Рефершельд, я теперь не могу предложить те же условия. Графами стали те, кто принял мою сторону до того, как я укрепил свою власть. Остальные довольствуются... словом, им осталось то, что осталось.

Гитард гордо приосанился, пираты весело прокричали мне виват, ура и славу. Некоторые выпячивали грудь, они же благородные. Рефершельд развел руками.

— Я все понимаю. Это правильно.

— Вы хотите надел земли? — спросил я. — Наступила эпоха нового передела, так что могу вполне...

Он помотал головой.

— Сэр Ричард, из меня плохой хозяйственник. Но страна не может состоять из одних хозяйственников. Ей нужны и

добропорядочные служаки. Если вы захотите меня использовать...

— Решено, — оборвал я. — Работу подыщем. Трудную и опасную, но на которой есть шанс выдвинуться.

Он низко поклонился.

— Дайте мне только шанс! Хоть один. В Гессене у меня не было даже половины шанса.

Я повернулся к шуту.

— Ты пока иди в тот гостевой домик, тобой там займутся. Сэр Рефершельд, вам жалую титул виконта. Сейчас отдохните, пока я переговорю со своим посланцем. Потом подыщем вам работу.

Рефершельд просиял, в глазах недоверие, неужели вот так просто он стал виконтом, а я подумал с кривой усмешкой, что мог бы стать и графом, если бы рискнул раньше. В эпоху ломки старых отношений можно разом отхватить и титулы, и звания, и богатства родины, вместо ее закромов успевши подставить свой карман.

Потом, конечно, титулы получать будет куда труднее. Как и богатство. Его придется в самом деле зарабатывать, а пока еще идет пиратская приватизация.

— Виконт, — сказал я, обращаясь к Хендрику, — вас прошу в мои апартаменты.

Ликующая улыбка Рефершельда при взгляде на матроса слегка приутигла, а Хендрик легко и радостно взбежал по ступенькам, глядя на меня преданными сияющими глазами.

Я видел, как он успел метнуть на Рефершельда взгляд свысока, хотя тот и так унижен дальше некуда, пошел со мной красиво и гордо, отрабатывая походку благородного человека, подсмотрел в Люнебурге и даже успел скопировать.

Я сделал пару чашек кофе, Маргарита властно распоряжалась служанками, те спешно накрывали на стол. Хендрик проголодался, хотя за время пребывания в Люнебурге морда потолстела, а живот аккуратным пузырем нависает над ремнем.

Ел он быстро, с аппетитом, деликатная дворцовая еда не испортила вкус простой пищи. Без страха, а с явным удо-

вольствием выпил кофе, наконец откинулся на спинку кресла. На довольном лице блуждает счастливая улыбка.

— Сэр Ричард, вы уже знаете, все завершилось благополучно.

— Я этого не знаю.

— Ну-ну, вы все поняли еще по моей походке! От вас никто не укроется, вы настоящий правитель.

— Давай рассказывай.

Он вздохнул, глаза затуманились воспоминаниями.

— Сэр Ричард, Его Величество изволил сильно гневаться и топать задними ногами. И еще сказал, что если бы не был обязаныным вам, то никогда бы и ни за что. Так длилось несколько дней, я уже старался не попадаться ему на глаза.

— А может, все по бабам?

Он помотал головой.

— Нет-нет, бабами я потом, когда все решилось, а я только ждал багер. А Его Величество через пару недель, когда я уже был уверен, что, либо вернусь с пустыми руками, либо меня там же и повесят, вызвал во дворец и велел вручить цепный мешок грамот на пожалование титулов! Печати проставлены, королевская подпись тоже есть, а имена и титулы впишете сами. Единственное, что он потребовал...

Он замялся, я спросил строго:

— Что?

Он вздохнул.

— Велел, чтобы никто из этих проклятых пиратов, к которым вы столь милостивы, не покидал маркизат. Иначе никакие грамоты не спасут их от виселицы.

Я поморщился, хотелось бы короля поумнее, но сказал бодро:

— И это хорошо. Очень даже! Никто пока не собирается покидать маркизат. Сперва наладим здесь разрушенную экономику, встанем на ноги, утрем всем носы, заставим считаться с нашей растущей мощью... Эх, нефть бы еще найти... Ладно, и без нее повысим ВВП, либерализуем цены и законы, припугнем соседей, разработаем новые виды вооружений... Или, по крайней мере, пустим устойчивый слух, что уже разработали. Пусть, гады, боятся.

Он поинтересовался:

— А кто гады?

— Все, — ответил я твердо. — Это я тебе как маркиз ви-конту отвечаю. Пока не докажут, что не гады. Но и тогда буду подозревать, что все-таки гады.

— А если не как маркиз?

— Тогда все хорошие, — ответил я так же твердо. — Пока не докажут, что гады. Ты хорошо поработал! Пойди возьми на полке пряник. А я пойду трудиться.

— Может быть, — предложил он, — помочь? Я тоже могу имена вписывать!

— Ты навписываешь...

— Я буду вписывать верных моему великому маркизу!

Я вздохнул.

— Радея о судьбе Отечества, нужно больше давать полномочий не столько верным, сколько знающим. Увы, так больше пользы.

Он спросил с удивлением:

— Кому?

Я вздохнул еще горше.

— В том числе и мне. Хотя так хочется побывать просто самодурным деспотом... Эх, мечты, мечты...

С обеда я вызвал к себе всех капитанов, шкиперов, корабельных плотников. Они собрались во дворе шумной толпой, гадали, обсуждая, что же мне срочно так понадобилось. Хендрику я строго-настрого запретил выходить из моей комнаты, а Маргарите разрешил его убить, если только попытается хотя бы высунуть голову из окна.

Я прикинул, что капитаны и окружение поместятся в моих покоях, велел звать, а когда они вошли и остановились в нерешительности, я величественно поднялся из кресла и заговорил с сияющей державной улыбкой:

— Дорогие друзья, прошу прощения, что задержался с пожалованными грамотами, но вы же знаете, как редко ходит багер... Но сегодня Хендрик привез от Его Величества короля Гессена Хенриха Первого грамоты на пожалование титулов графа, барона и виконта. Первые грамоты я заполнил собственноручно, остальные будем заполнять сообща...

Сэр Рамиро, граф Собраре и Флавио, прошу вас, подойдите ближе!

Рамиро приблизился, в глазах восторг и недоверие. Я с улыбкой подал ему свернутую в трубку грамоту. В зале полнейшая тишина, все затаили дыхание. Рамиро раскатал, всмотрелся.

Все видели, как он шевелил губами, разбирав текст. Наконец, когда молчание достигло такого накала, что вот-вот взорвется, сказал потрясенным голосом:

— Капитан Рамиро Фруэлес... отныне также граф Собраре и Флавио... пожизненный феод с правом передачи по наследству... владение землями на мысе Собраре с прилегающими к нему водами...

Капитан Алан проворчал недоверчиво:

— А подпись?

— И королевская подпись, — заверил Рамиро счастливо, — и королевская печать... Да не одна!

Пираты завопили в восторге. Я переждал, когда крики начали чуть стихать, вскинул руки, словно это я утихомирил, в комнате воцарилась тишина снова, я продолжил с подъемом:

— Граф Гитард!.. Получите грамоту. Надеюсь, я ничего не перепутал, вверив в ваше земельное владение вот эту бухту и расположенный в ней город?

Гитард, улыбаясь во весь рот, сказал счастливо:

— Нет-нет! Это даже больше, чем я мечтал!

— Здесь также контроль над устьем реки, — напомнил я, — что впадает в бухту, а река-то судоходная...

— Все понял, — выдохнул Гитард. — Заведу и речные корабли. И пошлю их в глубь материка.

— Служите маркизату, — сказал я, вручая ему королевскую грамоту, — поднимайте экономическую мощь, развивайте ремесла, чтобы мы смогли разговаривать с соседними королевствами басом, а не дискантиком. А потом — и с дальними.

Он принял грамоту и отступил, видя, как я вперил взгляд уже в следующего.

— Спасибо, сэр Ричард! Еще раз клянусь в своей верности и бесконечной преданности!

Я кивнул и провозгласил:

— Капитан Кайм!

Кайм вышел, козырнул и вытянулся, поедая меня глазами, чувствуется, что не всегда был пиратом. Даже можно догадаться, кем был до пиратства.

— Граф Кайм, — сказал я четко. — Вот грамота на ваши владения. Здесь и подтверждение вашего графского титула. И право на передачу титула старшему сыну. А от него, понятно, внуку и так далее.

Он принял грамоту обеими руками, поклонился, а я уже спрашивал:

— Граф Перш!.. Граф Дорсет!.. Они здесь?

Перш и Дорсет, два неразлучных капитана, что всегда в эскадре ходили вместе, их земельные владения я тоже поставил рядом, протолкались вперед.

Я вручил грамоту со словами:

— Вы явились ко мне в трудный день, когда было неизвестно, куда склонится чаша весов. Вы явились потому, что верили в мою правоту, а вовсе не потому, что я показался вам сильнее... Вот грамоты с подтверждением ваших высоких титулов. Здесь и право на пожизненное владение земельными угодьями со всеми правами и обязанностями.

Закончив с графами, я еще с полчаса раздавал грамоты баронам и виконтам, а потом вручил капитанам ворох грамот на присвоение благородного звания, чтобы они сами вписали туда своих отличившихся матросов.

Вечером закатили грандиозный пир. Лучшие винаились реками, счастливые кабатчики раскупоривали подвалы и тащили все самое ценное и редкое, пираты золота не жалели.

Я пил умеренно, улыбался и царственной улыбкой отвечал на поклоны. Наконец мои графы и бароны вконец захмелили, начали петь, обнимались со слезами в глазах, хлопали друг друга по плечам и говорили, что наконец-то дождались, даже не думали, что дождутся, и уж никак не думали, что дождутся именно такого.

Хендрик на пиру был нарасхват, его в сотый раз заставляли повторять, как его принял Его Величество, что говорил и как самолично подписывал королевские грамоты, где на усмотрение маркиза Ричарда оставил пустые места для вписывания туда имен.

Рамиро подсел ко мне, веселый и хмельной, в который раз воззрился с великим изумлением.

— Сэр Ричард!.. Вот уж в это я верил меньше всего!

— Почему? — спросил я сварливо. — Неужели я так уж смахиваю на брехло?

Рамиро замотал головой, а слышавшие его пираты недовольно заворчали на графа, что ведет себя не по-графски. Рамиро вытащил из-за пазухи уже довольно смятую трубочку грамоты, поцеловал ее и объяснил торопливо:

— Почему вы придумали такой хитрый план, я еще так-сяк понял... потому и поверил, что это не ловушка. Ловушка не так выгодна, как наше графство.

— А что не так? — спросил я.

Он покачал головой.

— Но чтоб и король нас признал...

Уже и другие пираты смотрели с вопросами на лицах. Кое-кто серьеzenел на глазах, я развел руками.

— Скажу честно, это пока промежуточный вариант. Король вас признает графами, пока вы все здесь. Чтобы вас признали в королевстве, нужно показать себя такими же умелыми на суще, как и на море. Лорды, нам бросили вызов! Мы должны показать этим разжиревшим придворным лизоблюдам, что умеем управляться с хозяйством лучше, чем они.

Гитард горячо вклинился в разговор:

— Сэр Ричард, эти вельможи не знают, что у них в деревнях! За всем смотрят управители, а этим только воровать все, что не прибито гвоздями. А что прибито, но можно оторвать и унести, тоже своруют.

— У нас не поворуешь, — сказал Алан зловеще.

Капитан Кайм сжал и разжал кулак и внимательно посмотрел на ладонь, где должна остьяться шкурка досуха выдавленного вора.

— Да, — согласился он, — я обойдусь без всяких управителей. Сам буду присматривать, что и где производить. Уже присмотрел, что выгоднее разводить овец, на пожалованных мне землях много зеленых холмов с прекрасной травой. А по ту сторону гряды хорошо бы все занять под зерно...

Капитан Дорст перебил:

— А я сперва займусь тем, что лучше знаю. Где рыбные

места, для нас не секрет. Если в нужное место снарядить корабли с большими сетями, на одной рыбе можно сделать состояние! А еще можно заняться ловлей жемчуга. Места тоже знаем, но раньше не до того было...

Они заговорили наперебой, и я понял, что, несмотря на то обширное строительство, которое они уже развернули, все же часть золотишко припрятывали, не верили в стопроцентный успех.

Хендрика утащили на улицу, там тоже жаждали узнать, что и как, его буквально рвали на части, носили на руках, он охрип, повторяя бесконечный рассказ, как его принимал король, как сперва взбесился, но он, отважный Хендрик, долго и внятно пересказывал все доводы маркиза Ричарда, и чаша весов в конце концов склонилась на их сторону.

Еще большим успехом пользовался рассказ Рефершельда о том, как я поймал незримников, одолел лучшего бойца соседнего королевства и заставил их короля не только потерять спорный город, но и отдать свой. Эта часть приводила пиратов в наибольший восторг, чуяли родственную душу. Подвиг подвигом, это ценится, но, по возможности, надо ободрять ошеломленного поражением противника как можно больше.

Гитард упрекнул:

— Сэр Ричард, а что ж вы молчали?

— О чём?

— Что победили лучшего воина королевства Вандом!

Я отмахнулся.

— Да у меня таких детских побед — хоть анусом кушай.

А вот серьезных, как вот эта в маркизате... пожалуй, первая. Да и то еще не свершившаяся. Но мы дожмем ситуацию, сделаем изменения необратимыми. Маркизат станет не только самым богатым и бурно развивающимся краем, но и... только об этом шепотом!.. сильным.

Он ахнул и переспросил недоверчивым шепотом:

— Насколько сильным?

— Вот увидишь, — пообещал я. — Только нищие никому не нужны, но когда станем богатыми, все полезут... А богатство надо защищать! Особенно свое. Пересаживаясь на землю, не забывайте, что и флот нужен! А вскоре и сухопутная армия понадобится. Для защиты от вторжения с помощью

превентивных ударов. Ладно, ребята, гуляйте, а я пока пойду навещу свою даму. Честно говоря, с вашими мордами уже и забыл, как она выглядит...

Глава 18

За столом все те же песни, только громче и победнее, то один, то другой новоиспеченный граф или барон вытаскивает из-за пазухи драгоценнейший свиток и с превеликим вниманием рассматривает королевскую подпись и державные королевские печати.

Шут, приплясывая и кривляясь, прокричал:

— В маркизате наступает всеобщая эра благоденствия! А как достичь ее, тому виднее, у кого рука длиннее!

Он замолчал и многозначительно посмотрел на пиратов. До них наконец дошло, многие засмеялись, поглядывая на меня. Ободренный шут, поглядывая на шкипера капитана Алана, у которого с правой стороны спины горб, из-за чего шкипер всегда смотрит исподлобья, сказал весело:

— Горбатого могила исправит, а могилу — горбатый гробокапальщик, ха-ха-ха!

Пираты дружно заржали. Шут раскланялся, как народный артист цирковой эстрады, прокричал еще веселее:

— А кто знает, как художник рисовал одноглазого Сарданапала?..

Пираты приготовились слушать, а шкипер, который с горбом, еще и одноглазый, проворчал:

— Лучше быть с одним глазом, чем с половиной мозгов.

Я сказал громко:

— Вообще-то там, откуда я родом, среди полководцев самыми воинственными, самыми хитроумными и решительными были одноглазые: Саргон, Филипп Македонский, Антигон, Ганнибал, Нельсон, Кутузов, Нахимов, Моше Даян, Сердюков... Гм, у Сердюкова вроде бы оба, так что, может быть...

Шкипер посмотрел на меня с горячей благодарностью. Я мысленно потрепал себя по плечу, умею завоевывать сердца. С этими людьми это проще некуда.

Алан, сочувствуя своему штурману-виконту, посмотрел на шута и сказал многозначительно:

— И шутники умирают всерьез.

Я морщился, шут поглядывал на меня с непониманием, наконец я подозвал его кивком. Алан сказал вдогонку злорадно:

— Чем длиннее язык, тем короче жизнь.

Шут привычно огрызнулся на ходу:

— У короткого ума — длинный язык, а руки еще длиннее.

Он опасливо посмотрел на меня, а вдруг принял на свой счет, это же я — Длинные Руки, я кивнул ему на распахнутые двери.

— Пойдем во двор. Учить тебя, дурака, буду.

— Учить острить? — спросил он радостно. — А я буду учить тебя править!

— Да, конечно, — согласился я, — на что еще нужна оппозиция? Но только давай договоримся. Шутка — как стрела: ей мало быть острой, еще надо попасть в цель.

Мы вышли на крыльцо, шут заверил жизнерадостно:

— Так я не промахиваюсь! В такую личность даже криворукому промахнуться трудно!

— Спасибо, — сказал я. — Это получается: не можешь шутить тоньше — шути громче? Нет уж, не опускай планку. Мы за культуру, мать вашу, а кто против — тех в говне утопим. Так что давай сразу очерти рамки, за которые выходить в своей профессиональной деятельности оппозиционера не стоит.

Он насторожился.

— Да, хозяин?

— Ну вот, — сказал я, — этот сарказм насчет хозяина можешь. А я даже могу сделать вид, что не понял твоего тонкого юмора. Настолько тонкого, что совсем плоский. У меня могут быть промахи во всех сферах деятельности — их и критикуй. Или планы, о которых ты узнаешь... Но под запретом моя и чужая внешность, возраст, пол и все, связанное с тем, что мне или кому-то досталось по рождению, и за что мы отвечать не можем. Понял? Я не политкорректен, это от Канта, скорее...

Он подумал, неохотно кивнул.

— Ну, вообще-то в этом есть смысл...

— Нельзя высмеивать увечья, — добавил я, — и вообще многое нельзя, все не перечислю, должен сам чувствовать, как чувствовал блаженный Иммануил.

— Тоже шут?

Я отмахнулся.

— Для Творца мы все... эти самые. Он для себя такой балаган отгрохал! Для того и свободу воли дал, чтобы нелинейность была и всякие неожиданности возникали. Словом, можно критиковать все, что я делаю, сделал или собираюсь сделать. А также моих сторонников у власти. Можно и тех, кто под властью, но тех осторожнее, щадяще, а то в Страсбургский суд побегут. Нам на него плевать, понятно, но все-таки... Призвание оппозиции — вовремя указать на неверность пути или на лучший вариант, верно? А смеяться над горбуном — это не есть юмор. Это уже телевидение.

Он почесал в затылке.

— Вообще-то это правильно, но это если совсем уж быть святыми! А люди над горбунами смеются лучше всего. Им нравится, когда косвенно напоминаешь, что у них-то спины прямые... И, честно говоря, над горбунами или калеками безопаснее. Это все равно что сироту пнуть. Сдачи не даст.

— Не лучше всего, — уточнил я. — А проще. Но нам такого закадрового смеха не надо. Мы сразу нацелимся на построение самого совершенного общества на свете. Кто против — того повесим, пользуясь переходным периодом.

— А после переходного? — спросил он опасливо.

Я вздохнул.

— После переходного — нельзя. Наступит царство законности. Не сразу, конечно.

— А как?

— Некоторое время еще будем вешать, — объяснил я, — а также топить и удавливать без суда и следствия, но это будут уже отдельные и нетипичные инциденты. И таких нетипичных будет все меньше и меньше.

Он спросил шепотом, глаза испуганные, будто заглянул в пропасть:

— И что, до полного прекращения беззакония?

Я вздохнул, развел руками.

— Полное царствие закона устанавливать тоже нельзя.

— Почему?

— Царство закона тоже беззаконно, — сказал я и подумал, что родил довольно мудрую мысль, не всякий и поймет. — Это беззаконно.

— Э... это как?

— Народ в овец превратится, — объяснил я. — Всегда должна быть лазейка для нарушения законов! Причем иногда ненаказуемая. Нельзя людей лишать предприимчивости. Даже преступной. Она сегодня преступная, завтра — благородная. Куда ветер подует и какая вожжа людям под хвост попадет.

Он с облегчением вздохнул.

— Ну, тогда хорошо. А то я уж совсем было надумал дождаться обратного багера... Я знаю, что на острые вопросы безопаснее давать тупые ответы, и, как верно сказал тот ваш соратник, что ничто так сильно не укорачивает жизнь, как длинный язык...

— В маркизате не будет такой правильной жизни, — утешил я, — как в самом Гессене.

— Всегда? — спросил он невинно.

— Я приложу все силы, — пообещал я. — Раз заварил кашу, рецепт которой знаю только я один, то уж постараюсь... Ладно, топай обратно, весели народ! Только держи планку. Ниже пояса и в спину не бить, даже если ты поклонник восточных единоборств.

Следующий день ликующие пираты, а ныне олигархи, объявили свободным от работ. Везде гремит музыка, в глазах рябит от пляшущих, вино льется рекой. Новоиспеченные графы, бароны и виконты обмывают титулы.

Я напомнил себе, что уже и на Севере зима подходит к концу, а мои главные надежды все-таки там. Теперь у меня есть владения на противоположных концах океана. Не стоит забывать, что в моем личном пользовании берег и бухта в Тарасконе, самом южном портовом городе северного материка. Это новые возможности, надо в них только разобраться.

Гугол наконец-то покинул башню, я его встретил и поселил на втором этаже бывшего дома грандкапитана. Он ожил и сразу начал поправляться, освободившись от ежедневных ужасов своего жилища.

Я заставил его пообедать со мной, любопытствующая Маргарита сама прислуживала за столом, с интересом поглядывая на таинственного колдуна. Гугол ел деликатно и стеснительно, то и дело благодарили Маргариту за великолепную еду, за изысканную сервировку, за вино, за ее заботу, от которой так расчувствовался, что вот-вот заплачет...

— Все-все, — сказал я, — доедай сладкое, пойдем прогуляемся. Тебе нужен свежий воздух. Желательно — морской. Кстати, он, что удивительно, как раз в наличии.

Он вышел, подталкиваемый в спину. Пираты почтительно раскланивались с ним, но старались не приближаться слишком близко.

Я вытащил его к полосе прибоя, море мерно накатываеться на берег, похрустывая мелкой галькой. В прозрачной воде мелкие рыбешки стараются ухватить то новое, что смывает с берега.

— Пираты перестали приносить амулеты, — объяснил Гугол с удивлением. — Видно, здорово вы их поймали на крючок мирной жизни!.. А если кому что надо, пусть ищут меня здесь.

Он старался не приближаться к волне, в то время как я охотно позволял волнам омывать свои сапоги.

— Надеюсь, поймал, — согласился я. — Только бы не сорвались... Рыба, особенно крупная, часто соскаивает с крючка. Гугол, а помнишь... хотя нет, ты уже тогда уехал, Каталанский турнир прошел без тебя. Одним из призов был Золотой Шлем, подарок от императора Германа Третьего. Он также пропуск через земли Юга до самого дворца императора. Таким образом император собирает для своей охраны самых лучших воинов планеты... я имею в виду — лучших воинов всех земель, будь те на Севере или Юге.

Я сделал паузу, Гугол правильно понял, что дальше следует молчаливый вопрос, развел руками.

— Да, я слышал, что, если переплыть океан, как сделал это я, высадиться здесь, а потом идти на юг и только на юг,

попадешь в королевство Монтегю, сердце империи Генриха Третьего.

— И сейчас в этом уверен?

— Да, еще больше, — подтвердил он.

— А что тебя остановило?

— Пираты, — вздохнул он. — Они так нуждались во мне, что я не мог оставить их без помощи. Кроме того, я понял, что власть императора на Юге совсем не то, что императорская власть на Севере...

— В чем разница?

Он неспешно брел вдоль берега и так же неспешно рассказывал, а я раскладывал сведения по извилинам, сразу же отбрасывая лишнее. На Западе, насколько помню, традиционно даже мелкие феодалы не всегда подчинялись королю, а уж крупные — так и вовсе. Империи часто возникали больше на бумаге да на договорах, чем в реале. Здесь, на Юге, судя по рассказу Гугола, та же история... Империя создается на каких-то основах, которые я еще не усек, но не силой, иначе бы Mag Империи был бы главным магом для всех королевств, но это не так. Возможно, он сильнее других при прочих равных, но ни одного мага не в состоянии одолеть в его замке, где и стены помогают.

Гугол сказал невесело:

— Я сам узнал только здесь, что именно Юг в Великой Войне Магов пострадал намного сильнее Севера! Ряд земель до сих пор непроходимы... да-да, со временем той древней войны! В других все еще гуляет Дикая Магия, и лишь немногие колдуны умеют отщипывать от нее хотя бы крохи. Правда, это всегда делает их чуть ли не сильнейшими, но ума, увы, не прибавляет, из-за чего и кончают всегда печально...

Мое сердце колотилось, я спросил жадно:

— Если кто-то отщипывает крохи, то, значит, можно как-то взаимодействовать?

Он посмотрел на меня с опасливыми сомнениями.

— Какие-то слова странные знаете... В большинстве тех земель человеку просто не выжить. Не только из-за чудовищ, но там до сих пор происходит такое... уцелевшие рассказывают то про три солнца, то среди дня горит звездное небо, а то вдруг у всех отросли бороды, а самый старый, наоборот, превратился в подростка... Что правда, что выдумка — не прове-

рить, ибо где удавалось пройти редкому счастливчику, на следующий раз не получалось у целого отряда могучих магов.

Я сказал озадаченно:

— А на Севере уверены, что Юг — это невероятно огромные города, что здесь маги немыслимой мощи...

Гугол кивнул.

— Все верно. В тех местах, которые заселены или отвоеваны, есть огромные города, где скапливается исполинская мощь древних машин. Там живут маги, которые жадно собирают все крупицы, что остались со времен Великой Войны. Там много чудес, которые не вместит ум человеческий... Увы, даже троллей не вместит.

— Ну да, — сказал я недовольно, — ведь тролли — высшая раса, от них все люди пошли!

Гугол спросил заинтересованно:

— Правда? Интересная теория. Где с ней можно познакомиться поподробнее?

— Это я сам придумал, — сказал я раздраженно. — Хокмил и дурака валял. Не бери в голову.

— Да? — ответил он разочарованно. — Жаль... Хотя в этой идее есть и рациональное зерно. Если разобраться, можно в самом деле выстроить ясную и четкую линию, очень убедительную...

— Не надо, — оборвал я с испугом. — Это для прикола было, понял? Гугол, ты же знаешь, умную мысль и силой не затащить в тесный череп, упирается, дура, а всякое говно само щели находит, выбрасывать не успеваешь... Про великую расу троллей — из той же оперы. Древние тролли и укры — самое то, чтобы и безголовые чувствовали национальную гордость! Не дури, у тебя есть, чем гордиться. Лучше скажи, что там за чудовища?

Он развел руками.

— Известно только, что не из плоти, как все мы: люди, кони, медведи, деревья, камни... Они неуязвимы для почти всех видов оружия, однако серебро их убивает, они бегут от запаха чеснока, передвигаются только по прямой, не в состоянии преодолеть даже узкую полоску воды, хотя многие наделены способностью летать... В то же время некоторые из них легко меняют свой облик, превращаясь хоть в медведя,

хоть в зайца. Говорят, некоторые могут превращаться даже в букашек, но пока подтверждений не было....

— Здорово, — прошептал я озадаченно.

— Но не так интересны эти демоны, — добавил он, — как города, в которых они обитают.

— Они живут в городах?

Он кивнул.

— Понимаю ваше удивление, сэр Ричард. Но демоны в самом деле обитают в городах, хотя... все высшие маги сходятся на том, что изначально не города были их местом жизни. Но что-то случилось, счастливое или злое, и теперь демоны привязаны к вообще-то чуждым им городам.

— Чуждым?

— Когда вы увидите, что города, в которых обитают демоны, — медленно разрушаются, то поймете, что это не настоящие города демонов. Это города людей, хотя я не могу себе представить людей, которые выстроили бы такие чудовищные и непонятные здания. Но все-таки их выстроили люди, это несомненно. Только другие люди, с иными понятиями о Красоте и целесообразности...

Он рассказывал негромким серьезным голосом, что соседняя с маркизатом обширная страна издавна пользуется жуткой славой. О ней рассказывают по ночам свистящим шепотом страшилки, но знающие люди говорят, что Великое Зло уже ушло, а с ним исчезли и самые страшные чудовища. Теперь осталась всякая мелочь, а вот среди руин таятся несметные сокровища, которые раньше было не достать, а вот теперь...

И отправлялись экспедиции одна за другой, и все исчезали бесследно. Слухи ползли один страшнее другого, но всегда находился оптимист, который горячо доказывал, что они там нашли молочные реки с кисельными берегами, поселились в дивных городах, где им служат могучие джинны, и потому никто не возвращается.

Слухи слухами, никто не верил, что вот так могут поступить целые отряды, у многих остались семьи, которых не бросят, вернулись бы, чтоб забрать, но вот если от всей экспедиции остались двое-трое бессемейных, то могли поселиться в тех дивных городах...

Еще говорили, что в тех городах, кроме джиннов, сукку-

бов и элементалей, живут еще и уцелевшие люди, их спасла нечестивая магия, но теперь это уже не совсем люди...

Он замялся, подыскивая слово, я подсказал:

— Мутанты?

Он посмотрел с недоумением.

— Что это?

Я торопливо объяснил:

— Это когда люди меняются... ну, когда под жарким солнцем темнеют, высоко в горах становятся мельче, а грудная клетка разрастается, чтобы дышать на высоте...

Он покачал головой.

— Нет, они по-другому меняются. Ставятся наполовину...

— ...животные?

— Нет, хуже. Наполовину джинны, хотя я понимаю, не бывает наполовину джиннов или наполовину суккубов! Но те люди в самом деле настолько много переняли, что и в самом деле...

Я вздохнул.

— Как хорошо, что нас пока что отгораживает от них эта гряда скал... А плавать, говоришь, твои мутанты не умеют?

Он спросил обидчиво:

— Почему мои?

— Это так, к слову, — сказал я. — Вдруг признаешь, что твои. Да ладно, шучу. Пойдем в дом, там снова собрались капитаны. Новые идеи, новые возможности...

Он послушно повернулся, узкоплечий и сгорбленный, я шагнул за ним, стараясь излучать уверенность и стабильность, но сам при всей несуверности на всякий случай поплевал через плечо. Идет все хорошо, слишком хорошо, настолько хорошо, что даже и не знаю...

Фигура Гугола застыла с поднятой для шага ногой. На плечо ему опускался желтый кленовый листок, но завис в воздухе: И уже оборвались все звуки.

Я повел глазами по сторонам. Из воздуха вышел, как из соседнего помещения, хищно красивый мужчина с повязанным пиратским платком на голове, золотой серьгой в левом ухе, где поблескивал крупный бриллиант. За поясом два длинных ножа с изогнутыми лезвиями.

— Приветствую, сэр Ричард!

— Мое почтение, сэр Самаэль, — пробормотал я. — Что-

то часто стали время останавливать... Только научились или с какой-то целью?

Он расхохотался.

— Сэр Ричард, вы очаровательны! Теперь вокруг вас постоянно люди, не заметили?.. Вот и приходится таким образом.

Я смотрел настороженно, Сатана сияет, глаза блестят, я чуть ли не впервые ощутил его мощь, которую он тщательно прячет, как высокий человек слегка горбится в разговоре с низеньким, а здоровяк старается не демонстрировать мускулы при общении с дистрофиком.

— Поздравляю, сэр Ричард! — сказал он торжественно. — Поздравляю!

— С чем? — спросил я с напускным подозрением.

Он засмеялся.

— Знаете, не прикидывайтесь. Это ваш самый ошеломляющий успех. Вообще-то я то и дело поздравляю вас, но на этот раз это что-то! Вы показали себя... по-настоящему. В серьезном деле. Именно в том, на которое я и рассчитывал. Но я рассчитывал на вас в перспективе, однако не ожидал, что вы так быстро... гм...

Я подбоченился.

— Удивить самого Сатану — это немало, да?

— Очень много, — ответил он серьезно. — Вы просто ошеломили меня простым и элегантным решением. Но это кажется просто теперь, когда сделано. Но все-таки потрясающе: варварский и разоренный край одним движением превратить в мирный и быстро развивающийся регион!.. Да, именно потрясающе.

— Польщен, — сказал я настороженно, но все равно чувствовал себя очень польщенным. — Но все-таки сплюньте. Пока нас не замечают, но, если кто сюда полезет, мы к отпору не готовы...

Он покачал головой.

— Кто полезет? Все заняты своими проблемами. Юг огромен, сэр Ричард. Вы слыхали про императора Германа Третьего, из этого делаете вывод, что весь Юг под его властью...

— А на самом деле?

Он скривил губы.

— Империй здесь восемь. Да и то, если думаете, что раз-

делили между собой Юг, ошибетесь. Еще больше земель занимают различные королевства, герцогства и даже графства, которые никому не подчиняются. Есть даже несколько независимых баронств и один маркизат... представляете?

— Даже представляю, — ответил я, — что это за маркизат. Но остальные... чем-то вооружены?

— Быстро соображаете, — похвалил он. — Конечно, иначе бы соседи давно съели. Увы, оружие у них только оборонительное.

Я сказал мирно:

— Как я заметил, здесь много оружия, что защищает какие-то районы от вторжений. Наступательного намного меньше.

— Оборонительное создать проще, — пояснил он. — Можно даже погрузить на большую глубину под землю. Поэтому эти баронства преспокойно выдерживали все атаки королевских войск. Потому отдельные области даже внутри империи не признают власти императора, а если и признают, то в обмен на какие-то льготы...

— Какие?

— Ну, не всем хочется сидеть в своих деревнях! Дворяне любят путешествовать. Для них удобнее, если в империи на них не смотрят, как на врагов. Вообще на Юге королевства на разных ступеньках развития. Есть цивилизованные, есть совсем варварские, есть полузверье, есть кочевники, есть люди песков...

— Окруженные Барьерами, — вставил я.

Он кивнул.

— Да, таких четыре зоны. Плюс множество мест, где всякие необъяснимые странности.

— В смысле?

— Ну, иногда время как будто течет вспять, иногда рывками, в какие-то дни исчезают целые районы. Правда, иной раз взамен появляются вообще странные, как будто выпавшие из других эпох... Ага, разгорелись глазки! Заблестели, вижу... Азарт — хорошее дело.

Я так долго задерживал дыхание, что выдохнул с жаром, едва не воспламенившись воздух.

— Еще бы!.. Тут же глазки разгораются. Я весь уже — как на сковородке... Где эти все чудеса?

Он помолчал, лицо стало очень серьезным. И глаза по-темнели, стали глубокими и черными, как глубины космоса. Голос, однако, прозвучал мягко, как если бы со мной говорил умудренный наставник-философ:

— Это все здесь, на Юге. Самое головокружительное, что это все... можно поставить под вашу руку.

Я насторожился, перестал говорить и улыбаться, только следил за его умным подвижным лицом интеллектуала.

— Это в каком смысле?

— Прямо, — ответил он четко. — Зачем Югу восемь императоров?.. Лучше один. Настоящий.

— Что такое настоящий?

— Вы, сэр Ричард, — ответил он так же прямо.

— Я?

— Да-да, сэр Ричард, я имею в виду именно вас.

Я молчал, Сатана явно перехватил инициативу и забежал вперед настолько далеко, куда я даже не пытался еще заглядывать.

Он сказал почти сочувствующе:

— Предупреждая ваш следующий вопрос, отвечу сразу. Для этого не нужно надрывать жилы сто лет. Это все можно сделать сразу. Скажем, в течение недели. Может, даже раньше.

— Что, — переспросил я, — стать императором в течение недели?

— Да. Или, как уже сказал, даже быстрее.

— Но как вы это можете? — выговорил я наконец. — Разве вам дадена власть смещать и ставить императоров?

Он мягко улыбнулся, в глазах мелькнула дружеская насмешка.

— Ах, сэр Ричард! Никому такая власть не дается. Ее всегда берут сами. Даже если со стороны кажется, что императоров смещают и возводят на трон солдаты, что императоров делают евнухи, жены, повара и даже конюхи... Проще говоря, смелые правят миром всегда, а трусливые и собой не могут... Вы — можете. Как собой, так и миром. При соответствующих условиях.

— Каких? — спросил я с настороженностью.

Улыбка его стала шире, в глазах блеснула ирония.

— Ах, сэр Ричард! Для вас, человека широких взглядов, как раз пустячок...

— Звучит заманчиво, — произнес я с бешено колотящимся сердцем. — Но вы, сэр Сатана, — Князь Лжи, так что ваш «пустячок» может оказаться совсем не пустячком. Вы ж только и думаете, как... подгадить человеку!

Он покачал головой, в умных глазах ирония сменилась грустью.

— Сэр Ричард!.. На самом деле ни я, ни Та Сторона не стараемся повредить человеку. Напротив, мы все способствуем его росту и развитию. Но наша ситуация напоминает... напоминает... вы наблюдали соперничество лордов за руку красавицы?.. Каждый ревниво говорит ей: не верь ему, он сволочь, он мерзавец, он тебе зла желает, с ним ты будешь несчастна!.. Так вот и у нас. Потому одни люди верят, что Бог прав, а я — сволочь, другие, что Сатана прав, а Бог — сволочь... На самом деле наша война человека не касалась, это внутренние дела, а человеку обе стороны желают добра.

Я сказал угрюмо:

— Но у вас разные пути к этому... гм... добру.

— Верно, — согласился он. — В этом и различие! Мой путь — рациональнее, короче, яснее. Он понятнее большинству населения. Потому человечество, хоть еще и сохраняет атрибуты победившей стороны... ну, все эти церкви, кресты, обряды — в реальности идет по пути, предложенному Творцу ныне отстраненными от него ангелами. И вы, сэр Ричард, пойдете.

— Почему?

— Потому что вы не дурак, — ответил он прямо. — Вы далеко не дурак, сэр Ричард. И вы сами все понимаете. И без меня понимаете.

— Не понимаю, — отрубил я зло.

— Понимаете, — возразил он. — И вы... согласитесь. Есть предложения, от которых нельзя отказаться.

— Так уж и нельзя?

— Вы не захотите отказаться от возможностей, — сказал он. — От возможностей сделать людей счастливее? То-то и оно. Я вас оставлю на неделю, подготовлю ключевые фигу-

ры. Через неделю вы станете императором. Можете сразу прикинуть, какие реформы проведете...

Он исчез, только его улыбка висела в воздухе, как у Чеширского кота, ироничная и слегка грустная, словно и он жалеет о власти законов, которые нами правят. И что есть предложения, от которых нельзя отказаться.

Голова гудит, как огромный колокол, по которому шарахнули молотом. Мысли мечутся со скоростью света и каждая высвечивает перед глазами картинку, как навожу порядок по всему Югу, прекращая дурацкие войны, всех магов и чародеев либо к ногтю, либо отправляю на общественно-полезные работы, исследую подземные города, раскрываю тайны, под моей отеческой дланью по всему Югу... да и Северу, кстати, просвещение, цивилизация и культура, воздушные шары, дирижабли, самолеты, нет, полеты к планетам и даже к звездам...

Ну да, железные дороги строим своими силами, а когда отыщу какой-нить спрятанный звездолетик, разберусь с управлением и попрыгаю, как кузнецик, по галактике, а то и дальше, выше и глыбже. Где-то в звездных просторах колонии, ныне заброшенные, пришедших в упадок, но и там появлюсь и всех спасу, научу, утешу...

Кленовый листок наконец опустился на плечо Гугола. Со всех сторон нахлынули звуки, щебет, донеслось конское ржание, а с одной стороны неумолчно шумят морские волны.

Гугол смотрел на распахнутые двери, там, на крыльце, устроили пьяную драку не то графы, не то бароны, а в моей голове лихорадочно стучало: будет простор и размах, не придется выторговывать у занюханного королишки дополнительные рудники по добыче железной руды, а потом искать, где же тут залежи каменного угля. Не придется заманивать в крохотное гросграфство умелых столяров и плотников, каменщиков и строителей дорог. Все будет в моей воле по дефолту, а уж я сумею императорской властью распорядиться умно и правильно.

И даже справедливо, почему нет?

— Я согласен, — произнес я пересохшими губами. — Я согласен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	61
Глава 7	70
Глава 8	76
Глава 9	85
Глава 10	93
Глава 11	100
Глава 12	109
Глава 13	117
Глава 14	127
Глава 15	135

ЧАСТЬ 2

Глава 1	143
Глава 2	150
Глава 3	158
Глава 4	167
Глава 5	174
Глава 6	182
Глава 7	190
Глава 8	197
Глава 9	206
Глава 10	215

Глава 11.	221
Глава 12.	228
Глава 13.	236
Глава 14.	242
Глава 15.	250

ЧАСТЬ 3

Глава 1	258
Глава 2	270
Глава 3	275
Глава 4	283
Глава 5	292
Глава 6	299
Глава 7	306
Глава 8	311
Глава 9	318
Глава 10.	330
Глава 11.	335
Глава 12.	342
Глава 13.	349
Глава 14.	358
Глава 15.	366
Глава 16.	375
Глава 17.	387
Глава 18.	396

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — МАРКИЗ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Старикив*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Е. Варфоломеева*

В оформлении переплета использован рисунок *П. Трофимова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

Подписано в печать 16.01.2008.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 65 100 экз. Заказ 2787

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

СЕРИЯ

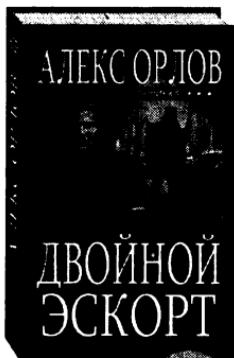
РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ

БОЕВИК

Лучшие произведения в жанре
от самых популярных авторов!

С начала 2007 года в серии вышли:

- † **Алексей Бессонов** «Наследник Судьбы»
«Сожгите всех!»
- † **Владимир Василенко** «Пройдоха»
- † **Лариса Ворошилова, Сергей Зайцев** «Неучтенный фактор»
- † **Роман Глушков** «Повод для паники»
- † **Евгений Гуляковский** «Чужие пространства»
«Звездный мост»
«Лабиринт миров»
- † **Олег Дивов** «Лучший Экипаж Солнечной»
- † **Андрей Егоров, Евгений Гаркушев** «Межпланетная банда»
- † **Юрий Нестеренко** «Плющ на руинах»
- † **Алекс Орлов** «Возвращение не предусмотрено»
«Ультиматум»
«Похиратель душ».
«Охотники за головами»
«Я напишу тебе, крошка»
«Наёмник»
«Двойник императора»
«Застывший огонь»
«Гонщик»
«Золотой пленник»
«Двойной эскорт»
- † **Игорь Поль** «Несущий свободу»
- † **Алексей Рыжков** «Ганимед-6»
- † **Дмитрий Янковский** «Огненный штурм»
- † **Сборник** «Русский фантастический боевик 2007»

Прими участие в звездных войнах!

www.eksmo.ru

Серия

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

С НАЧАЛА 2007 ГОДА В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Роман Афанасьев «Стервятники звездных дорог»
- Виктор Бурцев «Очередь за солнцем»
- Роман Глушков «Боевые псы Одиума», «Аварийная команда»
- Александр Громов «Змееныш», «Крылья черепахи»
- Владислав Крапивин «Ампула Грина»
- Олег Курылев «Невозврашенец»
- Игорь Огай «Уровень атаки»
- Сергей Осипов «Демоны вне расписания», «Ночная охотница»
- Роман Папсуев «Цейтнот»
- Андрей Плеханов «Слепое письмо»
- Вадим Проскурин «Прививка от космоса», «Небесные воины»
- Виталий Романов «Вариант «Зомби», «Разум чудовища»
- Вячеслав Рыбаков «Звезда Полынь»
- Вячеслав Силин «Монополия на чудеса»
- Александр Сухов «Танец на лезвии ножа»
- Сборник «Академия Шекли»

Лучшие произведения русской фантастики
в одной серии!

www.eksmo.ru

ВАДИМ ПАНОВ

Серия «Тайный Город»:

- «Войны начинают неудачники»
- «Командор войны»
- «Атака по правилам»
- «Все оттенки черного»
- «И в аду есть герои»
- «Наложницы ненависти»
- «Куколка последней надежды»
- «Тень Инквизитора»
- «Кафедра Странников»
- «Правила крови»
- «Королевский крест»
- «Царь горы»
- «День дракона»

Другая сторона Москвы!

Серия «Анклавы»:

- «Московский клуб»
- «Поводыри на распутье»

Загляни

А также:

Сборник рассказов «Таганский перекресток»
Новинка лета 2007! «Занимательная механика»

Более 1.000.000

ПРОДАННЫХ КНИГ!

www.vadimpanov.ru

www.ekvmo.ru

ISBN 978-5-699-26406-3

9 785699 264063 >

Фиц@Ру

Длинные Руки —

маркиз

